

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МАНДРЫКА ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
В ЮЖНОЙ ТАЙГЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ

Том 1

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Худяков Юлий Сергеевич

Красноярск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1	стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ	35
1.1. Современные физико-географические условия и ландшафтная структура района исследования	35
1.2. Палеоэкологические данные	46
1.3. Историкографический очерк изучения бронзового и раннего железного века района	53
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА	83
2.1. Комплексы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку	83
2.1.1. Памятники	83
2.1.2. Датировка и культурная принадлежность	90
2.2. Комплексы раннего бронзового века	101
2.2.1. Памятники	102
2.2.2. Датировка и культурная принадлежность	127
2.3. Шепилевская культура	141
2.3.1. Памятники	141
2.3.2. Датировка и культурная принадлежность	165
2.4. Комплексы с керамикой самоделькинского типа	178
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	189
3.1. Нижнепорожинская культура	190
3.1.1. Могильники	190
3.1.2. Поселения	228
3.1.3. Датировка и хронология	261
3.2. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа	271
3.2.1. Памятники	271

3.2.2. Датировка и культурная принадлежность	286
3.3. Шилкинская культура	296
3.3.1. Памятники	297
3.3.2. Систематизация материалов и датировка	330
3.4. Памятники с тонковаликовой керамикой	375
3.5. Памятники с керамикой, украшенной полулунно-зубчатыми штампами	383
3.6. Комплексы с керамикой айканского типа	388
3.7. Петроглифы	406
ГЛАВА 4. ОЧЕРК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОТАЕЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ	
4.1. Вопросы культурогенеза	412
4.2. Хозяйство	427
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	452
Список источников	458
Список литературы	465
Список сокращений	535
Том 2	
Приложение 1. Таблицы	3
Приложение 2. Иллюстрации	37

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Археологические памятники Сибири изучаются на протяжении более двухсот лет, но, несмотря на это, многие ее районы остаются малоисследованными или совсем неисследованными. К числу таких мест до недавнего времени относились северный участок Среднего Енисея и низовья Ангары, занимающие западную часть южнотаежной зоны Средней Сибири.

Находясь на стыке трех культурно-археологических областей – южносибирской, западносибирской и восточносибирской, – южная тайга Среднего Енисея выступала промежуточной территорией, где проходило взаимодействие древних народов зон леса, лесостепи и степи. К настоящему времени только Минусинская котловина, благодаря многолетним раскопкам исследователей, может считаться археологически изученной областью. Есть в нашем распоряжении и обобщающие работы по отдельным периодам бронзового и раннего железного века сопредельных территорий: Красноярского лесостепного района [Карцов, 1928], Ачинско-Мариинской лесостепи [Мартынов, 1979], Томского [Плетнева, 1977] и Среднего Приобья [Чиндина, 1984], Северного Приангарья [Привалихин, 1993], Таймыра [Хлобыстин, 1998]. Была начата работа по представлению материалов раннего железного века и района исследования [Мандрыка, 1998], но из-за отсутствия достаточного количества материалов общая картина тогда не сложилась.

Широкомасштабные работы, проведенные за последние двадцать пять лет по всей полосе южной тайги Средней Сибири, позволили получить материал и совершенно новые данные, которые могут закрыть это «белое пятно» на археологической карте Евразии. Изучение и обобщение археологических материалов бронзового и раннего железного веков из этого района, ввод их в научный оборот обусловлены важным их значением для понимания исторических процессов последующей средневековой эпохи,

высокой степенью востребованности полученных данных для поиска корней традиционной культуры коренных народов Сибири и Севера.

Интенсивное хозяйственное освоение региона в рамках реализации проекта экономического развития Нижнего Приангарья приводит к значительному повреждению или полному уничтожению многих археологических памятников. Для сохранения этого уникального наследия организовываются охранно-спасательные экспедиции, которые ежегодно пополняют государственный музейный фонд тысячами археологических экспонатов. В настоящее время актуальным становится не только проведение раскопок этих памятников, но и их систематизация и обобщение всего массива добываемого материала с целью создания надежных, достаточно полных и всесторонних культурно-хронологических периодизаций отдельных районов Сибири. Это позволит на новом уровне познания проводить реконструкции исторических процессов, протекавших в пределах всей Северной Азии.

Цель работы – разработать археологическую культурно-хронологическую шкалу бронзового и раннего железного веков южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары, и провести реконструкцию исторических процессов на стыке трех культурно-археологических областей – западносибирской, восточносибирской и южносибирской.

Для достижения цели решались следующие задачи:

- 1) оценить природно-географические и палеоэкологические условия района для определения возможных форм ведения хозяйства древними людьми в бронзовом и раннем железном веке;
- 2) собрать сведения о накопленных археологических материалах из района, их датировках и имеющихся концепциях по вопросам культурогенеза в лесной полосе Средней Сибири в эпоху палеометалла;
- 3) описать и систематизировать материалы, полученные в ходе археологических раскопок памятников с определением их датировки и культурной принадлежности;

4) дать характеристику керамических комплексов, определить основные направления развития морфологии и орнаментов керамической посуды в рамках предлагаемых культурных образований;

5) выявить динамику хозяйственной деятельности населения района в разные периоды бронзового и раннего железного веков;

6) установить историко-культурные процессы, протекавшие в южной тайге Среднего Енисея и низовий Ангары в бронзовом и раннем железном веках.

Следует отметить, что имеющиеся материалы не всегда отождествимы с конкретным этносом или этнографической группой. Современный уровень источников не позволяет в полной мере провести реконструкцию этнических и социальных процессов, происходивших в древней истории района, поэтому этот вопрос остался за пределами настоящего исследования.

Объект исследования: культура населения южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары в бронзовом и раннем железном веке.

Предмет исследования: археологические памятники, комплексы вещей и керамика, остатки жизнедеятельности людей, полученные в ходе изучения стратифицированных и «закрытых» объектов.

Хронологические рамки исследования. В работе представляются памятники, датируемые в рамках конца III тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. Нижняя граница обусловлена появлением у древнего населения района первого металла. Верхняя временная граница исследования определена появлением в районе исследования керамики с таштыкской (полулунно-зубчатой и валиковой) орнаментацией.

В работе рассматривается период от конца неолита до Средневековья – время, в котором происходили крупнейшие экономические и социальные события в таежной зоне Сибири: появление и развитие производящей экономики, зарождение скотоводства, распространение цветной и черной металлургии, углубление социальной дифференциации общества, усиление межкультурных контактов и передвижения населения.

Территориальные рамки работы географически охватывают район южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары (рис. 1, 2). Они определяются использованным в работе материалом.

По долине р. Енисей район занимает участок между п. Предивинск и г. Енисейск (протяженность около 150 км), а по долине р. Ангара – от п. Мотыгино до устья (протяженность около 100 км). По территориально-административному делению эта территория входит в Большемуртинский, Казачинский, Енисейский и Мотыгинский районы Красноярского края, а также в Лесосибирский горсовет.

Особенность представленного района состоит в его географическом расположении. Во-первых, здесь сливаются две основные водные артерии региона (Ангара и Енисей). Благоприятные, относительно стабильные природные условия позволяли древнему человеку вести здесь присваивающее и производящее хозяйство. Во-вторых, относительная отдаленность от бурных событий этнополитической истории Центральной Азии позволяла оседать здесь отдельным коллективам людей, которые были вынуждены уходить из пояса степей на северную его периферию. В-третьих, поскольку территория расположена на стыке трех культурно-исторических областей (южносибирской, западносибирской, восточносибирской) сюда периодически проникали новые группы населения, что нашло отражение в изменении или смене археологических культур. Это открывает возможность создания периодизации культурогенеза в районе исследования, а также позволяет реконструировать исторические процессы, происходящие на более обширных территориях.

Источниковая база исследования включает археологические и письменные данные. Основой для написания работы послужили полевые материалы, полученные автором и при его участии в ходе проведения археологических экспедиций в районе исследования с 1987 г. Здесь было открыто более 100 объектов археологического наследия, относящихся к различным эпохам – от мезолита до русского времени (рис. 3).

Для характеристики культур бронзового и раннего железного веков использованы наиболее информативные данные, полученные в результате работ на 25 опорных памятниках, содержащих стратифицированные культурные слои или закрытые (углубленные) объекты. Это памятники, раскопанные значительными площадями: комплекс Усть-Шилка II (1244 кв. м), могильник Нижнепорожинский (130 кв. м), многослойные поселения Бобровка (294 кв. м), Язаевка (77 кв. м), Зимовейное (100 кв. м), Нижнепорожинское I (343 кв. м), Островки I (80 кв. м), Островки II (61 кв. м), Шилка IX (275 кв. м), Шепилево (236 кв. м), Каменка (137 кв. м), Подъемная II (100 кв. м), Стрелковское I (491 кв. м), городище Шилка II (925 кв. м), селища Шилка VIII (148 кв. м), Шилка X (196 кв. м), Шилка XI (64 кв. м), Шилка XII/1 (53 кв. м), Шилка XII/2 (105 кв. м), Шилка XIII (76 кв. м), Заостровка II (149 кв. м), Стрелковское II (330 кв. м), стоянки Усть-Самоделка II (15 кв. м), Малая (4 кв. м) и производственная площадка Шилка VI (111 кв. м). В итоге изучены 25 жилищ, 2 объекта хозяйственного назначения и 9 погребений. Находки из остальных известных памятников дополняют имеющиеся сведения. В работе также привлекались результаты изысканий АЭ Красноярского краеведческого музея под руководством Н. П. Макарова, отрядов АЭ Красноярского госуниверситета (ныне Сибирского федерального университета) под руководством А. М. Буровского, Л. В. Коваленко, А. С. Терехова, С. М. Фокина, Е. В. Голубевой (Князевой), Ю. А. Титовой (Абдулиной).

Во вторую группу источников входят археологические предметы и архивные материалы (полевые дневники, отчеты и результаты определений), хранящиеся в музеях и лабораториях Красноярска, Кемерово, Томска, Иркутска, Лесосибирска и Енисейска, а также Института археологии РАН (г. Москва) и Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

Еще одну группу источников составляют сведения, полученные из публикаций – научных статей, монографий, тезисов докладов к конференциям. Их список приводится в соответствующем разделе работы.

В работе также использованы этнографические сведения о коренных народах Сибири и Севера, которые проживали в период освоения территории русскими.

Особая группа источников включает данные, полученные с помощью естественно-научных методов: радиоуглеродный анализ (56 дат); спектральный анализ металла (64 определений), антропологические определения (9 костяков), палеозоологические определения (2945 определимых костей животного), палеоботанические, споропыльцевые, палеопочвенные исследования (по разрезам и объектам на 4-х памятниках), трасологические исследования каменных и костяных орудий (по 12-и памятникам).

Самая многочисленная категория археологических находок с рассматриваемых объектов – фрагменты от керамической посуды. Было проанализировано более 5 тыс. черепков от 870 сосудов, керамических, каменных и костяных изделий – более 500 экз., предметов из металла – более 50 экз.

Методология и основные методы исследования. Современная система знаний позволяет использовать комплекс проверенных методологических положений из различных концепций науки. Поэтому теоретической основой исследования послужили разработки в рамках отдельных направлений эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос и смешение), которые не противоречат друг другу, а помогают понять реально существовавшую действительность. Они были реализованы при изучении предметов, явлений, процессов и при раскрытии содержания построенной культурно-хронологической периодизации бронзового и раннего железного веков южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары.

При работе с имеющимися материалами использовались распространенные общенаучные методы (анализа и синтеза, историзма, статистический, системно-структурный) и специальные археологические

(планиграфический и стратиграфический, картографический, типологический, датированных аналогий, морфологический, ретроспективный, метод реконструкции). Последовательность работы по разработке культурно-хронологической периодизации включала в себя сбор имеющихся сведений о результатах работ предшественников, поисковые полевые работы и стационарные раскопки, отбор проб для естественно-научных исследований и их анализа, лабораторная работа, обобщение полученных результатов. Исследование построено на апробированных в отечественной археологии понятиях.

Опираясь на опыт предшественников [Барг, 1987; Савельева, Полетаев, 1997; Грин, 2001; Тишкин, 2007; Клейн, 2014] в области периодизации истории и археологии на основе различных источников, автор придерживается следующего системного соответствия при построении конкретной культурно-хронологической схемы: эпоха – период – время – культура – этап. Эпохи отражают длительные периоды времени, выделенные по характерным явлениям, событиям. С учетом археологической периодизации, построенной на эволюции основных орудий труда и способов их изготовления, в рамках настоящего исследования рассматриваются эпоха раннего металла (палеометалла) и начало эпохи железа. Эпоха палеометалла включает периоды энеолита (медно-каменного века) и бронзового века. В рамках периодов отмечаются культурно-хронологические отрезки, которые условно названы с учетом известного этнического доминанта в Сибири или по ярким характерным памятникам (глазковское время, тагарское время, тесинское время, таштыкское время и т. д.).

Под археологической культурой в работе понимается устойчивая совокупность типов археологических остатков, объединенных общей территорией, которые изменялись и развивались во взаимосвязи. Исходя из имеющихся источников, признаки археологической культуры выделялись на основании погребальных и поселенческих памятников с учетом характерных предметов материальной культуры: орудий труда, оружия, украшений и

посуды. Поскольку в археологической культуре происходят изменения, были предприняты попытки выделения «локальных вариантов» и «хронологических этапов» – участков ареала или отрезков времени, ознаменованных какими-либо качественными изменениями. Такой подход демонстрирует различные стадии развития зафиксированного явления (формирование, расцвет, видоизменение, трансформация и упадок), что отражает содержание любой периодизации. Кроме того, при изложении обобщенных материалов использовались близкие по значению термины и понятия, заимствованные из других схем или концепций [Альтернативные..., 2000; Время мира..., 2001; Гринин, 2000; Периодизация..., 1984; Тишкин, 2007; Щапова, 2005]. Например, можно считать близкими по значению такие выражения как: эпоха раннего железа – ранний железный век – тагарское и таштыкское время. Здесь в применении сложившихся обозначений никаких противоречий нет, они направлены на адекватное понимание истории, но отражают разные подходы.

В работе используется и понятие «археологическая общность». Под ней, как нам представляется, следует понимать объединение, включающее, помимо археологической культуры, одновременные ей группы памятников в сопредельных регионах с чертами генетической преемственности с этой культурой. При построении культурной периодизации района также учитывался фактор возможного «чересполосного расселения» носителей разных археологических культур. Уже с эпохи бронзы для степей Южной Сибири не наблюдается замкнутых культурных ареалов [Вадецкая, 1980], отмечается взаимопроникновение и рассредоточенность культурных комплексов, степные культуры оказывают существенное влияние на северных соседей [Ширин, 2003, с. 16]. Не стал исключением и район исследования.

Определение масштабных керамических традиций («гребенчатая», «отступающе-накольчатая», «шнуровая», «вафельная», «валиковая», «полулунно-зубчатая») исходит из понимания их как источника,

отражающего лишь один элемент культурных традиций. Категория «традиции» является одной из базовых для осмысления социально-культурных процессов древности. Традицию следует понимать как способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующих устойчивость и преемственность опыта поколений, времен, эпох. Характеристика связи настоящего с прошлым порождает всеобщность понятия. В археологических исследованиях выделяются орнаментальные, керамические, стилистические, технологические, культурные и другие традиции. Выборочный анализ какого-либо одного аспекта традиции зачастую экстраполирует выводы на реконструкцию социально-исторического процесса. Наиболее емким из возможных приложений термина является категория «культурной традиции», включающая в себя «обычай, ритуалы, технические навыки, регламентированные установления в производстве и искусстве, обеспечивая преемственность, стереотипизацию и передачу опыта, локальную или этническую специфику археологических культур» [Ковалевская, 1990].

Стационарные раскопки основывались на общих принципах методики полевых исследований. Однако специфика работ состояла в том, что изученные комплексы в долине Енисея и Ангары размещались в песчаных почвах, которые плохо сохраняют очертания углубленных объектов. Кроме этого, на памятниках в лесной зоне с момента возникновения на них культурного слоя до современности периодически произрастали деревья, которые неоднократно сгорали от лесных пожаров. От этого в погребенных почвах и культурном слое иногда сохраняются древесные угли не антропогенного происхождения, от сгоревших стволов деревьев или корней. На изменение структуры погребенных почв оказывали влияние и вывороты, которые возникали на территории памятников в разное время и приводили к смешению и нарушению культурного слоя. Все эти естественные процессы накладывали отпечаток на условия формирования культуросодержащего слоя, и их необходимо было учитывать при изучении памятников, уделяя

особое внимание объектам – жилища, хозяйственным постройкам, могилам, рвам и др.

Каждый углубленный объект условно считался «закрытым» комплексом, и его обследование включало в себя изучение заполнения, перекрытия, дна, стенок, ям от опор кровли, разрезов. При выборе методики разбора учитывался опыт предшественников [Троицкая, 1995; Тишкин, 2008]. Каждый этап исследования документировался, проводилось описание, зарисовка и фотографирование сохранившихся конструктивных элементов: ям, «полок», остатков обгоревшего дерева от перекрытия и стен, входного коридора и т. д. Не меньшее внимание уделялось изучению и межжилищного (межобъектного) пространства. Таким образом, полевое изучение памятника было направлено на максимальный сбор и документирование информации о нем с целью реконструкции его облика. Для памятников, где культурные остатки привязаны к погребенным почвам или геологическим горизонтам разного состава, применялась известная методика [Авдусин, 1972; Методика..., 1983; 2005; Полевая..., 1990а; 1990б и др.], для объектов, заключенных в однородные песчаные грунты, был разработан набор специальных методов [Мандрыка, 2018].

Имеющиеся материалы подвергались типологическому анализу. При классификации археологических предметов категории выделялись по назначению, группы – по материалу или технике изготовления, отделы, типы и подтипы – по форме и ее отдельным деталям. В некоторых случаях обособление отделов производилось по технике изготовления или способу крепления предмета. В тех случаях, когда категории оказывались немногочисленны и однообразны, классификация по группам и отделам была опущена. Кроме типологии широко использовались данные смежных дисциплин, позволяющие полнее раскрыть значимость археологических материалов.

Культурная идентификация памятников устанавливалась по комплексу признаков, но главным из них выступала керамика. Накопленный

исследователями опыт ее изучения с позиции историко-культурного подхода показывает, что этот источник позволяет получить вполне обоснованные выводы не только по своеобразию культуры в целом, но и по хронологическим изменениям в ней, специфике отдельных районов (связь с керамическими мастерскими), уровню развития хозяйства. Это возможно, во-первых, потому, что керамика в силу массовости ее производства и распространения наиболее тесно связана с самими носителями древних культурных традиций. Во-вторых, в традиционных обществах, внешний облик изделий, в том числе и керамики, служил важным показателем культурной принадлежности носителей, а керамические традиции передавались строго по родственным каналам [Бобринский, 1999].

Особенности керамики бронзового и раннего железного веков района исследования определялись технологическими и морфологическими характеристиками. Технология изготовления посуды устанавливалась визуально, с использованием микроскопа МБС-10. Археологические образцы сравнивались с эталонами, созданными автором экспериментальным путем. Сравнения проводились по составу формовочной массы, по наличию в ней примесей – отощителей (дресва, шамот, органика и др.), по способу конструирования (лепки) и по характеру обработки наружной и внутренней поверхности сосудов. Полученные результаты сопоставлялись с разработками специалистов, построенными на материалах памятников сопредельных районов и временных периодов [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

При типологическом определении формы глиняной посуды учитывались части сосуда (рис. 4): верхняя (горло), средняя (тулово) и нижняя (дно). Горло состоит обязательно из устья – выходного отверстия внутренней полости емкости, и венчика – завершающей кромки сосуда. Некоторые виды сосудов имеют шейку – верхнюю узкую часть емкости. Тулово – основная часть емкости сосуда, делится на плечико – переходную часть от шейки, экватор – центральную часть и придонную часть – переход ко дну. Дно –

основание сосуда – бывает различной конфигурации: плоское, уплощенное, круглое, приостренное, на поддоне.

Профили шейки, тулова, дна, соотношение высотных и широтных показателей определяли конкретную форму сосудов. За основу классификации рассматриваемой в работе керамики взята схема, разработанная В. Ф. Генингом [1973]. По мере исследования конкретных типов керамики в эту схему вносились необходимые коррективы и дополнения. Большое внимание уделено форме и декоративным особенностям венчика, так как именно внешняя часть сосуда чаще всего восстанавливается по фрагментарному материалу, который преобладал среди рассматриваемых источников. Все это и обусловило выбор соответствующих принципов классификации керамики по форме, которая сравнивалась с типологиями, разработанными для различных районов Сибири [Кызласов, 1960; Мартынов, 1979; Федосеева, 1980; Чиндина, 1984; Виноградов, 1991; Глушков, 1996; Мыльникова, 1999 и др.]. Апробация методических приемов изучения древнего гончарства проводилась автором с коллегами на материалах культур неолита, палеометалла и средневековья лесостепных и таежных территорий Сибири [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013]. При работе с фрагментарным материалом учитывались форма профилировки горловины сосуда (вогнутость шейки, выпуклость тулова, наклон плечика); соотношение диаметра устья сосуда, высоты и диаметра дна (для плоскодонных реставрированных форм); форма обреза края сосуда, т. е. венчика. В целом в керамике таежной зоны Среднего Енисея и низовьев Ангары по внешним контурам выделены горшки, банки, чаши, миски, плоски, кубки и кружки.

При характеристике орнамента учитывались такие понятия, как элемент, мотив, композиция. На сегодняшний день не существует общепринятого определения этих понятий [Иванов, 1963, с. 42; Кожин, 1991, с. 136; Чиндина, 1984, с. 77–78], поэтому автор придерживался следующей интерпретации. Элемент – отдельный отпечаток, полученный при

одноразовом воздействии на орнаментальное поле. Мотив – ряд ритмично повторяющихся элементов, образующих законченную фигуру. Композиция – сочетание мотивов и совокупность всех элементов, расположенных в определенной системе.

При рассмотрении элементов учитывались формы отпечатков орнамента, техника и способ нанесения оттисков. При этом использовались методики, разработанные Э. В. Сайко [1977, с. 200–236], И. В. Калининой и Е. А. Устиновой [1990, с. 7–9], И. Г. Глушковым [1996, с. 65–66], Л. С. Кобелевой и Л. Н. Мыльниковой [2008]. При анализе оттисков выявлены формы рабочих окончаний орнаментов. В зависимости от техники и способа нанесения оттиски разделены на группы, отделы и типы. С учетом элементов и мотивов выделены композиции.

Первоначально определялись керамические сосуды, входившие в набор вещей каждого «закрытого» объекта (жилища, ямы и др.) и слоя на отдельном памятнике. Для этого учитывались планиграфические и стратиграфические условия залегания черепков, их принадлежность к одной форме, общий набор приемов технологии изготовления и морфологические признаки (керамическая «школа»). Так определялся состав набора посуды, который использовался жителями поселка. Затем проводилось сопоставление керамики из хронологически и территориально близких памятников, по степени корреляции выделялись варианты, типы, входившие в керамический комплекс. Сопоставление керамики из разных памятников широкого хронологического диапазона позволило нам выделить часто встречаемые формы сосудов и элементы орнамента на территории района. На их основе были составлены матрицы, которые позволили учитывать и статистически обрабатывать признаки керамики. В результате для каждого исторического периода были выделены доминирующие типы керамической посуды. В заключении проводилось сравнение материалов хронологически разных комплексов между собой и памятниками известных культурных образований

сопредельных территорий. Так устанавливалась их связь и культурная принадлежность.

Форма сосудов определялась по целым емкостям или по крупным фрагментам венчиков и дна. Было замечено, что существенным показателем различия посуды является профилировка горловины и форма дна (степень округлости-уплощенности, наличие поддона). По наличию скульптурных пристроек к форме были выделены сосуды с сегментовидными ручками, сосуды с «ушками» для подвешивания (сосуды-дымокуры), кружки. С учетом этих признаков были определены формы сосудов и выделены группы, типы, виды. В основу выделения вариантов был взят профиль сечения венчика (рис. 5).

Группа I. Сосуды простых закрытых форм.

Тип 1.1. Банки. Сосуды закрытой формы без шейки. Дно плоское, приплюснутое или округлое. По форме дна и способу оформления плечика, которое строилось, как правило, отдельной лентой, выделяются несколько видов банок.

Вид 1.1.1. (банка–1). Круглодонный сосуд, его край утолщен с внешнего борта узким валиком. Ширина и толщина валика до 1 см. В этом типе выделен подвид «а», если край утолщался лентой, т.е. налепом, ширина которого составляла от 1 до 3 см. Дно сосудов этого вида, как правило, приостренное, округлое или приплюснутое. Венчики в сечении овальные, прямые, скошенные, приостренные.

Вид 1.1.2. (банка–2). Сосуд, плечико которого оформлено гладкой вдавленной полосой, чем имитировалось выделение шейки. Венчик в сечении овальный, прямой, загнут вовнутрь или заостренный. Дно сосудов этого вида, возможно, приплюснутое.

Вид 1.1.3. (банка–3). Плоскодонный сосуд, край которого утолщен с внутренней стороны и венчик имеет каплевидное сечение. Обрез края овальный, прямой, скошенный или заостренный. Дно плоское или приплюснутое.

Вид 1.1.4. (банка–4). Сосуд, венчик которого слабо отогнут наружу, чем имитировалась как бы узкая шейка. У таких сосудов отмечен овальный, прямой, заостренный или скошенный обрез края.

Тип 1.2. Горшки. Сосуды закрытой формы с выделенной шейкой, плечиком и раздутым туловом. Дно округлое, приострѐнное или плоское. Виды выделены также по форме дна и способу оформления горла.

Вид 1.2.1. (горшок–1). Круглодонный сосуд с высокой или низкой шейкой равномерной толщины с овальным или прямым, реже утолщенным, венчиком. В сосуды этого вида включены широкие и высокие формы с округлым и приостренным дном.

Вид 1.2.2. (горшок–2). Сосуды с профилированным горлом, ярко выраженной шейкой и плечиком. Край слегка утолщен и имеет овальный или прямой обрез. Дно сосудов, как правило, приплюснутое.

Вид 1.2.3. (горшок–3). Сосуды с выраженным горлом. Шейка прямая или профилированная, оформлена широкой (от 1 до 5 см) прямоугольной или треугольной в сечении наклепной лентой. Край этих сосудов, как правило, овальный.

Вид 1.2.4. (горшок–4). Сосуды с вертикальной шейкой и раздутым туловом. Край, как правило, оформлен карнизиком, но встречаются овальный утолщенный и прямой.

Группа II. Сосуды простых открытых форм.

Здесь выделяется один тип 2.1. Чаши.

Вид. 2.1.1. Круглодонный сосуд эллипсоидной формы. Венчик прямой или овальный. Высота, как правило, больше диаметра.

Вид 2.1.2. (чаша). Небольшие (15–20 см) круглодонные сосуды открытой формы с открытой горловиной. Они имеют прямую и овальную форму сечения венчика. Высота равна диаметру горловины.

Вид 2.1.3. (миска). Невысокие (5–7 см), но широкие сосуды открытой формы с открытой горловиной и уплощенным дном. Венчик в сечении прямой или овальный. Высота, как правило, в два раза меньше диаметра.

Вид 2.1.4. (плошка). Сосуды небольших размеров с тонкими стенками. По форме они различны: с фигурной и наклонной горловиной. Высота не более 5 см, диаметр по венчику до 3 см.

Группа III. Сосуды с пристройками к тулову.

Тип 3.1. Сосуды на поддоне. Представлены сложными формами (кубки), которые состоят из чаши (верхней части) и поддона. Последний, как правило, прикреплялся к придонной части тулова. Чаши имеют открытую или закрытую баночную или горшковидную форму. Венчик в сечении утолщенный, прямой или отогнут.

Тип 3.2. Сосуды с ручками, которые пристраивались к тулову.

Вид 3.2.1. Сосуды с сегментовидными ручками. Все они закрытой баночной формы с плоским дном, толстостенные с прямым или приостренным сечением венчика. На плечиках к форме горизонтально прикреплено с противоположных сторон два ушка. На стенках некоторых сосудов дополнительно проделаны парные отверстия, которые расположены на той же линии, что и ушки, только между ними с двух противоположных сторон.

Вид 3.2.2. Кружки. Небольшие сосудики (как плошки), с одной стороны которых прикреплялась округлая ручка. Дно этих сосудов было плоским или уплощенным.

Тип 3.3. Сосуды с «ушками» для подвешивания.

Вид 3.3.1. Сосуды-дымокуры. Они баночной или чаще горшковидной формы с налипными ушками, через которые они подвешивались (прикреплялись) и носились. Отмечаются «прямоугольные» (в форме параллелепипедов), «языковидные» (в форме эллипсоидов) и трубчатые налипные керамические ушки. К первым относились те, которые имеют четырехугольную форму граней (прямоугольник, прямоугольная трапеция, равнобедренная трапеция, параллелограмм) и два или три отверстия. «Языковидные» ушки представляют собой налеты разной конфигурации, в них, как правило, проделано одно отверстие. Трубчатые ушки имеют

профилированные, реже прямые, стенки с отогнутым наружу краем, в них четыре отверстия, которые расположены попарно симметрично относительно оси трубки.

Разнообразная по форме и размерам керамическая посуда имела разное хозяйственное назначение. Слой черного или серо-черного нагара (остатки запекшейся пищи?) на внутренней поверхности стенок отмечается на всех горшках и небольших по размерам банках. Эта посуда была кухонной, в ней готовили пищу. Большие по объему банки (от 20 до 100 литров) могли использоваться в качестве тарной емкости для хранения продуктов. В качестве столовой посуды (для подачи и приема пищи) использовались миски, плошки и кружки. Определенное функциональное назначение в хозяйстве выполняли сосуды-дымокуры, сосуды с роговидными ручками и сосуды на поддонах.

Преобладающее большинство сосудов орнаментировано. Посуда украшалась в верхней части, по венчику, шейке, плечикам, в единичных случаях до придонной части. Орнамент на керамике по технике нанесения делился на налепной и углубленный. При рассмотрении способов орнаментации учитывалась кинематика движения орнаментира, его положение относительно поверхности сосуда. Всего определено семь способов:

1. Налеп жгутикового валика. Первоначально из той же формовочной массы, из которой строился сосуд, раскатывалась длинная тонкая «колбаска». Она прикладывалась к стенке сосуда и прикреплялась втиранием руками мастера. Часто такие валики рассекались оттисками различных орудий, которые не только его украшали, но и усиливали скрепление валика со стенкой сосуда.

2. Нанесение обмазочного налепного валика. Здесь к стенке сосуда налеплялась «колбаска» более тонкого сечения, чем в первом способе. Она строилась из сметанообразной формовочной массы, как правило, более тонкого состава, чем формовочная масса горшка. Такие валики формовались

как руками мастера (защипом, протаскиванием, наложением небольших дисков), так и каким-то эластичным шпателем (например, кусочком кожи или щепкой).

3. Штамповка. Получение оттисков давлением при движении орнамента сверху вниз.

4. Протаскивание (протягивание, прочерчивание). Движение конца орнамента без отрыва от поверхности сосуда с равномерным нажимом.

5. Щипание. Получение оттисков щипком, пальцами.

6. Накалывание (тычковый). Получение оттисков кратковременным давлением концом орнамента при наклонном положении последнего к поверхности сосуда. Как правило, угол наклона составляет 45–60 град.

7. Отступление. Движение конца орнамента без отрыва от поверхности сосуда с периодическим нажимом. Как правило, орнамент расположен к поверхности сосуда под углом около 30 град.

При выделении элементов орнамента на керамике была предпринята попытка определить инструмент, которым он наносился. Для этого была рассмотрена керамическая коллекция первого культурного слоя поселения Нижнепорожинское I, которая представлена значительной выборкой (212 сосудов) разновременной посуды. Выделенные инструменты (орнаменты) были апробированы экспериментами, проведенными в лабораторных условиях на формовочной массе, состоящей из глины с добавлением песка.

При рассмотрении оттисков на сосудах нижнепорожинского I поселения были выявлены следующие орнаменты (рис. 6):

1. Пальцы мастера. С помощью рук мастер не только изготавливал сосуд, но и украшал его. Встречаются различные варианты орнамента:

1) накол одним пальцем – отмечаются оттиски глубокие и мелкие. Почти во всех случаях в углублении прослеживается отпечаток ногтя. При глубоком накалывании возле углубления оттиска образовывается бугорок от выдавленной формовочной массы. Установлено, что эти оттиски наносились

большим пальцем руки. При слабом накалывании фиксируется округлое углубление, внутри которого располагается дугообразный отпечаток ногтя;

2) зашип – образовывается от воздействия на поверхность большим и указательным пальцами руки мастера. На стенке сосуда остаются два полукруглых углубления с дугообразным отпечатком ногтя в каждом. Между углублениями образуется бугорок от выдавленной формовочной массы;

3) ногтевой отпечаток – образовывается от легкого прикосновения к поверхности только ногтя пальца. На поверхности остается скобчатое углубление;

4) налест валиков жгутиковых и обмазочных.

2. Круглый в сечении орнаментир с округлым гладким окончанием. При штамповке глубоких оттисков образовывались ямки, а мелких – округлые отпечатки. По диаметру оттисков (0,4, 0,5 и 0,6 см) можно говорить о наличии трех различных инструментов. Такой же орнаментир с диаметром 0,8 см могли протаскивать по стенке сосуда, тогда образовывалась широкая, гладкая округлая в сечении полоса. Эта же полоса могла наноситься и пальцем.

3. Орнаментир с зубчатым окончанием. Первые пять считаем специально изготовленными и называем гребенчатым штампом. По форме окончаний выделяются следующие варианты:

1) изготовлен на овальном в сечении стержне с выпуклым зубчатым окончанием. Наносился только штамповкой. Его оттиски имеют округлые очертания с поперечными бугорками (напоминает личинку);

2) изготовлен на уплощенном стержне (возможно, расщепленное ребро животного), на конце которого вырезаны три крупных треугольных зубца. Длина рабочей части орнамента 1,1 см. Глубина вырезов между зубцами – 0,2–0,3 см. Наколотые оттиски этого орнамента оставляют отпечатки из трех примыкающих углами друг к другу треугольников;

3) близок к предыдущему и отличается длиной рабочей части и глубиной вырезов. Длина оттисков этого орнамента составляет 0,6 см при глубине треугольных вырезов 0,2 см;

4) изготовлен на прямоугольном в сечении стержне, окончание которого обрезано под углом. На этой образованной плоскости делались неглубокие (до 1 мм) пропилены, разделяющие прямоугольник на четыре треугольных зубца. Размеры накольчатых и отступающих оттисков 0,5×0,3 см;

5) изготовлен на уплощенном стержне, окончание которого обрезано с двух сторон так, что образуется почти прямой угол. На каждой образованной грани поперечными пропилами обозначены мелкие зубчики. Ширина накольчатых и отступающих оттисков составляет 1,3 см. Толщина орнамента предположительно равна 1,5 мм.

В качестве остальных зубчатых орнаментов могли использоваться фрагменты уплощенных сломанных трубчатых костей (например, ребер, лопаток). Окончания их не подрезались и сохраняли мелкозубчатую неровность. В таком виде они выступали рабочим концом орнамента. Их отпечатки имеют вид прямоугольных углублений, внутри которых слабо фиксируются множество мелких бугорков. По длине рабочей части можно достоверно говорить о трех различных инструментах.

6) орнамент с длинным рабочим краем. Длина рабочей части 1,0 см. В углублении оттисков этого орнамента фиксируется до 10 отпечатков от мелких зубцов. Наносился только накалыванием;

7) орнамент со средней длиной рабочего края. Длина рабочей части 0,6 см. Число мелких зубцов трудно установить, так как они разных размеров. Наносился штамповкой, накалыванием и отступанием;

8) орнамент с короткой длиной рабочего края. Длина рабочей части 0,3 см. Наносился только накалыванием.

4. Орнаменты с трубчатым окончанием. По размерам встречено три варианта:

1) диаметром 0,9 см, круглый в сечении с прямым обрезом и отверстием в центре. Могла использоваться трубчатая кость. Штампованный оттиск этого орнамента образует круглую ямку, на ровном дне которой в центре имеется бугорок – одноглазчатый элемент;

2) близок первому, но диаметром 0,5 см. В качестве орнамента могли использоваться либо трубчатая бусина-пронизка (костяная, каменная или пастовая), либо округлая трубчатая кость. Штамповый оттиск этого орнамента оставляет кружковое углубление;

3) близок первому и второму, но диаметром 0,3 см и зубчатым окончанием. Орнаментом, возможно, выступала сломанная трубчатая кость мелкого животного или птицы. Во всех случаях оттиски этого орнамента наносились накалыванием, отчего они напоминают кружковые углубления без четверти круга (скобовидный мелкий элемент).

5. Орнаменты с дугообразным окончанием. Могли изготавливаться из вдоль расщепленной трубчатой кости. По размерам и оформлению окончания выделено два варианта:

1) изготовлен из кости средних размеров. На это указывают диаметр дуги – 0,8 см (наружный диаметр кости) и ширина оттисков 0,2–0,3 см (толщина стенок этой кости). Окончание орнамента было срезано под углом так, что образовывалось два острых края на концах дуги. Накольчатый оттиск этого орнамента образует скобовидное углубление с усиленными окончаниями;

2) в отличие от предыдущего орнамента он изготовлен из кости с угловатым дугообразным сечением. Толщина стенок трубчатой кости 0,15–0,2 см. Окончание орнамента ровно обрезалось. При этом, очевидно, кость треснула, отчего в углублении оттиска имеется поперечная перемычка. Штампованный оттиск этого орнамента образует подковообразное углубление.

6. Орнамент с гладким прямоугольным окончанием. Его штампованный оттиск оставляет прямоугольное углубление с гладким

дном размерами 0,8×0,3 см. При накалывании одним углом орнаментира образуются оттиски треугольной формы.

7. Орнаментир с плоским прямо обрезанным окончанием. При отступающей и накольчатой технике нанесения орнамента таким орнаментиром на стенках сосудов остаются прямоугольные отпечатки. По ширине оттисков выделяются два инструмента: с шириной 0,6 см и 0,3 см. При протаскивании последним образуется узкая полоса с прямоугольным сечением. Этим же инструментом могли наноситься и насечки – короткие прямые оттиски, если использовать боковую грань инструмента.

8. Орнаментеры с плоским заостренным гладким окончанием. По форме и характеру дна оттисков можно выделить два варианта: 1) орнаментир изготавливался из кости с плоским краем, который обрезан с двух сторон и образует угол в 70–90 град. Оттиски этого орнаментира имеют четкий угол и слабые неровности на дне. Наносились они техниками накалывания и отступания; 2) использовался в качестве орнаментира металлический предмет с плоским округло-приостренным краем (например, кончик ножа). В отличие от первого варианта оттиски этого орнаментира имеют идеально гладкое дно с четкими контурами. По форме оттисков можно говорить о наличии двух инструментов. Применялся этот орнаментир при нанесении орнамента теми же техниками, что и вышеописанный. Тонкий кончик такого орнаментира при протаскивании по стенке сосуда оставлял линию.

Таким образом, при нанесении орнамента на 212 сосудах с поселения Нижнепорожинское I использовали не менее 22-х специально сделанных инструментов-орнаментиров.

При рассмотрении индивидуальных оттисков с учетом способов нанесения в орнаментах керамики рассматриваемого времени было выделено 50 элементов. Все элементы по технике и способу нанесения разделены на группы и отделы (рис. 7). Названия элементов в значительной степени условны. В орнаментации встречены жгутиковые наlepные валики: гладкие, рассеченные пальцевыми защипами поперечно и с поворотом, рассеченные

поперечными оттисками скобовидного, трезубого и округло-приостренного орнаментиров, рассеченный наклонными гладкими насечками. В группу обмазочных налипных валиков входят: гладкий, волнистый, чешуйчатый. В группу элементов, нанесенных штамповкой, входят: гребенчатый, мелкозубчатый, прямоугольный гладкий, жемчужный, округлый (неглубокий), ямочный, одноглазчатый, кружковый, подковообразный, скобчатый (ногтевой), полулунный гладкий и полулунно-зубчатый. Протаскиванием наносились: широкая и узкая полосы, линия, прямая насечка. Защип делался руками. Накалыванием (тычком) оставлены элементы: пальцевой; ногтевой; скобовидный; округло-приостренный; прямоугольный; скобовидный мелкий; трезубые крупный и средний; мелкозубчатые длинный, средний и короткий; заостренные гладкий и мелкозубчатый; зубчатый фигурный; треугольный. При отступающем способе нанесения узора орнаменты оставили элементы: прямоугольный; округло-приостренный; заостренные гладкий и мелкозубчатый; мелкозубчатый прямой; трезубый с усиленным концом; зубчатый фигурный; скобовидный мелкозубчатый.

Такие элементы, как округло-приостренный, прямоугольный гладкий, заостренные гладкий и мелкозубчатый, зубчатый фигурный, встречены в двух отделах – накалывание и отступ. Это можно объяснить тем, что указанные способы нанесения орнамента близки между собой. Очень часто на одном сосуде ряд отступающих оттисков переходит в накольчатые оттиски орнамента.

Мелкозубчатый средний элемент наносился тремя способами: штамповкой, накалыванием и отступанием. Несмотря на близость или тождественность формы окончания применяемых орнаментов, при различных способах его использования остаются различные оттиски, что позволяет рассматривать их как различные элементы.

На сосудах бронзового и железного веков района исследования отмечено 18 мотивов (рис. 8): горизонтальная линия, наклонная линия,

вертикальная линия, елочка, сетка, зигзагообразная линия, волнообразная линия, фестон, змейка, треугольный, круг, комбинированный, антропоморфный, арочный, ломаный, волнообразный, сложный линейный, клинообразный.

Сопоставление взаимной встречаемости элементов и мотивов на керамике показывает, что основной мотив в орнаментации – горизонтальный ряд и линия. Горизонтальное расположение характерно практически для всех элементов, за исключением одноглазчатого штампа и резной (прочерченной) линии. Наклонное расположение отмечается для: налипных жгутиковых валиков гладкого и рассеченного пальцевыми защипами поперечно; гладкого обмазочного валика; узкой полосы; линии; защипа; ногтевых и мелкозубчатых средних наколов; округло-приостренных отступов. Вертикальной линией или рядом строились: жгутиковый налипной валик, рассеченный скобовидным орнаментиром; гладкий обмазочный валик; защип; треугольный накол; мелкозубчатый средний отступ. Отмеченные налипные валики (как жгутиковые, так и обмазочные) строились в наклонные и вертикальные линии только на тулове сосудов. Зигзагом располагались резная линия и округло-приостренные отступающие оттиски. Остальные мотивы заполнялись только одним элементом. Сетка, змейка и антропоморфный – резной линией; елочка – гладким (насечкой); волна и ломаный – отступающими мелкозубчатыми средними оттисками; фестон – одноглазчатым штампом; треугольный – узкой полосой; круг – мелкозубчатыми короткими наколами; арочный – волнистым обмазочным валиком; волнообразный – заостренными гладкими отступами; сложный и клинообразный – округло-приостренными отступающими оттисками. Из двух элементов состоял только комбинированный мотив: отступающие округло-приостренные и мелкозубчатые средние оттиски.

Композиции орнамента на посуде просты, но разнообразны. Для большинства сосудов характерны простейшие узоры, состоящие из одного горизонтального мотива, нанесенного одним или двумя элементами.

Другие отмеченные мотивы самостоятельно на сосудах не встречаются, а только дополняют горизонтальный мотив. Как правило, орнамент на сосуде наносился одним инструментом (орнаментиром), создающим различные элементы.

Несмотря на простоту орнаментальных композиций, сосуды украшались оригинально. Корреляция морфологических признаков керамики позволила выделить для каждого исторического периода своеобразные типы. При выделении этих типов ведущим признаком выступал орнамент, хотя форма и способ изготовления в значительной степени согласовывались с ним. При выделении отдельных вариантов и типов иногда трудно было провести границу, что свидетельствует о смешении типов и преемственности культурных традиций разных периодов древней истории.

Для определения общей характеристики керамической посуды того или иного времени и культуры в сравнении рассматривались все виды керамики относительно одновременных памятников, погребальные и поселенческие комплексы, где керамический материал был не только многочислен, но и часто неоднороден. Поэтому при анализе он был объединен в зависимости от степени сходства основных характеризующих его признаков в классификационные единицы (группа, подгруппа, тип) [Генинг, 1973].

Группа – комплекс посуды, сходной по основным признакам (технологии производства, форме, технике нанесения узора, характеру орнаментации) и вычлняющейся в той или иной мере на поселениях стратиграфически и планиграфически. Подгруппа включает сосуды, которые наряду с общим сходством по основным признакам, присущим керамике всей группы, имеют специфические черты, связанные с отдельными признаками. В основном это отличие проявляется в деталях форм сосудов, элементах узора, технике их нанесения. Тип – классификационная единица, объединяющая сосуды, сходные в деталях форм и близкие по мотивам, элементам и способу орнаментации. Таким образом, характеристика посуды проводилась с учетом трех основных групп признаков: технологии

изготовления, формы сосудов и орнаментации. Все результаты учета заносились в таблицы, что позволило в итоге выделить типы керамики, характеризующие тот или иной культурно-хронологический комплекс, и получить обобщенную характеристику каждой культуры.

В нашем исследовании комплексный подход нашел отражение в использовании данных, полученных с помощью естественно-научных методов. Радиоуглеродный анализ выполнялся по образцам угля, древесины, гумуса в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН (г. Новосибирск), Л. А. Орловой. Полученные данные учитывались только в совокупности с другими методами датирования, так как небольшая серия дат, их выборочный характер, широкий разброс полученных датировок и скрытые ошибки самого метода допускают получение не абсолютно достоверных результатов [Клейн, 2014, с. 276–308]. Радиоуглеродные даты переводились в календарные с помощью специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.4) [van der Plicht, 1993] (табл. 1).

Антропологическое изучение останков людей проводилось в кабинете антропологии Томского государственного университета В. А. Дрёмовым, А. Н. Богашевым, М. П. Рыкун. Кости животных и птиц определялись в разное время в Красноярском краеведческом музее Н. Д. Оводовым, А. А. Гуляевым, Н. В. Мартыновичем. Палеоботанические исследования выполнялись в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск): споро-пыльцевые определения – Г. Ю. Ямских, А. В. Гринадеровой; микроскопические определения древесины – П. В. Силкиным. Палеопочвенные исследования проводились в Сибирском федеральном университете А. Ф. Ямских, А. А. Ямских, И. В. Борисовой и Институте географии РАН (г. Москва) – А. А. Гольевой.

Полуколичественный спектральный анализ (в весовых процентах) металла выполнялся в отделе научно-технической экспертизы

Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) С. В. Хавриным. Трасологические исследования проводились в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) Г. Ф. Коробковой, Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) П. В. Волковым, Сибирском федеральном университете Е. В. Голубевой (Князевой). Изучение петроглифов Островки была бы невозможна без их копировки Л. В. Мельниковой и В. С. Николаевым.

При реконструкции хозяйства древних обществ использовались археолого-этнографические параллели. Для сопоставления выбирались наиболее подходящие этнографические модели, существовавшие в близких экологических условиях и имевшие аналогичные археологическим данным источники существования. Они отмечены у народов, которые в недавнем прошлом или во время своей истории проживали на территориях, занятых лесом. В этом случае обращение к этнографии наиболее правомерно, поскольку сопоставляемые археологические и этнографические факты отражают экологическую обусловленность явления, представляют собой закономерный результат рационального приспособления человеческих коллективов к окружающей среде.

Комплексный подход, состоящий из использования археологических, исторических, этнографических методов, наряду с данными, полученными методами естественных наук, выступает гарантом построения историко-культурных моделей древних обществ, приближенных к реальности.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Культурно-историческая хронология бронзового и раннего железного века Среднего Енисея и низовьев Ангары представлена следующими периодами и комплексами:

- переходный, от позднего неолита к раннему бронзовому веку, период
- середина III тыс. до н. э. – с комплексами керамики с отступающе-накольчатой и шагающе-гребенчатой орнаментацией;

- ранний бронзовый век – конец III тыс. до н. э. – начало II тыс. до н. э.
- с комплексами керамики с гребенчатой орнаментацией и керамики со «шнуровым» техническим декором и орнаментом, нанесенным пальцами;
- развитый и поздний бронзовый век – середина II – начало I тыс. до н. э. – с комплексами шепилевской культуры;
- тагарский период раннего железного века – VII–III вв. до н. э. – с комплексами керамики каменско-маковского типа цэпаньской культуры и раннего этапа нижнепорожинской культуры;
- тесинский период раннего железного века – II в. до н. э. – I в. н. э. – с комплексами шилкинской культуры;
- таштыкский период раннего железного века – начало I тыс. н. э. – с комплексами позднего этапа нижнепорожинской культуры, а также комплексами с керамикой, украшенной полулунно-зубчатой орнаментацией и керамикой, украшенной тонкими обмазочными валиками.

2. «Эталонными» маркерами культур бронзового и раннего железного века южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары наряду с приемами домостроения, погребальными обычаями, наборами орудий и украшений выступает керамическая посуда, которая с учетом способов изготовления, формы и орнаментации обозначена разными типами: «бобровский», «усть-шилкинский», «шепилевский», «заостровский», «самоделкинский», «каменско-маковский», «нижнепорожинский», «шилкинский», «айканский» и другие.

3. Развитие культур на протяжении бронзового и раннего железного века в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары происходило в процессе преобразования местных черт, либо привнесенных элементов:

- комплексы с керамикой, украшенной отступающей-гребенчатой орнаментацией, сложились под воздействием западносибирских неолитических культур и развивались с течением времени, что нашло отражение в распространении в бронзовом веке керамики бобровского и

самоделкинских типов, а в раннем железном веке – каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов;

– комплексы со «шнуровой» и «вафельной» керамикой сформировались на основе восточносибирского неолита. Их трансформация выражается в появлении в раннем бронзовом веке керамики «усть-шилкинского» типа, в распространении в позднем бронзовом веке керамики «шепилевского» и «заостровского» типов, в переходный период от бронзового к железному веку «самоделкинского» типа и в сохранении этой традиции в тагарский период раннего железного века;

– комплексы с валиковой керамикой появились в районе в бронзовом веке и существовали на протяжении всего периода раннего железного века, изменяясь под воздействием инноваций южносибирских культур;

– комплексы с керамикой, украшенной полулунно-зубчатыми штампами, имеют происхождение из культур таштыкского круга.

Научная новизна диссертационной работы определяется предложением новой модели культурной динамики в эпоху бронзы и раннего железного века в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары, объясняющей значимые изменения на протяжении данного периода, которые происходили в результате не только автохтонного развития или миграций, но и повторяющегося межпопуляционного взаимодействия и обмена, в том числе технологиями и инновациями. Также впервые проведена систематизация имеющихся материалов из района исследования. Значительное количество материалов из 25 опорных памятников, раскопанных автором и при его участии, в обобщенном виде впервые введено в научный оборот. Разработаны типология вещей и керамики бронзового и раннего железного века, с использованием естественно-научных методов определена датировка и хронология комплексов, химический состав металлических изделий, половозрастная и расовая принадлежность человеческих костяков, видовая принадлежность животных, палеоклиматические условия. Предложены новые названия типов керамики (бобровский, усть-шилкинский,

самоделкинский, заостровский, каменско-маковский, айканский) и археологических культур (шепилевская, нижнепорожнинская, шилкинская), раскрыты их содержание и признаки. Полученные результаты исследования позволили дополнить и уточнить существующие в настоящее время сведения о культуре и хозяйстве древнего населения южной тайги Средней Сибири.

Практическая ценность работы состоит в том, что она вносит существенный вклад в изучение и характеристику культурных процессов как в целом по Сибири, так и в рамках ее локальной территории – по южной тайге Средней Сибири. Материалы могут использоваться: для подготовки обобщающих работ по древней истории Сибири, при разработке лекционных курсов по археологии Евразии и Сибири, в работе археологов, историков и сотрудников музеев, в дипломных и курсовых работах студентов, а также при подготовке музейных экспозиций. Терминологические и методологические разработки могут использоваться для дальнейшего совершенствования методики полевых и камеральных исследований. Археологические коллекции и результаты научных разработок нашли отражение в археологической экспозиции Красноярского краеведческого музея и выставок, развёрнутых в Сибирском федеральном университете.

Апробация результатов исследования проводилась на протяжении всего периода подготовки работы. Отдельные положения работы обсуждались на всероссийских археологических съездах (в г. Новосибирске, г. Суздале и г. Казани), Северном конгрессе (в г. Ханты-Мансийске), международных и российских конференциях в г. Хух-Хото, г. Санкт-Петербурге, г. Омске, г. Томске, г. Новосибирске, г. Кемерове, г. Иркутске, г. Минусинске, г. Красноярске [Mandryka, 2015], а также на заседаниях отдела бронзового века ИА РАН (г. Москва), отделов ИАиЭ СО РАН (г. Новосибирск), ученых советов Сибирского федерального университета (г. Красноярск). Результаты исследований, проведенных автором, отражены в 93 научных публикациях, в том числе одной монографии и в 19 статьях, изданных в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК (авторский вклад - 42,3 п. л.).

Структура работы состоит из введения, четырех глав, структурированных в несколько разделов, заключения, списка источников, списка литературы, списка сокращений и двух приложений, включающих таблицы и авторские рисунки.

ГЛАВА 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ

Географическая среда оказывала огромное влияние на жизнь первобытного общества, задерживая или ускоряя темпы его прогресса, влияя на выбор форм хозяйственной деятельности, характер контактов, темпы социального развития. В силу этих обстоятельств рассмотрение современных физико-географических условий и палеоэкологических данных для изучаемого района представляется совершенно необходимым.

Район исследования по природным условиям является весьма контрастной территорией, так как сюда входит переход от ландшафтов южной тайги к подтайге (травяным лесам) и северной лесостепи, а также наложение на зональные подразделения своеобразных долинных комплексов Енисея и Ангары.

1.1. Современные физико-географические условия и ландшафтная структура района исследования

Он охватывает западную часть южнотаежной подзоны Средней Сибири (см. рис. 1), которой в физической географии принято именовать южную часть таежной зоны в пределах Средне-Сибирской географической области (страны). Поскольку подзона представляет собой в общих чертах широтный отрезок страны, то ее западная и восточная границы совпадают с такими же границами Средней Сибири [Средняя..., 1964; Пармузин, 1968, с. 369].

Западную границу Средней Сибири в пределах южнотаежной подзоны разные авторы проводят по-разному. Так, П. П. Семенов-Тянь-Шанский [Окраины России, 1900], Ю. П. Пармузин [1958], Ю. А. Щербаков [1962] провели ее несколько западнее Енисея; другие [Естественноисторическое ..., 1947; Михайлов, 1960а; Рихтер, 1958, 1960] наоборот – несколько восточнее Енисея. Третьи, например, Л. В. Шумилова [1962], С. П. Суслов [1954],

М. П. Брицына и др. [Схема ..., 1962] включают в Среднюю Сибирь бассейн верховьев Кети, Кеми и Кемчуга. Четвертые [Геоморфологическое ..., 1947; Кац, 1947; Брицына, 1962] считают более правильным проводить границу по долине Енисея. Эта неоднородность взглядов объясняется не только различной целевой направленностью районирования в перечисленных районах, но и некоторой постепенностью изменения природных условий, т. е. наличием в этом месте переходной полосы [Попов, 1982, с. 19]. Особенности размещения природных факторов в районе наиболее полно, по нашему мнению, отражены в районировании Ю. П. Пармузина с соавторами [1961]. В их варианте указанная граница проходит по левобережью Енисея и затем у п. Предивинска отклоняется на юго-запад. Здесь же, у Предивинска начинается граница между таежной и подтаежной зонами. В рамках этой концепции мы и определяем западную границу южнотаежной подзоны Средней Сибири и района настоящего исследования (см. рис. 1; 2).

Северную границу южнотаежной подзоны Средней Сибири большинство авторов [Пармузин, 1958; Пармузин и др., 1961; Лиханов, Хаустова, 1961; Щербаков, 1962] проводят по водоразделу между Ангарой и Подкаменной Тунгуской с пересечением последней вблизи устья р. Тэтэре. Л. В. Попов считает, что северная граница южнотаежной подзоны пересекает Подкаменную Тунгуску (Катангу) значительно выше по течению, очевидно, около Угояна [Попов, 1982].

Исходя из приведенных границ, южнотаежная подзона Средней Сибири простирается более чем на 1100 км по долготе (от устья Ангары на западе до низовьев Витима на востоке) и на 800 км по широте (от водораздела между Ангарой и Подкаменной Тунгуской на севере до предгорий Приморского хребта на юге). В состав подзоны входит значительная часть бассейна р. Ангары, почти полностью бассейн верхнего течения р. Лены, южная часть Енисейского кряжа и часть бассейна верховьев Подкаменной Тунгуски (Катанги). Общая площадь подзоны, согласно картометрическому

определению, составляет 520 000 кв. км, из которых 86 % приходится на лесную площадь [Попов, 1982].

Район исследования расположен в западной части южнотаежной подзоны Средней Сибири и охватывает южную тайгу Среднего Енисея и низовья р. Ангары. Для его названия М. Ф. Елизарьевой [1962] в 1962 г. был предложен термин «Енисейское Приангарье», который не закрепился.

По геологическому строению, рельефу, климатическим условиям, особенностям растительности и составу фауны на территории исследования можно выделить ряд отличающихся друг от друга районов [Средняя ..., 1964] (см. рис. 2).

Большей частью территория включает *долины северного участка среднего течения Енисея и западной части нижнего течения Ангары*. Именно здесь сосредоточены все известные в районе археологические памятники бронзового и раннего железного веков.

Морфология речной долины Енисея, на интересующем нас участке, имеет различные структурные условия лево- и правобережья. Левобережная часть находится в пределах Енисейской равнины и Кемчугской возвышенности Западно-Сибирской низменности, а правобережье – на территории антиклизы Сибирской платформы, вдоль Енисейского кряжа [Чеха, Баранов, 2002]. Поэтому террасы правобережья Енисея значительно выше левобережных берегов. Морфология же ангарских берегов сходна, так как долина Ангары нижнего течения проходит по Ангарскому прогибу или Нижне-Ангарской возвышенности Приангарского (Ангаро-Чунского) траппового плато.

В долинах рек Енисея, Ангары и их притоков располагается целая серия цикловых эрозионных, эрозионно-аккумулятивных и аккумулятивных речных террас (табл. 2). В рельефе отчетливо выражены эрозионно-аккумулятивные террасы (более 25 м), несущие аллювиальные песчано-галечные покровы мощностью до 20–30 м. Почвообразование протекает на продуктах разрушения аргиллитов, алевролитов, песчаников и мергелей в

основном суглинистого состава [Горбачев, Попова, 1992]. Ширина этих террас достигает 2–5 км. Низкие аккумулятивные террасы (менее 25 м) наиболее хорошо выражены в равнинных участках речных долин, где достигают значительной ширины. Они прослеживаются почти на всем протяжении территории исследования. Почвообразующие породы представлены здесь аллювиальными песчаными и супесчаными, а также глинистыми отложениями, лессовидными суглинками и карбонатизированными песками. Все мелкие притоки Енисея, Ангары и Тасеевой в их междуречье текут по морфологически поперечным долинам, которые в основном имеют V-образную форму и лишены террас. Река Кеть в своих верховьях, наоборот, протекает по продольной долине, которая широкая, плоскодонная и сопровождается террасами. Кромка террас, которая выходит на берега рек, как правило, имеет повышенные и пониженные участки. Повышенные участки террас более сухие, покрыты преимущественно сосновыми борами с низким травостоем. Пониженные участки террас из-за повышенной влажности имеют густую растительность, иногда заболочены.

Река Енисей в пределах территории исследования представлена лишь небольшим отрезком протяженностью около 230 км. Здесь для реки характерно высокое весеннее половодье, ежегодно повторяющиеся летне-осенние паводки и очень небольшой сток зимой. Наибольший объем месячного стока наблюдается в июне [Гидрология..., 1976; Львович, 1971], что приводит к увеличению скорости течения. В это время многие ценные виды рыб нерестятся. Енисей – река с устойчивым руслом [Лодина, 1997]. Через район исследования он течет вдоль антиклинория Енисейского кряжа. Ширина долины здесь около 11 км при русле до 2 км. При пересечении отрога кряжа расположен Казачинский порог, где русло суживается до 350–600 м. Ниже река снова расширяется до 1 км. Средняя скорость течения Енисея – 6–7 км/ч. Исключение составляет створ Казачинского порога, где русло на 1 км отрезке падает на 1 м и скорость течения достигает 18 км/ч.

Весенний подъем воды сравнительно невелик (в среднем 6,35 м в районе с. Казачинского и 8,65 м в районе г. Енисейска) [Многолетние..., 1985]), но высокие уровни держатся все лето, в результате чего галечные отмели и пабереги (бечевники) остаются под водой. Енисей отличается сравнительно малой изменчивостью стока в многолетнем ходе, что приводит к устойчивому положению борта террас, они не подмываются.

Крупным притоком Енисея в южнотаежной подзоне является р. Ангара, которая вытекает из озера Байкал. В пределах района исследования расположен самый нижний участок реки и устье. Здесь Ангара имеет вид плеса с глубиной 4–5 м и шириной русла 700–1500 м. Питание реки осуществляется за счет стока Байкала, а также снеговых и дождевых вод. Снеговые и дождевые паводочные волны, формирующиеся на ее притоках, накладываются на высокую межень Ангары, поэтому амплитуда колебаний уровней в устье достигает не более 7 м. Ангара – многоводная река – в устье она имеет сток на 20 % больше, чем у Енисея в месте слияния. Коренные берега Ангары гористые, скалы круто обрываются к руслу. В этих местах река образует пороги и шиверы. В район исследования входит и наиболее крупный приток Ангары – р. Тасеева, которая имеет в низовьях 6–8 надпойменных террас высотой до 90–140 м [Лаухин, 1967, с. 129–139]. Остальные притоки Енисея южнотаежной подзоны небольшие и протекают по залесенной территории. Питание их осуществляется за счет талых снеговых вод, с некоторым увеличением доли подземных. Наибольший объем месячного стока этих рек приходится на май, что обусловлено таянием снегов в данное время [Зайков, 1946].

Замерзание рек в районе исследования начинается с низовий. Установление ледостава наблюдается в конце ноября. Продолжительность существования ледяного покрова составляет 5,5 месяцев. Начало весеннего ледохода, в среднем, относится к концу апреля. Средняя его продолжительность равна 7–8 дням. Во время ледохода, когда на пути встречаются отмели или суженные участки русла, образуются ледяные

перемычки, способствующие образованию торосов. В таких местах живое сечение реки забивается льдом и шугой. Все это приводит к образованию зажоров и большому микроподъему воды, которая подтопляет берега. Характер весеннего половодья, который приходит в мае, у Енисейска определяются не столько волной паводков, сколько поступление полых вод Ангары. Пик половодья здесь выражен более четко, чем выше по течению: уровень реки поднимается в среднем на 8 м. Кроме этого, за лето на больших реках подзоны, как правило, проходят один–два небольших дождевых паводка, а наибольшее их число в году достигает трех–четырех. Во время половодий и паводков в районах сужения долин (например, Казачинского и Стрелковского порогов) действовали подпоры, что способствовало формированию временных подпорных озер. Следовательно, в связи с наличием «фиксированной геоморфологической ловушки» выше этих участков время от времени происходило формирование «заторного водоема» – участка одновременного осадконакопления и размыва [Коржуев, 1997]. На среднем Енисее в позднем плейстоцене и голоцене установлено существование целой серии таких водоемов [Ямских А. Ф., 1993; Ямских, Ямских, 2000]. Неоднократное затопление первой надпойменной террасы отмечено, например, на целой серии археологических памятников, расположенных выше Казачинского порога и изучаемых автором совместно с палеоэкологами [Ямских А. А., 1994, с. 5-7; Ямских А. Ф., 1994б; Геохронология ..., 2002; Археология..., 2003].

Долина Енисея ниже ангарского устья и примыкающие к ней лога заняты елово-пихтовыми лесами с изрезанным травостоем, в составе которого есть элементы лесного и лугово-лесного разнотравья, но преобладает – таежное мелкотравье. Долина Енисея выше устья Ангары хорошо дренированная, с березовыми, осиново-березовыми и сосново-березовыми лесами. Нередко встречается лиственница на серых лесных или дерново-подзолистых почвах. На пойме реки произрастают леса с хорошо развитым травянистым покровом, представленным дягилем, дудником

лесным, осотом разнолистным, черемицей белой и др. Широко распространены луговая растительность и кустарниковые сообщества [Любимова, 1962]. Пойменные луга занимают сравнительно небольшую площадь и приурочены к отдельным островам и прибрежным участкам поймы реки [Шумилова, 1962а]. На аллювиальных террасах Ангары распространены сосновые травянистые боры с высотой деревьев до 25 м. В кустарниково-травянистом покрове этих боров произрастает шиповник, много злаков, бобовых, зонтичных, имеются лесостепные и даже степные виды трав.

Основными водными артериями, сходящимися в районе исследования, являются р. Енисей и Ангара с ее левобережным притоком (р. Тасеева). Неся свои воды через различные географические зоны, реки района создают условия для развития связей между жителями различных природных регионов. Енисей имеет субмеридиальное простирание и течет на протяжении более 3 тыс. км от сухих степей до тундры и полярных пустынь. Ангара течет в широтном направлении и лежит значительной площадью своего бассейна в подзоне южной тайги. Река Тасеева протекает из горно-таежных районов Восточного Саяна через лесостепь до южной тайги.

К долинам Енисея и Ангары с разных сторон примыкают отдельные провинции и округа, которые неоднородны по физико-географическим характеристикам.

Енисейский кряж тянется вдоль правого берега Енисея и прорезается долиной Ангары. Кряж представляет собой преимущественно горную складчатую систему с абсолютными высотами от 300 до 1100 м с глубоким расчленением поверхности и выраженной вертикальной поясностью растительности. Главные природные ресурсы провинции – железные руды (Ангаро-Питский бассейн) с расположенными вблизи огнеупорами, магнетитами, кварцитами, доломитами. Здесь же залегают титановые и марганцевые руды, алюминиевое сырье, нефелиновые породы, сурьма, ртуть, молибден, цинк, свинец, олово, вольфрам, золото, а по юго-восточной

окраине – уголь. Довольно велики растительные ресурсы, здесь отмечены не только древесина лиственницы, сосны, кедра, но и ягодники, смолистые, лекарственные и другие растения. Флора Енисейского края насчитывает 800 видов сосудистых растений.

Приангарское южнотаежное плато примыкает к району исследования с востока, имеет абсолютные высоты порядка 300 м, отдельные окраинные участки возвышаются до 500 м. Плато характеризуется очень слабым расчленением и на значительной территории заболочено. Провинция представляет собой возвышенную равнину, полого опускающуюся к северо-западу. Равнинное, в общем, строение поверхности нарушено Ангарскими складками и многочисленными выходами траппов [Лиханов, 1964]. Бассейн р. Каменки и правобережная часть бассейна р. Иркенеевой заняты, преимущественно, сосновыми и лиственничными лесами [Попов Л.В., 1982]. В междуречье Ангары и Тасеевой преобладают темнохвойные и сосновые леса. На междуречье Чуны и Бирюсы местами отмечаются островки ягельника. Из минеральных ресурсов провинции наибольшее значение имеют гематитовые руды, в т. ч. и для получения железа.

Енисейская южнотаежная равнина входит в район исследования с северо-западной стороны, несколько неоднородна по характеру рельефа. Ее западная часть представляет собой заболоченную территорию с абсолютными высотами 100–150 м, редко более 200 м. Протекающие здесь по заболоченным долинам притоки рр. Кети и Чулыма имеют слабое течение. На востоке расположена водораздельная гряда, разделяющая бассейны Оби и Енисея. Здесь в основном отмечаются высоты 150–200 м, а на юге еще больше. Водораздел расчленен неглубокими долинами притоков рр. Чулыма, Кети, Енисея. В этой части равнины преобладает пологоувалистый рельеф; заболоченных участков мало, и они приурочены к левым берегам рек; правые берега возвышенные, сухие. На восточной окраине равнины основную роль в рельефе играют левобережные террасы Енисея, ширина которых колеблется в пределах 10–25 км. В левобережной части Енисея очень много болот, и

поэтому некоторые исследователи называют эту тайгу лесоболотной. Образование болот и болотных почв связано с относительно большим количеством осадков, малым их испарением и наличием на небольшой глубине водонепроницаемых горных пород. На участке распространены темно-хвойные и смешанные леса [Ерохина, 1961; Елизарьева, 1962, с. 196–199].

Кемчугская лесная возвышенность лежит в юго-западной части района исследования и представляет собой часть предгорной наклонной равнины Восточного Саяна. На юге расположены наиболее возвышенные и расчлененные участки с абсолютными высотами 400–500 м. Климат здесь значительно суровее, по сравнению с лежащими западнее и восточнее лесостепными районами, и приближается к среднетаежным районам. Главные водные артерии территории – реки Большой и Малый Кемчуг, как правило, имеют извилистые русла. Левые берега рек, текущих на север, обычно низменные, заболоченные, правые – более возвышенные и сухие. Большая часть возвышенности покрыта лесами, как влаголюбивыми пихтово-еловыми с примесью кедра, березы и осины, так и сосново-березовыми. Среди последних часто можно встретить поляны с густым и высоким (в рост человека) травостоем [Елизарьева, 1962; Лиханов, 1964].

Красноярская лесостепная предгорная равнина расположена с южной стороны от района исследования на стыке Западно-Сибирской равнины и предгорной равнины Восточного Саяна. Южная наиболее высокая и расчлененная часть этой территории представляет собой подгорную наклонную равнину. Абсолютные высоты здесь местами достигают 700 м, относительные превышения составляют 200–300 м и более. Центральная и северная части, занимающие большую площадь, расположены ниже; абсолютные высоты здесь обычно не превышают 400 м, а относительные – 150 м. По северной окраине довольно широко развит балочный рельеф. Ландшафт лесостепи образован сочетанием лесов паркового типа, занимающих плакоры, со степными ценозами, расположенными на крутых

склонах и в сухих долинах [Хотинский, 1961]. Характерно наличие наряду с березой и осиной хвойных пород – сосны и лиственницы. В узких речных долинах развиты темнохвойные елово-пихтовые леса [Сергеев, 1971, с. 236]. В лесостепи теплее и суше, чем в южнотаежных районах.

Внутриконтинентальное положение района исследования, удаленность его от отепляющего влияния атлантических воздушных масс и воздействие в зимнее время Центрально-Азиатского максимума определяют значительную континентальность климата [Галахов, 1962]. Современные климатические условия территории исследования представлены по районам в сводной табл. 3.

При переходе от лесостепи к южной тайге степная фауна постепенно сменяется луговой и таежной. В смешанных и хвойных лесах водятся типичные представители тайги: бурый медведь, белка, белка-летяга и соболь. Из копытных характерны косули, лоси, иногда заходят олени. Из грызунов обычны бурундук, заяц-беляк и различные виды полевок. К укромным залесенным местам приурочены логова волков, а к склонам балок – норы лисиц. Из мелких хищников распространены колонок, горноста́й, ласка. По берегам рек селится выдра, встречается бобр. На поймах рек обитают в большом количестве мышевидные грызуны.

Фауна птиц разреженных и березовых лесов почти идентична фауне лесостепи. Птичий мир хвойно-лиственных лесов отличается своеобразием. Здесь обитают глухари, рябчики, тетерева, дятлы, иволга, дрозд, кукушки, кедровка, дубонос и другие птицы. Среди ночных птиц можно отметить сов – ушастую, ястребиную и белую. Здесь также гнездятся орел-крикун, кобчики, беркут, сапсан, ястреб-тетеревятник, вороны, сороки, галки и другие птицы. На водоемах и их берегах заселяются чирки, кряква обыкновенная, косатка, лысуха, нырок хохлатый, гоголь обыкновенный, крохаль большой, чайки и другие водоплавающие.

Енисей, Ангара и мелкие их притоки богаты рыбой. Здесь водятся осетровые – стерлядь, осетр; лососевые – таймень, ленок, тугун, сиг.

В большом количестве имеются: хариус, щука, сорога, елец, язь, карась, пескарь, налим, окунь и др. [Подлесный, 1955; Природные..., 2001, с.178].

Необходимо отметить наличие в районе исследования значительного количества кровососущих насекомых – комаров, слепней, мокреца и мошки.

Таким образом, левобережная часть Енисея в районе исследования лежит в пределах Западно-Сибирской равнины и включает сосновые и березовые леса с сочетанием в долинах рек темно-хвойных лесов. Здесь очень много болот. В правобережье Енисея на Средне-Сибирском плоскогорье отмечается пестрота таежных угодий. Южнотаежная подзона характерна для право- и левобережья Ангары. Почвы здесь преимущественно подзолистые и дерново-подзолистые, а в горах горно-таежные дерновые.

Представленные современные климатические условия прохладного, достаточно увлажненного района благоприятны для комплексного ведения хозяйства. На полях успевают вызревать некоторые сельскохозяйственные культурные растения, например гречиха, озимая рожь, ранние яровые и др. Участки территории, занятые луговой растительностью, позволяют обеспечить кормом домашний скот. Богатые зверем и птицей леса способствуют круглогодичному занятию охотой, а многообразная ихтиофауна – рыболовством. Разнообразие природных условий, выразившееся в наличии нескольких отличающихся рельефом и растительностью районов, определило различия в хозяйственном укладе населения, которое осваивало эту территорию в древности. Природные богатства позволяли древним людям выбирать по мере необходимости основные источники своего существования и направлять деятельность в сторону охоты, рыболовства, пастушества, освоения металлообработки и т. д. Однако особенности ландшафта, климата, растительности, направление речных путей, наличие удобных рудных месторождений в разные историко-археологические эпохи и при разных социально-экономических обстоятельствах могли проявляться по-разному.

1.2. Палеоэкологические данные

Рассматриваемое нами время бронзового и раннего железного веков относится к позднему голоцену [Нейштадт, 1957] или к суббореальному (4500–2500 л. н.) и субатлантическому (2500–0 л. н.) периодам голоцена [Хотинский, 1977], климатические условия которых несколько отличались от современных. В работах палеоклиматологов, палеоботаников, лимнологов и других специалистов многочисленными фактами доказываются климатические изменения в послеледниковую эпоху, суть которых состоит в последовательном чередовании теплых и холодных, влажных и сухих периодов. Наступление позднеголоценового похолодания с понижением влажности (с 4500 л. н.), а в течение последних 3000 лет протекание переменного климата отмечено и на территории Сибири [Кинд, 1974].

Детальные исследования Западной Сибири показали существование в пределах голоцена 10 ритмов, длительность каждого – 1000 лет [Левина, Орлова, 1993]. Каждый из ритмов, в свою очередь, состоял из 4 климатических фаз: начинался тепло-сухими условиями, фиксирующимися по ксероморфной растительности, которые сменялись тепло-влажными ландшафтами с присутствием пихты и вяза. Во вторую половину ритма холодно-влажные условия, отмеченные по распространению карликовой березы, сменялись холодно-сухими с распространением ксероморфной растительности и сохранением карликовой березы. Изменения климата приводили к смене растительного покрова. На протяжении всего голоцена лес неоднократно наступал на степь и наоборот. Поскольку во второй половине голоцена климат был более влажным, то древесные значительно продвинулись на юг и приблизились к современным показателям [Левина, Орлова, 1993].

Исследованиями в долине Енисея также установлены значительные колебания температуры и влажности в позднем голоцене [Кошкарова, 1981; Стандартная..., 1988]. На основе изучения торфяников в бассейне р. Кас в северной части района исследования отмечается значительная

вариабельность растительного покрова в голоцене с общим трендом к уменьшению континентальности климата и увеличению влажности. При этом в континентальном теплом и сухом климате господствовали лиственничные ландшафты с остепненным травостоем. При снижении температуры преобладали еловые формации с таежно-кустарничково-моховым покровом. При повышенной тепло- и влагообеспеченности доминирующей была пихтовая крупнотравная формация с участием неморальных элементов. Для позднего голоцена периоды потепления и уменьшения влажности имели место 3500 л. н., а похолодания при повышенном увлажнении – 4500 и 2300 л. н.

В предложенной А. А. Ямских периодизации голоцена Сибири на основе модернизированной схемы Блитта-Сернандера представлена детализированная геохронология голоцена. По ней в суббореальном периоде зафиксировано существование трех тысячелетних ритмов. В начале было увеличение увлажненности климата с последующим похолоданием, сменившим потепление и некоторую аридизацию климата. Новое похолодание наступило около 3840 л. н. В пределах субатлантического периода фиксируется два подпериода. Для раннего характерна аридизация климата, а для позднего - последующее похолодание и увеличение влажности климата. Новое потепление зафиксировано около 1260 л. н., которое сменилось похолоданием около 820 л. н. Авторы предполагают, что в течение последних 200 лет имеет место фаза потепления климата [Археология ..., 2003, с.15].

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения в датах, все специалисты сходятся на том, что для Средней Сибири суббореальный и субатлантический периоды были временем переменного климата.

Рассмотрим имеющиеся данные района исследования для определения экологической среды, в которой жили люди с эпохи палеометалла.

Конец III – середина II тысячелетия до н. э. характеризуется относительно более холодным и влажным климатом суббореального

похолодания. В это время граница между подзонами средней и южной тайги сдвигается к югу примерно на 2°. На территории Енисейской равнины активизируется болотообразовательный процесс. На севере территории на повышенных участках преобладают кедрово-еловые травяно-хвощевые ассоциации, а в понижениях – елово-кедровые осоково-хвощевико-кустарничковые сообщества [Кошкарлов, Кошкарлова, 2003, с. 41–42]. Возможно, граница между лесом и лесостепью в левобережной части Енисея также смещалась на юг. На палинологическом спектре поселения Бобровка здесь отмечается широкое распространение древесных растений (березы, сосны, кедра и лиственницы, а также кустарничковой березы, ольховника и ольхи). Из споровых произрастали папоротники, хвощи и мхи [Археология ..., 2003, рис. 35].

В это время современная первая надпойменная енисейская терраса выше створа Казачинского порога испытывала период наиболее динамичного формирования. На поверхности террасы (по данным поселения Бобровка) происходили неоднократные аккумулятивные (принес материала склоновыми и половодными потоками) и эрозийные события (вынос тонкого материала по типу формирования почвенных кор). По-видимому, это был период относительно небольших половодий и паводков. На приустьевом же участке террасы происходило накопление склоновых легко- и среднесуглинистых горизонтов. Их формирование прерывалось половодьями, что фиксируется супесчаными и мелкопесчаными прослоями, разделяющими более тяжелые горизонты. Эти процессы, по-видимому, связаны с интенсивным хозяйственным использованием площади террасы и прилегающих возвышенных ландшафтов, что привело к деградации растительности и, как следствие, к активизации эрозийно-аккумулятивных процессов [Археология ..., 2003, с. 186].

Эпоха развитой бронзы, т. е. конец II тыс. до н. э., совпадает по времени с отмеченной большинством специалистов фазой сухого и теплого климата, которая сменила прохладно-влажный климат. Это так называемый период

суббореального ксеротермического максимума (3700–3000 л. н.), когда климат был сухим, что приводило к увеличению лесных пожаров, влияющих на формирование растительности. Потепление этого времени характеризуется повышением только зимних температур на 3°, понижением количества осадков в холодный период на 110 мм, в теплый – на 90 мм по сравнению с современными показателями [Кошкаров, Кошкарлова, 2003].

На Енисейской равнине заметно уменьшаются площади болот. В это время здесь отмечается обогащение комплексов видами сухих местообитаний. В лесном покрове ведущим лесообразователем становится лиственница и усиливается роль сосны. Под пологом преобладает малина. Господствуют травяные ассоциации. Пихтовая формация остается только на переувлажненной водораздельной равнине [Кошкаров, Кошкарлова, 2003, с. 41–42]. Для северных районов Красноярской равнины в это время отмечается деградация растительного покрова [Археология..., 2003, с. 106].

Многие исследователи считают, что в связи с засушливым климатом происходил сдвиг растительных зон к северу. Степь наступала на лесостепь, а лесостепь – на лес [Берг, 1950, с. 57; Предтеченский, 1957, с. 107]. Смещение на север границ ландшафтных зон (на расстояние до 200–300 км) отмечается для эпохи бронзы Западно-Сибирской низменности [Зубаков, 1972, с. 181–182; Потемкина, 1985, с. 28]. Вполне возможно, что и северная граница островной Красноярской лесостепной равнины несколько смещала южнотаежную подзону в левобережной части Енисея. Косвенно это подтверждается фитоолитными исследованиями на селище Шилка XII в районе Казачинского порога [Лисютина, 2008; 2009; Mandryka et al, 2011].

Однако не все палеогеографы признают смещение растительных зон в связи с изменением климата. Ф. Н. Мильков [1964, с. 154–156] считает, что границы лесостепной и степной зон на протяжении послеледникового времени мало изменялись, поскольку они относятся к числу наиболее территориально устойчивых природных комплексов. Пыльцевые и радиоуглеродные материалы, полученные Н. А. Хотинским при изучении

болот на юге Западной Сибири, позволяют считать, что сколько-нибудь значительного сдвига границы между лесом и степью за последние 5000–6000 лет на юге Западно-Сибирской равнины также не происходило [Хотинский, 1986].

Субатлантический период (2500–0 л. н.), как и предыдущий, также относится к периоду переменного климата. Видовой состав растительных комплексов в районе исследования свидетельствует об их неоднородности. Так, середина – конец I тыс. до н. э. характеризуется изменением климатических условий по сравнению с предыдущим периодом, еще большим похолоданием, но увеличением влажности. Среднегодовая температура воздуха понизилась на 2°, а годовое количество осадков увеличилось на 100 мм. По сравнению с аналогичными показателями современного периода отмечается понижение среднегодовой температуры воздуха на 1° и уменьшение количества годовых осадков на 100 мм [Ямских А. Ф., 1993]. Имеющиеся палеоклиматические данные были значительно дополнены установлением аномальных периодов похолоданий и потеплений за последние 2,5 тысячи лет по древесно-кольцевой хронологии. Установлено, что период аномального похолодания охватывает Северную Азию с 366 по 265 гг. до н. э. [Наурзбаев и др., 2001, с. 17–25].

На всей территории Каского бассейна Енисейской равнины в это время господствуют кедровые мохово-травяно-кустарничковые ассоциации, на дренированных равнинах и широких плакорах – с елью, в расчлененном рельефе – с сосной. Пихта отступает на юг со скоростью около 200 м/год, образуя большие массивы только с 57° с. ш. В травяном покрове принимают участие обычные для современной флоры этого района виды растений. Роль болот на всей территории Енисейской равнины значительна, особенно в северной части [Кошкаров, Кошкарова, 2003].

В южной части района исследования, на поселении Бобровка, элементарный профиль этого времени развивался в условиях преобладания древесной растительности (береза, сосна, кедр и лиственница, кроме того,

присутствуют кустарничковая береза, ольховник и ольха). Достаточно велико разнообразие споровых: Polypodiaceae, Sphagnum, Equisetum и плаунов, развитие которых характерно для гидроморфных кислых почв. Биоморфный анализ показал значительное разнообразие в слоях этого времени биоморф, присущих всем основным природным сообществам данной территории. Особо отмечается, что материнская порода горизонта В, относящегося к этому времени, сформировалась в результате многочисленных и маломощных эрозийно-аккумулятивных явлений. А материнская порода горизонта А, наоборот, относительно долгое время находилась на дневной поверхности без значительных эрозийно-аккумулятивных событий, что привело к последовательной сукцессионной смене растительных сообществ от лугового разнотравья до хвойных лесов на ее поверхности [Археология..., 2003, с. 188].

В долине Енисея с началом субатлантического периода (2500–2000 л. н.) связан период стабилизации рельефа, прекращения эрозийного сноса материала с окружающих ландшафтов, относительно длительное сукцессионное развитие экосистемы на поверхности первых надпойменных террас. Оно продолжалось, по-видимому, всю первую половину субатлантического периода. В этот период не зафиксировано крупных половодий, а прекращение эрозии прилегающих ландшафтов связано с уменьшением увлажненности климата.

Обращает внимание тот факт, что в связи с отсутствием серьезных половодий в начале субатлантики поверхность первой надпойменной террасы по всей долине р. Енисей интенсивно осваивается. Это документируется наличием на краю террасы стойбищ и жилищных объектов раннего железного века (селище Шилка XII/2 и др.), а также использованием выходов скальных гряд на пабереге для нанесения на них наскальных изображений (петроглифы Островки III).

Приблизительно с рубежа эр в северных районах изучаемой территории формируются типичные темнохвойные формации. Для периода

2000–1300 л. н. отмечается, что климат был теплее современного с повышенной увлажненностью [Ямских А. Ф., 1993]. Основным лесообразующим эдификатором является пихта. На севере района на возвышенностях господствуют пихтово- и кедрово-еловые (с березой) кустарничково-травяные группы ассоциаций, а на болотах – древесно-сфагновые. В южной части района преобладают елово-пихтовые (с березой и осинкой) и травяные ассоциации.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать динамичность изменения климата, который определял условия существования людей в периоды бронзового и раннего железного веков. По имеющимся данным, для этого времени в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары выделяется следующая климатическая последовательность:

- конец III – середина II тыс. до н. э. – суббореальное похолодание;
- конец II тыс. до н. э. – суббореальный ксеротермический максимум;
- середина – конец I тыс. до н. э. – холодный, но влажный климат;
- начало I тыс. н. э. климат теплее современного с повышенной увлажненностью, с середины V в. (или ранее) сменяется на холодный климат.

Необходимо заметить, что за исключением только поздней фазы суббореального периода весь район на протяжении последних 4,5 тыс. лет был покрыт лесами. Современное смещение южных границ таежной зоны на север до п. Предивинск связано с интенсивной вырубкой леса и освоением земель под сельскохозяйственные угодья [Сергеев, 1971; Кириллов, 1988].

Таким образом, в многолетней динамике и развитии ландшафтов района исследования отмечаются климатические колебания разной интенсивности, связанные с циклами солнечной активности и другими факторами. Они вызывают изменения степени увлажненности территории, что сказывается на колебаниях водности рек, интенсивности процессов заболачивания и разболачивания водоразделов. Климатические колебания приводили к смене растительности в отдельных провинциях района

исследования, что не могло не отразиться на процессах заселения и освоения территории разными группами населения.

Богатство района природными ресурсами, которые в древности служили не только источником пропитания, но и сырьем для производства предметов материальной культуры, могло служить одной из причин расселения здесь людей, традиционно занимающихся различными формами ведения хозяйства. Отсутствие серьезных орографических препятствий не ограничивали свободу перемещения населения из восточных районов, из долин Ангары, Нижней и Подкаменной Тунгуски. Не было препятствий и для массового перемещения населения из Западно-Сибирской равнины, несмотря на заболоченность плоских поверхностей Енисейской равнины. Болота на водоразделах легко обходились по дренируемым участкам рельефа – надпойменным террасам рек, водораздельным гривам. Енисей, протекая через различные географические зоны, создавал прекрасные условия для миграции населения из южных районов, для развития культурных связей между аборигенами тайги и продвинутыми обществами степей Евразии.

Сочетание разнообразного рельефа в районе исследования не только оказывало влияние на природные процессы в рамках позднего голоцена, но и создавало благоприятные возможности для занятия людьми охотой, собирательством, рыболовством и скотоводством. Изменения климата и среды обитания в разные периоды неизбежно должны были сказаться на культуре обитателей района и особенно их хозяйстве. Результатом этой адаптации в южнотаежном районе Среднего Енисея и низовьев Ангары становилось либо изменение автохтонной археологической культуры, либо появление новой, связанной с выходцами из других регионов.

1.3. Историографический очерк изучения бронзового и раннего железного века района

В истории изучения эпохи палеометалла долины среднего Енисея и низовьев Ангары в южнотаежной подзоне можно выделить три основных

периода, каждый из которых ознаменован определенными качественными изменениями и конкретными событиями, объемом источников, методологией, уровнем теоретического осмысления и интерпретации археологического материала [Мандрыка, 2017в].

Первый период относится к XVII – первым двум десятилетиям XX в. и отмечен, в основном, случайными находками древностей в районе. В этот период зарождается археология как наука и повсеместно проходит накопление материала.

Первые сведения о наличии археологических памятников на территории района исследования связаны с упоминанием о древних наскальных изображениях. В некоторых работах коллег закралось ошибочное мнение, что Николай Гаврилович Милеску Спафарий в 1675 г., следуя во главе посольства в Китай [Спафарий, 1882], сообщает о наскальных рисунках, расположенных на Енисее ниже Казачинского порога [Заика, 2011, с. 22; 2013, с. 8]. По мнению Ю. Г. Белокобыльского [1986, с. 9] и М. А. Дэвлет [1996, с. 6–7] эти петроглифы находятся далеко на юге от Енисейска, ниже Саянского каньона, с чем следует согласиться [Мандрыка, 2015], так как в собственных описаниях путешественника четко указывает на место их размещения.

Будучи в Енисейске, Н. Спафарий узнает, что «... ходят красноярские по Енисею по хмель, потому что много родится по островам. А до большого порога не доезжая, есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела. Как сказывают, что в том камне вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог по Енисею, по которому никто не смеет ходить на судах, потому что утесы высокие по обеим сторонам стоят. Только ходят дорогою и обходят тот порог по 5 дней, потому что столько места держит тот порог. А ходят они за порог по хмель на острова. А далее того Русские люди не ходят»

[Спафарий, 1882, с. 86–87; Милеску Спафарий, 1960, с. 70]. В другом месте у Спафария есть еще упоминание об этом пороге «А вершины реки Енисея никто не знает для того, что доходят по ней за Красной яр далеко. И тут порог непроходимый пятидневной. И по горе пешими ходят за порог и собирают на островах хмель. А из того места еще далее незнатные вершины ее» [Спафарий, 1882, с. 91]. Исходя из приведенных сообщений ясно, что утес с наскальными рисунками расположен на Енисее в верхнем его течении значительно выше Красноярска, но ниже Саянского каньона. Здесь Енисей течёт в узкой долине хребтов Западного Саяна, местами в каньоне, где до строительства Саянской ГЭС было много порогов (Большой, Дедушкин, Джойский и др.). Только такой каскад из нескольких порогов и шивер можно было обойти в течение 5 дней. Казачинский же порог, протяженность которого около 5 км, обойти берегом можно за пару часов, да и рекой он проходим – русские поднимали свои суда, тянув их бичевой с берега.

Особая веха в изучении Сибири принадлежит участникам больших комплексных экспедиций, организованных русским правительством в 20-е гг. XVIII в. Известно, что через район дважды проезжал руководитель первой Академической экспедиции Д. Г. Мессершмидт, состоявшейся в 1721–1725 гг. Первый раз летом 1723 г., когда он из Красноярска сплавился по Енисею до Туруханска и далее поднялся по Нижней Тунгуске до Лены. Второй раз в районе он был в 1725 г., в конце трехнедельного сплава на лодке вниз по Ангаре из Иркутска и по Енисею до г. Енисейска. В низовьях Ангары ниже устья р. Чадобец у д. Климово (ныне д. Климино) со скалы «Писанный камень» Д. Г. Мессершмидт срисовывает изображения двух всадников, выполненные охрой [Messerschmidt, 1962; Заика, 2013, с. 10].

Через район проезжали и участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, профессора Г. Миллер, И. Гмелин. Зимой 1733–1734 г. они вместе проехали от Енисейска до Красноярска и продолжили свой путь до Иркутска. На обратном пути, они, совершив плавание по Ангаре, остановились в Енисейске, где пробыли с 25 августа 1738 г. до 27

мая 1739 г. В 1739 г. Г. Миллер и И. Гмелин совершали экспедиции по Енисею. Сначала они спустились к г. Туруханску, в котором пробыли месяц, затем поднялись по Енисею до Саянского хребта и оттуда поплыли 19 августа в Красноярск, куда добрались к 7 ноября. Г. Миллер покинул Красноярск 2 февраля 1740 г., избрав маршрут на Томск. И. Гмелин остался в Красноярске и летом 1740 г. совершил ряд экскурсий. В сентябре он также покинул Красноярск, выехав в Томск.

В работах этих ученых есть упоминание о тех же наскальных рисунках на Ангаре у д. Климино, ранее описанных Д. Г. Мессершмидтом. Осмотрев петроглифы И. Г. Гмелин не обнаружил на них «...ничего более, чем фигуры двух всадников на лошадях, грубо намалеванных красной краской [Окладников, 1966, с. 71]. В труде Г. Ф. Миллера, в отдельном разделе «О сибирских писанных камнях», он также отметил «скудность» увиденных на ангарской скале изображений «...Ни по числу, ни по разнообразию изображений она далеко не может быть приравнена к вышеописанным скалам (имеются ввиду осмотренные им ранее писаницы на Урале, р. Томи и Енисее – ПМ). Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее, то мог заметить на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок». Вместе с этим Г. Миллер указал место их расположение – «На правом берегу этой-то Тунгуски (Ангары – ПМ), который в этом месте северный, расположена скала, в 13 верстах ниже устья реки Чадобца и в 17 верстах ниже устья реки Муры» [Миллер, 1999, с. 529]. Здесь, очевидно, в переводе труда Миллера допущена неточность, не ниже, а выше реки Муры, так как речь идет об одной скале. Эта скала находится возле современного п. Хребтовый и известна как «Писанный камень», на которой в настоящее время зафиксированы не только всадники, но и антропоморфные и териоморфные изображения [Заика, 2013, с. 41, табл. 11].

Во второй половине XIX в. с целью всестороннего изучения низовьев Енисея в г. Енисейске начала работу Туруханская экспедиция Географического общества во главе с И. А. Лопатиным. В 1875 г., совершая

небольшую экспедицию на Ангару, исследователь открывает наскальные рисунки у с. Рыбное, о которых он сообщает Д. А. Клеменцу [Заика и др., 1997, с. 124]. Однако осмотреть и снять этот петроглиф Д. А. Клеменцу во время своей экспедиции в 1888 г. не удалось, «... потому что добраться до нее (писаницы – ПМ) можно только на лодке ...» (помешал сильный ветер) (цит. по: [Окладников, 1966, с. 9]). Тогда же или в 1889 г. Д. А. Клеменц вместе с И. А. Лопатиным открывает петроглиф «Оленный Утес», расположенный в нескольких километрах ниже с. Рыбное [Заика, 2013, с. 12] и осматривают стоянку на территории села.

Первая специальная экспедиция с научными целями поиска археологических древностей на Ангаре была проведена Н. И. Витковским. В 1882 г. при поддержке ВСОРГО он сплавился от Иркутска до устья р. Тасеевой, осмотрел несколько писаниц, в том числе «Писанный камень», и частично раскопал ряд стоянок и могильников в верхнем и среднем течении Ангары. Последним по его маршруту пунктом, в котором он провел археологические изыскания, была стоянка Чадобец [Витковский, 1889а, с. 42], а не устье р. Тасеева, как сообщают некоторые исследователи [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989, с. 191, 210; Лысенко, Гревцов, 2006, с. 47; и др.]. Результаты поисковых работ позволили Н. И. Витковскому высказать предположение о том, что Ангара в древности была контактной зоной между Прибайкальем и Минусинской котловиной. Исследователь обратил внимание на находки медных и бронзовых изделий в таежной полосе Сибири и первым предположил их занесение в долину Ангары из Минусинской котловины [Витковский, 1889б, с. 24]. Позднее, в письме к Д. Н. Анучину, он высказал мысль о существовании здесь памятников местной бронзовой культуры. «До сих пор мало, точнее ничего, не было известно о нахождении медных орудий в Балаганском округе, – писал Н. И. Витковский. Если принять во внимание, что орудия эти орнаментом, а некоторые и формой значительно отличаются от находимых в классических местонахождениях Сибири – Минусинском округе, можно допустить, что

Балаганский округ в медный период представлял собой некоторый самостоятельный центр» (цит. по: [Окладников, 1950, с. 34]). Несмотря на ограниченность своих теоретических обобщений и недостатки в методике раскопок, Н. И. Витковский заложил основы археологического изучения таежной зоны Средней Сибири, но памятники долины Енисея остались вне поля зрения исследователя.

Первая документированная археологическая находка в таежной зоне среднего Енисея была обнаружена в конце XIX в. В 1892 г. в фонды Красноярского краеведческого музея через А. С. Еленева от Т. П. Щепятковского поступает клык медведя с отверстием, который был найден в г. Енисейске [ККМ, кол. 211 – 115]. В это же время с берегов Ангары со стоянки у с. Рыбное поступают керамические черепки и железный нож [ККМ, кол. 211 – 88-91, 136].

В 1908 г. первой известной находкой из Чуно-Ангарья можно считать каменное тесло, обнаруженное в долине р. Чуны в районе слияния с р. Оной [ККМ, кол. 26]. На следующий год из этого же Чуно-Ангарского района в Красноярский музей доставляются целая серия бронзовых предметов – топор, серп, наконечник стрелы, пряжка, ажурная подвеска, серьги, орнаментированное зеркало и вилка [ККМ, кол. 41 – 19-28].

В 1909 г. из долины р. Кеми от члена Красноярского подотдела ИРГО Н. Н. Кубе поступила прямая железная сабля без рукояти и два железных наконечника копья, найденные в семи верстах от д. Вагиной [Отчеты..., 1912, с. 58–59; ККМ, кол. 36].

Для научно-просветительской и культурной деятельности жителей Енисейской губернии по инициативе А. И. Кытманова, Н. В. Скорнякова и М. О. Маркса при городском самоуправлении в 1883 г. в г. Енисейске основывается общественный музей, фонды которого с момента открытия стали регулярно пополняться археологическими предметами. Однако большая часть археологической коллекции музея даже сегодня состоит из отдельных предметов, с неизвестным адресом происхождения, случайно

найденных и пожертвованных частными лицами. Известно, что до 1886 г., во время строительства Обь-Енисейского канала англичанин П. А. Бойлинг собрал коллекцию каменных орудий и, по сообщению Н. М. Ядринцева, передал ее в Енисейский музей [Ковешникова, 1992, с. 102–103]. По другим данным, частная коллекция П. А. Бойлинга, состоящая из 799 медных, каменных, железных, костяных и чугунных предметов, была передана основной частью в дар археологическому музею Томского университета, а некоторые материалы – в Минусинский музей [Вдовин, Кузьминых, 2011, с. 111]. В конце XIX – начале XX вв. с Енисейским музеем работал и А. И. Кытманов, который совершал неоднократные археологические поездки по нижнему течению Ангары и на Обь-Енисейский канал. Именно в это время фонды музея пополняются разнообразными бронзовыми и железными изделиями, фрагментами керамики и другими предметами. Известна информация о поступлении в музей представительной частной коллекции ссыльного Иосифа Августовского, состоящая из 219 предметов каменного века, 56 бронзовых и 101 железных орудий и 37 «инородческих» предметов. Данные вещи, по всей вероятности, были добыты в Ангарском крае и частью в Минусинском уезде [Вдовин, Кузьминых, 2011, с. 111–112]. Отдельные материалы раннего железного века из этого музея опубликованы уже в наши дни [Ломанов, Заика, 2002].

С начала XX в. «шефство» над археологическими коллекциями взяли сотрудники Красноярского музея, которые неоднократно совершали служебные поездки в Приангарский край. Одна из таких поездок состоялась в 1912 г., во время которой А. П. Ермолаев описывает еще одну частную коллекцию чадобского торговца. Большая часть предметов была собрана на Чадобской стоянке, часть на Подкаменной Тунгуске, а железные предметы принадлежности шаманства – в тайге по реке Чуне. Эта коллекция, возможно, была приобретена Д. С. Каргаполовым для Канского музея [Вдовин, Кузьминых, 2011, с. 112].

С 18 по 28 августа 1920 г. директор Красноярского музея А. Я. Тугаринов и археолог музея доктор Г. Мергарт, сплаваясь по Енисею на лодке, совершали попутные остановки в местах впадения рек и речек [Тугаринов, 1920, л. 6,17; Яворский, 1925, л. 130]. В ходе этой поездки они открывают разновременную стоянку у с. Маклаково [ККМ, кол. 211 – 537-538; Макаров, 1989, с. 145]. От этих же исследователей в фонды Красноярского музея поступили черепки и предметы раннего железного века, собранные у с. Каменского [ККМ, кол. 211 – 539-553]. Эти материалы легли в основу названия каменско-маковского культурно-хронологического комплекса [Мандрыка, 2007]. Теперь мы можем говорить о том, что эта поездка положила начало научным археологическим исследованиям Енисейской долины в пределах южнотаежной подзоны.

Таким образом, деятельность исследователей до 1920 г. побудила интерес к изучению района, способствовала формированию научных представлений и дала толчок к дальнейшему изучению древностей.

Второй период истории изучения бронзового и раннего железного века района настоящего исследования охватывает 20-е – конец 60-х гг. XX в. Это был период становления и развития археологических методов изучения древнейшей истории, дальнейшего накопления археологических источников, начала осмысления имеющегося материала и построения первых культурно-хронологических концепций древней истории региона.

К началу 20-х гг. XX в. на территории южнотаежного среднего Енисея и низовьев Ангары было известно небольшое число памятников археологии. Из соседних же лесостепных районов Красноярска и Канска имелась целая серия разрозненных бронзовых вещей, изучением которых впервые занялся Г. Мергарт. Этот австрийский ученый оказал большое влияние на становление сибирской археологии [Ларичев, 1969, с. 148–153; Окладников, 1950, с. 46–47; Белокобыльский, 1986, с. 119–132; Китова, 1995, с. 44–48; 2007, с. 51–59, 164–170; Детлова, Макаров, Эренфрид, 2005, с. 269; Детлова, 2006, с. 415]. Основные теоретические высказывания Г. Мергарта отражают

получившие развитие в начале XX в. в западноевропейской науке идеи, связанные со школой культурных кругов или культурно-исторической школой [Левин, Токарев, 1953]. Развивая идеи финского археолога А. М. Тальгрена, он отмечал, что «урало-алтайская культура» эпохи металла в Северной Азии подразделяется на ряд локальных, одновременно существующих, самостоятельных культур – минусинской, красноярской, томской и уральской.

Для характеристики «красноярской культуры металла» Г. Мергарт пользовался случайно найденными изделиями (в основном, кельтами), поскольку известных и изученных памятников этой эпохи практически не было. Несмотря на скудность и типологическую ограниченность материалов, он тем не менее предложил выделить в самостоятельный очаг культуры бронзы красноярско-канскую лесостепь и тайгу [Merhart, 1926, s. 26-27]. Рассматривая группу безушковых кельтов с геометрическим орнаментом и литейные формы, исследователь считал, что в районе Красноярска находился центр бронзолитейного производства, сырье для которого доставлялось из Минусинской котловины. Сравнивая минусинские материалы с находками из северных районов лесостепной и таежной зоны, Г. Мергарт отмечал взаимовлияние и взаимодействие культур, культурное движение племен эпохи металла с юга на север. Он утверждал, что часть бронзовых находок лесостепи и тайги «явно южного происхождения». В то же время в «минусинской культуре» им выделялся ряд бронзовых вещей, украшенных геометрическим орнаментом (безушковые кельты, ножи), основной ареал которых ограничивался севером. Это свидетельствовало о постоянных контактах населения приенисейских степей и их северных соседей. Однако исследователь совершенно правильно заметил, что кельты с геометрическим орнаментом из северных районов своим происхождением не связаны с минусинскими [Мергарт, 1923, с. 32–35]. Он подчеркивал, «... что минусинская бронзовая культура как таковая, в первоначальном варианте не касалась красноярского края, что она, при весьма обильном экспорте на

север, впервые появилась сама в районе Красноярска ... в своей заключительной фазе и сильно измененном облике» [Merhart, 1926, s. 50].

Рассматривая однотипные бронзовые зеркала, «кривые ножи», кинжалы, кельты и геометрическую орнаментацию на вещах «красноярской», «минусинской» и «томской» культурах, Г. Мергарт сделал важный вывод об одновременном их существовании в рамках эпохи бронзы и железа (VI в. до н. э. – VIII в. н. э.). Отдельные элементы этих культур, по его мнению, свидетельствуют об их связях с культурами востока Европейской части России, в частности с сейминской и ананьинской. Сейминские кельты, распространившись на восток, оказали решающее влияние на формирование «красноярских топоров» с ушками и рельефным геометрическим орнаментом. Эти предметы послужили ему основанием считать, что «красноярская культура» на раннем этапе выступала посредником между Минусинской котловиной и Сеймой [Merhart, 1926, s. 76]. Со временем ананьинской культуры Г. Мергарт связывал распространение из Восточной Европы на Енисей шестигранных кельтов с полосой рельефного орнамента. В эпоху поздней бронзы, по его мнению, также с Запада на Енисей проникают кельты с ушком на прямоугольном по очертанию полотне.

«Красноярская культура», выделенная Г. Мергартом, достигает центральных областей лесостепных районов Красноярского, Ачинского и Канского уезда, что проявилось в оригинальной керамике, жерновах, глиняных кружках и типичной железной утвари. Далекю на север, в таежную зону, по мнению исследователя, эта культура не проникла, обработка железа там была, видимо, неизвестна. Изучение же керамики позволило Г. Мергарту указать на то, что «элементы стиля культуры железного века» проникали до северной лесостепи и подверглись там ассимиляции. «Ясного выделения керамических групп, которое возможно в центральной части края, нельзя произвести на севере» [Мергарт, 1923, с. 34]. На основании этого Г. Мергарт предположил, что в северной лесостепи эпоха неолита продолжалась до железного века и «...схема, по которой между неолитом и железом нужно

вставить бронзу, распадается и должна быть заменена другой» [Мергарт, 1923, с. 34]. Этот ошибочный вывод был сделан исследователем на основании материалов стоянок, где разновременные находки не разделялись стратиграфически и залегали в компрессионном культурном слое [Мандрыка, Сенотрусова, 2017].

Таким образом, строя концепцию культурного развития Сибири, Г. Мергарт напрямую не касался таежных районов, в том числе Среднего Енисея и низовьев Ангары, так как не располагал никакими материалами из этого района. Для степных и лесостепных районов Красноярска и Канска, которые граничат с тайгой с юга, он выделил собственную «бронзовую культуру». Она, по его мнению, базировалась на неолитической, и широкое распространение орудий из бронзы не изменило традиции предшествующего времени. С переходом культуры в эпоху железного века часть населения из степи переселяется на север в лесостепь и в тайгу, при этом теряет свои рудники и лишается всего своего хозяйства (скотоводства и земледелия), т. е. своей древней культуры [Мергарт, 1923, с. 36].

Надо заметить, что близкие взгляды по взаимоотношению степных и таежных народов в период бронзового и раннего железного века отмечались и другими исследователями, работавшими с 1918 по 1937 г. в Сибири. Так, Б. Э. Петри, основываясь на материалах из окрестностей Иркутска, предполагал, что в то время, когда в степях Сибири развивалась культура эпохи бронзы, в лесном Прибайкалье собственной культуры бронзового века не было, в это время все еще продолжала существовать эпоха камня. Этот вывод был сделан на основании отсутствия на стоянках шлаков и форм, которые указывали бы на выплавку меди из руды. При этом в погребениях, наряду с присутствием бронзовых вещей, отмечались и каменные изделия. Эти данные привели ученого к мысли о привозном характере предметов с юга Минусинских степей или из степей Забайкалья и Монголии [Петри, 1928, с. 45–46]. Находки отдельных бронзовых вещей в таежных районах исследователь объяснял грабежом древними жителями Прибайкалья могил

своих южных соседей, во время чего забирались находившиеся там вещи [Петри, 1928, с. 45]. Таким образом, Б. Э. Петри полностью отрицал в лесном Прибайкалье собственного производства бронзовых орудий.

Предположение Б. Э. Петри об отсутствии бронзовой культуры в Прибайкалье поддерживали отчасти его ученики и коллеги В. И. Подгорбунский и П. П. Хороших [Китова, 2007, с. 21]. Так В. И. Подгорбунский отмечал запоздалое развитие культур в Прибайкалье, из-за отличия физико-географических условий этого района от Минусинских степей [Подгорбунский, 1926, с. 71; 1928, с. 232]. П. П. Хороших отсутствие бронзовой культуры в Прибайкалье объяснял незначительным вниманием исследователей к бронзовой эпохе [1924, с. 40]

Из деятельности иркутских ученых того времени для настоящего исследования важно то, что в 1920-е гг. по материалам поселений таежного Прибайкалья была выделена первая культура железного века Сибири – культура «курумчинских кузнецов» [Петри, 1923]. Раскопки Б. Э. Петри и его учеников ряда стоянок, содержащих шлаки, кузнечные нагары, остатки горнов, черепки от глиняных сопел и тигли, дали возможность определить ареал культуры. Он охватывал верховья Лены, верховья Ангары до Балаганска, Тункинскую котловину, побережье озера Байкал и низовья Селенги. Б. Э. Петри предполагал распространение этой культуры и на соседние территории [Петри, 1928, с. 58]. За «курумчинскими кузнецами» ученый видел предков якутов, «конный скотоводческий народ», который вел кочевой образ жизни, но при этом выделялись оседло живущие кузнецы, снабжавшие сородичей металлическими изделиями и получавшие взамен продукты питания [Там же, с. 57–58]. Не определяя хронологические рамки этой культуры, исследователь считал, что она соответствует ранней железной эпохе, а ее окончание он связывал с наступлением поздней железной эпохи и приходом в Прибайкалье нового населения – «монголо-бурят». Таким образом, железный же век, по мнению Б. Э. Петри, начинается в Прибайкалье только после вторжения «каких-то племен» с юга.

Частично эту точку зрения разделял и Г. П. Сосновский, который считал, что в силу физико-географических условий в таежном Прибайкалье не могло быть самостоятельного бронзового века. В то время, когда в степях процветал бронзовый век, в Прибайкалье, по его мнению, существовала смешанная культура, переходная от каменного века к бронзовому, сохранившая в виде пережитков неолитические формы орудий. Эта смешанная культура, по мнению ученого, представлена формами изделий (из камня, кости и глины) неолитического типа, а в качестве культурного приобретения – отдельными предметами из меди и бронзы, которые и указывают на наступление эпохи металлов. В культурно-историческом отношении Г. П. Сосновский обозначил эту эпоху как время бытования охотников-рыболовов каменного века, хронологически же считал, что она синхронна бронзовому периоду Южной Сибири, полагая возможным рассматривать ее как начальную фазу эпохи металлов [Сосновский, 1923, с. 134–135]. Находясь под воздействием идей Г. Мергарта, исследователь не исключал культурных влияний извне. По мнению Г. П. Сосновского, сильное влияние на таежную зону Средней Сибири оказал минусинский очаг бронзовой культуры. Вместе с тем исследователь отмечал наличие в этой зоне совершенно непохожих на минусинские находки изделий из меди и бронзы (мечи, большие и малые кельты клиновидного типа без ушков с своеобразным геометрическим орнаментом, ножи, напоминающие по форме серпы), пункт происхождения которых в точности не установлен. Исследователь отмечал, что все типы этих вещей распространяются на определенной территории в таежной полосе Средней Сибири, в «северной провинции бронзового века». Географические границы этой провинции Г. П. Сосновский наметил условно, включив в нее северную часть Енисейской губернии (Красноярский и Енисейские уезды), Иркутскую губернию и соединенные районы Якутской области [Сосновский, 1923, с. 136]. Таким образом, Г. П. Сосновский вслед за Г. Мергартом, обозначил своеобразие культуры бронзового века таежной зоны Средней Сибири,

отмечая при этом возможность местного изготовления бронзовых изделий, ссылаясь на наличие литейных форм и медных рудников [Сосновский, 1923, с. 137].

Имеющиеся в таежном Прибайкалье находки железного века Г. П. Сосновский разделил на две группы. К более древней он отнес предметы, имевшие черты сходства с остаткам «чистой культуры железного века», обнаруженными профессором Б. Э. Петри при раскопках пещер Ольхонского края и на стоянках под открытым небом в Курумчинском районе. Следы этой культуры найдены также на берегах Енисея у г. Красноярска и г. Енисейска (д. Маклакова), по среднему и верхнему течению р. Ангары, по р. Лене и в Забайкалье. Другую группу находок составили железные изделия позднего происхождения, принадлежавшие, по мнению исследователя, древним монголам или бурятам [Сосновский, 1923, с. 138–139].

Вслед за Г. Мергартом тезис о запаздывании в культурном развитии племен, расселявшихся к северу от Минусинских степей, отстаивает В. Г. Карцов [1929]. Составляя схему «доистории» края, В. Г. Карцов находился под сильным влиянием взглядов Г. Мергарта, вместе с этим он использовал и некоторые идеи С. А. Теплоухова. Горы и леса препятствовали, по мнению исследователя, массовому проникновению в красноярскую лесостепь других народов извне, что создавало «прекрасные условия для спокойного созревания культуры». Однако отрезанность красноярской культурной области от цивилизованного мира делало ее отсталой. Она воспринимала все мировые достижения через посредников. Влияния шли с юга – из культурных центров Евразии через Минусинскую котловину, а также с северо-востока – с Ангары и Байкала. «Имея свою местную основу под перекрестным влиянием, главным образом, этих двух лучей и развивались культуры Красноярска» – писал В. Г. Карцов [Карцов, 1929, с. 1]. Анализ имеющихся материалов из Красноярского района позволили ученому разделить эпоху металла на три культуры:

«красноярскую палеометаллическую и раннеметаллическую культуру»; «культуру средней поры неометаллической эпохи» и «поздненеометаллическую (ладейскую) культуру». «Красноярская палеометаллическая культура» была отнесена В. Г. Карцовым к продолжительному промежутку времени: от начала карасукской культуры до третьей стадии минусинской (тагарской) культуры. «Культуру средней поры неометаллической эпохи» он называл также «пост-тагарско-красноярской культурой» и датировал ее I–VI вв. н.э. «Поздненеометаллическая (ладейская) культура» существовала с VII–X вв. до XIV в. [Там же, с. 22–58].

Исследователь считал, что ранняя металлическая культура Красноярского района развивалась на самобытной местной основе, но не изолированно. Она «воспринимала» как «отдельные завозные вещи», так и элементы культур из Минусинской котловины и Ангаро-Байкальского района. Первенство во влиянии на раннем этапе В. Г. Карцов оставлял за востоком, т. е. за таежной Ангаро-Байкальской культурной провинцией [Карцов, 1929, с. 21]. Он отмечал, что красноярская культура запаздывала в своем развитии, сохраняя множество архаических черт. Господство каменных орудий затянулось здесь до появления железных изделий. В. Г. Карцов полагал, что красноярская культура была потеснена тагарцами, пришедшими в район под натиском тюркских племен. Малочисленность памятников показала исследователю, что «тагарцы, как самостоятельная этническая и культурная единица, не продержались тут долго». Ученый считал, что естественная ассимиляция тагарцев проходила в два этапа: сначала произошло их слияние с аборигенами, а затем со следовавшими за тагарцами носителями новой культуры [Карцов, 1929, с. 21]. Общность черт в типологии каменных орудий, в формах и орнаментации керамики, в обрядах погребения привели исследователя к мысли о том, что красноярскую культуру стоит рассматривать не как самостоятельную, а «как местную фацию, возможно, одной северо-сибирской культуры, быть может, даже с включением в нее и Дальнего Востока» [Карцов, 1929, с. 26]. Ладейская

культура средних веков, по мнению ученого, восходит своими корнями к более древним местным культурам. Она в основном уже отличалась от них, имела свой специфический облик, характерный для синхронных культур других областей. На востоке близкие ей памятники, В. Г. Карцов связал с культурой курумчинских кузнецов [Там же, с. 46]. Таким образом, подчеркивая самобытность культур лесостепного красноярского района, В. Г. Карцов все же основным импульсом их развития считал внешнее влияние, в том числе и с таежного Ангарско-Байкальского района.

Приведенный обзор взглядов исследователей 1920-х гг. показал, что они выделяли своеобразный северный район в Средней Сибири, отличный от культур минусинских степей. К этому району относили лесостепи, где складывались свои культуры бронзового и раннего железного веков, которые выступали преимущественно посредниками между народами степей и таежной Ангаро-Байкальской провинцией. Эти взгляды объясняются большей степенью изученности памятников Минусинской котловины, Красноярско-Канского района и Прибайкалья. Район же таежной зоны Среднего Енисея и Нижней Ангары оставался для исследователей малоизвестным.

Несколько иной подход на вопросы взаимоотношений носителей культур степной, лесостепной и таежной полосы Средней Сибири в бронзовом и железном веке представлены в работах А. П. Окладникова. В 30-х гг. (1932–1934, 1936, 1937, 1939 и 1940) долина Ангары на всем протяжении реки обследуется Ангарской археологической экспедиции под его руководством. Будучи еще аспирантом Государственной академии истории материальной культуры, в 1937 г. он обследует берега Ангары на участке от Братска до п. Стрелки, где открывает и изучает более 80 пунктов. В низовьях Ангары в устье р. Тасеевой на ее левом берегу он раскапывает погребения эвенков XVII–XVIII вв., с характерным для них инвентарем, в том числе с остатками «типичного передника, украшенного подвесками» [Окладников, 1939, с. 182, 185–186]. Завершающий этап своей разведки по

долине р. Ангары исследователь заканчивает в 1939 г. уже на енисейских берегах, в г. Енисейске. Результаты этих изысканий не опубликованы [Окладников, 1937, л. 1–32].

Во время этой экспедиции местные жители сообщили А. П. Окладникову, что «... на левом берегу р. Татарки в 25–30 км от устья в местности Молоток выбиты в камне «Сохатый» длиной около 1 м. Те же жители рассказали, что на скале Савинский Бык (правый берег Енисея в 25 км выше устья Ангары) на наплыве изображен будто бы «Спаситель» [Окладников, 1966, с. 104]. Нашим осмотром этой скалы указанное изображение не обнаружено.

Из неопубликованных материалов работ экспедиции А. П. Окладникова, известно, что в Иркутском областном краеведческом музее хранятся фрагменты керамики и каменные изделия (всего 30 экз.), собранные исследователем на стоянке правого берега устья р. Тасеевой [ИОКМ, инв. № 347], а также фрагменты керамики, каменные изделия и костяные предметы (всего 15 экз.), поднятые на правом берегу Енисея в 3 км ниже п. Стрелки против д. Абалаково [ИОКМ, инв. № 366]). В фондах этого же Иркутского областного краеведческого музея хранится неолитическое каменное изображение рыбы, которое было найдено на «стрелке» в устье р. Ангары [Окладников, 1950, с. 244; ИОКМ, инв. № 15)].

В результате семилетней работы Ангарской экспедиции А. П. Окладникову удалось обнаружить в долине р. Ангары ряд памятников с материалами, подобными инвентарю погребений раннего железного века верховьев р. Лены и долины р. Селенги. Ангарские памятники имели архаические черты, выраженные в широком применении кремня как материала для изготовления орудий, преобладании бронзовых изделий над железными, наличии круглодонных сосудов с почти неолитическим по стилю орнаментом. Вместе с тем, население, оставившее эти памятники, знало железоплавильное дело, о чем свидетельствовали находки железных шлаков и миниатюрных железоплавильных печей. На основании таких данных

А. П. Окладников определил эти погребения и поселения как памятники своеобразной таежной культуры раннего железного века Сибири [1940, с. 111]. Имея небольшое число памятников, А. П. Окладников не выделял конкретную археологическую культуру, так как считал, что выводы требуют подтверждений.

Рассматривая имеющиеся материалы конца бронзового и раннего железного века из таежных районов Восточной Сибири, А. П. Окладников [1940; 1946б; 1955б, с. 159–170, 187–196] предполагал, что из степей в тайгу проникали не только изделия из металла и стекла, но и отдельные группы представителей степных племен, в том числе мастера, способные выделывать подобные вещи. Исследователь отмечал культурно-исторические контакты и связи между племенами таежных областей Северной Азии и собственно скифами [Окладников, 1978б, с. 109]. Малочисленность материалов не позволили А. П. Окладникову более глубоко рассмотреть проблемы бронзового и раннего железного века южной тайги Средней Сибири, но сам факт открытия памятников этого времени явился новой страницей в археологии таежного Приангарья.

Существенный вклад в исследование истории Енисейского Севера внес археолог и этнограф Красноярского музея Р. В. Николаев. С 1958 до 1985 гг. основные свои работы он проводил на территории Туруханского района, но вместе с тем в поле зрения исследователя попадают и древности северной части среднего Енисея.

Так, в 1959 г. на р. Кеть, в 12 км ниже по течению реки от с. Маковского, в местности «Высокий» Р. В. Николаев проводит раскопки одной из трех выявленных им землянок [Николаев, 1959]. Полученные материалы были ошибочно отнесены исследователем к эпохе неолита или ранней бронзы [Николаев, 1963а, с. 49–53]. Сейчас эти находки послужили основанием для выделения каменско-маковского комплекса раннего железного века.

Анализируя свои немногочисленные археологические сборы из таежных районов енисейского бассейна и сопоставляя их с этнографическими

материалами и вещами из археологических памятников лесостепи и степи Приенисейской Сибири, Р. В. Николаев делает ряд выводов. Рассматривая изделия карасукского облика (бронзовый массивный выпуклообушковый нож из деревни Сухая Тунгуска с рукоятью, оформленной выпуклыми точками, линиями и отверстием, бронзовый кельт из Курейки, лапчатые подвески и другие предметы, случайно найденные в енисейской тайге), Р. В. Николаев приходит к выводу о культурных связях населения Минусинской котловины с культурами южных самоедских предков нганасанов и энцев [Николаев, 1960а, с. 256; 1960б, с. 64–65]. С эпохой бронзы енисейской тайги исследователь связал находки со стоянки на р. Сургутихе. К ним он относил керамику с гусенично-гребенчатым орнаментом, которая, по его мнению, появившись в конце неолита дожила до начала эпохи железа [Николаев, 1960б, с. 65]. Культура бронзового века древнего населения лесных и лесостепных районов к северу от Минусинской котловины, считал Р. В. Николаев, входила в карасукский круг, сохраняя, однако, самобытные черты [Николаев, 1960б, с. 67].

По результатам изучения пяти тагарских курганов в Красноярской лесостепи (четыре у с. Коркино и одного у с. Емельяново) Р. В. Николаев отметил ассимиляцию пришлыми тагарцами местного монголоидного населения. Особенности красноярского варианта тагарской культуры, по мнению исследователя, указывают на ее связи с минусинским югом тагарской эпохи и современными кетами таежного севера. К эпохе железа енисейской тайги он относил гладкостенную двухслойную керамику, обнаруженную близ кетского поселка Серково на р. Курейке и на стоянке Сургутиха. Поскольку на последнем памятнике в одном слое она залегала вместе с резко отличающейся гусенично-гребенчатой керамикой, автор раскопок предположил сосуществование в железном веке двух разноэтнических групп населения [Николаев, 1960б, с. 66].

Развивая взгляды Г. К. Мергарта и В. Г. Карцова, Р. В. Николаев отмечал, что черты, связывающие красноярские курганы с тагарцами юга и

современными кетами, характеризуют более позднее распространение культуры железного века на северных окраинах. В лесостепных районах ее сложение ученый связывал с наложением колониционной волны динлинов в эпоху второй стадии тагарской культуры на местное население, сохранявшее в быту карасукские черты. Для северных таежных областей, по мнению исследователя, культурное развитие шло еще медленнее. В это время происходило смешение культур пришельцев и аборигенов, где часть местных племен, вероятно, была ассимилирована, часть сохранила этническую и культурную самобытность, а часть продвинулась вниз по Енисею и положила начало культуре самодийских племен севера Красноярского края и близлежащих территорий. Последняя культура северных самодийцев выросла на базе карасукских образцов, проникнувших в культуру палеоазиатского населения, исконно заселявшего низовья Енисея и побережье северного Ледовитого океана. В результате этих древних передвижений, по-видимому, явилась та этническая пестрота населения, с которой встретились русские на среднем Енисее [Николаев, 1960б, с. 68].

Сотрудничество Р. В. Николаева с Енисейским музеем привело к новому пополнению его фондов археологическими предметами из района исследования. Среди них от неизвестного лица в музей поступает пять железных наконечников стрел, из которых два – с шипами. Они были найдены на берегу Енисея в 25 км от г. Енисейска, в местности близ оз. Байкал [ЕКМ, инв. № 5045 – 2; 5046].

Отдельные материалы из района исследования были использованы Г. А. Максименковым при анализе бронзовых кельтов, происходящих из лесостепных и южнотаежных районов Средней Сибири. Ученым выделены шесть форм кельтов красноярско-ангарских типов и представлены районы их распространения – Красноярск, Чуно-Ангарье, Верхняя Ангара и Канск [Максименков, 1960]. В Красноярском лесостепном районе был отмечен особый «красноярский» тип кельтов, характеризующийся изделиями небольших размеров с шестигранным или четырехгранным сечением. Они

орнаментировались поясками и шевронами или просто шевронами. Такие кельты, по мнению исследователя, хронологически изменялись в интервале между карасукским временем и I в. до н. э. Изменения проходили в вариациях пропорции изделий и их отдельных частей. Для южнотаежного района, включающего междуречье Чуны, нижнее течение Ангары от р. Чадобец до устья, а также район г. Енисейска, Г. А. Максименков отметил особый тип кельтов. Для них характерна удлиненная четырехугольная в сечении форма тесла с закругленным лезвием. Наиболее характерный вид орнамента состоит из одного-трех поясков, трех разделителей и двух шевронов между ними, по два угла в каждом. Хронологическое развитие изделий внутри этого типа кельтов исследователь связывает с усложнением орнамента. Для Канского лесостепного района, расположенного между Красноярском и Чуно-Ангарьем, Г. А. Максименков отмечает другие своеобразные кельты. Они немного шире и их втулка выделена очень резко, сильно выступает за плоскости. Орнамент кельтов необычен и для типологически разных форм, сочетает элементы как местные, так и близлежащих территорий. На основании этого исследователь согласился с мнением Г. Мергарта [Merhart, 1926, s. 45] о том, что не Енисей, а реки Кан и Усолка являлись связующим звеном между лесостепной зоной Красноярска и южнотаежной Нижней Ангарой.

Кельты с геометрическим орнаментом распространены на обширной территории Средней Сибири – от лесостепи и леса Красноярска на юге до р. Пит на севере и от р. Енисея на западе до оз. Байкал на востоке. Типологический анализ этих орудий привел Г. А. Максименкова к ряду интересных выводов о сложении в лесостепях и южной тайге Средней Сибири особых традиций в изготовлении и орнаментации бронзовых кельтов тагарского времени. Происхождение кельтов с геометрическим орнаментом исследователь правомерно связывал с местными формами карасукского времени, а не с минусинскими. Г. А. Максименков точно заметил, что на ранней стадии развития по всей этой территории распространяются

относительно однородные орудия, но со временем в отдельных районах, в том числе и на Нижней Ангаре, вырабатываются локальные традиции, приведшие к образованию своеобразных типов кельтов. Происхождение культур тайги и степи было самостоятельным на местных основах. По распространению кельтов минусинских форм в лесостепных областях исследователь указал на связи тагарской культуры с северными районами, причем в первой половине существования культуры они были более интенсивны, а во второй половине – несколько ослабевают. Красноярский лесостепной район, где сочетались южные, северные и местные черты (кельты с ушками в виде стилизованных птичьих голов), на всем протяжении предтагарского и тагарского времени являлся пограничным между степным югом, Канской лесостепью и областью «геометрических» кельтов. В Канском лесостепном районе отмечается сильное влияние таежных, красноярских лесостепных и слабое влияние степных соседей. Район Нижней Ангары, где довольно рано вырабатываются свои, весьма специализированные формы орудий, развивался параллельно красноярской лесостепи и являлся пограничным с культурами восточных районов – Верхней Ангарой, Прибайкальем и р. Витимом. Своими исследованиями Г. А. Максименков впервые поставил вопрос о выделении особой культуры лесостепной и лесной зоны среднего Енисея, отличной по характеру и происхождению от тагарской [Максименков, 1960, с. 162].

Таким образом, Г. А. Максименков наметил выделение особой культуры в лесостепи и тайге среднего Енисея, опровергнув вместе с тем выводы Г. Мергарта о западных корнях происхождения кельтов Красноярско-Ангарских типов этих районов. Носители этой культуры находились в тесном контакте со своими соседями, воспринимая их достижения и передавая им свои [Максименков, 1960, с. 28, 31]. В лесостепной полосе, прилегающей непосредственно к Минусинским степям, могли развиваться формы хозяйственной деятельности, близкие к минусинским, что сближало эти два района. Именно поэтому наибольшее количество минусинских типов

изделий находится в районе Красноярска, и чем дальше на север или восток, тем реже встречаются вещи минусинского происхождения [Максименков, 1960, с. 30]. Тем самым исследователь убедительно обосновал связь минусинской и красноярско-канской бронзы в тагарское время. К аналогичным выводам пришли и иркутские археологи, изучившие бронзовые кельты из Канского лесостепного района [Генералов, Дзюбас, 1995, с. 142].

Проводя широкомасштабные исследования в лесостепных и таежных районах Средней Сибири, Г. А. Максименков не смог непосредственно поработать в районе слияния Енисея и Ангары, даже когда он проводил обследование памятников нижнего течения р. Енисей [Максименков, 1961].

В истории археологического изучения района известно кратковременное его посещение археологом Красноярского краеведческого музея Н. В. Нащокиным. Во время служебной поездки в г. Енисейск в 1965 г. он производит сбор фрагментов керамики на левом берегу реки у д. Подкаменная Тунгуска. В обнажении террасы был отмечен культурный слой бронзового века [Нащокин, 1965, л. 29].

Таким образом, до конца 60-х гг. XX в. в научный оборот вводится значительная часть археологических материалов из районов таежной зоны Средней Сибири. Территория же южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары оставалась для археологов малоизвестной, поскольку не изучалась специально, а осматривалась лишь попутно во время движения экспедиций к местам основных своих работ. Такой осмотр территории не позволил значительно пополнить источниковедческую базу района исследования. Несмотря на это, проводятся первые попытки анализа и обобщения имеющихся случайно найденных археологических материалов.

Третий период изучения бронзового и раннего железного веков южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары (с начала 70-х гг. XX в. до нынешних дней) характеризуется значительным увеличением объема

археологических источников, масштабностью поисков, использованием комплексного подхода в исследованиях и интерпретации результатов.

Сохраняя тенденцию предшествующего периода, в 1974 г. визуальная разведка в долине р. Енисей в зоне будущей Среднеенисейской ГЭС со створом близ д. Савиной, была организована Красноярским краевым музеем и Иркутским университетом под руководством Н. И. Дроздова и Ю. С. Пархоменко. Отмечены местонахождения в устье р. Кан, у Белого Яра, у д. Юкеево, в районе Казачинского порога, у с. Призывного [Работы..., 1974, с. 168]. Тогда же Н. И. Дроздов проводит осмотр берегов Ангары в створе Стрелковского порога, в результате которого археологических памятников обнаружено не было [Дроздов, 1974; 1975]. На следующий год берега Енисея и Ангары повторно осматриваются совместной археологической экспедицией Красноярского пединститута и Иркутского университета под руководством Н. И. Дроздова и Г. И. Медведева [Дроздов, 1976]. Исследователи проводят рекогносцировочные изыскания на ряде памятников: стоянке в устье р. Тасеевой, петроглифах Мурожные камни и Олений утес ниже с. Рыбное [Дроздов, 1975; Дроздов и др., 1989, с. 210; Наскальное..., 1995, с. 47; Дроздов и др., 1996]. В 1976 г. открывается Усть-Тасеевское каменное изваяние человека и рядом с ним петроглиф в виде личины [Пашинов, 1975; Пашинов, Дроздов, 1976; Медведев и др., 1978; Дроздов, 1990; Дроздов и др., 2011]. В 1977, 1978, 1980, 1981, 1985, 1986, 1991 и 1993 гг. на территории района работали отряды экспедиции – Н. И. Дроздова, В. И. Макулова, В. П. Леонтьева, А. В. Ермолаева, Е. В. Акимовой и А. Л. Заики. Исследования носили преимущественно рекогносцировочный характер. В низовьях Ангары обследовались и копировались ряд рисунков на известных писаницах – Мурожные камни, «Олений утес». На берегах Енисея были открыты стоянки, содержащие находки железного века: Пискуновка, Пискуново-1, Захаровка, Усть-Черная, Подпорожная, Казачинское [Акимова, 1986; Дроздов, 1978, с. 36–37; Дроздов и др., 1979, с. 223; Леонтьев В. П., 1980; 1987; Леонтьев, Макулов, 1989,

с. 262–272; Макулов, 1986; 1991; 1992, с. 129–131]. Из района п. Ново-Назимово сотрудникам экспедиции местный житель А. И. Адашкин передает бронзовую личину кулайского облика, которая была найдена при строительстве дома [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 159, рис. 4].

С начала 1990-х гг. А. Л. Заикой проводились планомерные исследования писаниц Нижней Ангары. Кроме обследования известных были открыты новые и отдельные камни с рисунками. В 1993 г. на Усть-Тасеевском культовом комплексе им снимается рельефная «маска» каменного изваяния и выполняется контактная копия выбитой личины [Заика, 2005; 2013]. Ниже п. Мотыгино в районе Мурожной шиверы в 2000 г. открываются петроглифы Мурожная–I, II, III и Мурожные камни -3, 4 [Археологические исследования..., 2000, с. 287–291], сняты новые копии с писаниц Рыбное и «Оленный утес» [Петроглифы..., 2000, с. 557]. В 2006 г. этим же исследователем копируются наскальные рисунки «Лешкина камня», расположенного на левом берегу Енисея между устьями рек Нижняя Подъемная и Ярлычиха. Многофигурная композиция из контурных изображений копытных животных, силуэта медведя (?), антропоморфной личины, округлого знака и др. датируется в интервале от конца бронзового века до раннего средневековья [Заика, Гущин, 2008, с. 52–54].

Полученный с конца 60-х гг. задел позволил археологическим экспедициям Красноярского государственного пединститута и Красноярского краеведческого музея в последующие годы организовать широкомасштабные раскопки на Ангаре в Северном Приангарье. По материалам скифского времени В. И. Привалихиным выделена цэпаньская культура (VIII–II вв. до н. э.), в ареал которой исследователь включил и южнотаежную подзону Среднего Енисея. Культура сложилась на основе местного этнического компонента, который ведет свое происхождение от близких или этнически родственных глазковцам групп населения. Вместе с тем, ряд важных генетических показателей, по мнению ученого, указывает на значительное и активное участие степного компонента

в формировании этой культуры [Привалихин, 1993, с. 20]. Наличие в Северном Приангарье бронзовых котлов, кладов и отдельных художественных бронз, изготовленных в зверином стиле, автор связывает с миграцией больших групп населения из районов Алтая, Тувы и Южной Сибири.

Среди исследований по железному веку Северного Приангарья выделяется работа А. В. Гладилина. Изучая историю черной металлургии, он подразделяет развитие культур раннего железного века и средневековья на три хронологических этапа. Первый этап (ковинский) он датирует V–II вв. до н. э. и характеризует железоплавильными печами в форме больших сосудов и в виде ям, с обмазанными глиной стенками. Второй этап (чадобецкий), датируется автором I в. до н. э. – V в. н. э. и характеризуется горнами, близкими предшествующему времени, т. е. устроенными в цилиндрической яме с глиняной обмазкой стенок, но с подведенной к придонной части камеры фурмой (воздуходувным каналом). Третий этап (пашиновский) А. В. Гладилиным датируется VI–XI вв. н. э. и характеризуется домницами – печами наземного типа на фундаменте. Для каждого этапа исследователем предложены характерные типы железных ножей и наконечников стрел [Гладилин, 1985а; 1985б]. Представленная автором типология горнов и орудий сегодня не находит подтверждения [Сенотрусова, самородский, Мандрыка, 2016], очевидно, из-за того, что в ней использованы материалы из поселений открытого типа, где культурный слой содержал разновременные находки.

Дополнение и уточнение предложенной А. В. Гладилиным периодизации было проведено В. П. Леонтьевым на материалах погребений и керамики из поселений. Обобщая результаты своих раскопок, исследователь для раннего железного века и средневековья Северного Приангарья предлагает выделить два периода. Первый охватывает VII–II вв. до н. э. и совпадает с датировкой цэпаньской культуры. Второй период разделяется В. П. Леонтьевым на два этапа. Для раннего, охватывающего I в. до н. э. –

IV–V вв. н. э., характерна керамика с оттисками различных штампов, с тонкими налепными валиками, а также различные изделия из железа, в том числе и ножи со сплошным кольцевым навершием. Культура позднего этапа, датирующегося V–X вв. н. э., представлена железоплавильной «домницей», ритуальными захоронениями и погребениями, выполненными в обряде трупосожжения. Анализ материала позволил ученому отметить влияние степных племен на аборигенов тайги, которое проходило на всем протяжении изученного им периода. Однако при этом культуры раннего железного века сохраняли, по мнению исследователя, известную долю самостоятельности, что нашло отражение в распространении керамики, орнаментальные мотивы которой уходят своими корнями в эпоху неолита и бронзового века [Леонтьев, 1999].

В разные годы, начиная с 1982 г., в таежных районах Енисея работает археологическая экспедиция Красноярского краеведческого музея под руководством Н. П. Макарова и позднее присоединившегося к нему М. С. Баташева. Стационарными раскопками изучаются многослойные стоянки Зимовейная, Усть-Шилка I, Ильинка, Назимово и Утиный Столб. Разведочными работами открываются стоянки Курбатовская, Шилка III, Пискуновский Камень [Макаров, 1982; 1983; 1984; 1985; 1986; 1987а; 1987б; 1989; Баташев, Макаров, 1998а; 1998б; 2000, с. 7]. По наличию отдельных бронзовых изделий и фрагментов керамики раннего железного века, исследователи предположили, что территория тайги Среднего и Нижнего Енисея войдет в круг культур скифского времени, родственных цэпаньской культуре Северного Приангарья [Баташев, Макаров, 2000, с. 13]. Единичные находки бронзового века и средних веков из таежных районов Нижнего Енисея, не позволили авторам провести характеристику материальной культуры этого времени. Однако, учитывая косвенные материалы (лингвистические и топонимические данные и конкретно-историческую ситуацию), исследователи отметили, что в культурогенезе таежных народов Нижнего Енисея за период с конца IV тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э.

участвовали праюкагирские и прауральские племена, расселявшиеся, соответственно, к востоку и к западу от Енисея.

В 2001 г. в фонды Красноярского краевого музея от жителя п. Стрелка поступает железный меч с прорезной рукоятью и кольцевым навершием. Публикуя эту находку, В. И. Привалихин и С. М. Фокин предположили, что знакомство аборигенов ангарской тайги с железом произошло не ранее II в. до н. э. Это связано, по их мнению, с появлением на этой территории под влиянием хунну пришлых групп населения, знакомых с секретами добычи и обработки железа [Привалихин, Фокин, 2003, с. 16].

С конца 80-х гг. в районе Чуно-Ангарья проводятся археологические исследования экспедициями Музейно-выставочного центра г. Железногорска и Комитета по охране памятников истории и культуры администрации Красноярского края. С 1992 по 1998 г. Ю. А. Гревцовым детально изучается Усть-Тасеевский культовый комплекс, на котором полностью раскапывается жертвенник [Гревцов, 1996а; 1996б; 1996в; 1997; 2013; Гревцов, Сергейкин, 1999; Сергейкин, 1998; 2000; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]. В долине р. Тасеева рекогносцировочными работами открываются несколько писаниц, стоянок и культовых мест, содержащих материалы бронзового и железного веков – Мыс Арбан, пещера Графская и др. [Археологические памятники..., 1988; Исследования на..., 1990; Тарасов, 1991; 1997; 1999; Тарасов и др., 1992; Петроглифы..., 2000]. На стоянках в устье р. Тасеевой Ю. А. Гревцовым были проведены небольшие раскопки.

Ежегодно с 1987 г. комплексное археологическое изучение района проводит экспедиция под руководством автора [Мандрыка, 2006а; Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2017]. За это время выявлено около сотни новых археологических памятников, из которых более 20 были подвергнуты раскопкам. Среди них могильники Нижнепорожинский и Усть-Шилка II, городища Шилка II и Усть-Шилка II, многослойные поселения Усть-Каменный Ручей, Бобровка, Язаевка, Островки I и II, Нижнепорожинское I, Усть-Шилка I и Шилка IX, селища Шилка VIII, X, XI,

ХII, ХIII, Заостровка II, Стрелковское I и II, Каменка. На петроглифах Островки скопированы наскальные рисунки. Полученные материалы существенно увеличили по качеству и количеству источниковую базу изучения древней истории района, впервые были получены стратифицированные и закрытые комплексы.

Осмысление имеющихся материалов в конце прошлого века позволили автору наметить для раннего железного века района два этапа развития древних племен, каждый из которых характеризовался своеобразной керамикой, набором орудий, украшений и специфичным погребальным обрядом [Мандрыка, 1998]. Но эти данные требовали дополнения и подкрепления новыми материалами, которые были получены за последнее десятилетие с лесостепных и южнотаежных районов Средней Сибири [Mandryka, Senotrusova, 2009; Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014; Senotrusova, Mandryka, 2015; Мандрыка, Баташев, Сенотрусова, 2017; Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2017; Титова, Бирюлева, Мандрыка, 2017; Многослойный..., 2018 и др.]. Они позволили уточнить и предложить новую культурно-историческую периодизацию бронзового и раннего железного века, основанную на датированных стратифицированных многослойных и однослойных комплексах.

Таким образом, три последних десятилетия археологического изучения района характеризуется планомерностью, систематичностью, комплексностью исследований. За это время значительно увеличилось количество археологических источников, которые обрабатываются современными археологическими методами с привлечением исследовательских методов естественных наук. На их основании были предприняты первые попытки обобщения материалов по отдельным периодам древней истории, популяризации новых знаний и использования их в учебном процессе [Smolin, Mandryka, 2011].

В итоге за все периоды археологических открытий и изучения археологического наследия южнотаежного Среднего Енисея и низовьев

Ангары накоплен определенный массив материала, позволяющий провести работу по систематизации и построению реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших в районе в бронзовом и раннем железном веках.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

2.1. Комплексы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку

Со времени позднего неолита, а возможно, и раньше, на территории южной тайги Средней Сибири и входящего в нее района исследования развивалось несколько культурных традиций, которые в комплексах переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку читаются по различным типам керамики.

2.1.1. Памятники

Комплексы этого времени изучены на ряде многослойных поселений. К ним относятся поселения Бобровка (культурные слои 8, 7В и 7Б), Язаевка (4 культурный слой) и городище Шилка II (2 культурный слой).

Поселение Бобровка расположено на левом берегу Енисея на 7-8-метровой приустьевой левобережной террасе р. Бобровка в 0,7 км западнее п. Язаевка. Мысовидная терраса, сложенная из аллювиальных песков, с трех сторон обрывается к рекам, а в северо-западном направлении постепенно повышается и переходит в скальные выходы высокого берега.

Раскопочными работами экспедиции в 1992–1998 гг. вскрыто 294 м² площади памятника [Археология ..., 2003, с. 35]. На поселении выделено тринадцать культурных слоев, которые на различных участках памятника разбиваются стерильными прослойками песка на 28 уровней или горизонтов (рис. 9). Заселение памятника происходило сезонно с мезолитической эпохи до позднего средневековья. Культуровмещающая пачка приурочена ко всей толще аллювиальной террасы и состоит из двух частей. В верхней части выделяются три группы элементарных почвенных профилей, сформированных мелкопесчаными и супесчаными отложениями. Нижняя часть толщи представлена среднесуглинистыми прослоями, наклоненными под разными углами в сторону русла р. Бобровки и разделенными

аллювиальными мелкопесчаными горизонтами. Мелкозем подстилается русловым галечником [Геохронология..., 2002].

К переходному периоду от неолита к раннему металлу на поселении Бобровка относятся культурные слои 8, 7В и 7Б.

В раскопе № 1 на приустьевой части памятника восьмой культурный слой представлен темно-бурой, среднесуглинистой, мелкокомковатой, прерывистой по распространению почвой мощностью 4–6 см, которая залегала на глубине от 200 до 330 см. В разрезе она прослеживается в виде линзовидных включений, беспорядочно расположенных по площади раскопа. Каждая линза имеет неправильную форму с резкими границами. Этот слой, по-видимому, был образован вследствие оползня почвенного горизонта аллювиальной луговой почвы. Уровень залегания слоя понижается по направлению к краю террасы. В юго-восточной части раскопа он выклинивается, а на остальной площади фиксируется под наклоном до 10° к устью р. Бобровки. Археологический материал залегал как в линзовидных включениях, так и между ними. По площади раскопа находки располагались относительно равномерно, зафиксированы 211 каменных изделий и пять фрагментов керамики от двух сосудов (рис. 10, 1-13). Здесь же расчищены два кострища овальной формы размерами 115×150 см и 100×110 см с линзовидным прокалом мощностью 5–6 см, включающим древесные угли. В 1–2 м от кострищ отмечены три скопления из 10–35 предметов. Вокруг одного кострища размещалось большое количество камней, расколотых огнем.

На площади раскопа № 2, расположенного на краю енисейской террасы, археологический материал восьмого культурного слоя залегал в супесчаной погребенной почве темно-серого цвета на глубине 110–130 см от дневной поверхности. Слой ровный, без нарушений. Находки отмечены на площади раскопа равномерно и представлены 29 каменными изделиями и пятью фрагментами керамики от трех сосудов (см. рис. 10, 14-22). Следов кострищ здесь не отмечено.

Материалы восьмого слоя из второго раскопа несколько отличаются по составу от находок из первого раскопа. Но, несмотря на это, они составляют единый комплекс, так как залегают в одной погребенной почве, распространяющейся по всей площади памятника. Разница ее состава на первом и втором раскопах объясняется различными почвообразующими процессами, протекавшими в разных частях одной террасы. Распространение этой погребенной почвы между раскопами было прослежено по соединяющей их зачистке борта террасы. Кроме того, каменные изделия из обоих раскопов по породе, приемам скалывания и обработке сопоставляются между собой.

Типологически близкие каменные орудия и керамика зафиксированы и в вышележащих культурных горизонтах 7В и 7Б поселения Бобровка, которые отмечаются только в южной части площади памятника, на мысу приустьевой террасы. В северо-западном углу раскопа горизонты сливаются вместе и объединяются с вышележащим верхним горизонтом А в один слой. Каждый горизонт слоя представлен коричневой, с сизоватым оттенком, среднесуглинистой почвой. Они отделяются друг от друга стерильными супесчаными прослойками мощностью 6–10 см. Образование указанных горизонтов связано с аллювиальным почвообразованием, а содержащиеся в них культурные остатки сохранились от кратковременного обитания людей на слабонаклонной площадке песчаного пляжа. Это доказывается планиграфическим распространением слаборазвитой погребенной почвы нижнего горизонта В, где он фиксировался только в центральной части раскопа № 1, резко понижался возле края террасы и подстилался пачкой переслаивающихся стерильных песчаных прослоек бурого и серого цвета (см. рис. 9). Эта пачка мощностью от 10 до 125 см отделяла седьмой культурный слой от восьмого.

Находки слоя 7В были приурочены к толще горизонта, где отмечено скопление речного галечника, внутри и вокруг которого были сосредоточены артефакты. Многие камни-окатыши несут следы пребывания в огне и

расколоты. Среди камней отмечено 33 каменных изделия (см. рис. 10, 23-29) и один фрагмент керамики без орнамента. Находки слоя 7Б также происходят из толщи горизонта, где было зафиксирован пластинчатый скол и пять фрагментов керамики от одного гладкостенного сосуда с уплощенным дном (см. рис. 10, 30-31).

На противоположном берегу Енисея от поселения Бобровка расположен другой памятник, содержащий материалы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку. Это *поселение Язаевка*, которое занимает поверхность современной 7-8-метровой террасы правого берега Енисея на северной окраине п. Язаевка Большемуртинского района Красноярского края. Терраса шириной 5–20 м выклинивается из коренного берега и с северной стороны закрывается Заливскими горами высотой до 28 м. В 1988–1990 гг. поселение изучалось одним раскопом и двумя шурфами, которыми в общей сложности вскрыто 77 кв. м площади памятника [Мандрыка, Гридина, 1990, с. 21–23]. В ходе исследований выделено пять культурных слоев, из которых в четвертом размещались материалы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку. Культурный слой состоял из плотной темно-коричневой супесчаной почвы мощностью 20 см и залегал на глубине 80–90 см. Слой отделялся от вышележащего культурного слоя раннего железного века стерильной супесчаной прослойкой мощностью до 12 см, а подстилался погребенной почвой неолитического возраста (рис. 11). Четвертый культурный слой содержал грубообработанное каменное рубящее орудие и развалы трех керамических сосудов (рис. 12).

Материалы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку были отмечены еще на одной стоянке, расположенной в 16 км ниже по Енисею от Язаевки, приуроченной ко второму культурному слою *городища Шилка II*. Памятник находится на 17-метровой гриве в 250–350 м южнее устья р. Шилки. С южной и северной стороны грива ограничивается двумя логами, а с западной – обрывается склоном к р. Енисею. С восточной стороны поверхность гривы переходит через неширокий перешеек на

18–19-метровый уровень (рис. 13). Городище, состоящее из укрепленной и неукрепленной части, относится к шилкинской культуре (см. ниже) и изучалось двумя раскопами 56 м² и 869 м² в 1995 и 2000–2001 гг. На площадях обоих раскопов фиксировался и второй культурный слой, условно разделенный по уровню залегания находок и планиграфии на два уровня. Нижний уровень относится к раннему неолиту и сопровождается керамикой аплинского типа с отпечатками сетки-плетенки. В верхнем уровне второго культурного слоя залежали материалы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку. Они залежали на глубине 30–40 см и были приурочены к кровле горизонта коричневого песка мощностью до 30 см. Слой был нарушен ямами, рвом, котлованами хозяйственных построек и жилищ городища. На площади раскопа слой распространяется равномерно, а находки залежали скоплениями и не сопровождалась очагами. Скорее всего, здесь была изучена периферийная часть стоянки. Находки представлены 97 разнообразными каменными изделиями и 246 фрагментами керамики от 10 сосудов (рис. 14).

Сравнение материалов представленных памятников между собой позволяет отметить ряд общих черт. Каменный инвентарь объединяется в первую очередь по сырью, в качестве которого использовались речные гальки кремнистых пород. Использование камней-окатышей как исходного материала для изготовления каменных орудий на берегах Енисея отмечается с позднепалеолитического времени и сохраняется до периода раннего железного века. Такая же картина прослеживается не только на памятниках района исследования, но и лесостепных районов красноярской и канско-рыбинской котловин [Макаров, 1993].

Вторым признаком, объединяющим каменный инвентарь памятников переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку, является техника получения пластинчатых заготовок для орудий. Первичное расщепление проводилось с одноплощадочных полифронтальных нуклеусов призматических и подконусовидных форм. Основание таких нуклеусов

оформлялось, как правило, одним боковым сколом и дополнительно не подрабатывалось (см. рис. 14, 16-19).

Большинство орудий, отмеченных на представленных памятниках, грубо обработаны, от чего создается впечатление незавершенности их отделки. Они выглядят как заготовки или результат сломанных изделий. Вместе с тем, на ряде предметов достаточно отчетливо фиксируются следы использования их в работе, отчего на рабочей части образовались характерные негативы-выемки рабочей ретуши. Все это позволяет говорить о «небрежности» вторичной обработки каменных орудий как о третьем характерном признаке комплексов.

Вместе с тем, отдельные каменные орудия, – наконечники стрел из поселения Бобровка (см. рис. 10, 10, 12, 25), скребки из Шилки II (см. рис. 14, 14, 15), несут изящную обработку поверхностей, для чего использовались мелкопластинчатые и мелкочешуйчатые фасетки. На топоровидном изделии из Шилки II вместе с этим отмечается оформление лезвия приемом шлифования (см. рис. 14, 13). Наличие таких приемов обработки каменных изделий указывает на сохранение развитой неолитической традиции, что сопоставляется с данными сопредельных территорий [Археологический материал..., 1995].

Близость комплексов подтверждается и сравнением керамической посуды. Все сосуды изготовлены ручным способом лоскутным налепом с использованием форм-моделей. Формовочная масса включала дресву, шамот и органические растворы. Диаметр частиц дресвы 1–3 мм, но встречаются и более крупных размеров до 6 мм. Стенки этих сосудов плотные, в изломе они коричневого, серого или черного цвета. Стенки отдельных сосудов пористые. Здесь, вероятно, в качестве примесей к формовочной массе применялись какие-то органические добавки с твердой или полутвердой составляющей (навоз?). Толщина стенок сосудов различна от 0,4 до 1,0 см. Толстостенные формы тщательно заглажены с внешней и внутренней стороны, стенки их замкнуты. Стенки тонкостенных сосудов (до 0,5 см) не замыкались, они несут

следы выбивания гладкой или рубчатой колотушкой. Очевидно, сосуды формовались на какой-то основе, возможно, подстилке, которая периодически поворачивалась, что позволяло строить правильную форму с равномерными по толщине стенками.

Сосуды украшались по-разному. Одни орнаментировались от венчика до дна, другие – только в верхней части. Венчик многих сосудов также украшался. Орнаменты наносились печатным, накольчатым и отступающим способом, причем в некоторых случаях они сочетались.

Керамика памятников переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку района исследования включает горшковидные сосуды с различной степенью профилировки горловины – от прямой до фигурной. Различия в форме сосудов, способах обработки стенок при изготовлении, технике нанесения орнамента и его композиционном построении позволяют разделить керамический материал представленных комплексов на две группы.

Первая группа включает керамику из городища Шилка II (9 сосудов), поселений Бобровка (2 сосуда) и Язаевка (3 сосуда) (см. рис. 10, 16; 7, 1, 2; 14, 1-9). Сюда входят горшки простой открытой или слегка профилированной формы, изготовленные при помощи выбивания рубчатой или гладкой колотушки. Отпечатки от рубчатой колотушки имеют прямые толстые рубцы. Нередко они слабозаметны из-за того, что выбивание проводилось либо слабыми ударами, либо поверхность заглаживалась после обработки поверхности сосуда. Формовочная масса включала дресву, шамот и органические растворы. Стенки многих сосудов пористые, что связано с добавлением органических примесей в формовочную массу. Судя по реставрированным экземплярам, сосуды были с округлым дном. Они покрыты от венчика до дна отпечатками орнаментов с прямым, округлым или приостренным рабочим краем, чаще всего ровным, реже зубчатым. Техника нанесения орнамента – отступающе-накольчатая. Венчик округлый в сечении, он обязательно оформлялся прищипами или

отпечатками гладкого накола. Под краем сосуда обычно располагается ряд круглых или овальных ямок. Орнамент на стенках строится зонально, с чередованием парных горизонтальных, волнистых, зигзагообразных или наклонных линий, и иногда дополняется под венчиком рядом наклонно поставленных насечек. Группа включает и сосуды-дымокуры, для подвешивания которых использовали ушки в виде округлых налепов или «бугров», выдавленных изнутри стенок.

Вторая группа керамики представлена посудой, происходящей из поселения Бобровка (2 сосуда) и городища Шилка II (1 сосуд) (см. рис. 10, 7, 15; 14, 10). Это горшки простой открытой формы, имеющие гладкую наружную поверхность стенок, без следов выбивания рубчатыми колотушками. Формовочная масса включала дресву, шамот и органические растворы. Стенки имеющихся черепков плотные, обжиг костровой, высокотемпературный. Из-за фрагментарности материала, установить степень орнаментации посуды сложно. Возможно, она покрывала всю поверхность стенок так же, как на аналогичной керамике из красноярского района [Окладников, 1957, с. 36, 42; Макаров, 1993]. В орнаментации использовались гребенчатая качалка и прокат. Нередко оттиски проката дополнялись рядами ямочных вдавлений, которые размещались в зоне тулова. Возможно, эти ряды ямок разделяли орнамент на зоны.

Приведенное разделение керамики представленных памятников переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку позволяет говорить о двух компонентах, присутствующих в культурном облике населения, обитавшего в южной части района исследования, т. е. на берегах Енисея в пограничье с красноярской лесостепью.

2.1.2. Датировка и культурная принадлежность

Анализируя представленные материалы, мы отмечаем, что первое место среди всего инвентаря по количеству и разнообразию занимает керамика. Каменные изделия встречены в небольшом количестве, а предметы из

металла полностью отсутствуют. Находки хорошо датированных вещей в комплексах с керамикой единичны, что затрудняет датировку этих памятников. Однако, привлекая стратиграфические и планиграфические особенности памятников, учитывая условия залегания керамики по слоям, различия в технике орнаментации посуды, дадим относительную хронологию этих памятников и выделенных групп керамики, а также попытаемся определить их культурную принадлежность. В ряде случаев свои рассуждения подкрепим абсолютными датами.

При рассмотрении геоморфологических особенностей стояночных комплексов прослеживается следующая картина. Второй культурный слой на городище Шилка II располагается на второй надпойменной террасе р. Енисей, которая на всем протяжении позднего голоцена не затапливалась. На таких террасах создавались благоприятные возможности для организации долговременных селений, что и отмечается на нашем материале. Причем поверхность этих террас всегда оставалась открытой, процесс почвообразования на них был слабым, что приводило к размещению разновременных находок в компрессионных слоях на близких уровнях геологического слоя. В таких условиях расчленение разнокультурных комплексов возможно с использованием планиграфических наблюдений или микростратиграфии. Так, комплекс с керамикой первой группы на стоянке Шилка II, приурочен к кровле геологического слоя коричневой супеси, сформированной в период атлантического оптимума голоцена. Здесь он подстилается уровнем, содержащим неолитическую керамику аплинского типа с отпечатками сетки-плетенки. Такое стратиграфическое размещение керамики первой группы указывает на ее близость к неолитическому времени.

На террасах затапливаемого в позднем голоцене уровня размещаются многослойные поселения Бобровка и Язаевка. Здесь культурные слои позднего неолита лежат в 6,2–6,4 м выше современного уреза воды. Если учесть, что современный уровень Енисея на исследуемом участке после

строительства Красноярской ГЭС понижен в среднем почти на 3 м, то стоянки устраивались на высоте не более 3 м от воды, т. е. на самом прибрежном участке пойменных террас. Это приводило их к постоянному подтоплению во время кратковременных половодий и, следовательно, перекрытию культурных слоев наносами аллювиального песка, создавая естественную консервацию культурных остатков. На таких террасах могли устраивать только кратковременные стойбища, что также подтверждается малой степенью насыщенности и незначительной мощностью культурных слоев на этих памятниках.

На указанных кратковременных стоянках, расположенных на противоположных берегах Енисея, отмечается керамика обеих выделенных групп. Факт совместного их присутствия можно объяснить либо смешением материалов в процессе почвообразования и формирования культурного слоя, либо относительно одновременным, попеременным посещением их носителей. В первом случае разные группы керамики будут хронологически последовательными, т. е. разновременными. Вряд ли носители различных культурных традиций смогли бы проживать на одном месте или даже в пределах видимости без контактов. Долгое параллельное их существование обязательно нашло бы отражение в керамическом материале. Но этого нет.

Сопоставляя выделенные группы керамики по комплексам, представленным на многослойных поселениях, мы видим, что керамика первой группы в типологически «чистом» виде присутствует только на поселении Язаевка. На городище Шилка II, несмотря на значительное преобладание этого же типа керамики, присутствует единственный фрагмент, отнесенный ко второй группе. В рассмотренных культурных слоях поселения Бобровка разная керамика представлена в равной степени. Это говорит о том, что выделенные группы керамики существовали относительно независимо, параллельно и в непродолжительный период древней истории.

Датировка представленных комплексов определяется их стратиграфическим размещением на многослойных памятниках и серией радиоуглеродных дат.

Четвертый культурный слой поселения Язаевка, содержащий керамику первой группы, подстилается погребенной почвой неолитического времени. Для нее имеется радиоуглеродная дата, полученная по углю – 6775 ± 130 л. н. (СОАН–3692), которая указывает на ее формирование в пределах конца V – начала IV тысячелетия до н.э. Третий культурный слой памятника содержит керамику каменско-маковского типа и датируется ранним железным веком. Собственно для кровли погребенной почвы четвертого культурного слоя поселения Язаевка имеется одна радиоуглеродная дата – 3875 ± 90 л. н. (СОАН–3691), указывающая на время консервации погребенной почвы и окончания формирования культурного слоя в пределах середины – конца III тыс. до н. э. Следовательно, истинная дата культурного слоя может лежать немного древнее середины III тыс. до н. э.

Возраст представленных материалов переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку на многослойном поселении Бобровка документируется четырьмя радиоуглеродными датами. Для культурного слоя 7(б) – 4150 ± 25 л. н. (СОАН–3680), 4475 ± 100 л. н. (СОАН–3681) и для слоя 7(в) – 4580 ± 65 л. н. (СОАН–3682), 4530 ± 120 л. н. (СОАН–4288). Эти данные указывают, что календарный возраст формирования культурных слоев лежит в пределах середины IV – начала III тыс. до н. э., что соответствует позднему неолиту.

Таким образом, датировка позднего неолита по памятникам енисейской долины в пределах южнотаежной зоны определяется абсолютными датами в пределах рубежа IV – III тыс. до н. э., что сопоставимо с общеисторическими данными для районов южной тайги Западной и Восточной Сибири. Датировка же переходного периода от неолита к бронзовому веку будет несколько моложе.

Для решения вопроса о происхождении и культурной принадлежности поселенческих комплексов основным источником будет выступать керамика, поскольку имеющиеся изделия из камня являются типичными для комплексов неолита и палеометалла не только енисейско-ангарского бассейна, но и всей Средней Сибири.

Сопоставляя каменный инвентарь представленных памятников, мы отмечаем, что по ряду признаков он идентичен. В наборах каменных орудий присутствуют как грубо обработанные изделия, так и предметы, оформленные различными видами мелкой ретуши и подшлифовкой. Последние приемы обработки характерны как для поздненеолитических, так и энеолитических комплексов сопредельных территорий – красноярско-канского лесостепного района, таежного Северного Приангарья и южнотаежного Приобского правобережья. Присутствие в одном комплексе орудий с различными способами обработки указывает, скорее всего, на переходный характер эпохи. Аналогичная картина отмечается для переходного периода от позднего неолита к энеолиту и для Западной Сибири [Косарев, 1981].

Керамика первой группы находит ближайšie аналогии в посуде глазковской культуры [Хлобыстин, 1987], характерной особенностью которой является ее изготовление способом выбивания при помощи колотушки, в результате чего на поверхности сосудов образовывались рубчатые отпечатки. Употреблялась, вероятно, и гладкая колотушка, при использовании которой получались гладкостенные сосуды. Выбивание приводило к тонкости стенок сосудов, нередко их толщина составляла 2–3 мм. В формовочную массу обычно добавляли мелкий песок. Горшки чаще всего делали круглодонными, но есть и остродонные экземпляры. На поздних памятниках глазковской культуры в Прибайкалье появились сосуды с уплощенным дном. Иногда выпуклые стенки верхней части сосудов слегка загибали внутрь; встречается более или менее выраженная горловина и несколько отогнутый наружу венчик. Сосуды, как правило, имеют

удлиненные пропорции. Размеры их различны, диаметр по венчику колеблется от 7 до 40 см. Край глазковских сосудов украшался защипами, оттисками отступающей лопаточки, насечками. Иногда на нем делали тупоугольные выступы, расположенные через равные интервалы. Чаще всего украшалась верхняя треть формы, и лишь маленькие сосуды имели сплошную орнаментацию. Изредка у сосудов с уплощенным дном орнамент наносился в зоне перехода стенки в дно. Наиболее характерные виды узоров – ряды «жемчужин» (бугорков, выдавленных изнутри сосуда) и линии, выполненные протягиванием палочки с периодическими нажимами (встречен в погребении № 1 Макаровского могильника на р. Лене); иногда наносились ряды отдельных наколов, а также резные линии. Эти ряды и линии могли располагаться горизонтально, наклонно и в виде зигзагов [Хлобыстин, 1987, с. 333–334]. Близка по орнаментации рубчатая керамика и из памятников нижнего течения р. Ангары [Пупаева, 2015; Пупаева, Фокин, 2015; Сенотрусова, 2015].

Сравнивая эту посуду с выделенной нами первой группой керамики, мы находим больше сходства, чем различия. Сходство проявляется в украшении венчика защипами, в нанесении горизонтальных, наклонных линий и зигзагов отступающими орнаментами, в орнаментации верхней трети боковой поверхности, а также в использовании при формовке сосудов рубчатой и гладкой колотушек. Вместе с этим есть и существенные различия, состоящие в композиционном размещении орнамента, в наличии на керамике с енисейских памятников ямок под венчиком и отсутствии здесь рядов «жемчужин».

Ареал глазковской культуры включает в основном район Прибайкалья, лежащий на расстоянии более 1000 км к востоку от берегов Енисея. Ее могильники, оставленные с рубежа III–II тыс. до н. э. до конца I тыс. до н. э., распространены главным образом только в Прибайкалье, в верховьях Лены и в низовьях Селенги. В Северном Приангарье известны погребения этого времени [Дроздов, 1974; Раскопки..., 1976; Привалихин и др., 2003,

Привалихин, 2009], но они отличаются от «классических» погребений глазковцев. Поселенческие же комплексы, включающие керамику глазковской культуры, открыты далеко за пределами ареала погребений – в низовьях р. Ангары, в Эвенкии и Забайкалье [Хлобыстин, 1987, с. 331]. Материалы наших изысканий в Нижнем Приангарье на стоянках Острова Караульный, Шумиха, Черная (раскопки автора 1995 г.) также указывают на присутствие в керамических комплексах этих памятников лишь отдельных элементов, сопоставимых с орнаментами на посуде глазковской культуры. Такие черепки залегают вместе с фрагментами совершенно иной керамической традиции и, следовательно, не относятся к глазковскому культурному пласту. Однако мы не можем исключать и проникновение собственно глазковских традиций в орнаментацию керамики таежного населения до берегов Енисея, тем более что они отмечаются и на керамике из красноярского района [Окладников, 1957; Макаров, 1985] и канской лесостепи [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984].

Сосуды, аналогичные первой группе, украшенные горизонтальными отступающе-прочерченными линиями орнамента с гладким, реже зубчатым концом, мы видим на памятниках Мезенской и Казачинско-Потанчетской группах канской лесостепи [Генералов, Дзюбас, 1991, с. 123–124, 217, рис. 44], на Бирюсинской стоянке [Гурина, 1964, с. 93], стоянках Монастырского комплекса (раскопки автора), на стоянке в устье р. Собакиной [Окладников, 1957, рис. 7] под Красноярском и других объектах.

Орнамент на керамике первой группы представляет собой развитие мотивов и композиций поздненеолитических сосудов таежного Приангарья [Васильевский и др., 1988, табл. XIV, 12, 16, 18; XXIV; XXVIII и др.]. К ним относится керамика с линейно-накольчатой орнаментацией, которую Л. П. Хлобыстин предлагает назвать западноангарской и по целой серии сопоставлений определяет время ее бытования серединой III тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1998, с. 81]. В керамике первой группы находит место ряд

элементов орнамента неолитических сосудов усть-бельского типа, которые имели параболоидный профиль, оттиски отступающей палочки и гребенчатых штампов, построенные в горизонтальные параллельные друг другу и вертикальные зигзаги, иногда разделенные на горизонтальные зоны [Бердников, 2008; Герман, Леонтьев, 2013]. Исследователи считают, что усть-бельский тип керамики привнесен в Восточную Сибирь из западных областей Сибири или Зауралья и датируют его серединой–концом III тыс. до н. э. [Савельев, Медведев, 1973, с. 63]. Такой же датировки керамики усть-бельского типа придерживается и Г. В. Сеницына [1979, с. 89–91]. Целая серия сосудов из VIII слоя поселения Улан-Хада [Грязнов, Комарова, 1992, с. 167, рис. 21, 2, 7; с. 168, рис. 22, 4, 5] также находит сопоставление с керамикой переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку первой группы района южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары.

Подтверждение культурного единства носителей керамики первой группы с населением красноярско-канского лесостепного района ярко демонстрируется наличием оригинальных сосудов-дымокуров с налепными ушками в виде «бугров». Сосуды с такими же тремя налепными ушками отмечены под Красноярском на Бирюсинской стоянке [Гурина, 1964, с. 93], в канской лесостепи на памятниках Мезенской группы, где сосуд-дымокур найден совместно с обломком бронзового ножа, датированным авторами началом II тыс. до н.э. [Генералов, Дзюбас, 1991, с. 123–124].

Вместе с этим, отдельные сосуды первой группы керамики переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку из южной тайги Среднего Енисея указывают и на связи местного населения с племенами из Западной Сибири. Особенно отчетливо это прослеживается по зональной композиции и орнаментации сосуда-дымокура из Язаевки (см. рис. 12, 1). Орнамент его сопоставляется с поздненеолитической керамикой Васюганья, на которой узор строится зонально и состоит из прямых и волнистых линий, нанесенных отступающее-накольчатый и прочерченным способом. На основании аналогий и серии радиоуглеродных дат такая керамика с поселения

Тух-Сигат IV датируется Ю. Ф. Кирюшиным началом III тыс. до н. э. [2004, с. 56, рис. 50, 51].

Керамику обеих групп переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку, выделенных в районе южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары, можно сопоставить с керамикой из районов Верхнего и Томско-Нарымского Приобья, где для периода раннего металла (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.) выделяются памятники новокусовского и игрековского этапов верхнеобской общности (культуры). Для новокусовского этапа характерна керамика с отступающей техникой нанесения орнамента, строящейся в «ранненеолитические» мотивы – волны, «псевдоплетенку», сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и т. д. Черепки с отпечатками гребенчатого штампа встречаются редко и лишь на южных окраинах этого ареала [Косарев, 1987, с. 265; Кирюшин, 2002]. На керамике игрековского типа Томско-Нарымского Приобья гребенчатый штамп также почти не употреблялся. Орнамент наносился здесь преимущественно отступающей лопаточкой, мелкими насечками, прочерченными линиями и строился в волны, ряды насечек, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны и т. д. Исходя из этого, керамика из Томско-Нарымского Приобья лишь частично сопоставляется с посудой из поселений переходного периода южной тайги Среднего Енисея. Сходство проявляется в технике нанесения орнамента отступающе-прочерченными линиями, в волнистом мотиве их расположения на сосуде, зональности композиции узора, а также присутствию зубчато-гребенчатых оттисков. Но общее единство формы и композиционное построение орнамента на керамике из енисейских памятников отличает ее от приведенных материалов.

Керамика второй группы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку, которая украшалась гребенчатой качалкой и прокатом, также находит многочисленные аналогии на памятниках лесостепных и южнотаежных сопредельных территорий. Эти материалы сопоставляются с находками из четвертого и пятого культурных слоев поселения Казачка в

Канской лесостепи. Так, в четвертом культурном слое Казачки, который датируется второй половиной III тыс. до н. э., залегала керамика, украшенная горизонтальными рядами отпечатков вогнутой «шагающей» лопаточки [Генералов, 1979а, с. 46–47]. Для пятого культурного слоя Казачки, датируемого началом III тыс. до н. э., характерна керамика, украшенная линиями пунктирной «гребенки» [там же, с. 46]).

На сопредельных северо-западных территориях керамика с орнаментом в виде «шагающей» гребенки известна в памятниках северотаежного Приобья, где она датируется концом III – началом II тыс. до н. э. Вместе с ней встречается и «гребенчато-ямочная» керамика [Васильев, 1993, с. 45–46], которая известна также в это время и на севере Томско-Нарымского Приобья [Молодин, 1977]. Для южнотаежного Томско-Тымского Приобья, по мнению Ю. Ф. Кирюшина [2004, с. 16], такая керамика не является местной и попадает сюда с приходом каких-то групп таежного населения, носителей гребенчато-ямочной орнаментации.

Если керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией в северных таежных районах Западной Сибири, появившись в неолите, почти не меняется по облику до самого конца бронзового века [Косарев, 1987, с. 285], то керамика с шагающими оттисками гребенки в период раннего бронзового века отмечается только в районах Нижнего Приобья. В материалах сартыньинской культуры, существовавшей на этой территории с XVIII–XVII вв. до н. э. до XIV–XIII вв. до н. э. [Васильев, 1993] и в Обь-Енисейском междуречье, пока ее нет.

Скорее всего, правы те исследователи, которые считают, что керамика, украшенная оттисками «шагающей» гребенки, проникла на Енисей во второй половине III тыс. до н. э. из Западной Сибири и вошла в афанасьевский и окуневский орнаментальные мотивы [Хлобыстин, 1987, с. 340; Максименков, 1975]. Ярким фактом проникновения керамики с таким орнаментом не только в восточном направлении, но и в южном выступают памятники афанасьевской культуры Горного Алтая [Кирюшин и др. 1995, с. 17, рис. 7].

Свидетельством распространения керамики, украшенной мелкозубчатым шагающим штампом, в Красноярском районе могут служить материалы поселений Усть-Мана, Усть-Собакино, Няша, группы стоянок Дрокино–2-5. На основании анализа этих материалов Л. В. Новых предлагает выделить дрокинский тип керамики, объединяющий сосуды с приостренным и утолщенным дном, которые орнаментировались в верхней трети или по всей поверхности поясами оттисков гребенчатой и гладкой качалки, мелкозубчатого штампа, волнистыми линиями отступающего орнамента. Такая керамика, по мнению исследовательницы, датируется серединой III тыс. до н. э. По стилю орнаментации она ближе всего новokusковской керамике Томско-Чулымского Приобья и боборыкинской Тюменского Притоболья [Новых, Дроздов, 1991, с. 48–49].

Керамика, украшенная горизонтальными, вертикальными и наклонными оттисками пунктирной гребенки, также известна под Красноярском и в стратифицированных комплексах. Например, она встречена в культурном слое 10 пещеры Еленева, который датируется радиоуглеродным методом в пределах от 3,4 до 2,7 тысяч лет до н. э. [Макаров, 1993, с. 10].

Исходя из приведенных аналогий, происхождение керамики второй группы переходного периода от позднего неолита к бронзовому веку из южной тайги Среднего Енисея необходимо связывать с районом Томско-Тымского Приобья Западной Сибири, откуда она проникла до южных окраин лесостепного красноярского района и северных районов Минусинской котловины. Продвижение носителей такой керамики могло осуществляться по правобережным притокам Оби и по долине Енисея. Присутствие ее в районе исследования в середине III тыс. до н. э. необходимо связывать, на наш взгляд, с продвижением каких-то групп таежного населения с запада на восток и юго-восток. Это проникновение проходило в течение всего III тыс. до н. э. (начиная с конца IV тыс. до н. э.) из районов южнотаежного Зауралья через всю южнотаежную зону Западной Сибири, что неоднократно подчеркивалось рядом исследователей [Алексеев В. П., 1961, с. 118–119;

Молодин, 1977, с. 42; Кирюшин, 2002, с. 92–93; 2004, с. 26–27; Косарев, 1981, с. 63; 1984].

Таким образом, опираясь на стратиграфию многослойных поселений и на типологический анализ керамики, а также серию радиоуглеродных датировок, переходный период от позднего неолита к бронзовому веку в южной тайге Среднего Енисея можно относить к началу – середине III тыс. до н. э. В это время на местной неолитической основе под влиянием пришлого западносибирского населения формируется культура, несущая в себе синкретичные черты носителей керамики с отступающе-накольчатой и шагающе-гребенчатой орнаментацией. В это время южная часть района и вся Красноярская лесостепь, а возможно, и часть Канской лесостепи, были заселены родственными группами населения, составляющими единый культурный пласт. Приведенные данные указывают если не на прямое проникновение сюда западносибирского и прибайкальского населения, то, по крайней мере, на их культурное влияние. Расширение круга имеющихся источников позволит в дальнейшем более определенно говорить о культурной принадлежности памятников этого времени.

2.2. Комплексы раннего бронзового века

Начало бронзового века в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары и в более южных районах Средней Сибири, хронологически совпадает: с середины – конца III тыс. до н. э. В районе исследования комплексы этого времени изучены на ряде многослойных поселений. Так же, как и в предшествующий период, здесь развивалось одновременно несколько культурных традиций, которые проявились в распространении разных типов керамики. Для раннего бронзового века здесь выявлены комплексы с *гребенчатой* керамикой и *«шнуровой»* керамикой. Их ареалы размыты. Ареал гребенчатой керамики, очевидно, сокращается вместе с наступлением тайги на лесостепные южные участки. Традиция *«шнуровой»* керамики по этим же причинам расширяется на юг, далеко за пределы южнотаежной подзоны и

доходит до южных границ Красноярской лесостепи. Структура орнамента керамики раннего бронзового века в основе сходна с той, что формировалась в таежной зоне к северу и востоку от района исследования – в низовьях Енисея, в Северном и Южном Приангарье, Прибайкалье и Якутии, что свидетельствует об общности этнокультурных процессов, протекавших в среде близких по происхождению и историческим судьбам народов. В то же время связи между восточными и западными от Енисея группами населения сохранялись, не ослабевали даже под сильным влиянием культурных традиций с юга, которое испытывало население Красноярской лесостепи.

2.2.1. Памятники

Целый ряд памятников южной тайги Среднего Енисея и низовьев р. Ангары содержат материалы раннего бронзового века. Опорными среди них выступают многослойное поселение Бобровка и комплекс Усть-Шилка II. Отдельные материалы отмечены на поселении Шилка IX.

На *поселении Бобровка* в раскопе 1 артефакты раннего бронзового века приурочены к культурному слою 7А и пачке из 16 горизонтов культурного слоя 6. Все горизонты разделяются между собой стерильными прослойками песка (рис. 15), что позволяет рассматривать культуру раннего металла в динамике по материалам кратковременных стоянок на протяжении нескольких столетий. Образование этой пачки культурных слоев связано с периодическим подтоплением склонов древней пойменной террасы, которая сейчас является первой надпойменной, с высотной отметкой до 8 м. Причем многослойность отмечается только для склонов этой террасы. Ее поверхность в период раннего бронзового века не затоплялась, что говорит об отсутствии высоких паводков на Енисее и относительно стабильном гидрорежиме реки. Археологические материалы приурочены к темно-серым с коричневатым оттенком, среднесуглинистым, влажноватым, пористым, плотным почвам. Мощность каждой культуровмещающей погребенной почвы составляла от 5 до 15 см, мощность стерильных

песчаных прослоек между ними колебалась от 5 до 20 см. В раскопе 2 находки раннего бронзового века залежали в одном слое с материалами финальной бронзы и раннего железного века и поэтому выделяются здесь только типологически. Этот слой отделялся от нижележащего культурного слоя переходного периода стерильным супесчаным горизонтом мощностью до 30 см.

Поскольку подробная характеристика материалов поселения Бобровка уже приводилась в публикациях [Мандрыка, Макаров, Орлова, 1999; Археология..., 2003], то здесь мы даем лишь суммарные данные, характеризующие комплекс.

Незначительная мощность погребенных почв, а также слабая их насыщенность археологическим материалом свидетельствуют о кратковременности пребывания человека на стоянке. Сезонность обитания подтверждается и характером кострищ, устроенных возле края террасы (табл. 4). Все кострища округлой или овальной формы открытого типа без каменных обкладок. Они выделялись по прокаленной почве оранжевого цвета. Часто внутри прокаленных линзовидных пятен содержались фрагменты обгоревшего дерева, по которому проводилось радиоуглеродное датирование. Иногда углистые включения отмечались только по краям прокалов. В единичных случаях кострища состояли только из прокаленной почвы без древесного угля. Вокруг них размещались находки.

Комплексы разных горизонтов слоя 6 и слоя 7А сходны набором каменных орудий, изготовленных из пластинчатых заготовок, а также керамикой, украшенной гребенчатой орнаментацией (группа 1) (рис. 16, 4–17; 17 – 1, 2, 5, 7). Вместе с тем здесь отмечаются фрагменты сосудов, оформленные выбиванием колотушкой, обмотанной грубым витым шнуром (группа 2) (см. рис. 16, 18–21; 17 – 3, 4). Всего найдено 336 фрагментов стенок и венчиков керамики от 18 сосудов (табл. 5). В трех случаях черепки из разных соседних уровней склеивались в одну форму, что дополнительно подтверждает правомерность их объединения в один культурно-

хронологический комплекс. Керамика сопровождалась обломком кончика тонкого пластинчатого бронзового ножа (см. рис. 16, 1) и бронзовыми каплями от расплавившихся мелких предметов (см. рис. 16, 2), а также 21 каменными изделиями. Среди них цилиндрический пест (см. рис. 16, 3), обломки наконечников стрел (см. рис. 16, 22–26), концевой скребок (см. рис. 16, 27), а также точильная плитка (см. рис. 16, 30) и призматические пластинки (см. рис. 16, 28, 29). В некоторых слоях возле кострищ зафиксированы камни-окатыши без следов обработки, но с закопченной поверхностью и грузила для рыболовных сетей из галек.

Керамика с гребенчатой орнаментацией вместе с фрагментами, несущими «шнуровой» техникой декор, представлены еще на одном памятнике, во втором культурном слое комплекса Усть-Шилка II.

Комплекс Усть-Шилка II входит в Усть-шилкинский археологический микрорайон (рис. 18) и расположен в створе Казачинского порога на 17-метровом мысу, образованном правобережной енисейской и левобережной шилкинской террасами. С южной стороны поверхность приустьевого мыса плавно переходит в 14-метровую террасу р. Енисей, а с восточной стороны – ограничивается небольшим логом (рис. 19).

Памятник открыт и изучался П. В. Мандрыкой с 1987 г. За одиннадцать полевых сезонов (1988, 1993–1995, 2002–2007 гг.) единым раскопом площадью 1244 м² вскрыта вся территория приустьевого мыса, на которой выявлены культурно-хронологические комплексы от мезолита до позднего средневековья. На нем изучено несколько слоев мезолита, неолита, бронзового века, а также семь погребений скифского времени, городище гуннского времени, четыре погребения раннего средневековья и железоплавильная площадка позднего средневековья.

Материалы раннего бронзового века залегают здесь во втором культурном слое, который выделен условно по глубине залегания. Стерильных прослоек между вышележащим культурным слоем 1В (уровнем

могильника раннего железного века) и нижележащим третьим культурным слоем (неолитическим) нет (рис. 20; 21).

Находки раннего бронзового века приурочены к горизонту бурой с коричневатым оттенком легкой супеси и залегают на глубине от 28 до 60 см от современной поверхности. Мощность слоя 22–24 см. Археологический материал отмечен по всей толще горизонта, с наибольшей концентрацией в кровле. Слой частично нарушен ямами от углубленных объектов вышележащих культурно-хронологических комплексов: ямами железоплавильных и кузнечных горнов развитого средневековья, котлованами жилищ и рвом городища шилкинской культуры, могилами погребений тюркского времени и раннего железного века, а также ямами от древних и современных выворотов. В некоторых выбросах из этих нарушений отмечается археологический материал, типологически относящийся к бронзовому веку. Данное обстоятельство учитывалось при работе с материалом. На площади раскопа слой распространялся относительно равномерно. Характерно, что в нем не зафиксировано ни одного четко читаемого кострища, хотя скопления угля и пятна красной прокаленной почвы присутствовали. Это можно объяснить тем, что на памятнике в процессе формирования культурного слоя почва подвергалась частичному механическому перемешиванию, например во время вытаптывания растительного покрова и дальнейшего выветривания. Подтверждается такое воздействие на почвообразование и размещением находок на разном уровне мощного культурного слоя. В 28 случаях части сломанных вещей из кровли и подошвы слоя склеились между собой. Причем размещались они в разных квадратах вскрытой площади, лежали друг от друга на расстоянии от 2 до 30 м.

На вскрытой площади артефакты слоя залежали концентрированно и разрозненно. Наибольшая их часть была отмечена в северо-западном секторе мыса, т. е. на более высокой его поверхности вдоль края енисейского берега. В южной и восточной части раскопа, где были вскрыты понижающиеся

участки поверхности, находок значительно меньше. По типологии, подтвержденной в ряде случаев планиграфией и стратиграфией, материал слоя делится на два разновременных комплекса, что отчетливо прослеживается по керамике.

Керамика зафиксирована по всему раскопу и залегала как скоплениями, так и разрозненно. В двух случаях отмечены большие скопления, фрагменты из которых склеиваются в блоки. Отмечено 1474 черепка, из них 186 – венчики и 7 налепных ушек. По ним определяется 65 сосудов. Значительная их часть реставрируются до блоков, по которым можно восстановить форму и орнамент целого горшка. Две емкости собраны целиком.

По формовочной массе, способу обработки стенок, форме и орнаменту керамика из поселения разделяется на две группы.

В первую группу входят 14 сосудов с гребенчатой орнаментацией, которые аналогичны керамике с поселения Бобровка. Формовочная масса состоит дресвы и шамота, иногда добавлялась органика. Емкости формовались вручную, возможно, техникой лоскутного налёпа. Наружная поверхность стенок гладкая. Сосуды имели закрытую форму: горшки со слегка вогнутой шейкой и круглодонные банки с прямым плечиком. Венчик всегда оставался прямым. Сосуды украшались только в верхней трети формы, часто орнамент нанесен и по венчику. В качестве орнаментиров использовались предметы с зубчатым окончанием. Это могли быть специально сделанные гребенчатые штампы, а также обломки косточек или палочек с неровным зубчатым краем. Надо отметить, что в нанесении оттисков на каждой форме использовался только один орнаментир, которым под разными углами к поверхности отступанием или наколом наносились отпечатки. Узоры на разных сосудах близки между собой и состоят из одного–двух рядов наколов под краем сосуда, затем пяти–шести горизонтальных линий, и еще ниже – опять одного–двух рядов наколов. Часто орнамент дополнен поясом ямок под венчиком (рис. 22, 23–28; 23 – 1-3). Устойчивое композиционное построение орнамента на этой керамике

позволяет рассматривать ее в рамках одного типа, который в дальнейшем мы будем называть «*бобровским*».

В эту же группу условно можно отнести и фрагменты, которые украшены зубчатыми штампами, строящимися горизонтальными линиями или рядами из наклонных оттисков. По композиционному построению орнамента и по всем остальным признакам (составу формовочной массы, цвету, обжигу, форме и орнаменту) они не отличаются от всей керамики группы. Диаметр сосудов по венчику варьирует в пределах 20–32 см (см. рис. 22, 21, 22).

Во вторую группу входит 51 сосуд (см. рис. 22, 1–17; 24). В состав формовочной массы этой керамики включены дресва и, иногда, шамот, органические растворы. Дресва некалиброванная, ее окатанные и неокатанные частицы достигают в диаметре 2–5 мм. Наличие дресвы и шамота удалось диагностировать в тесте 11 сосудов, шамота – в 13, дресвы – в 27. Исходное сырье (глину), вероятно, брали на берегу реки, на осыпях. Подготовка формовочной массы сводилась к слабой промешке, в ходе которой в глину добавлялись отошители без предварительного просеивания.

Сосуды сформованы вручную, лоскутным налепом. Толщина стенок 3–5 мм, венчиков – 6–8 мм. Наружная поверхность керамики этой группы имеет технический декор в виде тонких «шнуровых» оттисков – многочисленных отпечатков от витых нитей. Иногда линии отпечатков расположены беспорядочно, и определить способ их нанесения трудно («рябчатая фактура»). Но на большинстве сосудов планиграфия оттисков хорошо прослеживается: ряды расположены по диагонали снизу вверх и слева направо, под углом примерно 20–45°. Плотность оттисков: 4–7 рядов на 1 см по вертикали и 3–6 элемента на 1 см по горизонтали. Оттиски витого шнура отмечаются только на внешней стороне. Сопоставление характера «шнуровых» оттисков усть-шилкинской керамики с экспериментальными образцами позволило определить некоторые способы их нанесения.

Поверхность большинства форм (34 экз.) обрабатывалась способом выколачивания эластичным инструментом: скорее всего, колотушкой, обмотанной тонким витым жгутом. На стенках пяти сосудов оттиски нанесены не выбиванием, а прокатыванием круглой палочки, обмотанной тонким витым шнуром. Об этом говорят четкие и глубокие канавки, которые расположены равномерными протяженными цепочками, идущими параллельно друг другу. По технике обработки выделяется сосуд, стенки которого помимо «шнуровых» оттисков сохранили только на внешней поверхности отпечатки шерстяных волокон. Наиболее вероятно, что здесь после проката поверхность стенки была заглажена куском линявшей шкуры. В коллекцию этой группы керамики включен и сосуд, поверхность которого покрыта разнонаправленными тонкими бороздками, штрихами и царапинами разной длины и ширины, имитирующими «шнуровые» отпечатки (см. рис. 22, 7). Такой декор мог получиться от заглаживания стенок торцом щепы или сломанной кости.

Обжиг посуды производился на костре, о чем свидетельствует неравномерная окраска поверхности сосуда (в большинстве своем серая и светло-коричневая, иногда красная) и свежего излома (к наружной поверхности более светлый). Цвет стенок в придонной части сосудов мог быть изменен в процессе использования посуды для приготовления пищи, что доказывается нагаром на их внутренней поверхности.

Форма и размеры сосудов реконструируются по фрагментам венчиков и дна, склеенным блокам стенок. Дно сосудов округлое с небольшим уплощением. Отмечаются сосуды закрытой формы (банка–1) (44 экз.), сосуды простой открытой формы (3 экз.) и горшки закрытой формы с вогнутой шейкой (4 экз.). К последним относятся и горшки-дымокуры с тремя налепными «прямоугольными» ушками. Помимо восстановленного сосуда-дымокура, в коллекции присутствуют еще пять налепных ушек от двух других сосудов. На ушках с прямоугольной гранью размерами до 2,5×6,0 см имеется по одному сквозному отверстию, с квадратной –

размерами до 3,5×3,5 см проделано по два отверстия. С внешней стороны они оформлены двумя–тремя гладкими налипными валиками, служившими ребрами жесткости.

Керамические емкости имели разное назначение. Сосуды с диаметром по венчику 34–42 см, вместимостью 10–15 л, не имеют следов нагара на внутренних стенках, и, возможно, служили для хранения продуктов. Сосуды с диаметром 10–16 см, судя по серому нагару на внутренней поверхности, использовались для варки пищи. Горшочки-дымокуры диаметром 12 см и высотой 18 см использовались для отпугивания кровососущих насекомых. Наличие трех ушек, одного под венчиком и двух на нижней части тулова, позволяло прикреплять их к какой-то плоской основе (например, доске), и при этом она не соприкасалась со стенкой сосуда, следовательно, не нагревалась от его горячих стенок.

Сосуды украшались в верхней части формы. Использовался только горизонтальный мотив. Орнамент (за исключением пояса ямок) оформлялся в основном пальцами, в единичных случаях каким-то орнаментиром, имитирующим ногтевые оттиски. Наносились ногтевые вдавления, защипы и налипные валики. Несмотря на простоту орнаментации, сочетание на одной форме различных элементов позволяет условно выделить пять вариантов орнаментальных композиций.

Вариант 1 (35 сосудов). Орнамент состоит из одного, двух или трех рядов ногтевых вдавлений или пальцевых защипов, или четырех рядов «скобовидных» наколов. Как правило, венчик этих сосудов рассечен пальцевыми защипами или ногтевыми наколами. В единичных случаях он не украшался (см. рис. 22, 3, 7–15, 17; 24 – 1-8, 15, 17).

Вариант 2 (3 сосуда). Орнамент включает один – два ряда ногтевых или пальцевых защипов, дополненных поясом ямок. Венчик таких сосудов оформлен пальцевыми защипами и имеет волнистое очертание (см. рис. 22, 6; 23 – 12; 24 – 9).

Вариант 3 (5 сосудов). Орнамент состоит из одного или двух налепных валиков, рассеченных пальцевыми защипами или ногтевыми вдавлениями. Венчик оформлен пальцевыми защипами (см. рис. 22, 4; 24 – 10).

Вариант 4 (3 сосуда). Орнамент включает один, два или три налепных рассеченных валика и пояс ямок. Валики рассекались пальцевыми защипами или ногтевыми наколами (см. рис. 22, 1, 2; 24 – 11, 12).

Вариант 5 (2 сосуда). Орнамент представлен только одним или двумя гладкими налепными валиками (см. рис. 22, 16; 24 – 14).

Вариант 6 (3 сосуда). Сосуды без орнамента (см. рис. 22, 5; 24 – 13, 18).

Сопоставление формы сосудов и их орнаментации позволяет отметить некоторые устойчивые сочетания. Сосуды открытой формы с прямой шейкой украшались орнаментом только первого варианта. Сосуды закрытой формы с прямой шейкой орнаментировались всеми вариантами орнамента. Горшки с вогнутой шейкой, в основном без орнамента. Это сосуды-дымокуры.

Таким образом, для рассматриваемой группы керамики характерно наличие на поверхности отпечатков тонких витых нитей и орнамента, нанесенного пальцами. Устойчивое сочетание признаков позволяет рассматривать отмеченную «шнуровую» керамику памятника в рамках одного типа, который мы будем называть «*усть-шилкинским*».

Планиграфические наблюдения показали, что керамика усть-шилкинского типа встречалась по всей площади раскопа, несколько в большем количестве в северной части памятника, а керамика бобровского типа отмечается только в южных вскрытых секторах. В тех квадратах раскопа, где отмечалось совместное залегание керамики разных типов, черепки бобровского типа часто лежали несколько глубже (на 2–3 см) усть-шилкинских фрагментов. Данные наблюдения вместе с морфологическим различием керамики этих типов позволяют предположить, что культурный комплекс с керамикой бобровского типа может быть несколько древнее комплекса с керамикой усть-шилкинского типа.

Размещение керамики в слое чаще мелкими фрагментами и, редко, небольшими скоплениями, представляющими относительно небольшие блоки сосудов, указывает скорее всего на систематическое посещение данной площадки, на активный хозяйственно-бытовой характер использования поверхности террасы, в процессе чего имели место случаи приготовления пищи и применения дымокуров. Мыс в приустьевой части енисейского притока мог использоваться как площадка, где проводилась какая-то деятельность по работе с древесиной, тушами и шкурами животных и т. д. Такой характер хозяйственной деятельности находит подтверждение в орудийном наборе слоя, состоящем из бронзовых и каменных предметов.

Вещи из слоя нельзя достоверно связать с каким-либо определенным типом керамики, они могут как относиться к любому из них, так и не составлять с ними единого комплекса.

В слое встречены сломанные изделия из бронзы – два ножа, кельт и наконечник стрелы. Один нож представлен кончиком лезвия шириной 1,2 см с двусторонней заточкой. Возможно, эта часть лезвия, судя по обломку, имела слегка оттянутое окончание (см. рис. 22, 18). На обломке второго ножа клинок с выпуклой спинкой (см. рис. 22, 29). Нож имел одностороннюю заточку. Обломок клиновидного втульчатого кельта уменьшенных размеров представлен выпуклым лезвием, которое шире тела орудия. Ширина лезвия 5,0 см. Одна сторона обломка имеет глубокие трещины от механического разрыва (см. рис. 22, 20). Обломок наконечника стрелы представляет плоское подтреугольное перо с заточенными краями и обломанным насадом (см. рис. 22, 19). В слое также отмечены два оплавленных всплеска застывшей бронзы (см. рис. 22, 30). Характер обломков бронзовых орудий показывает, что от них сохранились только механически сломанные лезвийные части, т. е. те части орудий, которые были сломаны и потеряны при работе.

Весь каменный инвентарь слоя изготовлен из галечника, распространенного в районе исследования по берегам р. Енисей.

Использовались кремни, кварциты и туфы, редко халцедон. Первичное расщепление камня включает изготовление нуклеусов из исходных форм сырья и способов снятия с них отщепов и пластин.

Всего из слоя происходит 149 нуклеусов (рис. 25, 1–12), из которых 117 целых, разной степени сработанности, и 32 обломка, по которым форма не устанавливается. Размеры нуклеусов от 1,7×1,4×1,3 до 5,7×4,0×2,2 см зависели от исходной заготовки и/или от размеров необходимых призматических пластин и от степени сработанности. В основу типологии нуклеусов положены форма, количество фронтов, способ оформления контрфронта и основания, степень сработанности.

Группа 1. Призматические нуклеусы (49 экз.)

Тип 1.1 – монофронтальные одноплощадочные нуклеусы с уплощенным, часто неподработанным, контрфронтом, либо контрфронтом, оформленным одним уплощающим сколом (32 экз.), фронт скалывания занимает от 1/2 до 2/3 периметра. Из них по характеру основания встречаются нуклеусы: с неподработанным прямым основанием (17 экз.); с подработанным приостренным основанием, односторонне скошенным к фронту снятия пластин (6 экз.); с подработанным прямым основанием (9 экз.).

Тип 1.2 – бифронтальные торцовые одноплощадочные нуклеусы (6 экз.) с противоположащими фронтами снятия, на боковых гранях сохраняется галечная корка (см. рис. 25, 12). Возможные варианты оформления основания: прямое неподработанное (1 экз.); прямое подработанное (2 экз.); приостренное подработанное с двух или с одной стороны (3 экз.).

Имеется один бифронтальный нуклеус со смежными фронтами (см. рис. 25, 8), который представляет процесс переоформления призматического монофронтального нуклеуса с уплощенным контрфронтом в торцовый нуклеус с ребром, где фронтом снятия микропластин становится основание монофронта, а ударной площадкой является фронт скалывания монофронта.

Тип 1.3 – полифронтальные нуклеусы кругового снятия (10 экз.). По количеству площадок отмечаются два подтипа. Подтип 1.3.1 – одноплощадочные (7 экз.) с неподработанным прямым основанием (4 экз.) и с подработанным приостренным основанием (3 экз.) (см. рис. 25, 2, 11). Подтип 1.3.2 – двухплощадочные, с противоположными площадками (3 экз.) (см. рис. 25, 3).

Тип 1.4 – монофронтальные одноплощадочные нуклеусы с контрфронтом в виде ребра (46 экз.). По способу оформления последнего выделяются несколько подтипов.

Подтип 1.4.1 – нуклеусы с естественным неподработанным ребром (10 экз.), сохраняющим галечную корку. Выполнялись на уплощенно-овальных в сечении гальках. Основание могло оставаться неподработанным (2 экз.), подработанным прямым (5 экз.) или приостренным (2 экз.). К данному подтипу относится и одна преформа без негативов снятия пластин, но с оформленными сколами ударной площадкой и основанием.

Подтип 1.4.2 – нуклеусы с ребром, оформленным односторонней ретушью (26 экз.) (см. рис. 25, 1). Вторая грань часто сохраняет галечную корку, а подработанное основание может быть приостренным (22 экз.) или прямым (4 экз.). К этому подтипу относятся и четыре преформы, у которых несколькими сколами подработано прямое или приостренное основание и ударная площадка, а ребро оформлено серией поперечных сколов с одной стороны. Остальная поверхность сохраняет галечную корку.

Подтип 1.4.3 – нуклеусы с ребром, оформленным двусторонней ретушью (11 экз.). Основание таких нуклеусов приостренное с боков (8 экз.), прямое (2 экз.) или односторонне скошенное к фронту снятия (1 экз.). К этому подтипу относятся и три преформы, у которых поперечными сколами оформлено ребро, ударная площадка и приостренное основание.

В подтип 1.4.4 включен один нуклеус с двумя противоположащими ребрами, оформленными двусторонней ретушью. Изделие без фрагментов

галечной корки, основание приострено в форме долота, негативов снятия пластин нет.

Группа 2. Конические нуклеусы (19 экз.).

Тип 2.1 – монофронтальные нуклеусы с уплощенным, часто неподработанным, контрфронтом, либо контрфронтом, оформленным одним уплощающим сколом (11 экз.) (см. рис. 25, 9). Фронт скалывания занимает от $1/2$ до $2/3$ периметра.

Тип 2.2 – бифронтальный нуклеус (1 экз.) с противоположащими фронтами снятия, боковые грани сохраняют галечную корку (см. рис. 25, 6).

Тип 2.3 – полифронтальные нуклеусы кругового скалывания (7 экз.). По степени истощения выделяются толстые, размерами от $1,7 \times 1,4 \times 1,3$ до $4,5 \times 3,6 \times 3,4$ см и тонкие, карандашевидные, (2 экз.), размерами от $2,3 \times 0,9 \times 0,7$ до $4,1 \times 1,1 \times 1,2$ см.

Кроме нуклеусов полной сохранности в слое имеются и обломки (32 экз.), которые сложно отнести к определенному типу. Технику расщепления характеризуют подживляющие сколы: с основания нуклеуса (6 экз.), площадки («таблетки») (8 экз.) и ребристые пластины (66 экз.).

По представленным нуклеусам можно восстановить способы первичного расщепления, направленные на получение призматических пластин длиной не более 5,0 см. Первый способ – с призматических монофронтальных одноплощадочных нуклеусов с уплощенным контрфронтом (тип 1.1), которые срабатывались до конической формы (тип 2.1), через расширение фронта и его переход на уплощенный контрфронт. На это указывают остатки галечной корки со стороны контрфронта. Второй способ – из призматических монофронтальных нуклеусов с ребром (тип 1.4) через призматические полифронтальные (тип 1.3) к коническим полифронтальным (тип 2.3) и карандашевидным. Такой способ устанавливается по наличию нуклеусов с частично снятым ребром и присутствию ребристых пластин. Третий способ – из призматических бифронтальных нуклеусов (тип 1.2) к коническим бифронтальным нуклеусам. Такие переоформления нуклеусов

свидетельствует о том, что основной целью первичного расщепления являлось получение максимального количества стандартизированных пластинчатых заготовок длиной 2,5–4,0 см с одного нуклеуса.

Продукты расщепления камня представлены отщепами (3732 экз.), размерами до 4,5×6,2×0,4 см, и призматическими пластинами (1261 экз.), размерами от 1,5×0,3 до 5,4×1,2 см при толщине 0,1–0,4 см. На многих отщепах отмечается естественная галечная поверхность.

В качестве приемов, используемых для изготовления каменных орудий, применялась техника обивки крупными сколами, ретуширования и шлифования. Категории орудий выделены на основании морфологических особенностей.

Рубящие орудия – топоры (пешни), тесла и клин.

Топоры (пешни) (3 экз.). Характерными признаками орудий являются удлиненная симметричная форма, узкое прямое или слегка выпуклое и, главное, симметричное в сечении лезвие, подправленное шлифовкой. По размерам и способу крепления они разнотипны. Один топор полноразмерный, с раздутым, овальным в сечении, телом и «ушками» на боковых гранях, оформленных пикетажем (рис. 26, 3). Второй топор миниатюрный, трапециевидной формы, с прямым обушком (см. рис. 26, 12). Третий топор также миниатюрный, вытянутой трапециевидной формы, с округлым обушком.

Тесла (16 экз.). Признаки орудий: удлиненная симметричная форма с асимметричным сечением лезвия. Встречаются массивные и небольшие по размерам орудия. По способу крепления выделяются две группы: тесла с ушками (6 экз.) (см. рис. 26, 1, 2, 4–6) и тесла без ушек (8 экз.) (см. рис. 26, 7–11, 14–16). По сочетанию формы и способов обработки в группе тесел без ушек выделяются два типа – тесла удлиненной формы с горбатой спинкой, с оббивкой по всем граням и со следами подшлифовки лезвия или плоскостей и – тесла овально-прямоугольной формы с галечной коркой по одной плоскости. Тесла с галечной коркой по плоскости на раскопе отмечены возле

участков нарушения культурного слоя, и поэтому достоверно относить их к комплексу нельзя, они могли попасть из нижележащих горизонтов. Внешним видом и односторонней обработкой они близки теслам с «перехватами», которые отмечены в четвертом, мезолитическом слое памятника. Тесла с подшлифованными плоскостями и лезвием встречались на разных уровнях слоя. Способом изготовления они близки теслам с «ушками», оформленными оббивкой крупными сколами и подправленными шлифовкой, и поэтому могут составлять с ними один культурно-хронологический комплекс.

Клин (1 экз.) выполнен на удлиненной, овальной в сечении гальке (см. рис. 26, 13). Способом оформления рабочего края орудие сопоставляется с теслами и топорами. Симметричность лезвия и следы забитости на торце позволяют предположить способ использования орудия в качестве клина, например, при расщеплении дерева вдоль волокон.

Проведение сравнительного анализа рубящих орудий, залежавших *in situ*, позволяет разделить их на две группы. В первую входят орудия с ушками, оформленные точечной ретушью. Во вторую объединяются топоры, клин и тесла с ушками и без ушек, которые изготовлены оббивкой с последующей подшлифовкой поверхностей и лезвия. Распространение орудий в культурном слое на Усть-Шилке II показывает, что из семнадцати орудий второй группы десять найдены в кровле слоя и семь – в его толще. В толще слоя залежали и все три орудия первой группы. Исходя из этого, можно предположить, что все рубящие орудия относительно одновременны и могут принадлежать к одному культурно-хронологическому комплексу. Такая же фиксация различных типов тесел в одних комплексах на Подкаменной Тунгуске позволили Г. И. Андрееву предположить, что это связано с функциональным назначением орудий, и относиться к территориальной локализации того или иного типа надо осторожно [Андреев и др., 1965, с. 112]. Этот же вывод повторяет и В. И. Привалихин [Привалихин и др., 2005, с. 76]. Фиксация разнотипных тесел с ушками в одних комплексах отмечается и на памятниках позднего неолита Северного Приангарья

(например, Парта, слой 2, горизонт 2) [Васильевский и др., 1988, с. 184] и Прибайкалья (например, стоянка Эльген) [Асеев, 2003, с. 63, рис. 39]. Распределение разных форм топоров с ушками на одном многослойном памятнике отмечается на поселении Усть-Ёдарме II, где наиболее ранний экземпляр датирован 8500 л. н., а наиболее поздний – 3500 л. н. [Линина, Лохов, Медведев, 2013, с. 84–85, рис. 5].

Стоит отметить, что лезвия всех орудий, независимо от способа изготовления, несут следы выкрошенности, зазубрин, царапин, следовательно, они использовались в работе, а не являлись заготовками. Некоторые экземпляры сломаны. Разные размеры орудий, способы их крепления и, главное, многообразие форм рабочих лезвий могут соотноситься с разнообразием инструментария одного комплекса, где каждое изделие применялось для выполнения какой-то специальной операции. Одни орудия могли использоваться для обработки дерева, другие – для иных работ, например, в качестве мотыг для копки земли [Бадер, 1948, с. 39; Асеев, 2003, с. 96] или в качестве пешней для пробивания льда при зимней ловле [Васильевский и др., 1988, с. 70; Волков П. В., 2013, с. 161–165]. Об этом могут свидетельствовать разный вес орудий, разные формы лезвия и угол его «заточки». В нашем случае рубящие орудия скорее всего выполняли разные функции.

Скребки (34 экз.). В основу типологии скребков положены характер заготовки, форма, особенности оформления лезвия изделия и боковых граней.

Тип 1 (2 экз.). Скребки концевые на крупных пластинах. Лезвие прямое. Боковые грани не подработаны. Сечение треугольное. Гребень на спинке сохраняет галечную корку. Ширина лезвий 3,0 и 3,7 см (рис. 27, 1, 2).

Тип 2 (9 экз.). Скребки концевые на небольших пластинах, с выпуклым дугообразным лезвием. Боковые грани, кроме одного случая, ретушью не подрабатывались. Сечение треугольное и трапециевидное. Ширина дуги лезвия от 1,2 до 2,3 см (см. рис. 27, 3–5).

Тип 3 (1 экз.). Концевой скребок треугольной формы, с расширенным, слегка выпуклым лезвием. Боковые грани подработаны двусторонней ламинарной ретушью, поверхность спинки также ретуширована. Длина рабочего края 3,0 см (см. рис. 27, 6).

Тип 4 (6 экз.). Скребки концевые на отщепе, с выпуклым лезвием дугообразной и подпрямоугольной формы. Ширина дуги лезвия 1,8–2,1 см (см. рис. 27, 7, 8).

Тип 5 (3 экз.). Орудия на небольших уплощенных гальках. Плоскости и боковые грани сохраняют галечную корку. Два скребка с широким дугообразным лезвием, обработанным двусторонней ламинарной ретушью. Ширина дуги лезвия 3,0 см (см. рис. 27, 9). Третье орудие с прямым лезвием (см. рис. 27, 10). Кроме скребущих операций эти орудия могли использоваться и как долота.

Тип 6 (2 экз.). Скребки удлиненно-овальной формы, на толстых сколах треугольной в сечении формы. Один скребок с двумя выпуклыми высокими противолежащими лезвиями. Боковые грани подправлены ретушью. Плоскость брюшка сохраняет галечную корку (см. рис. 27, 11). Второй скребок с одним выпуклым высоким лезвием. Зауженные боковые грани оформлены ретушью. Гребень и насад сохраняют галечную корку (см. рис. 27, 12)

Тип 7 (3 экз.). Скребки концевые, подчетыреугольной формы, на утолщенных сколах с вогнутым рабочим краем. В двух случаях боковые грани подправлены ретушью. В третьем отмечается галечная корка. Длина лезвий 2,5×3,0 см (см. рис. 27, 13, 14). Орудия могли использоваться и как скобели.

Тип 8 (3 экз.). Скребки боковые, на утолщенных сколах с выпуклым рабочим краем. Сечение орудий асимметрично треугольное. Гребень смещен в противоположную от лезвия сторону. На двух экземплярах отмечаются сегменты галечной корки (см. рис. 27, 16).

Тип 9 (2 экз.). Скребки овальной формы, на массивных первичных сколах, сохраняющих со стороны спинки галечную корку. Выпуклое лезвие широкое. Боковые грани не подрабатывались (см. рис. 27, 15).

Тип 10 (4 экз.). Скребки на утолщенных халцедоновых желвачных гальках или их сколах. Форма орудия зависела от заготовки. Лезвие выпуклое, высокое, оформлено пластинчатой ретушью. В двух случаях одна боковая грань подправлена (см. рис. 27, 18).

Тип 11 (4 экз.). Скребки на отщепях халцедоновой породы. Форма зависела от заготовки, на которой оформлялось только лезвие. Оно захватывает часть протяженного выпуклого края изделий и оформлено мелкой ретушью (см. рис. 27, 17, 19).

Тип 12 (2 экз.). Концевые скребки на микропластинках, где прямое лезвие оформлено крутой пластинчатой ретушью. Остальные края пластинок не подрабатывались (см. рис. 27, 21, 22).

Тип 13 (2 экз.). Угловые скребки на пластинах, у которых дистальный край имеет диагональный скол. По одной кромке этого скола краевой ретушью и оформлялось вогнутое лезвие (см. рис. 27, 23, 24)

Один скребок выполнен на сколе с широким основанием призматического нуклеуса. Рабочий край выпуклый, оформлен крутой пластинчатой ретушью и располагается по приостренному краю скола (см. рис. 27, 20). Еще один скребок относится к угловому и выполнен на массивной пластине. Лезвие подправлено крутой ретушью. Кроме этого, тонкие края пластины несут фасетки прерывистой ретуши, что может указывать на использование пластины в качестве ножа (см. рис. 27, 25).

Присутствие в слое разнообразных скребков мы связываем, с одной стороны, с их принадлежностью к различным культурно-хронологическим комплексам, а с другой – с необходимостью применения различного по функционалу инструментария в домашнем хозяйстве.

Концевой скребок треугольной формы (тип 3) выделяется из всего комплекса по изяществу обработки, способу крепления и дугообразной

форме брюшка. На раскопе он найден в южной части, в одном квадрате вместе с керамикой бобровского типа. В районе Красноярска и лесостепных районах Западной Сибири такие скребки отмечаются на стоянках бронзового века [Мандрыка, Адамович, 2003; Матющенко, 1973, рис. 3; Молодин, Глушков, 1989, с. 30].

Традиция изготавливать концевые скребки на пластинах и отщепах, зародившаяся в палеолите, была широко распространена на территории Сибири на всем протяжении мезолита и неолита. Сохраняется она и в эпоху раннего металла. Поэтому скребки 1, 2, 4, 6 и 7-го типов находят многочисленные аналогии и не выступают узко датирующим материалом. Индивидуальны скребки 5-го типа, для изготовления которых подбирались соответствующие по форме гальки, и ламинарной ретушью оформлялось только лезвие. Грубостью оформления выделяются скребки 9-го типа, где в качестве заготовки использовались массивные первичные сколы с галек.

Боковые скребки (тип 8), концевые скребки (тип 10), скребки на отщепах (тип 11), концевые скребки на микропластинах (тип 12) и угловые скребки на пластинах (тип 13), выполненные на халцедоновых сколах и желваках, по формам и способу оформления лезвия сопоставляются с находками из четвертого мезолитического культурного слоя памятника. Правомерно считать, что эти скребки попали из нижележащего слоя, так как на раскопе они залегали в зонах нарушения третьего и второго культурных слоев. Однако нельзя исключать и того, что обитатели поселения бронзового века могли поднимать эти изделия, валявшиеся у них под ногами, и использовать.

Анализируя имеющиеся данные, типологически скребки из второго слоя условно можно разделить на три хронологические группы: мезолитические (типы 8, 10, 11, 12 и 13); эпохи раннего металла (типы 3, 5 и 9) и широкого диапазона бытования (остальные).

Скребловидные орудия (14 экз.). В категорию объединены орудия, имеющие протяженный рабочий край, как правило, выпуклой формы.

Характерной чертой этих орудий слоя является односторонняя обработка лезвия, т. е. унифасиальность. В основу типологии положены характер заготовки, форма и особенности оформления лезвия.

Тип 1 (4 экз.). Скребловидные орудия на утонченных первичных галечных сколах, подпятиугольной формы. По всему периметру прослеживаются подправляющие форму краевые сколы. Рабочий край асимметричный, размещен с широкого торца (рис. 28, 19, 20).

Тип 2 (1 экз.). Скребловидное унифасиальное орудие на массивном галечном сколе овальной формы. Одна сторона покрыта сколами оббивки, а выпуклый рабочий край – краевой ретушью (см. рис. 28, 21).

Тип 3 (1 экз.). Скребло овальной формы, на массивном отщепе, с односторонней оббивкой краев по всему периметру. Брюшко не обработано. Выпуклая сторона спинки частично подправлена точечной ретушью и шлифовкой (см. рис. 28, 23). Это скребло по приемам изготовления точечной ретушью и шлифовкой сближается с топорами и теслами комплекса.

Тип 4 (6 экз.). Скребловидные орудия на гальках. По форме и характеру рабочего края выделяются два подтипа: овальной формы с выпуклым лезвием (4 экз.) и удлиненной формы с вогнутым лезвием (2 экз.). Форма определялась характером заготовки, т. е. гальки. Рабочий край оформлялся односторонними сколами, при этом остальная поверхность не обрабатывалась. Размеры орудий первого подтипа от 3,6×4,5×1,1 до 5,4×6,0×1,5 см, второго подтипа 2,6×5,0×1,5 см и 2,5×7,0×2,0 см. Эти изделия могли использоваться как струги.

К категории скребловидных орудий также отнесено изделие на массивном отщепе, выпуклый край которого оформлен односторонними сколами, и изделие на галечном сколе с двусторонней обработанной оббивкой по краю. Размеры орудий 9,5×10,4×2,8 см и 3,2×5,4×1,3 см.

Наконечник копья или дротика (1 экз.). Представлен обломком листовидного пера, края которого несут следы ретуши. К жалу перо утончается (см. рис. 28, 1).

Наконечники стрел (8 экз.). Четыре целых, остальные в обломках. По форме и способам обработки разнотипны. Один наконечник удлиненной треугольной формы с прямым насадом, оформлен мелкофасеточной, покрывающей оба фаса изделия, ламинарной ретушью (см. рис. 28, 2). Второй наконечник с широким треугольным пером и асимметричным скошенным насадом и одним боковым шипом, обработан покрывающей оба фаса изделия ретушью, частично подправленной с одной стороны шлифовкой (см. рис. 28, 3). Третий наконечник с треугольным пером, широким черешковым насадом и покатыми плечиками, обработан ламинарной ретушью (см. рис. 28, 4). Четвертый наконечник подтреугольной формы с вогнутым основанием грубо обработан глубокими краевыми сколами. Часть одного края выломана (см. рис. 28, 5). Еще три наконечника представлены линзовидными в сечении уплощенными обломками, которые несут на себе негативы ламинарной покрывающей или краевой ретуши (см. рис. 28, 6–8). Стоит отметить наличие обломка «напильниковидного» наконечника, который имел треугольное сечение пера. Он выполнялся из массивной треугольной пластины, брюшко которой покрывалось мелкофасеточной ретушью, а боковые грани не ретушировались (см. рис. 28, 15).

Наконечники стрел, найденные на поселенческих комплексах, связывать с тем или иным культурно-хронологическим комплексом достоверно нельзя. Дело в том, что стрелы, как метательная часть оружия дистанционного боя, могли попасть в культурный слой в любое время периода его формирования. Найденные во втором культурном слое Усть-Шилки II разнотипные наконечники стрел подтверждают этот вывод.

Каменные ножи (54 экз.). Это орудия с тонким рабочим краем, как правило, прямым, в некоторых случаях выпуклым. По характеру заготовки, виду вторичной обработки и способу закрепления (использования) разделяются на типы.

Тип 1 (1 экз.). Нож на первичном отщепе треугольной формы. Одна сторона обушкового края подработана покрывающей мелкофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью. Прямое тонкое лезвие не ретушировано и несет следы использования в работе (см. рис. 28, 16).

Тип 2 (3 экз.). Ретушированные вкладыши прямоугольной, трапециевидной и подпрямоугольной формы, оформленные по двум фасам плоскостей мелкой, ламинарной ретушью (см. рис. 28, 9, 10, 12).

Тип 3 (2 экз.). Вкладыши из сегментов массивных призматических пластин с краевой односторонней прерывистой ретушью (см. рис. 28, 34, 35).

Тип 4 (54 экз.). Призматические микропластинки с ретушью. Как правило, ретушь краевая, односторонняя, покрывает часть длины рабочего края. К этому же типу ножей можно отнести еще 45 пластин со следами рабочей ретуши по одному краю (см. рис. 28, 24–33).

Тип 5 (36 экз.). Отщепы с ретушью. Как правило, краевая односторонняя ретушь подправляет часть одного протяженного выпуклого или прямого края отщепа (см. рис. 28, 14).

Призматические пластинки с краевой ретушью вставлялись в пазовые орудия. Обломок одного из них отмечен в слое. Это фрагмент плоского, линзовидного в сечении костяного орудия, возможно, ножа, у которого по узкому краю прорезан узкий (менее 0,1 см) паз глубиной до 0,2 см (см. рис. 28, 11). В такой паз могли вставляться только лезвия 4 типа из призматических микропластинок (как с ретушью, так и без нее). Наличие ретушированных вкладышей (типы 2 и 3) толщиной 0,2–0,4 см и 0,4–0,5 см подразумевает, что обитатели стоянки имели в своем распоряжении и составные орудия с более глубокими и широкими пазами.

Присутствие в слое разнотипных ножей и вкладышевых орудий также позволяет считать комплекс слоя разнокультурным. Присутствие пазовых орудий с тонкими лезвиями из неретушированных микропластинок, характерных для мезолитических комплексов Сибири [Акимова, Вдовин, Макаров, 1993], указывает на сохранение древних традиций вплоть до

раннего бронзового века. Пазовые орудия же с обработанными ретушированными вкладышами встречаются в основном среди материалов неолита – раннего бронзового века.

Резцы (3 экз.). Все многофасеточные, объемные. Два резца полиэдрические, имеют нуклевидную рукоятку. Третий резец с ретушированной, треугольной в сечении, рукояткой (см. рис. 28, 17, 18).

Многофасеточные полиэдрические резцы в Восточной Сибири появляются в эпоху мезолита и продолжают существовать в некоторых районах вплоть до бронзового века. Особое обилие таких резцов характерно для памятников Якутии, например, белькачинской и ымыяхтахской культур [Федосеева, 1980, с. 177, рис. 102, 86–88, с. 184; Алексеев А. И., 1996а, с. 49, табл. 4, 18], отмечены они и на Подкаменной Тунгуске (сборы автора).

Абразивные инструменты (16 экз.) применялись для шлифования различных изделий. В типологии учитывались форма, оформление рабочей поверхности и возможное назначение.

Группа 1 (6 экз.). Бруски с желобками или «выпрямители древков стрел» из песчаника, на плоскости которых имеются по одному, редко по два, желобка.

Форма 1. Прямоугольный, подквадратный в сечении, желобок шириной 1,0 см глубиной до 0,5 см (см. рис. 25, 16).

Форма 2 (2 экз.). Прямоугольные, полуовальные в сечении. На крупном экземпляре желобок шириной 0,5 см глубиной 0,2 см (см. рис. 25, 18). Незначительная глубина желобка, возможно, указывает на начальную стадию сработанности изделия. На мелком обломанном экземпляре ширина желобка 0,8 см при глубине 0,4 см.

Форма 3. Прямоугольный, с таким же сечением, желобок шириной 1,2 при глубине 0,3 см на узкой грани бруска.

Форма 4. Трапецевидный, с полуовальным сечением. На плоскости два параллельных разноразмерных желобка. Один шириной 1,5 см при глубине 0,6 см, другой – 0,5 см глубиной 0,2 см (см. рис. 25, 19).

Форма 5. Возможно, прямоугольный, с уплощенным М-образным сечением. Желобки проходят на обеих плоскостях. С одной стороны один желобок шириной 1,2 см глубиной 0,3 см, с другой стороны два параллельных желобка шириной до 0,7 см и глубиной 0,2–0,4 см.

Различные формы «выпрямителей» говорят о том, что на стоянке проводились различные работы по шлифовке каких-то удлиненных, округлых в сечении предметов, возможно, древков для стрел.

Группа 2 (2 экз.). Стержни – точила. Один изготовлен специально из мелкозернистого песчаника. Он квадратный в сечении, один конец приострен, другой обломан. На всех четырех гранях следы использования в работе. Длина обломанного стержня 11,6 см, толщина 1,0×1,0 см (см. рис. 25, 15). Второй стержень изготовлен на продольно расколоте длинной гальке. Рабочая часть орудия подквадратной в сечении формы размерами 0,7×0,8 см. Здесь прослеживаются бороздки – следы использования. Рукоятка дополнительно не обрабатывалась, она имеет естественную удобную для держания в руке форму. Длина целого орудия 8,5 см (см. рис. 25, 13).

Группа 3 (8 экз.). Камни – точила. Один целый, остальные в обломках. Все уплощенного сечения. Целый экземпляр из галечника, треугольной формы с округлыми краями (см. рис. 25, 17). Фрагменты обломанных камней из песчаника имеют параллельные плоскости и грани. По некоторым обломкам можно предположить, что это были бруски шириной 2,5–3,0 см.

Следует отметить наличие шарика диаметром 1,3 см из песчаника (см. рис. 25, 20), который тоже использовался как абразивный инструмент. Он мог служить своеобразным лекалом, шаблоном для расточки желобков на «выпрямителях» до определенных размеров. Такое предположение основано на том, что шарик идеально точно входит в желобки некоторых «выпрямителей».

Ретушеры-посредники (5 экз.) представляют собой продолговатые гальки овального сечения, со следами забитости на торцах. Размеры изделий от 6,2×2,3×3,3 до 10,0×3,5×2,5 см (см. рис. 25, 14).

Отбойники (4 экз.) представлены гальками и их обломками, у которых по одному краю отмечаются сколы и следы забитости. Один отбойник был переоформлен в рубящее орудие с асимметричным в сечении лезвием, обработанным серией односторонних сколов. Размеры этого изделия 7,3×3,4×6,3 см. Размеры других отбойников от 5,3×6,7×3,3 до 5,3×9,0×4,7 см.

Таким образом, анализ представленных материалов второго культурного слоя комплекса Усть-Шилка II, с учетом их планиграфического и стратиграфического размещения позволяет говорить о присутствии здесь двух культурно-хронологических комплексов. Их отличие друг от друга отчетливо проявляется по совершенно несхожей керамике – бобровского и усть-шилкинских типов. Разнотипный характер вещей также предполагает наличие в слое, как минимум, двух культурно-хронологических комплексов. Однако условия залегания каменных изделий не позволяют достоверно определить состав комплексов, связанных с каким-либо типом керамики. Мы можем лишь отметить, что в комплекс раннего бронзового века могут войти некоторые наконечники стел, абразивы и концевой скребок треугольной формы, оформленный ламинарной ретушью. Второй комплекс в этом случае может сопровождаться типологически отличными орудиями. Сюда правомерно включать рубящие орудия с ушками, изготовленные с последующей подшлифовкой, и концевые скребки на пластинах, отщепах и уплощенных гальках (типы 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 9). По морфологическим признакам здесь могут располагаться и пазовые ножи с ретушированными и неретушированными вкладышами и полиэдрические резцы, т. е. тот набор каменных изделий, который широко был распространен в таежных районах Восточной Сибири, на памятниках енисейского, ангарского и ленского бассейнов в неолитическую эпоху.

Материалы раннего бронзового века отмечены еще на одном многослойном поселении *Шилка IX*, расположенном на правом берегу р. Енисея в 500 метрах выше устья р. Шилки в створе Казачинского порога. Поселение занимает поверхность первой надпойменной террасы высотой 7–8 м и тянется вдоль края террасы на протяжении 80–100 м. Эта территория эпизодически использовалась обитателями района, что фиксируется в материалах многослойного памятника. Поселение было открыто в 1999 г. и за два последующих сезона единым раскопом вскрыто 275 кв. м площади. Выявлено пять культурных слоев, стратиграфически разделенных и принадлежащих различным культурно-историческим периодам (рис. 29) [Мандрыка, 2005].

Фрагменты керамики от пяти сосудов бобровского типа (рис. 30, 17–21) залегали в пятом культурном слое вместе с материалами более позднего времени (см. ниже). Черепки раннего бронзового века выделяются гладкой поверхностью стенок и орнаментом из оттисков гребенчатых штампов, нанесенных в верхней части формы сосудов.

Таким образом, в материалах раннего бронзового века из южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары выделяется три группы керамики: «бобровского» и «усть-шилкинского» типов, «толстошнуровая» (т. е. с отпечатками на поверхности толстого шнура). В наборе вещей преобладают изделия из камня, но отмечаются первые предметы из бронзы, а также первые свидетельства плавки металла.

2.2.2. Датировка и культурная принадлежность

Датировка представленных памятников определяется серией стратиграфических и планиграфических наблюдений, абсолютными датами и результатами сравнительно-типологического анализа вещей и, в первую очередь, керамики. Комплексная обработка материалов позволяет предположить культурную принадлежность имеющихся комплексов.

Относительная датировка пачки культурных слоев, содержащей керамику бобровского типа на поселении Бобровка, определяется ее стратиграфическим размещением над энеолитическими горизонтами 7(б) и 7(в) и отделяется от них стерильными прослойками песка мощностью до 10 см.

Абсолютный возраст собственно пачки горизонтов 6 культурного слоя и верхнего уровня 7 культурного слоя поселения Бобровка определяется тринадцатью радиоуглеродными датами по углю [Археология ..., 2003, с. 75]. По ним отмечается устойчивая хронологическая последовательность отложений, хотя нельзя признать безоговорочными даты СОАН–3667, 3668, 3675. Из них первые две явно удревнены, а последняя – омоложена. Принимая во внимание только относительно достоверные даты и наложение их на калибровочную кривую, мы получаем календарный возраст этих культурных слоев в пределах усредненных позиций от 2839 до 1413 гг. до н. э., причем основная серия дат укладывается в интервал от 2236 до 1630 гг. до н. э., что и является на наш взгляд наиболее приемлемой. Таким образом, абсолютный возраст слоев поселения Бобровка, содержащих керамику бобровского типа, лежит в пределах конца III – середины II тыс. до н. э. Не противоречит такой датировке и наличие здесь обломка бронзового пластинчатого ножа, который по форме повторял вкладышевые экземпляры, составленные из каменных ножевидных пластин. Аналогичные бронзовые пластинчатые ножи небольших размеров отмечаются в таежных районах Приобья, на Степановском могильнике и городище Шаманский мыс [Кирюшин, 1978, рис. 2, 7; Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 76, рис. 29, 6], где датируются первой четвертью или первой третью II тыс. до н. э. [Косарев, 1974, с. 67].

К этому же времени относится и второй культурный слой на комплексе Усть-Шилка II, в котором также присутствует керамика бобровского типа. Для определения возраста слоя важно отметить, что вместе с керамикой бобровского типа здесь залегала керамика усть-шилкинского типа. При

описании комплекса мы уже отмечали, что два совершенно разных типа керамики планиграфически и стратиграфически залежали в разных условиях. Более древней частью слоя следует считать уровень, где залежала керамика бобровского типа. Кровля же слоя, в которой в значительно большем количестве отмечалась керамика с «тонкошнуровыми» оттисками, должна иметь несколько более молодой возраст. Присутствие в одном слое на близкой глубине разных типов керамики указывает на заселение территории стоянки разными группами населения с относительно коротким интервалом. Очевидно, с деятельностью носителей керамики бобровского типа связаны остатки обгоревших плах, залежавших в толще слоя, по которым радиоуглеродным методом была получена дата 3800 ± 45 (СОАН-5071). Это указывает на то, что формирование толщи второго культурного слоя Усть-Шилки II протекало в конце III тыс. до н. э. Не противоречит такой датировке и наличие в слое обломков бронзовых орудий. Среди них отмечен плоский треугольный наконечник стрелы с заточенными краями пера, который имеет широкие аналогии в памятниках раннего бронзового века Сибири. С появлением металла у древних людей создавалась возможность делать наконечники стрел, копируя каменные формы. Уступая по прочности, бронзовые наконечники вряд ли могли вытеснить тогда широко распространенные каменные аналоги, но, имея «сверкающий» вид, они использовались в каких-то особых охотничье-магических действиях. Это подтверждается их присутствием на объектах культового характера, жертвенниках или в погребениях разных народов Сибири в разные периоды истории [Вдовин И. С., 1971, табл. V, 8; Хлобыстин, 1998, рис. 142; Ожередов, 1995], в том числе и на памятниках раннего бронзового века [Кирюшин, 2002, с. 66, рис. 119, 5; Зах, 1997, с. 32].

Таким образом, говоря о датировке слоев раннего бронзового века на поселениях Бобровка и комплексе Усть-Шилка II, мы можем отметить их относительно близкое хронологическое сосуществование в интервале конца III – середины II тыс. до н. э.

Для определения происхождения и культурной принадлежности этих комплексов обратимся опять к керамике, поскольку типологически разнообразные каменные изделия – наконечники стрел с различной формой насада, рубящие орудия с ушками и без, призматические моно- и полифронтальные нуклеусы, концевые скребки на пластинчатых сколах и другие предметы – являются типичными для комплексов неолита и палеометалла не только енисейско-ангарского бассейна, но и всей Средней Сибири. Древнейшие же изделия из металла – ножи и наконечники стрел небольших размеров – также являются общераспространенными орудиями и не могут указывать на их культурную принадлежность.

Сопоставление керамической посуды представленных памятников позволяет выделить три морфологических типа керамики, существовавших в раннем бронзовом веке на территории района исследования.

Тип 1. Керамика с гребенчатой отступающе-накольчатой орнаментацией (бобровский тип). Она отчетливо выделяется по материалам поселения Бобровка (14 сосудов), встречена на комплексе Усть-Шилка II (13 сосудов) и других памятниках, например, поселении Шилка IX (5 сосудов) и др. (см. рис. 16, 4–16; 17 – 1, 2, 5-7; 22, 21–28; 30, 17–21).

Сюда отнесены сосуды закрытой простой и параболоидной формы с округлым дном, поверхность стенок которых гладкая. Сосуды формовались из глины с песком и примесью, дресвы, шамота и, иногда, органического раствора. Орнамент наносился по горловине, в верхней трети части формы. Под прямым венчиком, который, как правило, украшался зубчатыми отпечатками, гребенчатые или пунктирные оттиски проходят в один - два ряда и поставлены наклонно. Под ними такой же накольчатой техникой, а иногда прочерчиванием, нанесены линии аналогичных оттисков, поставленных горизонтально. Оттиски создают впечатление «пунктирной» орнаментации. От нижней линии прослеживаются либо еще два ряда наклоненных или пара зигзагообразных линий, либо ромбовидные фигуры из зубчатых оттисков. Всю композицию дополняет один горизонтальный ряд

ямок, расположенный под краем сосуда. В одном случае ямки заменены «жемчужинами» (см. рис. 16, 9; 17, 5), а иногда ямки отсутствуют (см. рис. 16, 8, 14, 15; 22, 21). Рабочий край гребенчатого орнамента состоял из 3–8 зубцов, каждый из которых имел вид четырехугольной фигуры: квадрата, ромба или параллелограмма. На тулове одного, полностью реставрированного горшка, сохранилось два просверленных конических отверстия, через которые стягивалась трещина лопнувшей стенки. Диаметр сосудов по венчику варьирует от 5 до 32 см. Высота горшков, судя по целым экземплярам, незначительно превышала диаметр по краю. Керамика этой группы типологически однородна, несмотря на то, что при ее сравнительной характеристике, в некоторых случаях отмечается исчезновение одних и появление других элементов в орнаментации.

К этому же типу условно можно отнести и черепки, которые украшены горизонтальными тонкими полосами гребенчатых оттисков. Отсутствие на них рядов наклонных оттисков и поясов ямок позволяет рассматривать такую посуду как вариант бобровского типа, поскольку по всем остальным признакам она от него не отличается. Фрагменты венчиков с горизонтальными линиями гребенчатых оттисков присутствуют во всех рассматриваемых комплексах. На каждом поселении найдены черепки от разных сосудов. Нельзя исключить того, что с увеличением численности материалов из района, данный вариант керамики можно будет рассматривать как особый, отличный от бобровского, тип керамики.

Тип 2. Керамика с отпечатками толстого шнура присутствует на поселении Бобровка (4 сосуда) (см. рис. 16, 18–21; 17, 3, 4).

В этот тип керамики отнесены горшки закрытых форм с округлым дном. У форм без выделенной шейки обрез края прямой или скошен наружу, на формах с вогнутой шейкой – приостренный. Сосуды строились способом лоскутного налёпа с последующим выбиванием стенок колотушкой, обмотанной толстым витым шнуром. Рубчатые оттиски выбивания прямые. Длина каждого рубца не превышает 5 см. В каждом отпечатке рубцы

строятся параллельно и группируются в зависимости от площади соприкосновения колотушки со стенкой горшка, по 5–7 отрезков. Оттиски технического декора неглубокие, частично заглаженные. Формовочная масса включала в качестве отошителя дресву. Черепки плотные, их толщина варьирует в зависимости от размеров формы от 0,2 до 1,0 см. Внешняя поверхность черепков темно-коричневая, а внутренняя – часто черная и сохраняет следы нагара. Орнамент наносился в верхней трети формы только гладкими орнаментирами. Оттиски ногтя или палочки с округлым рельефным рабочим окончанием наносились отступающей техникой и строились в горизонтальные и наклонные ряды. Венчик иногда украшен аналогичными отступающими оттисками. В некоторых случаях орнамент дополнялся поясом ямок (см. рис. 16, 19). В одном случае под краем сосуда с одной стороны формы отмечаются конические просверленные несквозные ямки, возможно, демонстрирующие начало «ремонта» трещины лопнувшей стенки.

К этому типу относится и реставрированный сосуд-дымокур с прямоугольными налепными ушками из культурного слоя 6 (4в) поселения Бобровка.

Тип 3. Керамика с отпечатками тонкого витого шнура (усть-шилкинский тип). Отчетливо выделяется по материалам второго культурного слоя комплекса Усть-Шилка II (51 сосуд) (см. рис. 22, 1–17; 23, 12; 24). Отмечена и на других памятниках, например, во втором культурном слое поселения Заостровка II (2 сосуда).

Включает горшки с выраженной шейкой и сосуды простой открытой и закрытой формы с округлым или слегка уплощенным дном. Лепились ленточным кольцевым налепом и лоскутным способом из формовочной массы с примесью дресвы и иногда шамота и органического раствора. Стенки сосудов в основном выбивались колотушкой, обмотанной тонким шнуром из витых нитей. Орнамент украшал только зону шейки и наносился пальцами руки мастера. Он состоял из ногтевых вдавлений, защипов и

налепных валиков, иногда дополнялся поясом ямок. Сочетание различных элементов орнамента позволяет отметить пять устойчивых вариантов композиций: один–четыре ряда пальцевых защипов или ногтевых наколов; один–два ряда таких же оттисков, дополненных поясом ямок; один–два налепных валика, рассеченных защипами или оттисками ногтя; один–три таких же валика, но с поясом ямок; один–два гладких налепных валика.

В этот же тип входят и горшочки-дымокуры без орнамента, но с вогнутой шейкой и тремя «языковидными» налепными ушками прямоугольной формы с одним отверстием в каждом.

Таким образом, каждый выделенный тип керамики сочетает внутри себя устойчивый набор признаков, который не отмечается на посуде другого типа. Это позволяет рассматривать каждый тип керамики как индикатор различных культурных традиций, представители которых проживали на территории района и принимали участие в формировании комплексов раннего бронзового века.

Взаимовстречаемость выделенных типов керамики на каждом памятнике (табл. 6) позволяет отметить преобладание на каждом из них какого-нибудь одного типа. На поселении Бобровка преобладает керамика с гребенчатой отступающе-накольчатой орнаментацией (тип 1), а на комплексе Усть-Шилка II – керамика с «тонкошнуровым» декором (тип 3). Керамика с оттисками грубого витого шнура (тип 2), присутствуя в комплексе Бобровка, не доминирует количественно над другой посудой, а отмечается в единичных экземплярах. Это в основном горшочки-дымокуры или горшки с редким орнаментом. Следует заметить, что в одних комплексах не встречаются сосуды, оформленные разными «шнуровыми» техническими отпечатками, т. е. там, где имеются сосуды с «толстошнуровым» декором, нет керамики с оттисками тонкого шнура, и наоборот.

Вместе с тем, выделенные типы керамики в «чистом» виде не присутствуют на памятниках, везде отмечается их сочетание. Такая же картина была прослежена в пятом культурном слое поселения Шилка IX, что

обусловлено условиями медленного почвообразования слоя. Корреляция показателей с учетом условий залегания черепков разных типов и их связь с предметами позволяет отметить по крайней мере два последовательно сменяющихся культурно-хронологических комплекса, отражающих различные культурные традиции, существовавшие в районе исследования в раннем бронзовом веке.

Культурно-хронологический комплекс, содержащий керамику с гребенчатой орнаментацией (бобровский тип), сосуществует на территории южной тайги Среднего Енисея с керамикой, внешняя поверхность которой покрыта оттисками толстого шнура.

Орнаментальный прием украшения посуды оттисками гребенчатых штампов зародился на восточноуральских и западносибирских территориях еще в неолите. На протяжении неолита и эпохи бронзы носители такой керамики периодически продвигались по таежным и лесостепным районам из западных районов к Енисею и доходили до Средней Ангары. О таком продвижении восточноуральской культуры говорил еще А. П. Окладников [1947, с. 20; 1957], который связывал этот процесс с расселением предков самодийцев. К таким же выводам пришел и В. Н. Чернецов [1973, с. 14]. Надо отметить, что повсеместно, в том числе и в районе настоящего исследования, в конце III тыс. до н.э. керамика, украшенная гребенчатыми штампами, сосуществует с керамикой, покрытой линейно-накольчатой орнаментацией. Часто эти способы орнамента заменяют друг друга на одной форме, что заметно проявилось в бронзовом веке восточносибирской тайги [Андреев, Фомин, 1966, с. 109, рис. 45, 10; Николаев Р. В., 1963б, с. 127, табл. 3; Хлобыстин, 1998, с. 82].

Присутствие в комплексах керамики, украшенной только оттисками гребенчатого штампа, указывает на сохранение старых неолитических традиций. Но, в отличие от неолита, в раннем бронзовом веке оттисками гребенки покрывается только верхняя половина формы, в то время как неолитическая посуда чаще орнаментировалась от венчика до дна.

Несмотря на широкое распространение керамики с гребенчатой орнаментацией, наибольшее сходство по композиционному (преобладанию горизонтального мотива) построению орнамента она имеет с посудой из правобережных енисейских районов Восточной Сибири, т. е. из районов Красноярской лесостепи, Канско-Рыбинской котловины, Среднего Приангарья [Окладников, 1957; Савельев, 1982 и др.]. С сосудами же из западносибирских лесостепных и таежных районов такую керамику можно сопоставить только по приему орнаментации гребенчатыми оттисками, поскольку мотивы здесь совершенно другие [Кирюшин, 2004].

Керамика бобровского типа также сохраняет ряд элементов неолитического времени, которые фиксируются на керамике посольского типа и сосудах, украшенных «пунктирной гребенкой». Общим для них является композиционное размещение орнамента, сочетание горизонтальных линий зубчатых или гребенчатых штампов, прочерченных линий с наклонными или вертикальными короткими линиями под венчиком и свисающими с нижнего горизонтального ряда линиями в виде «бахромы». Такая композиция, выполненная пунктирно-гребенчатой орнаментацией, характерна для посуды из поздненеолитических памятников лесостепного красноярского района. Здесь она встречена на стоянках у с. Ладеек [Окладников, 1957, с. 30, 31; рис. 2, 3], Базаиха [ККМ, кол. 121 – 1 и др.], Переселенческого пункта [Окладников, 1950, с. 387, рис. 116], Усть-Собакино [Бортвин, 1915, с. 176, рис. 1]. В стратифицированной культуровмещающей пачке пещеры Еленева такая керамика найдена в культурных слоях позднего неолита [Пещера..., 1992; Макаров, 2012]. Аналогичная керамика известна и в Канском районе (в V слое стоянки Казачка) [Генералов, 1979а; 1979б; Савельев и др., 1984; Савельев, 1989, с. 23]. Такая же «пунктирно-гребенчатая» керамика присутствует и на поздненеолитических памятниках Приангарья, где встречается вместе с керамикой других типов [Синицына, 1985, с. 41–43, рис. 2, 1]. Известна она и

на территории южной тайги Среднего Енисея, например, во втором культурном слое стоянки Зимовейная [Макаров, 2005б, с. 157, рис. 10, 1].

Во всех случаях сосуды опоясывали горизонтальные линии, которые наносились неширокой гребенкой только в верхней части формы, обрамляя ее, и сочетались с поясом из вертикальных гребенчатых отпечатков и ямок вдоль венчика. Широкая полоса орнамента из горизонтальных линий дополняется поясом крестов или зигзага, от углов которого иногда отходят короткие прямые отрезки [ККМ, кол. 59 – 75]. Митровидная или полуяйцевидная форма таких сосудов с гладкими стенками также в какой-то мере указывает на ее генетическую связь с формой и способом изготовления бобровской посуды.

Схожее композиционное построение орнамента керамики бобровского типа отмечается и на некоторых сосудах керамики посольского типа, которая была распространена как на памятниках Приангарья и побережья Байкала [Горюнова, Лыхин, 1985; Ивашина, 1979; Савельев и др., 1974; Номоконова, Горюнова, 2004, с. 118], так и в Красноярском и Канском районах [Генералов, 1979а; 1979б; Дроздов, Погудин, 1979; Макаров, 1993б; Многослойный..., 2018;]. Авторы отмечают ее присутствие в слоях раннего и позднего неолита и датируют в пределах 6,9–4,0 тыс. л. н. [Макаров, 2012; Бердников, 2013].

Исходя из приведенных данных, можно предположить, что керамика бобровского типа могла иметь свои корни в местных поздненеолитических культурах Средней Сибири. Ее формирование связано с развитием местных неолитических традиций – использованием зубчатой и пунктирно-гребенчатой орнаментации посуды. Присутствие пояса ямок под венчиком также указывает на местное происхождение этого типа керамики. В целом такая керамика составляет один «пунктирно-гребенчатый пласт», который, зародившись в неолите [Савельев, 1989, с. 23], получил дальнейшее развитие в период бронзового века.

В культурно-хронологическом комплексе с керамикой бобровского типа найдены и сосуды, поверхность которых покрыта «толстошнуровыми» оттисками. Такой способ формовки также имеет древние неолитические корни в Восточной Сибири, в районе исследования он был распространен в энеолитическое время, о чем мы говорили в предыдущем разделе. В раннем бронзовом веке такая керамика остается без орнамента или украшается отступающе-накольчатými оттисками, которые строятся в горизонтальные ряды и «бахрому». Этим она похожа на керамику бобровского типа.

Таким же способом обработки поверхности оформлялись сосуды-дымокуры. По имеющимся целым экземплярам отмечаются сосуды-дымокуры горшковидной формы, которые подвешивались через «прямоугольные» вертикально прилепленные налепные ушки. Видимо, с раннего бронзового века сосудами с такими ушками начинали пользоваться не только в южнотаежной подзоне долины Среднего Енисея, но и в других районах тайги Восточной Сибири. Более массовое распространение по сибирским просторам такой тип сосудов-дымокуров получил в позднем бронзовом и раннем железном веке, что уже отмечалось в литературе [Мандрыка, 1994] и о чем мы будем говорить в последующих главах. Присутствие сосудов-дымокуров, сформованных в старых традициях, еще раз доказывает наличие поздненеолитических корней у комплексов с бобровской керамикой.

Несмотря на сохранившиеся традиции позднего неолита и энеолита, культурно-хронологические комплексы с керамикой бобровского типа составляют оригинальный местный южнотаежный вариант развития культуры раннего бронзового века. Эти комплексы органично включают гребенчатые, пунктирно-гребенчатые и «толстошнуровые» традиции.

Устойчивое присутствие керамики бобровского типа в нескольких уровнях культурных слоев 6 и 7 поселения Бобровка говорит о продолжительном развитии и существовании культуры на ранней стадии бронзового века в южнотаежном районе Среднего Енисея. Эта культура,

скорее всего, развивалась замкнуто, самостоятельно, параллельно афанасьевской и окуневской культурам Минусинской котловины и глазковской Прибайкалья. На одном из этапов ее развития, очевидно, позднее, на берега Енисея проникают носители совершенно иной керамической традиции, которая прослеживается по материалам культурно-хронологического комплекса с «тонкошнуровой» керамикой.

Культурно-хронологический комплекс с «тонкошнуровой» керамикой (усть-шилкинского типа) на берегах Енисея появляется в сформированном виде, потому что прием оформления поверхности стенок сосудов отпечатками тонких витых шнуров в сочетании с орнаментом, нанесенным пальцами, не встречался в местных неолитических и энеолитических культурах.

Сосуды, формообразование которых осуществлялось выбиванием при помощи колотушки, обмотанной шнуром, появляются в Восточной Сибири с III тыс. до н. э. Они распространялись от Енисея до Охотского моря и от Восточных Саян и Яблоневого хребта до крайнего Севера. Широкое их распространение Л. П. Хлобыстин [1998, с. 75] связывает с усвоением различными народами определенной «керамической моды», которыми она воспринималась по-своему. Ярким индикатором различия «шнуровой» керамики разных районов, даже в рамках одного исторического периода, выступает орнаментация. Для каждого района характерны свои способы нанесения орнамента и его композиционное размещение. Появившись в позднем неолите, «шнуровая» керамика в отдельных районах Сибири (например, в Якутии, на побережье оз. Байкал и в районе настоящего исследования) продолжает существовать вплоть до раннего железного века. Эти обстоятельства учитывались при проведении сравнительного анализа керамики усть-шилкинского типа.

Использование при изготовлении формы каких-то приспособлений, оставляющих отпечатки от тонких витых нитей (колотушки или проката, обмотанных нитями), несомненно, имеет древние традиции, когда обмотка инструмента проводилась толстыми и грубыми шнурами. В сибирском

регионе возникновение приема изготовления керамики в технике выколачивания с использованием лопаточки, обмотанной нитями, связано с районами Забайкалья. Именно здесь еще в раннем неолите (6,5–5,5 тыс. л. н.) отмечается такая керамика, оформленная оттисками от толстых нитей [Кириллов И. И., 1969; Константинов, 1994, с. 154]. К среднему неолиту в Забайкалье при изготовлении сосудов стали применять лопаточку, обмотанную более тонкими нитями [Семина, 1986]. Носителей такой керамики ряд исследователей включает в ареал культур даурского типа [Чернецов, 1973; Асеев, 2003, с. 42, рис. 17; и др.]. Со временем керамика с оттисками тонкого шнура распространяется в Ленском бассейне и появляется в Прибайкалье и на территории Таймыра [Алексеев А. И., 1996а; Хлобыстин, 1998]. Иногда на средненеолитических памятниках Якутии «шнуровая» керамика встречается вместе с рубчатой [Федосеева, 1968, с. 67; Мочанов, Федосеева, 1975, с. 31–32, табл. 33, 7, 9, 15]. В Прибайкалье на памятниках серовского времени «шнуровая» керамика не является господствующей, а встречается вместе с гладкостенной и «гладкорубчатой».

Все это позволяет согласиться с мнением Л. П. Хлобыстина [1982] о том, что в среднем неолите в енисейский бассейн со стороны Якутии по таежным просторам усилились миграционные потоки, приведшие к распространению «шнуровой» керамики сначала в низовьях Енисея, а затем в его среднем течении. Появление «тонкошнуровой» керамики в южнотаежной зоне Среднего Енисея и Красноярской лесостепи приходится уже на эпоху раннего металла. В это же время, к концу III – началу II тыс. до н. э., сосуды с отпечатками шнура на внешней поверхности (следами прокатывания палочки, обмотанной шнуром, или выбивания лопаткой, также обмотанной шнуром) присутствуют в культурах леса и лесостепи Западной Сибири [Глушков, Глушкова, 1992, с. 110]. Нанесение орнамента пальцами на «шнуровой» керамике неолитического времени нигде на территории Сибири не встречается. В Восточном Забайкалье керамика чинданского и будуланского этапов неолита (III тыс. до н. э.) украшалась оттисками

различных штампов и поясом ямок [Окладников, 1970, с. 191; Окладников, Кириллов, 1980, с. 137, 147–148; Гришин, 1981, с. 44; Асеев, 2003, с. 42, и др.]. Различными видами штампов и ямками орнаментировалась неолитическая керамика мухинского, нижнеберезовского или бусуханского этапов в Западном Забайкалье [Ивашина, 1979; Семина, 1986; Гришин, 2000].

Неолитическая «шнуровая» керамика белькачинской культуры, памятники которой отмечаются в центральной и юго-восточной части Якутии, на Таймыре и крайнем северо-востоке Азии, орнаментирована резными и прочерченными линиями, оттисками зубчатого штампа и поясом ямок [Мочанов, 1969, с. 176; Федосеева, 1968, с. 31; Алексеев А. И., 1996а, с. 50, табл. 35; Хлобыстин, 1998, с. 63–65; и др.]. Нехарактерно применение пальцевых оттисков для орнаментации отдельных сосудов со «шнуровыми» отпечатками из Прибайкалья [Окладников, 1955]. Нет такого способа орнаментации и в культурах Западной Сибири [Глушков, Глушкова, 1992].

Таким образом, появление носителей «тонкошнуровой» керамики на берегах Енисея связано, очевидно, с какой-то миграционной волной населения из таежных районов Восточной Сибири. Однако нельзя исключить появление такой керамики и в связи с распространением «керамической моды» обрабатывать поверхность стенок оттисками шнура. Прием нанесения орнамента на посуде отпечатками ногтей и пальцев также является заимствованным, он не характерен для керамики предшествовавшего времени.

Вместе с тем общим для указанных групп населения являлось широкое использование каменных орудий и знание о свойствах бронзы. В раннем бронзовом веке, как и в предшествующий период, на территории южной тайги Среднего Енисея сохраняется древняя традиция изготовления каменных орудий из речного галечника. Теперь, кроме кремнистых пород, широко стали использовать кварциты и туфы. Как и раньше, основной заготовкой для изготовления небольших по размерам орудий выступала пластина.

2.3. Шепилевская культура

Памятники большого периода времени, с середины II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э., характеризуют своеобразную культуру охотников и собирателей, населявших южнотаежную полосу енисейско-ангарского междуречья. По первому памятнику, исследованному в 1987–1989 гг. у бывшего п. Шепилево Казачинского района Красноярского края, эта культура была названа шепилевской [Мандрыка, 2008а]. При раскопках поселения была получена керамика, которая отличалась своеобразием и не имела прямых аналогий, что позволило выделить ее в особый тип [Мандрыка, Коваленко, 1996]. Позже такая посуда была встречена в закрытых комплексах и на многослойных поселениях, обозначились характерные черты культуры и определилось место этих памятников в общей схеме культурного развития Средней Сибири.

Поскольку могильники этого времени до настоящего времени неизвестны, основным источником для изучения шепилевской культуры являются поселенческие комплексы на многослойных и на однослойных памятниках, представленных селищами с жилищами. Значение имеющихся комплексов огромно, поскольку до недавнего времени для сопредельных территорий красноярско-канского лесостепного района и Северного Приангарья материалы развитой бронзы выделялись только типологически [Федоренко, 1983; Новых, 1989; Новых, Дроздов, 1991; Генералов, Дзюбас, 1991; Макаров, 1993; 2005; Богучанская..., 2015].

2.3.1. Памятники

В настоящее время на Енисее известно более десятка поселений, на которых найдена керамика шепилевской культуры. Пять из них расположены в одном археологическом микрорайоне, в створе Казачинского порога, что дает возможность рассматривать последовательное развитие культуры. Все памятники в разном объеме исследовались раскопками.

Селище *Шилка VIII* находится на 19–21-метровой гриве правого берега Енисея в стороне от современного русла рек (в 195–240 м от р. Енисей и в 125–200 м от р. Шилка) (см. рис. 18). Селище состоит из восемнадцати жилищных котлованов, которые расположены одним рядом вдоль юго-восточного склона гривы. По планиграфии распределения котлованов единый ряд условно разделяется на три группы с 5–6 жилищами в каждой. Все жилищные западины глубиной 0,4–0,6 м неправильной округлой формы размерами от 2,5×3,5 м до 5,0×6,0 м, задернованы и оплывшие. Более четко читаются границы котлована № 18, который лежит в стороне от ряда и, возможно, относится к жилищу более позднего времени, чем все остальные (рис. 31).

В течение двух полевых сезонов 1999 и 2002 гг. одним раскопом площадью 148 кв. м изучены два крайних жилища в юго-западной части поселка [Мандрыка, 2008e]. Культурный слой шепилевской культуры приурочен к бурой, темно-коричневой супеси и залегает на глубине 11–25 см. С этого слоя были впущены котлованы жилищ, контуры которых при горизонтальной зачистке читались в виде размытых темных пятен. Археологический материал в основном залегал в жилищах. За их пределами отмечены лишь единичные находки.

Жилище № 1 являлось крайним в ряду и представляло собой углубленное строение подпрямоугольной формы размерами 5,4×3,8 м, т. е. площадью около 20 кв. м (рис. 32; 33). Глубина котлована в северо-западной части 15–20 см, в южной – до 25 см. Вдоль длинных стен отмечены остатки обгоревших плах шириной до 18 см. Вход в жилище устраивался в южному углу котлована и имел коридорообразную форму шириной 70 см. Дно котлована песчаное, чашеобразно углублено к центру, где размещался наземный округлый очаг размерами 90×90 см с прокалом мощностью до 4 см. В 1 м к северу от очага на полу отмечена округлая яма диаметром 26 см, которая была углублена на 9 см. В заполнении очага отмечены включения угля и мелкие жженые обломки трудноопределимых костей. От перекрытия

сохранились небольшие фрагменты обгоревших палок, которые залежали по площади котлована выше уровня пола на 10 см.

Значительное количество находок отмечено на полу между входом и очагом. Здесь найдены расколовшиеся закопченные камни (42 экз.), каменная наковальня (?) с двумя пестами, фрагменты керамики (201 экз. от 5 сосудов) (рис. 34, 1, 2, 4, 6; 35, 1–4) и два обломка коренных зубов бобра.

Жилище № 2 размещалось в 3,5 м северо-восточнее жилища № 1. Также представляло собой углубленное строение прямоугольной формы размерами 3,7×5,8 м, т. е. площадью около 21 кв. м (см. рис. 32). Вдоль северо-восточной короткой стены на полу котлована были отмечены остатки обгоревших деревянных плах шириной до 8 см. Глубина котлована в северо-западной части у стен 15–20 см, в южной части – до 30 см. Пол жилища относительно ровный, слегка углублен в центре, где отмечен наземный округлый очаг размерами 70×125 см. В линзовидном прокале мощностью 8 см кроме отдельных угольков были встречены включения мелких обломков жженных неопределимых костей, среди которых обломки трубчатых костей копытных животных. Вход в жилище установлен условно в южном углу постройки. К остаткам перекрытия возможно относятся темные углистые пятна вытянуто-овальной формы, которые отмечались в центре заполнения котлована выше пола на 15 см.

На полу жилища, в южной части и вокруг очага найдены расколотые огнем камни (32 экз.), каменная наковальня(?), бронзовый наконечник стрелы и фрагменты керамики (53 фрагмента от 6 сосудов) (см. рис. 34, 3, 5; 35, 5–11).

В слое за пределами котлованов жилищ отмечены скопления галек и отдельные фрагменты керамики (15 экз.) от разных сосудов (см. рис. 35, 12, 13). Эти черепки склеиваются с фрагментами из жилищ, что позволяет рассматривать весь комплекс как одновременный.

Селище *Заостровка II* расположено в 800 м от Шилки VIII в створе того же Казачинского порога на 14–19-метровой енисейской террасе в 150 м от

кромки правого берега протоки Заостровка. Памятник размещается на поверхности террасы в виде гривы (рис. 36), где визуально отмечаются четыре ряда жилищных котлованов, ориентированных по разным направлениям. Один ряд проходит по гребню 18–19-метровой гривы в направлении юго-запад – северо-восток. Ряд включает четыре (№ 1–4) котлована подквадратной формы размерами от 3×3 до 5×5 м, отстоящих друг от друга на расстоянии до 7 м. Второй ряд находится в центральной части поселения, направлен вдоль края 18-метровой террасы и включает три котлована (№ 5–7) прямоугольной формы размерами от 3×4 до 4×5 м. Третий ряд располагается перпендикулярно предыдущему и состоит из трех котлованов (№ 8–10). Они округлые, размерами от 3×3 до 4×4 м размещены в линию вдоль склона 16–17-метровой террасы. Последний ряд размещается на северной окраине памятника и представлен четырьмя округлыми котлованами (№ 11–14) размерами до 4×4 м, которые располагаются вдоль восточного склона террасы на высоте 17 м от уреза воды.

Памятник открыт С. М. Фокиным в 1999 г. В 2000 г. он проводит повторный рекогносцировочный осмотр и обмеряет увиденные котлованы жилищ [Фокин, 1999; 2000]. В 2003 и 2004 г. автором для установления стратиграфии террасы вне зоны жилищных объектов на южной окраине поселения был заложен раскоп № 1 площадью 20 кв. м, а для изучения жилища № 4 из первого ряда – раскоп № 2 площадью 39 кв. м [Мандрыка, 2003; 2004]. В 2006 г. работы на памятнике были продолжены отрядом АЭ КрасГУ под руководством Ю. А. Абдулиной, в ходе которых раскопом № 3 площадью 90 кв. м изучено жилище № 6 из второго ряда. В результате указанных работ на памятнике изучены два разновременных жилища шепилевской культуры и отдельные участки культурного слоя, которые имели мощность 5–10 см, залегали на глубине 25–40 см и приурочены к серой супесчаной почве. В южной части памятника находки шепилевской культуры перекрывают культурный слой раннего бронзового века, в котором найдены пять фрагментов керамики усть-шилкинского типа.

Жилище № 6 являлось центральным во втором ряду и представляло собой остатки углубленного строения квадратной формы размерами 4,7×4,5 м, что соответствует площади около 21 кв. м. (рис. 37; 38). Земляной пол был углублен на 20–35 см и имел небольшой наклон к юго-восточной стенке котлована, где находился предполагаемый выход. В центральной части жилища дно котлована слегка углублено, здесь размещался очаг наземного типа, фиксируемый в виде двух прокалов. Один прокол округлой формы размерами 38×42 см мощностью 20 см. Второй прокол располагался в 0,2 м восточнее первого, он овальной формы, размерами 95×40 см при мощности до 33 см. В разрезе оба прокала представляли собой горки прокаленной земли линзовидного сечения красно-оранжевого цвета, с тонкими прожилками светло-коричневого песка. В заполнении очага были встречены в большом количестве мелкие фрагменты жженных неопределимых костей. С устройством кровли жилища, возможно, связаны фрагменты обугленных плах и углистые вытянутые прямоугольные пятна, отмеченные в центральной части заполнения котлована, а также два округлых углистых пятна, зафиксированных на плечиках котлована с северной и южной стороны.

На полу котлована найдено 177 фрагментов керамики, из которых 14 венчики от четырех сосудов (рис. 39, 17, 19, 20, 22). Среди гладкостенных черепков имеются один обломок налепного ушка и один фрагмент стенки с налепным валиком. Кроме этого найдено 33 фрагмента с «вафельными» оттисками и 12 фрагментов с оттисками витого шнура на внешней поверхности. Каменный инвентарь из жилища представлен двумя обломками дисковидных скребел, одним грузилом-скребком, двумя отбойниками овальной и округлой формы, сколом клина и отщепом (см. рис. 39, 3, 4, 6, 8, 13, 15). Также в жилище отмечаются крупные и мелкие обломки камней, расколотых термическим воздействием.

Насыщенность культурного слоя артефактами вокруг жилища достаточно высокая: на вскрытой площади найдено 1023 предмета, большая

часть из которых – фрагменты керамики (см. рис. 39, 1, 2, 5, 7, 9–12, 14, 16, 18, 21, 23–36). Здесь же отмечаются каменные орудия и отходы производства, а также один обломок бронзового изделия (см. рис. 39, 1). В большом количестве фиксируются расколотые температурным воздействием камни разных размеров. Иногда они образуют крупные скопления, до 12 камней, которые были каким-то образом связаны с деятельностью людей. Артефакты из жилища и внежилищного пространства типологически сопоставляются между собой.

Жилище № 4 являлось крайним в первом ряду. Представляло собой остатки углубленного котлована квадратной формы размерами 3,2×3,2 м, что соответствует площади около 10 кв. м (рис. 40). Глубина котлована 20–30 см от уровня древней поверхности. Земляной пол жилища слегка понижается от стенок к центру, где размещался наземный очаг округлой формы размерами 70х70 см. В разрезе он представлял собой горку прокаленной земли линзовидной формы красно-оранжевого цвета мощностью до 12 см. В заполнении очага были найдены мелкие фрагменты жженных костей, из них определяются только плавники рыб (осетровых?) и, возможно, мельчайшие фрагменты трубчатых костей птиц и мелких млекопитающих. Вход в жилище выявить не удалось. С устройством кровли жилища, возможно, связаны два фрагмента сгоревшего дерева, зафиксированных в центре котлована на уровне пола и линзовидная прослойка песка, прослеженная в 15 см выше уровня пола. Она осталась, очевидно, от земляного покрытия кровли. С устройством жилища или каких-то пристроек, очевидно, также связаны и четыре углистых пятна, зафиксированных на плечиках котлована за пределами жилого пространства.

В жилище на полу, который выделялся по плотности и составу (включения угольков) грунта, найдены фрагменты керамики (рис. 41, 1–3, 5), каменное грузило (см. рис. 41, 8), а также целые и колотые огнем камни. В культурном слое вокруг жилища найдены небольшие (из 3–5 фрагментов) скопления керамики (см. рис. 41, 4, 6, 7), керамический скребок из черепка и

отдельные камни-галечники. Фрагменты керамики из котлована жилища не склеиваются с черепками, обнаруженными за пределами котлована, но типологически они похожи.

Кроме отмеченных селищ к шепилевской культуре относятся береговые сезонные стоянки, представленные материалами пятого культурного слоя поселения Бобровка, пятого культурного слоя поселения Шилка IX и второго культурного слоя поселения Шепилево.

Поселение Бобровка, как мы уже отмечали, размещалось на краю 8-метрового приустьевого мыса, на левом берегу Енисея при впадении в него р. Бобровка, в 15 км выше створа Казачинского порога. Находки шепилевской культуры залегали в темновато-буром суглинке, который отделялся от пачки погребенных почв раннего бронзового века стерильной песчаной прослойкой. На площади раскопа в 5-м культурном слое находки распространялись равномерно и представлены точильным камнем, оселком и фрагментами керамики [Археология ..., 2003, с. 123] (рис. 42).

На *поселении Шилка IX* материалы шепилевской культуры отмечены в пятом культурном слое, который размещался в суглинке черного цвета и залегал на глубине 80–110 см от дневной поверхности (см. рис. 29). Возле края террасы слой обрывался, что связано с частичным его уничтожением в процессе подмыва террасы в древности. Слой ровный, без нарушений, был насыщен мелкими жжеными фрагментами костей. В нем зафиксированы обломок бронзового квадратного стержня, фрагменты керамической посуды, фрагменты костей и каменные сколы (см. рис. 30). Вместе с керамикой шепилевской культуры здесь залегали черепки от пяти сосудов бобровского типа раннего бронзового века с орнаментом из оттисков гребенчатых штампов (см. рис. 30, 17–21).

Поселение Шепилево расположено на 8-метровой левобережной енисейской террасе в 5 км ниже Казачинского порога, на месте заброшенного п. Шепилево (южная окраина современного п. Подпорожный Казачинского района Красноярского края). Памятник был открыт автором в 1987 г. и

раскопками 1988 и 1989 гг. вскрыто 236 кв. м его площади. Материалы, давшие название культуре, залежали во втором культурном слое на глубине 32–44 см. Они были приурочены к темно-коричневой супеси. Артефакты русского времени (1 культурный слой) и неолита (3 культурный слой) отделялись от находок представляемого слоя стерильными прослойками мощностью до 5–10 см [Мандрыка, Коваленко, 1996].

Основная масса находок шепилевской культуры концентрировалась на компактном участке в центральной части раскопа, где по плотности грунта, наличию кострища и большой хозяйственной ямы было выделено жилище наземного типа. Предположительно, оно имело округлую форму и примыкало к краю террасы. Размеры сохранившейся площади составили приблизительно 4,0×5,0 м. Внутри жилища располагался наземный очаг без каменной обкладки. Размеры сохранившейся прямоугольной части очага – 0,7×1,2 м. Линзовидное его заполнение, мощностью до 30 см, состояло из черной прокаленной супеси, смешанной с мелкими угольками и обгоревшим деревом. В 0,5 м к северу от очага была изучена частично разрушенная осыпью края террасы хозяйственная яма овальной формы. Размеры сохранившейся части – 1,1×1,4 м при глубине 20 см. В заполнении ямы, состоящем из черной супеси с включениями мелких жженных костей, была отмечена большая концентрация фрагментов керамики.

В культурном слое за пределами жилища найдены каменные предметы и керамика (рис. 43, 44). Здесь же были расчищены четыре кострища, которые представляли собой пятна прокаленной почвы размерами от 36×84 до 46×186 см и мощностью 10–18 см. В кострищах кроме древесного угля отмечались фрагменты керамики, жженные кости животных и расколотые гальки [Мандрыка, Коваленко, 1996].

Обобщая данные рассмотренных поселений можно говорить о том, что свои углубленные жилища шепилевцы устраивали на коренных террасах Енисея, в отдалении от реки на высоте до 20 м над современным урезом реки. Вместе с этим, ими использовались площадки, расположенные в

непосредственной близости от реки – это поверхности современных 7–9-метровых террас. Здесь могли сооружаться легкие переносные жилища наземного типа. Мощность культурных отложений на всех поселениях не превышает 10–15 см.

На территории поселка жилища располагались одним рядом вдоль крутого склона террасы. Поселки включали, возможно, 4–5 жилищ, расположенных в 3–5 м друг от друга. Жилища сооружались над неглубокими до 30 см квадратными или прямоугольными котлованами размерами от 3,2×3,2 м до 3,7×5,8 м. Стенки ориентировались с отклонением от сторон света, а земляные борта котлованов, очевидно, укреплялись бревнами. Перекрытие жилищ опиралось на плечики котлованов. Кроме дерева, в покрытии жилищ использовалась земля, очевидно, куски дерна. Вход размещался в южном углу или в юго-восточной стенке жилища. Обогревающий жилище открытый округлый очаг устраивался в центре.

Инвентарь. Представленные памятники шепилевской культуры не богаты вещами и содержат в основном керамику. Среди находок, сделанных на поселениях, отмечены предметы нескольких категорий: оружие, орудия труда и предметы быта, отходы производства.

Оружие. К данной категории принадлежат наконечники стрел, которые изготовлены из бронзы и камня.

Наконечник стрелы из бронзы (1 экз.) найден возле юго-восточной стены котлована жилища № 2 Шилки VIII. Наконечник имеет плоское треугольное перо, боковые грани которого заточены с двух сторон. Насад отломан, возможно, он был черешковым. Размеры изделия 1,1×2,4 см при толщине 0,15 см (см. рис. 35, 8).

Такие наконечники имели широкое распространение в Сибири начиная с раннего бронзового века, что подтверждается нашими находками из второго культурного слоя комплекса Усть-Шилка II (см. рис. 14, 19).

Каменные наконечники стрел (5 экз.) разнообразны по форме. Они изготовлены на сколах кремнистой и сланцевой пород. Возле жилища

№ 6 селища Заостровка II найден наконечник подтреугольной формы с вогнутым насадом. Перо сломано (см. рис. 39, 2). В слое поселения Шепилево найдены наконечники (4 экз.) листовидной формы с прямой базой, треугольной формы с прямой базой и с симметрично вогнутой базой. Все изделия оформлены двусторонней покрывающей чешуйчатой ретушью.

Представленные наконечники изготовлены в традициях неолита и раннего бронзового века, однако отличаются от них симметричной формой и способом изготовления. Уплощенность насада сближает их с каменными наконечниками раннего железного века, которые вставлялись в роговые обоймы.

К категории оружия условно отнесен и обломок бронзового острия, найденного возле жилища № 6 селища Заостровка II. Обломок предположительно отнесен к кончику клинка двулезвийного ножа (кинжала) (см. рис. 39, 1).

Орудия труда и предметы быта также изготавливались из металла и камня. Обломок бронзового стержня, возможно, проколки, с квадратным сечением (см. рис. 30, 1) найден на поселении Шилка IX.

Топоры (2 экз.) найдены на поселении Шепилево. Первый изготовлен из зеленого сланца. Орудие трапециевидной формы с приостренными боковыми гранями, выпуклым лезвием и уплощенным обушком. Сечение орудия – миндалевидное. Брюшко и спинка изделия подшлифованы. Размеры 3,5×10,5×1,2 см. Второй топор выполнен на гальке вытянутой овальной формы. По краям и лезвию обработан грубыми сколами. Спинка и брюшко изделия не обработаны и сохранили галечную корку. Размеры 5,6×12,5×3,0 см.

Тесло (1 экз.) представлено обломком лезвия, найденного возле жилища № 6 селища Заостровка II. Орудие было подпрямоугольной формы с трапециевидным сечением и прямым асимметричным, односторонне скошенным к брюшку лезвием, грани оформлены сколами и зашлифованы (см. рис. 39, 5).

Тесловидное орудие (?) (1 экз.) вытянутой овальной формы с двух сторон имеет небольшие выемки для фиксации, лезвие округлое, асимметричное, оформлено с одной стороны сколами, с другой – сохраняет желвачную корку, со следами сработанности. Размеры 2,7×5,9×1,5 см. Найдено возле жилища № 6 селища Заостровка II.

Все представленные рубящие орудия по форме и способу изготовления сопоставляются с аналогичными изделиями раннего бронзового века из района исследования. Широкое использование каменных топоров и тесел связано, очевидно, с отсутствием или дефицитом рубящих орудий из металла.

Скребки, встреченные на памятниках шепилевской культуры, предположительно, применялись для выделки шкур и кожи. Они изготовлены из камня. Типы выделены на основе формы и оформления рабочего края.

Тип 1 (13 экз.) – концевые скребки на сколах и отщепах, отколотых с галек кремнистой и сланцевой пород. Найдены на поселении Шепилево (10 экз.) и возле жилища № 6 селища Заостровка II (3 экз.) (см. рис. 39, 3, 4). Форма скребка обусловлена контурами сколов, отмечаются треугольные, трапециевидные, овальные и подпрямоугольные. Рабочий край орудий оформлен крутой отжимной ретушью, лезвия имеют следы сработанности. Размеры скребков варьируют в пределах от 1,2×2,5×0,8 до 2,4×4,2×0,2 см.

Концевые каменные скребки на сколах на территории исследуемого района известны с эпохи палеолита и сохраняются до раннего железного века.

Тип 2 (9 экз.) – дисковидные скребки – округлой и овальной формы из плоских плиток камня. Возле жилища № 6 селища Заостровка II найдены 3 целых и 5 сломанных изделий (см. рис. 39, 13), на поселении Бобровка зафиксировано одно изделие. Они изготовлены на плитках глинистого мелкозернистого слегка окремненного известняка или на плоской гальке (Бобровка). Толщина плиток составляет 0,4–0,8 см. Края обработаны по

всему периметру двусторонней оббивкой. На орудиях наблюдается подлощенность и сработанность рабочей кромки. С двух противоположных сторон имеются выемки, возможно, для удобства держания в руке. Размеры – от $6,8 \times 10,4 \times 0,4$ до $8,1 \times 7,3 \times 0,8$ см.

Впервые подобный инструмент был выявлен и обследован С. А. Семеновым на материалах Урала и Прикаспия [1968, с. 159]. Такие же скребки в виде каменных дисков отмечаются в материалах эпохи бронзы и раннего железного века лесостепного Приобья [Сидоров, 1989, с. 42, 44]. Способ работы такими «скреблами» по обработке кожи достаточно подробно описан Ю. Б. Сериковым: «Скребло устанавливалось под углом $80-85^\circ$ с наклоном к себе. В процессе движения скребло принимает перпендикулярное положение, а затем отклоняется "от себя". Работы производились правой рукой» [1977, с. 210–213]. Помимо острого режущего края эти скребки имели сильное абразивное воздействие на кожу. Это способствовало получению ровной замши высокого качества [Сидоров, 1989, с. 42]. В районе исследования такие орудия, появившиеся в период развитого бронзового века, сохраняются на всем протяжении раннего железного века.

Массивные камни с плоской поверхностью отмечены по одному возле очагов жилищ комплекса Шилка VIII. Их размеры $17,0 \times 20,0 \times 10,0$ см и $17,0 \times 25,0 \times 10,0$ см. Назначение этих камней различное. Их ровная плоскость могла использоваться как наковальня, что подтверждается присутствием следов забитости. Нельзя исключить использование этих камней и при приготовлении пищи. Присутствие массивных камней с плоской поверхностью возле очагов жилищ – частая находка на памятниках енисейского бассейна, относящихся к разным периодам эпохи металла.

Молоточки-отбойники (14 экз.) изготавливались из гальки или обломков скальной породы. Типы выделены на основе формы и оформления рабочего края.

Тип 1 (1 экз.) пирамидальной формы, торцовая плоскость орудий этого типа была рабочей. Форма специально оформлена путем точечной отбивки.

Размеры орудия – 10,0×12,0×6,5 см. Отмечен возле массивного камня в жилище 1 селища Шилка VIII.

Тип 2 (5 экз.) шаровидной формы. Изделия выполнены из гальки, имеют следы забитости и стертости по окружности. Размеры – от 4,5×4,7×2,7 до 6,6×7,9×4,6 см (см. рис. 39, 14). Зафиксированы возле жилища № 6 селища Заостровка II.

Тип 3 (8 экз.) удлиненной овальной формы, округлые или подтреугольные в сечении, со следами забитости и сколами на торцевых концах и боковых гранях. Выполнены на гальках размерами от 3,5×12,3×2,7 до 7,7×18,9×6,8 см (см. рис. 39, 15). Диаметр ударной части мог составлять до 7 см. Найдены в жилище № 1 Шилки VIII, возле жилища № 6 селища Заостровка II (5 экз.) и на поселении Шепилево (2 экз.).

Судя по следам забитости, орудиями могли расковывать мягкий металл или дробить керамику.

Грубообработанные речные гальки (18 экз.) могли использоваться как орудия для дробления твердых материалов, встречались они на поселении Шепилево и селище Заостровка II. Массивные камни обработаны по одному краю несколькими ударами. Противоположный край сохранял галечную корку. Размеры изделий не превышают 10,9×10,7×5,4 см.

Использование речных галек в качестве отбойников и молоточков в хозяйственной деятельности древних людей началось с древнейших времен и сохраняется до этнографической современности.

Точильные камни (3 экз.) встречены возле жилища № 6 селища Заостровка II, на поселениях Шепилево и Бобровка. Орудия представляют обломки плиток мелкозернистого плотного песчаника с прямыми боковыми, часто параллельными гранями (см. рис. 39, 7; 42, 11). На рабочих поверхностях имеются линзовидные углубления, где видны следы заточки металлических острий и плоскостей.

Оселки (2 экз.) найдены на поселении Бобровка и выполнены из тонкозернистого песчаника. Первый представлен прямоугольным брусочком,

у которого под верхним краем имеется сквозное биконическое отверстие (см. рис. 42, 12). Второй оселок имеет заостренное окончание.

К точилу следует отнести и две створки от одного «выпрямителя древков стрел», найденных на поселении Шепилево. Подтреугольные в сечении брусочки из песчаника по середине одной грани имеют продольные желобки. Размеры целого экземпляра 0,3×5,3×0,2 см.

Все точильные камни, оселки и «выпрямители» в таежных илесостепных районах Сибири распространяются с неолита и сохраняются до этнографической современности [Плетнева, 2017].

Грузила для сетей (3 экз.) найдены на поселениях Шепилево, Бобровка и в жилище № 4 селища Заостровка II. Они изготовлены из галек округлой уплощенной формы. С двух противоположных сторон острые грани оббиты поперечными сколами, образовавшими выемки для крепления (см. рис. 42, 8). Типологически данные грузила не отличаются от экземпляров, известных с неолита.

Комбинированное изделие – грузило и скребок для работы по шкурам (1 экз.) – найдено возле жилища № 6 селища Заостровка II. Оно уплощенной овальной формы, с двумя выемками по краям, местами сохраняет галечную корку. Рабочий край сильно залощен от работы (см. рис. 39, б).

Гальки (более 150 экз.), целые и расколотые огнем, отмечены в скоплениях до 8–10 штук и разрозненно на всех памятниках и объектах шепилевской культуры. Они средних размеров, около 4,5×3,8×2,4 см, часто лежат среди фрагментов керамики, как правило, одного сосуда. Присутствие следов нагара на целых экземплярах и неровные разломы на расколотых гальках указывают на их нагревание в костре и последующее резкое охлаждение. Это могло происходить, например, при нагреве воды в сосудах или расплавке снега и льда. Горячими камнями также могли согревать спальные места, готовить и тушить мясо и рыбу, как это делали многие народы Сибири вплоть до появления печей. Одна галька уплощенной формы из песчаниковой породы, кроме этого, могла использоваться как точильный

камень, что подтверждается наличием на ней трех плоских граней. Размеры этого камня, найденного возле очага жилища № 4 селища Заостровка II, составляют 7,5×13,0×3,0 см.

Отходы производства в виде продуктов расщепления камня на памятниках шепилевской культуры редки. Наибольшее их количество отмечено на поселении Шепилево, где были найдены отщепы (150 экз.) и пластинки (8 экз.) кремнистой и сланцевой пород. На поселении Бобровка отмечен подживляющий скол с нуклеуса и пластина кремнистой породы. В слое селища Заостровка II найдены два технических скола, снятых с гребня призматических нуклеусов с ребром. Там же отмечены призматическая трехгранная пластина и 13 отщепов (см. рис. 39, 8–12). Размеры отщепов варьируют от 0,7×1,0×0,5 до 5,4×7,0×1,7 см. Размеры пластинок колеблются в пределах от 1,2×1,8×0,2 до 1,3×3,4×0,1 см.

Куски формовочной массы (46 шт.) отмечены на поселении Шепилево. Они неправильных форм, обожжены. На некоторых прослеживаются отпечатки пальцев рук человека и деревянных палок. Куски состоят из запесоченной глины, смешанной с дресвой. Крупные экземпляры обкатаны со всех сторон, и поэтому их можно рассматривать как целые формы. Можно предположить, что куски были подготовлены для изготовления сосудов или получения шамота. Размеры кусков – до 6,0×9,5×3,5 см.

Керамика в виде обломков глиняной посуды составляет основной материал шепилевских поселений. Для ее характеристики в настоящее время мы располагаем значительными выборками. Керамика селища Шилка VIII включает 269 фрагментов, из которых 22 – венчики, относящиеся к 12 сосудам (см. рис. 34; 35). Из них 4 отмечены в жилище № 1, 6 – в жилище № 2 и фрагменты от двух сосудов размещались в слое за пределами жилищ. В раскопе № 3 селища Заостровка II найдено 977 черепков, из которых 102 – венчики. Они представляют 40 сосудов, из которых 4 отмечены в жилище № 6, а 34 в культурном слое. Керамика из раскопа № 2 селища Заостровка II представлена 33 фрагментами, из которых 10 – венчики, одно налепное ушко

и два фрагмента поддона. Коллекция демонстрирует 8 сосудов, из которых 4 отмечены в жилище № 4. Керамическая коллекция пятого слоя поселения Бобровка представлена 123 фрагментами керамики, из которых 15 – венчики и 3 – наlepные ушки. Эти черепки демонстрируют, что достоверно определимы 12 сосудов. На поселении Шилка IX зафиксировано 174 черепка, из которых 27 – венчики от 20 сосудов. На поселении Шепилево по более 2 тыс. черепкам было выделено 73 сосуда. Таким образом, анализу было подвергнуто более 3,5 тысяч фрагментов, которые представляют 157 сосудов.

Вся керамическая посуда шепилевской культуры изготавливалась из глины с примесями. В составе формовочной массы отмечается дресва. Размер ее зерен составлял от 1 до 4 мм. В редких случаях в изломе черепков поселения Шепилево с дресвой были отмечены мелкие гальки размерами не более 1 см. В сосудах селища Заостровка II в формовочной массе дополнительно присутствует шамот, а также органика и органические растворы, которые выделены по характерной пористости теста [Титова, 2011, с. 255; 2012, с. 83].

Посуда лепилась ручным способом. Небольшие сосудики формовались из одного куска массы. Большие по объему формы строились техникой лоскутного наleпа с последующим выбиванием стенок колотушкой и их заглаживанием. Для этого применялись колотушки, оставляющие рубчатые («шнуровые») или «вафельные» оттиски. Из общего числа посуды следы выбивания отмечаются на не менее 61,87 % сосудов. Стенки остальных были гладкими, скорее всего, они хорошо заглаживались, поэтому технический декор не читается.

Из диагностируемых форм (86 сосудов) выбивание стенок колотушкой, оставляющей «вафельные» оттиски, отмечено у 44 экземпляров, что составляет 31,65 % от общего числа. Примерно такое же количество сосудов (42 экз. – 30,22 %) формовалось с использованием рубчатой колотушки. Отмечено два вида «вафельных» оттисков, различных по размерам: с крупной ячейкой (1,0×1,0 см) и мелкой ячейкой (0,3×0,3 см). Глубина

оттисков не превышает 0,1 см. «Вафельная» колотушка с крупными ячейками использовалась чаще, чем с мелкими. На одном сосуде селища Заостровка II ритмичные квадратные ячейки размером 0,2×0,2 см создают впечатление, что поверхность горшка выбивалась через покрывающую ткань (см. рис. 41, 5). По рубчатым оттискам на стенках сосудов диагностируется два вида декора: гладкие прямые рубцы и мелковолнистые бороздки. Такие виды рубчатых оттисков могла оставлять лопатка, которая обматывалась шнуром в одну нить или в две витые нити. Толщина каждого рубца – от 0,8 до 1,5 мм. В среднем через отрезок в 1 см проходит 3–6 параллельных рубцов. Удары рубчатой колотушки наносились по стенкам с наружной стороны. С внутренней под точку удара подкладывался твердый предмет, судя по линзовидным углублениям, уплощенная галька. От выбивания стенки получались плотными и тонкими. Средняя их толщина составляла 3–5 мм, некоторых венчиков – 6–8 мм (но они, как правило, утолщены налепом).

Соотношение применяемых колотушек для выколачивания стенок сосудов по памятникам и объектам представлено в табл. 7. Разные приемы обработки внешней поверхности сосудов из рассмотренных памятников примерно равно. В закрытых комплексах (котлованах жилищ) встречается посуда, оформленная разными техническими оттисками. Преобладающее количество гладкостенных сосудов в раскопе № 3 селища Заостровка II условно, так как здесь численность сосудов определялась по небольшим фрагментам венчиков, а орнамент не позволял точно диагностировать технический декор. Не связан какой-либо способ обработки поверхности и с формой сосудов, любой крупный горшок или банка могли формоваться с использованием разных колотушек.

Пристройки к форме (налепные ушки, поддоны) крепились разными способами. Поддоны к чашам прикреплялись простым прилепом к придонной части сосуда. «Языковидные» налепные ушки сосудов-дымокуров прикреплялись к стенке с помощью квадратного в сечении шипа.

«Прямоугольные» ушки – с помощью квадратного и прямоугольного в сечении шипа. Такие шипы вытягивались из основания ушка. В месте крепления ушка к стенке сосуда прорезалось соответствующее отверстие. Шип вставлялся в это отверстие и с внутренней стороны заглаживался. Крепление ушек к сосудам-дымокурам усиливалось ребрами жесткости, в качестве которых выступали наклепные жгутиковые валики, соединяющие стенку сосуда с пристройкой.

Обжиг посуды производился на костре, о чем свидетельствует неоднородная окраска одного и того же сосуда. Большинство их имеет сероватый, светло-коричневый цвет, изредка встречается красновато-коричневый, черный. Внутренняя сторона стенки, если отсутствует накипь от использования сосуда, обычно сохраняет такой же цвет, как и наружная поверхность.

Целых сосудов нет, но гипотетически восстанавливаются круглодонный горшок (см. рис. 39, 16) и сосуд-дымокур (см. рис. 44, 1) с уплощенным дном. Нижняя часть остальных сосудов устанавливается по отдельным фрагментам округлого или уплощенного дна. По фрагментам венчиков выделено 11 форм сосудов. Преобладают баночные сосуды (113 экз. – 81,29 %). Это банки типов 1, 1а, 2, 3 и 4. Они отмечены на всех памятниках культуры, но в преобладающем количестве (26 экз. – 18,71 %) характеризуют керамику поселения Шепилево. Диаметр устья этих сосудов колеблется от 12 до 34 см. Высота, как правило, равнялась диаметру по венчику. На втором месте по численности (19 экз. – 13,66 %) стоят сосуды горшковидной формы (горшок–1), которые, как и банки, имеют закрытую форму и сопоставимые размеры. Горшки встречены на всех рассматриваемых памятниках культуры. Важно отметить, что на шейке таких форм с диаметром горла 10–14 см часто отмечаются следы прикрепления наклепных «языковидных» ушек, т. е. они могут представлять сосуды-дымокуры. Наличие последних доказывается нахождением на тех же памятниках наклепных ушек, как «языковидных», так и «прямоугольных». Высота этих сосудов составляет 14–18 см. Размеры

простых горшков с вогнутой шейкой могут составлять в диаметре устья до 32 см. Доля горшков с утолщенными стенками горловины (горшок-3), чаш и плошек очень мала, их фрагменты встречены в единичных экземплярах. Гипотетический диаметр чаши из раскопа № 3 селища Заостровка II составляет 8 см, ее высота около 6 см. Размеры плошки из жилища № 2 селища Шилка VIII не превышают 4 см в диаметре устья. При этом высота ее не менее 3 см (см. рис. 35, б). Толщина горловины, стенок и дна всех сосудов примерно одинакова: у стенок варьирует от 3 до 5 мм, доньшки могут достигать 7 мм, у простого края такая же, как и стенок, но если он утолщен налепом, то толщина может достигать 14 мм.

По назначению керамика поселений шепилевской культуры условно разделяется на посуду кухонную, столовую, для хранения продуктов и транспортную. К последней мы относим сосуды с налепными ушками – сосуды-дымокуры.

Преобладающее большинство сосудов орнаментировано. Из общего числа учтенных форм только на 17 сосудах (12,23 %) отсутствовал орнамент. Посуда украшалась только по шейке, реже – плечикам. Чаще всего для орнаментации использовались пальцевые защипы и вдавления. Затем, по частоте встречаемости, отмечаются налепные жгутиковые валики, скобовидные, округло-приостренные и ногтевые наколы, прочерченная линия. Ямки как элемент орнамента встречены только в двух случаях и то в качестве дополнения ногтевых наколов. Основной мотив в орнаментации – горизонтальный. Горизонтальное расположение характерно практически для всех элементов, за исключением прочерченных линий. Они располагались диагонально, образуя сетку или зигзаг. Для большинства сосудов характерны простейшие узоры, состоящие из одного горизонтального мотива, нанесенного одним или двумя элементами. Прочерченная сетка также встречается самостоятельно на некоторых сосудах, а прочерченный зигзаг только дополняет горизонтальный мотив. Как правило, орнамент на сосуде

наносился одним инструментом (орнаментиром), создающим различные элементы.

Выделение типов сосудов основано на учете технологических, морфологических и орнаментальных признаков. Их корреляция позволила выделить 6 типов керамики. При выделении некоторых типов иногда трудно было провести границу, что свидетельствует о единстве культурной традиции.

Тип I – включает сосуды баночной–1 формы с округлым или скошенным наружу обрезом, который с наружной стороны утолщен налепным валиком. Как правило, ширина и толщина валика составляла около 1 см. Сосуды украшались по налепному валику, который рассекался пальцевыми защипами или отпечатками подушечек пальцев (см. рис. 30, 2; 35, 1; 39, 16–21; 41, 2, 4, 7; 42, 4, 5, 8, 13;). Иногда в зоне шейки орнамент дополнен горизонтальным рядом редких ногтевых оттисков. Валик налеплялся после формовки стенок, что подтверждается следами заглаживания и затёртостью оттисков технического декора возле него.

Сосуды этого типа отмечаются практически на всех рассмотренных памятниках (кроме поселения Шепилево). В «чистом» виде и преобладающем количестве эта керамика характеризует жилищные объекты селища Шилка VIII.

Тип II – объединяет сосуды баночной–1а, –2 формы с прямым, реже округлым, краем. Горло плавно утолщено налепом шириной до 3 см или шейка выделена гладкой вдавленной полосой, что тоже имитировало утолщение края сосуда. Под венчиком наносились ряды (от одного до четырех) пальцевых вдавлений или защипов, в одном случае между рядами прочерчен зигзаг. Иногда прямой обрез края сосуда также рассекался защипами (см. рис. 30, 4, 8–10; 39, 22–25; 42, 1, 2; 43, 14–18, 26–28).

Эту посуду можно рассматривать как генетически возникшую из керамики I типа, но более насыщенную орнаментом, имеющую более сложное оформление шейки – налепной лентой или выдавленным желобком.

Поскольку керамика этого типа в преобладающем количестве встречена на селище Заостровка II и характеризует закрытый комплекс жилища № 6, мы предлагаем назвать ее «заостровским» типом. Кроме этого она отмечена на поселениях Шилка IX и Шепилево.

Тип III – представляет сосуды простой закрытой баночной–1 формы, в изготовлении которых применялся прием выбивания «шнуровой» или «вафельной» колотушкой. Сосуды имеют прямой или слегка скошенный наружу обрез края. Орнамент состоит из двух горизонтальных налепных жгутиковых треугольных в сечении валиков как гладких, так и рассеченных насечками, защипами, оттисками лопаточки. При различных сочетаниях элементов орнамента один валик обязательно проходит под обрезом сосуда, а второй по шейке или плечу (см. рис. 30, 3, 12, 15; 42, 3; 43, 1–9). Часто с внутреннего борта сосуда от заглаживания края образовывается валик – наплыв формовочной массы.

Впервые этот тип керамики был выделен нами по материалам поселения Шепилево, отчего получил название керамики шепилевского типа [Мандрыка, Коваленко, 1996]. Она отмечена еще на селище Заостровка II (раскоп 3) и поселениях Бобровка и Шилка IX.

Тип IV – включает сосуды баночной–2 формы с прямым или слегка утолщенным (иногда отогнутым наружу) краем, с гладким желобком, выдавленным на плечиках (имитация шейки). При изготовлении стенки сосудов выколачивались. Орнамент наносился между венчиком и желобком и состоит из рядов повторяющихся элементов: коротких насечек, наколов, оттисков зубчатых штампов или отступающих оттисков. В некоторых случаях основной орнамент дополняется защипами или ногтевыми оттисками (см. рис. 39, 28; 41, 5; 43, 21–5). Сосуда типа IV отмечаются в разных объектах селища Заостровка II и поселении Шепилево.

Тип V – объединяет сосуды горшковидной–1 формы небольших размеров. Диаметр устья не более 14 см. Они украшались в зоне шейки прочерченными линиями, строящимися ромбовидной сеткой или зигзагом

(см. рис. 30, 11; 35, 4; 39, 29, 30; 43, 11–13). Черепки таких сосудов отмечаются на селищах Шилка VIII, Заостровка II (раскоп № 3), поселениях Шилка IX и Шепилево.

В представленный тип керамики, очевидно, входят сосуды-дымокуры, о наличии которых на памятниках шепилевской культуры свидетельствуют найденные керамические ушки и черепки стенок, к которым они прикреплялись. Ушки целые или сломаны, зафиксированы практически на всех памятниках: Шилка VIII – 1 экз., в раскопе № 3 селища Заостровка II – 10 экз., в раскопе № 2 того же памятника – 1 экз., Бобровка – 2 экз. и Шепилево – 29 экз.

Из 43 диагностируемых наклепных ушка и их оснований на стенках сосудов, большинство, т. н. «прямоугольных» (29 экз.) – с двумя отверстиями. Часть ушек с прямоугольными гранями (см. рис. 44, 6, 7, 10), другая с гранями в форме прямоугольной трапеции (см. рис. 44, 8) или правильной трапеции (см. рис. 44, 9). Но в любом случае, эти ушки четырехугольные. Они прикреплялись к стенке сосуда только в зоне тулова. Иногда на широких гранях отмечаются следы технического декора, чаще оттиски «шнуровой» колотушки.

«Языковидные» наклепные ушки (14 экз.) имеют одно поперечное отверстие. По внешнему виду могут быть полуовальными (см. рис. 44, 2, 4), подтреугольными (см. рис. 44, 3) и подквадратными (см. рис. 44, 5). Они крепились как под венчиком, так и в придонной части, что установлено по изгибу основания.

Для выявления возможных конструктивных форм сосудов-дымокуров была составлена матрица, учитывающая форму наклепного ушка и профиля стенки в месте его прикрепления к сосуду [Мандрыка, Коваленко, 1996, с. 138, табл. 2]. Выпуклая форма основания указывала на прикрепление к вогнутой поверхности сосуда, т. е. к шейке. Прямой или слегка вогнутый срез основания указывал на прикрепление к тулову или придонной части. По наклепным жгутиковым валикам, выступающим в качестве ребер

жесткости, определялось расположение налепа относительно центральной оси сосуда. С двух противоположных от ушка сторон измерялся угол между центральной осью налепа и поверхностью прилегающей стенки сосуда. Той стороной, где угол меньше, ушко было обращено к центральной оси сосуда. Правомерность такого определения места крепления была подтверждена целыми реставрированными формами.

На памятниках шепилевской культуры отмечаются сосуды-дымокуры двух форм. Первая – сосуды, у которых ушки крепились по схеме: два «прямоугольных» в зоне тулова и одно «языковидное» под краем. Единственный реставрированный сосуд имел горшковидную форму и был украшен по шейке прочерченными линиями (см. рис. 44, 1). Вторая – сосуды с одним «языковидным» ушком под краем и двумя такими же в придонной части. По профилю корня верхних налипных ушек можно говорить о вогнутой шейке у этих форм. Важно отметить, что все рассмотренные сосуды-дымокуры имели горшковидную форму с отогнутым наружу краем. Ушки сопровождалось двумя – тремя гладкими налипными валиками, которые усиливали его крепление к стенке сосуда, т. е. выступали в качестве ребер жесткости. Формовались ушки так же как и сам сосуд, в нескольких случаях сохранились оттиски витого шнура на поверхности. Ушки крепились через «шип», вставлявшийся в прорезанное в стенке сосуда отверстие.

В культурном слое раскопов № 2 и 3 селища Заостровка II встречены единичные фрагменты керамики, которые не относятся к шепилевским комплексам, они найдены за пределами шепилевских жилищ. Их присутствие можно объяснить тем, что на этом же месте устраивался поселок раннего железного века, жилища (№ 8–10) которого фиксируются в северной части памятника (см. рис. 36).

Отмеченная керамика отлична от шепилевской, венчики каплевидные в сечении, утолщены с внутренней стороны. По внешнему борту наносились горизонтальные налипные жгутиковые валики, рассеченные пальцевыми

вертикальными наколами (см. рис. 39, 26, 27), или валики, которые сопровождаются отступающими оттисками гладкой палочки (см. рис. 41, 3).

Среди черепков из слоя раскопа № 2 селища Заостровка II отмечены два фрагмента, возможно, кольцевого поддона, гипотетический диаметр которого составляет около 10 см при высоте 4 см. Нижний край слегка отогнут наружу. На поверхности наклеплен гладкий вертикальный валик. Поддон крепился к округлой чаше сосуда, что устанавливается по наклонному срезу его основания (см. рис. 41, 6). Фрагмент подобного поддона был зафиксирован и на поселении Шепилево. Тонкие стенки толщиной до 0,5 см усиливались вертикальными гладкими жгутиковыми наклепными валиками. Здесь же возле края отмечается сквозное отверстие (см. рис. 44, 11).

Распределение выделенных типов керамики по исследуемым памятникам шепилевской культуры неравномерно (табл. 8). Все типы керамики отмечены только в раскопе № 3 селища Заостровка II. На остальных памятниках керамические типы распределяются в разных соотношениях.

Керамика I и II типов преобладает на каждом памятнике, составляя вместе более 55 % от всего керамического комплекса. При этом посуды I типа не найдено только на поселении Шепилево, и ее отсутствие «компенсируется» керамикой II типа (до 40 % на памятнике). Керамика III типа присутствует на селищах Заостровка II, поселениях Бобровка, Шилка IX и Шепилево и составляет до 14,39 % от общего числа посуды. При этом большая часть ее найдена на поселении Шепилево (13 сосудов). Небольшой процент керамики IV типа (8,63 %) складывается из единичных сосудов из разных раскопов селища Заостровка II и хорошей выборки из поселения Шепилево (10 сосудов). Процент керамики V типа (5,76 %) условен, так как при подсчете учитывались только фрагменты венчиков сосудов. Если принять во внимание, что в этот тип входят сосуды-дымокуры, то доля такой керамики значительно вырастет, так как дымокуры найдены на каждом

памятнике. Самая большая выборка такой керамики отмечена на поселении Шепилево, на остальных памятниках сосуды-дымокуры единичны.

Таким образом, на каждом памятнике шепилевской культуры численно преобладает посуда I и II типов. Затем по мере убывания – керамика типов III, IV и V. Все это говорит об относительно устойчивой керамической традиции. Она выражается в преимущественном распространении сосудов, формообразование которых происходило выбиванием «шнуровой» или «вафельной» колотушками. Украшались сосуды только в верхней части одним или двумя орнаментальными композициями из одного–двух элементов, строящихся в горизонтальные пояса. Узоры наносились преимущественно пальцевыми вдавлениями и насечками ногтя, а не специально изготовленными орнаментами.

2.3.2. Датировка и культурная принадлежность

Анализируя материалы памятников шепилевской культуры, следует отметить, что они коррелируются между собой. Это доказывается наличием на памятниках не только набора однотипных изделий из камня (точильных камней, галечных грузил, молоточков-пестов и других), но и близких по формам, способам изготовления и орнаментации керамических сосудов (см. табл. 7).

Определение возраста этих памятников осложняется тем, что узко датированные вещи в комплексах с керамикой отсутствуют. Но, учитывая стратиграфические и топографические особенности памятников, условия залегания типов керамики по объектам, различие в орнаментации посуды, мы дадим относительную хронологию этих памятников, отдельных жилищ и различных типов керамики и обсудим имеющиеся абсолютные даты.

Относительная датировка шепилевских материалов документируется их залеганием на многослойных памятниках. Так, на поселении Бобровка пятый слой, содержащий находки шепилевской культуры, залегал между верхним горизонтом из пачки шестого слоя раннего бронзового века и слоем 4б,

содержащим материалы раннего железного века [Археология..., 2003, с. 61]. Причем от находок раннего железного века они отделяются лишь глубиной залегания, а от слоев ранней бронзы – стерильной прослойкой мощностью до 10 см. Ниже слоя раннего железного века залегают шепилевские материалы и на поселении Шилка IX. Здесь они приурочены к пятому культурному слою и отделяются от вышележащего стерильной прослойкой до 20 см. На этом же поселении в одном слое с шепилевскими материалами находилась керамика бобровского типа раннего бронзового века, что указывает на относительную близость (но не синхронность) этих комплексов. Только слабым делювиальным осадконакоплением и активным освоением древним человеком поверхности террасы можно объяснить залегание здесь в одном слое разновременных находок. На хронологический разрыв между ранним бронзовым веком и шепилевской культурой указывают и материалы селища Заостровка II, где котлован жилища № 4 был впущен в слой, содержащий керамику усть-шилкинского типа. Причем между первым и вторым слоем памятника было зафиксировано стерильное пространство мощностью до 5 см. Все эти наблюдения позволяют говорить о том, что шепилевские материалы моложе комплексов раннего бронзового века с керамикой бобровского и усть-шилкинского типа и древнее комплексов раннего железного века.

Для установления абсолютного возраста материалов шепилевской культуры большое значение имеют даты, полученные из закрытых комплексов и многослойных памятников (см. табл. 1). Так, датировка селища Шилка VIII определяется тремя радиоуглеродными датами, полученными из образцов угля, взятых из обгоревших плах, размещавшихся вдоль стен котлованов жилищ. Для жилища № 1 получены даты 3155 ± 55 л. н. (СОАН-4243) и 3130 ± 65 л. н. (СОАН-4244), а для жилища № 2 – 2750 ± 60 л. н. (СОАН-5070). Калиброванные календарные даты по этим данным указывают, что время сооружения жилища № 1 может лежать в пределах XVI–XIII вв. до н. э., а жилища № 2 – между XI–IX вв. до н. э. Но два

жилища, расположенные в одном ряду одного селища, не могут иметь такую значительную разницу в возрасте, скорее всего, дата жилища № 1 несколько удревнена. В любом случае и она затрагивает период развитой бронзы.

Возраст шепилевских материалов определяется и датами, полученными по углю из стратифицированного многослойного поселения Бобровка. Несмотря на то, что абсолютная дата слоя собственно шепилевской культуры отсутствует, есть даты из подстилающих и перекрывающих слоев. Возраст формирования пятого слоя будет лежать в интервале между датами погребенной почвы 6 (2а) – 2875 ± 35 л. н. (СОАН–3664) и культурного слоя 4б – 2580 ± 40 л. н. (СОАН–4097), т. е. между XII и VIII в. до н. э.

Близкий возраст устанавливается и для культурного слоя поселения Шепилево, где по углю из очага наземного жилища была получена радиоуглеродная дата 2860 ± 25 л. н. (СОАН–2934). Она указывает, что календарный возраст образца лежит в интервале между 1050 и 942 гг. до н. э. по 1 сигме или 1126–930 гг. до н. э. по 2 сигме, т. е. между XII и X в. до н. э.

Таким образом, абсолютный возраст рассмотренных материалов шепилевской культуры лежит в усредненных пределах между XII и IX вв. до н. э. или даже VIII в. до н. э. Последняя дата устанавливается материалами из культурного слоя многослойного поселения Шилка XII/2, которые будут рассмотрены в следующей главе.

Не противоречит предложенной датировке и наличие редких изделий из бронзы. К ним относится обломок квадратного стержня на поселении Шилка IX (см. рис. 30, 1), обломок острия ножа на поселении Заостровка II (см. рис. 39, 1) и обломанный плоский наконечник стрелы из жилища № 2 селища Шилка VIII (см. рис. 35, 8).

Относительная хронология памятников шепилевской культуры определяется преемственной связью между выделенными типами керамики. Так, посуда I типа более архаична, она происходит из самого древнего жилища культуры – жилища № 1 селища Шилка VIII. На поселениях Бобровка и Шилка IX также присутствует этот ранний I тип керамики, а на

поселении Шепилево его нет. Вместе с тем на Шепилевском поселении присутствует керамика IV типа, которая есть в жилищах селища Заостровка II, и ее нет на поселениях Бобровка и Шилка IX. Эта керамика IV типа объединяет элементы, которые получают развитие в последующее время, мы имеем в виду гладкий желобок и отступающие наколы. Исходя из этого, можно считать, что селище Шилка VIII и слой поселения Бобровка относятся к ранней фазе развития культуры, а селище Заостровка II и поселение Шепилево – к поздней. В слое селища Заостровка II, кроме всех типов шепилевской керамики, отмечена и посуда VI типа, которая станет основной на памятниках раннего железного века.

Рассматривая вопрос о культурной принадлежности шепилевских комплексов, необходимо отметить, что все керамические типы не только близки между собой приемами изготовления, отдельными элементами формы и орнамента, но и имеют определенную связь с керамикой предшествующего времени и керамикой сопредельных территорий.

Развитие местных традиций предшествующего времени прослеживается главным образом сопоставлением шепилевской посуды с керамикой усть-шилкинского типа. Они преемственны способом формообразования сосудов выбиванием, в результате которого на поверхности стенок остаются оттиски шнура, которым обматывалась колотушка. И если на усть-шилкинской керамике оттиски, как правило, от тонкого шнура, то на шепилевской отмечаются оттиски как от тонкого, так и от более толстого грубого жгута. Преемственность отмечается и в простой закрытой форме бытовой посуды, у которой приустьевая часть оформлялась наклонным плечиком. Связь наблюдается и в оформлении края сосуда с наружной стороны наlepным валиком. Если у сосудов усть-шилкинского типа этот валик образовывался от выравнивания обреза, то у шепилевских сосудов I, II и III типов валик оформляется преднамеренно. Развиваются усть-шилкинские традиции и в украшении сосудов оттисками пальцев. Если раньше на керамике отмечались неглубокие оттиски, иногда даже ногтевые, то теперь на керамике

заостровского типа оттиски глубокие, четкие, хотя расположены в той же зоне. Усложняется усть-шилкинский орнамент и в оформлении наlepных жгутиковых валиков. Развиваются традиции раннего бронзового века и в изготовлении сосудов-дымокуров. Сохраняется их горшковидная форма с открытым горлом и выраженной шейкой. Эти сосуды также подвешивались через «прямоугольные» и «языковидные» наlepные ушки. Изменяется только орнамент.

Вместе с изменившимися автохтонными традициями на керамике отмечаются элементы, которые ранее не были известны в районе исследования. Одни возникли из практических особенностей использования посуды, другие можно рассматривать как заимствованные, приобретенные от соседей.

Из практической целесообразности возник, на наш взгляд, такой элемент орнамента как гладкий желобок. Он всегда наносился в 1–3 см от края сосуда, при этом венчик по сравнению со стенками был толще. Усиление прочности горла, очевидно, было необходимым в связи с условиями эксплуатации сосуда, для предотвращения его растрескивания во время нагрузки. Наличие желобка под утолщенным краем дает основание предполагать, что сосуд в этом месте перевязывался стяжкой и к ней могли приделывать ручки или другие приспособления для переноски. Желобок, а позднее и карниз под наlepной лентой, не давали соскользнуть жгуту стяжки с сосуда.

На керамической посуде шепилевской культуры отмечаются и элементы, приобретенные извне. К ним надо относить способ выбивания «вафельной» колотушкой и орнамент из прочерченных линий.

Поселения с «вафельной» керамикой впервые были обнаружены в Якутии А. П. Окладниковым и отнесены им к позднему неолиту или ранней бронзе. Впоследствии они были сопоставлены исследователем с глазковскими материалами и датированы II тыс. до н. э. [Окладников, 1945; 1946; 1950б]. С накоплением источников Ю. А. Мочановым на территории

Якутии была выделена ымыяхтахская культура [Мочанов, 1969; Федосеева, 1980], датированная поздним неолитом, сосуды которой имели «вафельный» технический декор. Митровидные и шаровидные горшки, круглодонные миски лепились из глины с примесью шерсти. Размеры ячеек «вафельного» узора на ымыяхтахской посуде большей частью небольшие – 5×5 мм [Алексеев, 1996а, с. 56; Хлобыстин, 1998, с. 89].

К настоящему времени «вафельная» керамика известна по всему Евразийскому Заполярью (на Чукотке, на р. Индигирке, в низовьях р. Лены, на Таймыре, на п-е Ямал, в низовьях р. Печеры, на Кольском и Скандинавском п-х), где она существовала, судя по радиоуглеродным датам, с конца II тыс. до н. э. (обзор памятников и дат приводит Л. П. Хлобыстин [1998, с. 99–101]). Однако не все содержащие ее стоянки могут быть отнесены к ымыяхтахской культуре, поскольку «вафельный» узор является техническим, отражающим прием изготовления керамической посуды. Часто на стоянках за пределами Якутии «вафельная» керамика не является основной, вместе с ней преобладают другие синхронные ей типы посуды, относящиеся к местным культурам. «Вафельный» декор бытовал на посуде и в культурах, более поздних по времени, чем ымыяхтахская. Это прослеживается по материалам Якутии [Константинов И. В., 1978; Алексеев, 1996а], Прибайкалья [Асеев, 2003], Забайкалья [Гришин, 1975], Таймыра [Хлобыстин, 1998], Канской лесостепи [Генералов, Дзюбас, 1991] и района южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары [Мандрыка, 1998].

Приобретенным элементом на шепилевской керамике является прочерченная линия. Их сочетание с ямками под краем сосуда является основным индикатором ымыяхтахского орнамента [Федосеева, 1980, вкладка табл. 2; Алексеев, 1996а, с. 136, табл. 37]. Встречается на ымыяхтахских горшках и прочерченная сетка, которая аналогична узору на шепилевских сосудах-дымокурах. Мотивом в виде полосы из прочерченной сетки иногда дополняется орнамент на керамике бронзового века Нижней Ангары [Пупаева, Фокин, 2015, с. 60, рис. 1, 13].

Таким образом, по «вафельному» техническому декору и прочерченной сетке на сосудах-дымокурах шепилевский керамический комплекс сопоставим с ымыхтахской культурой. Однако только эти два признака связывают шепилевские комплексы с ымыхтахскими, по остальным материалам они не сопоставимы. Исходя из имеющихся данных, появление «вафельной» керамики в южной тайге Среднего Енисея можно объяснить проникновением культурных традиций с северо-востока, со стороны Якутии и Таймыра. Пути, по которым осуществлялось ее распространение, были долины и водоразделы Енисея и его крупных правобережных притоков. Ухудшения климата во второй половине II тыс. до н. э., несомненно, способствовали этому процессу.

Ограниченность сопоставления шепилевских комплексов с материалами сопредельных территорий связана с неравномерностью изученности бронзового века Сибири, единичностью известных закрытых и стратифицированных комплексов, их исключительно рекогносцировочным обследованием и, как следствие, незначительным количеством публикаций и отсутствием культурной интерпретации.

Керамика, которая сопоставляется с шепилевской посудой, известна в красноярско-канском лесостепном районе. Большой подборкой она зафиксирована при раскопках на поселении Дрокино II [Новых, 1989; 1991, с. 11], во втором слое поселения Казачка [Савельев и др., 1984, с. 142], во втором слое стоянки Усть-Минжуль (раскопки автора). Среди сборов она встречена на стоянке Ладейская [ККМ, кол. 110 – 143–145], на поселениях Няша, Усть-Собакина, памятниках долины р. Кан [Генералов, Дзюбас, 1991] и других.

В таежных районах Нижней и Средней Ангары аналогичная посуда тоже не редкость. Так, можно отметить наличие фрагментов керамики шепилевского типа на стоянках Чадобец (1 к. с.) [ККМ, кол. 175], Парта (слой 2, горизонт 1) [Васильевский и др., 1988, табл. XXXVI, 2, 9; с. 69], Усть-Илим [Васильевский, 1978; Васильевский и др., 1988, с. 69].

Встречается и керамика заостровского типа, например, на Усть-Илиме в [Березин, 1990, с. 24, рис. 3, 4], на стоянке Кода-1 [Богучанская..., 2015, с. 78, рис. 71, 6]. На памятниках бронзового века Ангары отмечаются обломки сосудов и другого облика, глазковского. Вообще, надо заметить, что «вафельные» отпечатки на глазковских горшках встречаются редко, для них более типичны оттиски от рубчатой колотушки, а основным элементом орнамента выступает пояс «жемчужин», нанесенный по шейке [Окладников, 1955].

Известен единичный случай нахождения керамики, близкой заостровскому типу в более северных районах Восточной Сибири. Они сделаны Г. И. Андреевым в 1963 г. в пункте 2а стоянки Байкит на Подкаменной Тунгуске [Андреев, Фомин, 1964].

На территориях Обь-Енисейского бассейна посуда шепилевской культуры не фиксируется. Мы не исключаем ее распространение в северных районах Нижнего Енисея, но эта территория пока остается слабо изученной, и с уверенностью говорить об этом преждевременно.

Из более отдаленных территорий следует отметить Прибайкалье, где встречена керамика подобная заостровскому типу. Схожий глиняный сосуд, украшенный пальцевыми защипами, размещался возле костяка женщины из погребения 1 могильника Шумилиха (в устье р. Белой), который датируется шиверским периодом [Горюнова, Смотров, 1981, с. 27, рис. 2, 2]. Посуда с ногтевыми отпечатками встречена и в 1 культурном слое поселения Улан-Хада. Там найдены сосуды с утолщенным краем, иногда украшенным беспорядочными насечками. Вместе с ногтевыми Х-образными защипами в орнаментации использовались ряды «жемчужин» и наколы, выполненные отступающей лопаточкой. Наряду с тонкостенными выбивными сосудами в слое встречаются и толстостенные [Хлобыстин, 1964; 1987].

Для районов Прибайкалья керамику, подобную шепилевскому типу – с оттисками шнура и орнаментированную налепными валиками – ряд исследователей называют тышкинэским типом и относят к VII–V вв. до н. э.

[Горюнова, Ткачева, 1989, с. 20; Черемисин, Горюнова, 1991, с. 47; Воробьева, Горюнова, 1996, с. 12; Горюнова, Черемисин, 2000, с. 160; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008, с. 40]. Другие ученые, такую же керамику называют сеногдинским типом [Харинский, 2005, с. 201], а посуду с ромбическими («вафельными») оттисками, украшенную налепными валиками – борисовским. На берегах Байкала эти типы распространялись, соответственно, с XIII по II в. до н. э. и с конца I тыс. до н. э. по начало I тыс. н. э., т. е. период их синхронного существования приходится на конец I тыс. до н.э. [Харинский, Карнышев, 2003, с. 140]. Керамика, подобная шепилевскому типу, известна в плиточных могилах позднего бронзового века Забайкалья [Цыбиктаров, 1998, с. 65, рис. 79, 1; 90] и в комплексах раннего железного века Якутии [Константинов, 1978; Алексеев, 1996, с. 18, табл. III, 2, б; X, 2, б]. Очевидно, распространение в Сибири валиковой керамики со «шнуровым» и «вафельным» техническим декором имеет эпохальный характер и отражает перемещение, передачу по таежным просторам этого оригинального способа изготовления и украшения керамической посуды. Материалы из южнотаежной части долины Среднего Енисея показывают, что способ формовки сосудов выбиванием «вафельной» колотушкой сохраняется дольше, чем «шнуровой» или «рубчатой». Он продолжает применяться и в раннетагарское время.

При рассмотрении вопроса о формировании шепилевского керамического комплекса нельзя не остановиться на изменениях сосудов-дымокуров. Они встречаются на многих археологических памятниках таежных и лесостепных районов ангаро-енисейского бассейна и Прибайкалья, распространяются с эпохи неолита. Но, несмотря на массовость находок налепных ушек от сосудов-дымокуров, их типологическое различие может указывать не только на хронологию, но и на культурную принадлежность.

Для сосудов-дымокуров всех эпох и разных районов характерен ряд конструктивных элементов. Во-первых, небольшой объем, до 1–1,5 литра при

диаметре по краю не более 12–14 см, и частое присутствие копоти на внутренней поверхности стенок указывают о «хранении в них дыма». Во-вторых, наличие двух или трех наlepных ушек с отверстиями, что говорит о способах крепления и подвешивания сосудов. И, наконец, в-третьих, плоскость, проведенная через крайние точки наlepных ушек, не соприкасается со стенкой сосуда. Это позволяет утверждать, что емкость не контактировала с поверхностью, к которой она привязывалась и с помощью которой переносилась. Экспериментами было установлено, что наиболее удобный и надежный способ переноски осуществлялся с помощью твердого основания (дощечки), которое через ремни носилось за спиной. Такие станковые рюкзаки, поняги, были широко распространены в среде тунгусов и других народов таежной зоны еще до недавнего времени.

Существует ряд этнографических наблюдений об использовании сосудов-дымокуров. Известно, что у эвенков сейчас нет глиняной посуды. Ее наличие у них отрицалось и в прошлом. И. Г. Гмелин отмечает наличие керамики у ленских оленных тунгусов его времени. Речь идет о глиняных сосудах, служивших дымокурами. Летом 1736 г. Г. М. Миллер и И. Г. Гмелин натолкнулись на берегу р. Лены ниже деревни Иванушковой на тунгусов, которые имели там привал. Изумленным путешественникам каждый из тунгусов казался чем-то вроде дымовой трубы: такой густой дым клубился над стойбищем. Это были женщины и дети; каждый имел на спине глиняный горшочек, обернутый берестой, и в нем лежали дымящиеся прутики, отгонявшие «лютый таежный гнус» [Gmelin, 1990, s. 307].

Небольшие сосуды-дымокуры, в которых у тунгусов постоянно дымится гнилое дерево, описал и другой автор XVIII в. – И. Г. Георги. «Для прогнания от себя летающей в превеликом множестве мошки, которая крайне беспокоит, привешивают часто, кроме махала и селезых голов, ... небольшие горшочки, в которых курится гнилое дерево, через плечо так, что курьево сие то впереди, то позади висит, смотря по делу и по ветру. И так они беспрестанно бывают в дыму, отчего около носу нарочито смугла бывает у

них кожа» [Георги, 1779, с. 52]. Такие же глиняные сосуды-дымокуры в конце XVII в. видел на Тунгуске (Ангаре) и Избрант Идес [Путешествие ..., 1789, с. 406]. Он отмечал, что в левой руке эвенки носили горшки с дымокуром. Вероятно, с помощью дыма они защищались от гнуса, но не исключена и защита от заразных болезней. Джон Белл в начале XVIII в. писал о верхних ангарских эвенках, что в случае болезни одного из сородичей они оставляют ему «немного воды и пищи, а затем, забрав все вещи, уходят по наветренной стороне, каждый с глиняным горшком с горящими угольями» [Зиннер, 1968, с. 54]. Об использовании сосудов-дымокуров эвенками даже еще и в XX в. сообщил автору иркутский этнограф М. Г. Туров.

На всех имеющихся в нашем распоряжении сосудах-дымокурах на внутренних стенках отмечаются следы копоти, что указывает на размещение внутри них когда-то горящих углей. Поскольку такие сосуды удобно переносить или перевозить, не обжигаясь об горячие стенки, то мы предполагаем их использование в качестве переносных (транспортных) дымокуров для защиты от кровососущих насекомых. Хронологическим различием среди сосудов-дымокуров выступают форма, количество и способ крепления ушек к стенке сосуда.

Для неолитических сосудов-дымокуров характерно наличие одного массивного налепного ушка, расположенного горизонтально под краем, и одного «языковидного» – в придонной части. Встречаются сосуды с двумя «языковидными» ушками, прикрепленными к стенкам в средней части формы, и одним «языковидным» – в придонной. Целая серия таких сосудов отмечена в неолитических погребениях на р. Ангаре и Верхней Лене. Например, в погребениях № 1 и 2 могильника М. Мамырь, в погребении № 1 могильника Жигалово и др. [Окладников, 1950, рис. 49, 50, 54, с. 207, 209-210], в неолитическом слое стоянки Усть-Кова [Хроностратиграфия..., 1990, с. 162, рис. 89]. Имеются такие сосуды и в энеолитических комплексах

района южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары (см. рис. 7, 1) и в Канской лесостепи [Генералов и др., 1991, с. 124, рис. 44].

В раннем бронзовом веке неолитические формы преобразовываются, и преобладают сосуды уже с тремя ушками. Два из них с отверстиями пристроены в зоне тулова или в придонной части, а третье, тоже с отверстием, под краем (см. рис. 16, 21; 22, 5). Отдельные экземпляры таких сосудов отмечены как в Прибайкалье [Окладников, 1950], так и в южнотаежной зоне Среднего Енисея. Важно отметить, что наклепные ушки становятся четырехугольными, значительно выступают из стенки сосуда и не вытягиваются из нее, как было раньше, а крепятся через шип. Во всех ушках появляются отверстия.

В период развитого и позднего бронзового века продолжают использоваться сосуды-дымокуры с тремя наклепными ушками. Схема их расположения на форме сохраняется, но верхнее ушко становится «языковидным», с округлыми очертаниями и крепится к самому краю сосуда. В зоне тулова в преобладающем количестве пристраиваются ушки с гранями прямоугольных форм. Важно отметить, что часто крепление всех ушек дополнительно усиливается наклепными валиками, которые выступают в качестве ребер жесткости.

Такой тип сосудов-дымокуров встречается широко в пределах таежных и лесостепных районов Средней Сибири. В Приангарье наклепные «прямоугольные» ушки от таких сосудов найдены, например, в 1-м горизонте второго слоя поселения Парта [Васильевский и др., 1988, с. 74, табл. XXXVI, 7] и во 2 и 3 горизонтах первого слоя поселения Бадарма-1 [Бурилов, 1980а, с. 80, 82, табл. III, 1]. В Красноярской лесостепи такие же ушки отмечены во втором слое пещеры А. Я. Тугаринова [ККМ, кол. 145–98; Комплексное..., 1996, с. 91, рис. 10, 3], на стоянке и в кургане у с. Есаульского [Карцов, 1929, с. 45, табл. VI, 22], в первом слое грота Дачный (Мандрыка, 2001а), среди материалов со стоянок Усть-Собакинская [ККМ, кол. 122 – 108; 179 – 59], Няша [ККМ, кол. 122 – 122], Монастырская [ККМ,

кол. 110 – 243, 264], Ладейки [ККМ, кол. 110 – 214] и многих других памятников. Нельзя исключить, что на Ангаре такие сосуды, появившись в период бронзового века, продолжают бытовать до средневековья, на что указывают их находки в первых культурных слоях многих стоянок. В тайге Среднего Енисея они сохраняются до таштыкского времени, на памятниках середины и конца I тыс. н. э. уже не отмечаются.

Таким образом, сосуды-дымокуры, как принадлежность кочевого быта охотников, уходят своими корнями в неолитическую эпоху. Сосуды-дымокуры шепилевского варианта с «прямоугольными» ушками, появившись в период бронзового века, сохраняются только на начальной стадии раннего железного века. При этом они были распространены по территории леса и лесостепи среди населения различной культурной принадлежности. Поэтому связывать конструктивные элементы таких сосудов с культурной принадлежностью неправомерно. Культурная составляющая может определяться только формой и орнаментом этих сосудов.

По этим признакам, как мы уже отмечали, шепилевские сосуды-дымокуры соединили в себе как местные элементы предшествующего времени, так и заимствованные. К первым мы отнесли закрытую горшковидную форму с выраженной шейкой, а ко вторым – нанесение прочерченного орнамента.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что шепилевский керамический комплекс демонстрирует слияние двух восточносибирских традиций – «шнуровой» и «вафельной» керамики. При этом «шнуровая» керамика была известна местному населению еще в предшествующее время, а «вафельная» – генетически восходит к ымыяхтахской культуре. Сравнительная характеристика имеющихся памятников воссоздает генезис и развитие одной своеобразной археологической культуры, которая существовала на берегах Енисея и сопредельных восточных таежных и лесостепных районах.

2.4. Комплексы с керамикой самоделкинского типа

В конце бронзового века вместе с комплексами шепилевской культуры на территории южной тайги Среднего Енисея сосуществовали памятники с совершенно иной керамической традицией – «самоделкинской». Занимаемая ими территория в основном совпадает с ареалом шепилевской культуры, но распространяется дальше на запад, доходя до западносибирской лесостепи [Мандрыка, 2008д].

Самоделкинский тип керамики был выделен по материалам стоянки *Усть-Самоделка II*, которая расположена на правом берегу Енисея, в 40 км ниже устья р. Ангары, против г. Лесосибирска. Стоянка занимает поверхность 8-метровой террасы левого берега р. Енисей, выше устья р. Самоделка. В 1988 г. на краю террасы в раскопе площадью 15 кв. м на глубине 30–35 см в слое темно-коричневого суглинка был зафиксирован единственный культурный слой. В нем найдены 112 фрагментов керамики и 25 каменных отщепов. Черепки принадлежали шести сосудам и одной льячке с прикипевшими каплями бронзы на внутренней поверхности стенок [Мандрыка, 1988, с. 93–95; ККМ, кол. 10883/479 – 1–11].

Вся найденная на стоянке керамика однотипна (рис. 45). Формовочная масса состоит из глины с примесью дресвы. С наружной стороны стенки оформлялись выбиванием «вафельной» колотушкой. Квадратно-прямоугольные оттиски четкие, но не глубокие, очевидно, заглаживались. Средние фиксируемые размеры ячейки 0,4×0,5 см. С внутренней стороны стенки гладкие, имеют вмятины от ударов. Все сосуды простой закрытой формы со слабо раздутым туловом. Обрез края прямой или слегка скошен наружу. По частично реставрированной форме и отдельным фрагментам можно считать, что дно у горшков было округлым. Толщина венчика 0,6–1,2 см, стенок тулова – 0,5–0,6 см, дна – 0,7–1,0 см. Орнамент наносился в верхней трети формы оттисками палочки с прямым или «двухчастным» рельефным рабочим окончанием отступающей техникой. Оттиски строились в горизонтальные и наклонные ряды, при этом ведущим мотивом был

горизонтальный. Широкое орнаментальное поле из горизонтальных линий сверху и снизу подчеркивается рядами коротких отрезков, наклонных, вертикальных или строящихся треугольниками – своеобразной «бахромой». Фигурный край «двухчастного» орнамента напоминает кромку зуба животного. При наших экспериментальных наблюдениях наиболее близким получался отпечаток от отступающе-накользящих движений резца бобра и зуба зайца.

К настоящему времени на берегах Енисея известны еще три памятника с аналогичной керамикой. Они в разной степени были изучены раскопками.

Поселение *Островки II* расположено в створе Казачинского порога на Енисее на 4–6-метровой пойменной террасе северной оконечности одноименного острова (рис. 46). Памятник открыт автором в 1992 г., и на нем был заложен раскоп площадью 21 кв. м. В 1996 г. Л. В. Коваленко расширила раскоп и вскрыла еще 40 кв. м площади [1996]. Исследование памятника показало наличие трех культурных слоев, которые разделяются между собой стерильными песчаными прослойками и относятся к разным стадиям железного века (1-й и 2-й культурные слои) и позднему бронзовому веку (3-й культурный слой).

Керамика самоделкинского типа залегала здесь в третьем культурном слое на глубине 80–110 см. Культурный слой был приурочен к темно-серой мелкозернистой песчаной погребенной почве, которая распространялась только по восточному сектору раскопа, т. е. по возвышенной части террасы (рис. 47). Слой перекрывается стерильной песчаной прослойкой с мелким галечником, указывающей на кратковременное затопление поверхности террасы во время ледоходов после образования почвы. С этими процессами, очевидно, и связано разрушение слоя в западном секторе памятника.

Находки слоя залегали одним скоплением. Среди керамики были отмечены бронзовые всплески, которые фиксировались тремя округлыми пятнами окислов размером 3,6×3,8 см. Последние, возможно, являются и следами какого-то разложившегося предмета из медьсодержащего металла.

Со слоем условно связывается небольшой бронзовый пластинчатый двулезвийный нож с оттянутыми лезвиями, который был зафиксирован в борту террасы в осыпавшейся части слоя. Ребро посередине клинка ножа указывает на возможное использование орудия в качестве кинжала. Размеры изделия 1,7×5,2 см при толщине 0,3 см (рис. 48, 16).

Из каменных изделий здесь отмечено только два нуклеуса (очевидно, заготовки), изготовленных из кремнистых галек. На поверхности изделий местами сохраняются фрагменты галечной корки. По форме нуклеусы конические, монофронтальные. Ударная площадка оформлена несколькими снятиями. Размеры изделий не превышают 3,5×4,0×2,8 см (см. рис. 48, 9, 10).

Редкая находка в слое керамического грузила (см. рис. 48, 17), которое имеет биконическую форму, сужающуюся к концам. Его длина 5,0 см, диаметр центральной части 3,7 см, наружный диаметр края 2,2 см. Диаметр продольного отверстия 1,0 см. Глиняное грузило – редкая находка на берегах Енисея, но подобные вещи имели широкое распространение в обском бассейне.

Более представительная коллекция керамической посуды. Здесь зафиксировано 346 фрагментов от 13 сосудов. По способу изготовления и орнаментации они разнообразны, но по составу формовочной массы идентичны, лепились из глины с примесью дресвы. Основная масса (10 экз.) сосудов с гладкими плотными стенками, черного, серого и коричневого цветов. Они простой закрытой формы со слегка утолщенным горлом. Орнаментом покрывалась верхняя треть формы. Для этого использовались гребенчатые штампы – гребенка, «личиный» и другие. На пяти сосудах наклонно поставленным гребенчатым штампом наносились горизонтальные ряды (см. рис. 48, 1–4, 11). На одном фрагменте венчика основной орнамент дополнен поясом ямок (см. рис. 48, 1). В двух случаях гребенчатые оттиски строились в «елочный» мотив (см. рис. 48, 5, 12) и еще в двух – в горизонтальную линию (см. рис. 48, 6, 7). Имеется сосуд, в украшении которого был использован своеобразный зубчатый орнаментир,

оставляющий клетчатые отпечатки (см. рис. 48, 8). Здесь под краем проходит ряд наклонных оттисков, а ниже серия горизонтальных линий.

Еще три сосуда из слоя имеют на внешней поверхности «шнуровые» оттиски выбивания колотушкой, обмотанной толстым витым жгутом. На частично реставрированной форме закрытого сосуда с расширенным туловом и прямой шейкой, на стенках присутствуют только технологические оттиски, другого орнамента нет (см. рис. 48, 13). На двух других горшках в верхней части наносился орнамент, который состоит из горизонтальных линий отступающе-накольчатых оттисков «двучастного» орнамента. От нижней линии оттисков в зону тулова спускались короткие наклонные линии (см. рис. 48, 15) или серия коротких горизонтальных отрезков (см. рис. 48, 14). Именно этот орнамент характерен для керамики самоделкинского типа.

Итак, в комплексе третьего культурного слоя поселения Островки II преобладает посуда, украшенная зубчатыми штампами. Среди нее отмечаются и сосуды с отступающими оттисками, т. е. самоделкинского типа, при изготовлении которых применяли колотушку, обмотанную грубыми, толстыми, витыми нитями.

Поселение *Подъемная II* расположено на мысовидном выступе 12–14-метровой левобережной террасы р. Верхняя Подъемная, в 2,5 км южнее д. Береговой Подъемной Большемуртинского района Красноярского края. Открыто А. М. Буровским в 1985 г. [1985], а в 1987 и 1990 гг. им вскрыта площадь до 100 кв. м, на которой был изучен один культурный слой. Судя по работам 1987 г. [Буровский, 1987, с. 9; Гильманшина, Буровский, 1989, с. 83], в которых принимал участие автор, культурный слой был приурочен к светло-серой, коричневатой мелкопористой пылеватой супеси и залегал на глубине 15–25 см. Кроме черепков керамики самоделкинского типа слой был насыщен обломками костей и каменными отщепами. Здесь же найдены каменные скребок, нож, нуклеус и обломок костяного предмета листовидной формы с грибовидным выступом на кончике. В 1990 г. на

памятнике было вскрыто грунтовое погребение¹, которое по найденному инвентарю относится к карасукской культуре [Новых, Макаров, Петренко, 1993].

Керамика поселения представлена обломками четырех сосудов со слабо выраженной шейкой и раздутым туловом. В формовочной массе фиксируется дресва и органический раствор. На двух формах большой емкости документируется уплотнение стенок выбиванием, для чего использовались колотушки. В одном случае стенки покрыты рубцами от толстого витого шнура (рис. 49, 2), в другом – «вафельными» оттисками с прямоугольными ячейками размером до 1,0×0,2 см (см. рис. 49, 1). Оттиски технического декора частично заглаживались. Все черепки плотные, что указывает еще и на костровый, высокотемпературный обжиг горшков. Стенки одного сосуда покрыты наклонными гладкими насечками, строящимися в «елочный» мотив (см. рис. 49, 4). В украшении остальных сосудов применялись отступающие оттиски прямого или «двухчастного» орнамента, которые наносились в зоне шейки горизонтальными рядами, иногда преломляющимися. Под венчиком отмечены наклонные отрезки таких же оттисков или косые прочерченные линии (см. рис. 49, 3). В последнем случае горло сосуда утолщено налепным валиком. В зоне плечиков орнамент строится спускающимися двойными треугольниками (зигзагом) или полосами, заполненными горизонтальными отрезками оттисков.

Итак, в единственном культурном слое поселения Подъемная II преобладает керамика самоделкинского типа, наряду с которой отмечен сосуд с орнаментацией гладкими насечками.

Стоянка *Малая* расположена на левом берегу Енисея, в 80 км севернее г. Красноярск, против о. Малый, в 4 км выше с. Атаманово. Памятник был открыт и изучался Н. П. Макаровым при участии автора в 1985 г. [Макаров, 1985]. В разведочном раскопе площадью 4 кв. м, который вскрыл весь

---

¹ Отчет о полевых археологических работах 1990 г. А.М.Буровским не был подготовлен, однако отдельные археологические материалы были переданы во вспомогательный фонд ККМ (без номера)

неразрушенный участок памятника, было зафиксировано два культурных слоя. Второй культурный слой, где была найдена керамика самоделкинского типа, залегал на глубине 20–25 см и был приурочен к слою коричневой супеси. Кроме черепков в слое были зафиксированы два каменных концевых скребка (рис. 50, 5, 6), призматический нуклеус (рис. 38, 7) и обломок бронзового ножа с выделенной рукояткой (см. рис. 50, 9) [ККМ, кол. 9202/317].

На памятнике в раскопе было собрано 28 фрагментов керамики от пяти сосудов. Все они изготовлены из глины с примесью дресвы и органического раствора. Наружная поверхность стенок не покрытая орнаментом, гладкая, без следов технического декора. Частичная гипотетическая и натурная реставрация форм позволяет отметить их разнообразие, но все они закрытые, с расширяющимся туловом.

По морфологическим признакам и орнаменту только один сосуд можно отнести к самоделкинскому типу. У него прямой край, прямое плечико, слегка раздутое тулово. Под венчиком с внутренней и наружной стороны нанесена полоса наклонно поставленных гладких оттисков. В верхней части формы орнамент строится из горизонтальных полос отступающих оттисков орнамента с М-образным окончанием (ласточкин хвост). В зоне плечика отрезки таких же полос проходят наклонно. Возле края одного черепка орнамент дополнен просверленным коническим отверстием, через которое стягивалась трещина в стенке сосуда (см. рис. 50, 1).

Остальные сосуды слоя, несмотря на морфологическую близость с керамикой самоделкинского типа, украшались по иному. Отмечены горшки с рядами оттисков зубчатого штампа и прочерченной линией между ними (см. рис. 50, 2), рядами вертикальных ногтевых наколов (см. рис. 50, 3), рядами гладких насечек, строящихся в мотив «елочка» и дополненных поясом ямок (см. рис. 50, 4), а также тремя налепными валиками, рассеченными пальцевыми защипами (см. рис. 50, 8).

Таким образом, представленные енисейские памятники объединяются наличием на них своеобразной керамики самоделкинского типа, для определения времени существования которого следует учитывать материалы каждого изученного объекта.

Стратиграфическое залегание культурных слоев с керамикой самоделкинского типа на памятниках Усть-Самоделка II, Подъемная II и Малая одинаково. Они залегают в коричневой супеси под поддерновой супесчаной почвой темно-серого цвета, формирование которой на енисейских берегах проходило на протяжении последних 2,5–2,7 тыс. л. Это говорит о том, что культурные слои, содержащие керамику самоделкинского типа, приурочены к почве, возраст которой должен быть древнее раннего железного века, т. е. может лежать в пределах финальной стадии бронзового века. Ниже слоя раннего железного века залегают материалы и на многослойном поселении Островки II.

На такой же возраст культурных слоев указывают редкие хорошо датирующиеся предметы. На поселении Усть-Самоделка II это керамическая льячка ладьевидной формы с накипью бронзового всплеска на стенках (см. рис. 45, 8), аналоги которой широко встречаются на памятниках Сибири с развитого бронзового века. Финальной стадией бронзового века может датироваться и двулезвийный бронзовый нож (см. рис. 48, 16), соотнесенный с материалами третьего культурного слоя поселения Островки II. Аналогичные по форме и размерам кинжалы имеют место в комплексах карасукской культуры Красноярской лесостепи. Такой датировке не противоречит и стратиграфическое залегание слоя, глубже второго культурного слоя, отнесенного по керамике к раннему железному веку. В конце бронзового века были распространены и выпуклообушковые ножи с выделенной рукояткой, аналогичные изделию, найденному на стоянке Малая (см. рис. 50, 9), где второй слой перекрывается первым с обломком железного предмета. Поздним бронзовым веком может быть датирован и культурный слой поселения Подъемная II, в котором было зафиксировано

грунтовое погребение с типично карасукскими бронзами (коленчатым ножом, массивным листовидным наконечником копья с прорезью между лопастями, двулопастными втульчатými наконечниками стрел и т. п.).

Не противоречит предложенному возрасту этих памятников и наличие в культурных слоях керамики других (не самоделкинского) типов. Их сочетание на разных памятниках может пролить свет на расселение и культурные связи этого населения.

Так, в «чистом» виде керамика самоделкинского типа присутствует только на стоянке Усть-Самоделка II (табл. 9), которая является самым северным памятником в районе исследования. На остальных памятниках ее доля составляет от 15–20 %, но не более 50% (Островки II – 2 из 13 сосудов; Подъемная II – 2 из 4 сосудов; Малая – 1 из 5 сосудов). Эти памятники находятся южнее, в пограничье между тайгой и лесостепью. Исходя из этого, можно предположить, что основной ареал носителей керамики самоделкинского типа – южнотаежные районы Среднего Енисея. На сопредельных территориях они контактировали с населением иных керамических традиций.

В первую очередь, контакты проявляются с населением, которое украшало свою посуду оттисками гребенчатых штампов и гладкими насечками. Важно отметить, что стенки сосудов с таким орнаментом гладкие, без следов технического декора. Сосуды имели закрытую форму с прямой или слегка вогнутой шейкой, которая плавно утолщается к прямому краю путем подлепа ленты с внутренней стороны. Сосуды изготовлены методом лоскутного налепа из формовочной массы, включающей в качестве отощителя дресву и органический раствор. Толщина стенок не превышала 0,4–0,5 см. В нанесении орнаментации на посуде этой группы чаще всего использовался прием штамповки, редко прочерчивания. Наносились горизонтальные ряды, состоящие из наклонно поставленных зубчатых или гадких оттисков. Часто оттиски соседних рядов наклонены в одну сторону, реже – в противоположные, отчего образовывается мотив «елочка». Прямой

обрез края сосуда иногда также украшен зубчатыми оттисками. Орнамент в основном не дополняется поясом ямок под венчиком, кроме редких случаев, где узоры строились из наклонно поставленных оттисков широкого личинковидного («гусенично-гребенчатого») штампа (см. рис. 48, 1–8, 11, 12; 49, 3,4; 50, 2–4).

Посуда, украшенная оттисками зубчатых штампов и гладких насечек, была распространена в конце II тысячелетия до н. э. в лесостепных районах Средней Сибири и таежных районах Северного и Южного Приангарья. Под Красноярском такая посуда характерна для слоев карасукского времени, изученного на памятниках Монастырского комплекса [Мандрыка, Адамович, 2003, с. 71, рис. 4]. Отмечена она и во втором культурном горизонте Няши, на памятниках Дрокино 2, Емельяново 1, Творогово 2 в долине р. Качи [Новых, 1989, с. 22]. Важно отметить, что орнаменты из оттисков гребенчатого штампа сочетаются здесь с пальцевыми защипами и ногтевыми насечками, жгутиковыми наклепными валиками, т. е. элементами керамики шепилевской культуры. Не менее широко керамика с орнаментом из зубчатых и гладких насечек встречается на памятниках позднего бронзового века Канского лесостепного района, например, второго слоя Казачки и второго слоя Потанчет в среднем течении р. Кан [Генералов, Дзюбас, 1991, с. 124, рис. 44]. И здесь она сочетается с «шепилевскими» и другими элементами, «жемчужинами», ямками, прочерченными линиями. Вообще, орнаменты из зубчатых оттисков в лесостепных районах можно считать продолжением местных традиций, связанных с культурным влиянием южной степи и западносибирской лесостепи.

Керамика с оттисками зубчатых и гладких штампов известна и на памятниках Приангарья. Но из-за отсутствия закрытых и стратифицированных комплексов ее относят здесь к бронзовому веку по уровню залегания и типологии. Судя по опубликованным материалам, она отмечена в слоях вместе с другой разновременной посудой, в том числе

поздненеолитической, глазковской и цэпаньской [Васильевский, Бурилов, Седякин, 1980; Бурилов, 1980; Федоренко, 1983; Березин, 1990; и др.].

Носители самоделкинского типа керамики сосуществовали не только с носителями «гребенчатой» керамики, но и с шепилевцами. На это указывает сосуд с налепными валиками, рассеченными пальцевыми защипами, стоянки Малая (см. рис. 50, 8). Сосуд аналогичен керамике заостровского типа шепилевской культуры (см. рис. 39, 22–25).

Происхождение керамики самоделкинского типа мы видим в развитии традиции посуды бобровского типа с гребенчато-пунктирной орнаментацией, которая характеризует культуру местного енисейского населения в периоды раннего и развитого бронзового веков (см. выше, а также Археология..., 2003, с. 170). В конце II тыс. до н. э. эта традиция была подвержена влиянию со стороны носителей ымыяхтахской керамики (с «вафельным» и рубчатый техническим декором), что и привело к формированию нового типа. Как мы уже отмечали, ымыяхтахская традиция или «мода» могла проникнуть из северных или северо-восточных районов.

Керамика самоделкинского типа распространяется не только в южной тайге Среднего Енисея. Аналогичные сосуды известны в долине р. Чуны на территории п. Хандальск, где после размыва берега местные школьники собрали представительную коллекцию археологических предметов (материалы школьного музея). В районе Канской лесостепи, в Казачинско-Потанчетской группе памятников, которая относится к началу II тыс. – началу I тыс. до н. э., тоже можно отметить посуду, сходную по отдельным элементам формы и орнамента с керамикой самоделкинского типа. При отсутствии полного тождества сходство проявляется в сочетании двойных горизонтальных и наклонных линий отступающих оттисков орнамента, а также в способе выколачивания стенок рубчатой колотушкой [Генералов, Дзюбас, 1991, с.104–105]. На поселении Казачка во втором культурном слое также имеется почти идентичный самоделкинскому сосуд с

орнаментом, нанесенным отступающей лопаткой и имеющим «бахрому» от нижнего горизонтального ряда [Хлобыстин, 1987, с. 340].

На распространение самоделкинской традиции на запад указывают, например, материалы поселения Линево-1 (Новосибирская область), где вместе с керамикой самоделкинского типа отмечается позднеирменская и другая посуда переходного времени от бронзового к железному веку (VII – VI вв. до н. э.) [Молодин, Мыльникова, 2005, с. 403, рис. 2]. При этом в материалах поселения Линево керамика самоделкинского типа считается привозной, возможно, из районов южнотаежного Приобья [Мыльникова, 2015а, с. 346].

Некоторое сходство керамика стоянки Усть-Самоделка II имеет с сосудом из кургана 4 Ужурского могильника, который Н. Л. Членова отнесла ко II тыс. до н. э. и связывала с захоронением представителя таежного мира. Этот тонкостенный горшок с вогнутой шейкой изготовлен выколачиванием рубчатой колотушкой, а орнамент, состоящий из пяти горизонтальных рядов угловых отступающих оттисков, дополняется снизу нанесенными таким же способом зигзагообразными линиями [Членова, 1966, с. 222, рис. 6, 1]. Эта находка позволила автору поставить вопрос о связях лесных территорий Минусинской котловины с Ангарой через район г. Красноярск [там же].

Несмотря на ограниченность материалов, в ареал самоделкинской керамической традиции следует включать таежные районы Нижнего Енисея или Обь-Енисейского водораздела, которые остаются пока еще малоизученными. В район расселения носителей этой керамики также входят северные лесные участки Красноярской и Канской лесостепи. Продолжение этой традиции можно проследить на посуде каменско-маковского и малокоренинского типов, которые складываются на енисейских берегах к концу тагарского времени и распространяются по всей зоне южной тайги Средней Сибири [Мандрыка, 2007] и Таймырскому Заполярью [Хлобыстин, 1998].

Глава 3. КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

На территории южной тайги Среднего Енисея и низовьев р. Ангары известно более 30 памятников, относящихся к раннему железному веку, из них 15 изучено стационарными раскопками: два могильника и одиннадцать поселений. Известно также одно местонахождение петроглифов. Основная часть этих памятников расположена в одном археологическом микрорайоне – в створе Казачинского порога на Енисее (см. рис. 3).

Поселения сопровождаются разнообразной керамикой, которая, как и для других периодов древней истории, выступает основным культуроопределяющим признаком. Единичные керамические сосуды из погребений также помогают определить культурную принадлежность памятников. Вещи из погребений и поселений сами по себе не могут сыграть важной роли в культурной дифференциации имеющегося материала, так как сопоставляются с разными культурами скифо-сибирского мира. Они важны как аналоги, позволяющие определить датировку исследованных памятников и направление контактов местного населения.

Определяющее значение для установления культурной принадлежности памятников имеют закрытые комплексы, представленные погребениями, жилищами и однослойными поселениями. При этом учитывался весь комплекс признаков, включающий погребальный обряд, планиграфия поселений, домостроительство, хозяйство, вещевой набор и т. д., но главным оставалась керамика. Она выступает опорным индикатором для определения культурной принадлежности «смешанных» памятников – стоянок, устроенных у края береговой террасы, где почва накапливалась медленно, а культурный слой формировался от эпизодических посещений различных групп населения. Имеющиеся на сегодняшний день памятники, содержащие закрытые комплексы, позволяют выделить ряд археологических культур [Мандрыка, 2008б], в ареалы которых входили южная тайга Среднего Енисея и низовьев р. Ангары.

3.1. Нижнепорожинская культура

Памятники нижнепорожинской культуры впервые выделены по керамике разновременного поселения Нижнепорожинское I, расположенного в створе Казачинского порога на Енисее [Мандрыка, 1998]. В дальнейшем нижнепорожинская посуда была встречена в жилищах и возле погребений, в культурных слоях многослойных поселений. К настоящему времени на Енисее стационарно изучено шесть селищ с жилищами и три многослойных поселения, на которых найдена нижнепорожинская керамика. Вместе с тем нижнепорожинская керамика встречалась возле погребений (№ 3 и 6) на усть-шилкинском могильнике. Значительное число этих памятников расположено в одном археологическом микрорайоне, в створе Казачинского порога, что позволяет представить генезис и развитие культуры на всем протяжении раннего железного века.

3.1.1. Могильники

В настоящее время в районе известно три грунтовых могильника раннего железного века. Два из них расположены на противоположных берегах Енисея в створе Казачинского порога. Третий находится на Ангаре, возле с. Рыбное.

Грунтовый *могильник на комплексе Усть-Шилка II* был устроен на приустьевой возвышенной гриве, которая неоднократно была местом заселения и погребения в разные этапы и периоды древней истории (рис. 51). К тагарскому времени относится пять могил. Они располагались одним рядом вдоль края енисейской террасы и были впущены с кровли коричневой супеси, прорезали слой поселения раннего бронзового века и перекрывались слоем городища шилкинской культуры, датированного тесинским временем.

Могила № 2 (рис. 52; 53, 1). Овальная яма 160×40–60 см глубиной 20 см вытянута по линии СЮ с отклонением на 18–20 град. в восточную сторону. В могильной яме расчищен скелет женщины 20–30 лет в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ. Кости туловища, а также правые

локтевая и лучевая кости отсутствуют. Среди костей кисти левой руки отмечены бронзовая ажурная подвеска (см. рис. 52, 7), бронзовая колоколовидная подвеска (см. рис. 52, 6) и три подвески из коренных зубов северного оленя, еще две лежали рядом (см. рис. 52, 8). Здесь же фиксируются следы сгнившей органики, возможно, остатки мешочка (?). С правой стороны от черепа над плечевой костью лежали вместе два бронзовых ножа (см. рис. 52, 1, 2), шило (см. рис. 52, 3) с остатками рукояти из трубчатой кости (см. рис. 52, 4) и игла (см. рис. 52, 5). В районе локтя правой руки найдены 5 бусинок из кости (см. рис. 52, 11) и обломок кончика бронзового ножа. Между ног возле таза – две бронзовые пронизки (см. рис. 52, 9, 10). У ступни правой ноги найдена округлая галька.

Могила № 3 (рис. 53, 2; 54). Овальная яма 153×43 см глубиной 24 см вытянута по линии СВ–ЮЗ. В ней залегали кости скелета женщины 25 лет в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ. Сохранившиеся кости лежали в анатомическом порядке. Кости туловища (ребра и позвонки) присутствуют лишь в виде трех очень мелких фрагментов. Костей таза, кистей рук и стоп нет. В районе шеи располагалось скопление бусин-пронизок: 22 пастовых (см. рис. 54, 9–11), 2 костяных, (см. рис. 54, 14, 15), 2 агамольтолитовых, 1 серпентинитовая, 1 халцедоновая (см. рис. 54, 12). Здесь же найдены две бронзовые пронизки (см. рис. 54, 7). Возле скулы с левой стороны лежала пронизка из стекла бирюзового цвета (см. рис. 54, 8). Под нижней челюстью располагались три горизонтальных ряда бусин. Возле левого виска – обломок железного височного (?) кольца (см. рис. 54, 6) и две гальки. В районе пояса с левой стороны зафиксирован бронзовый кельт (рис. 42, 1), по центру – бронзовая лепестковая бляшка (см. рис. 54, 5) и с правой стороны – бронзовое шило (см. рис. 54, 2). В районе груди обнаружен бронзовый нож (см. рис. 54, 3). Возле могилы с юго-западной стороны расчищено скопление черепков одного сосуда (см. рис. 54, 4).

Могила № 6 (рис. 55). Овальная яма 70×90 см глубиной 12 см слегка вытянута по линии СЮ. В заполнении ямы, в СВ секторе, отмечены мелкие

обломки ребер, позвонков, костей предплечья и коронки зубов верхней челюсти женщины (?) 16–18 лет. Среди них фиксировались отдельные древесные угли и лежали две лопатки северного оленя. В могиле найдены: бронзовая игла (см. рис. 55, 3), 117 пастовых и 92 серпентинитовых бусин-пронизок (см. рис. 55, 4–12) со следами крашения. Возле могилы с северной стороны – еще 4 пастовых и 4 серпентинитовых бусин-пронизок и бронзовая бабочковидная бляшка (см. рис. 55, 2). С южной стороны могилы на уровне древней поверхности отмечена целая керамическая чашка (см. рис. 55, 1). С западной стороны – четыре обломка расколотаго огнем камня, которые собираются в один вместе с двумя обломками из заполнения могилы.

Могилы № 8 (рис. 56). Прямоугольная яма 170×40 см глубиной 43 см с прямыми стенками ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. В заполнении находились остатки беспорядочно разбросанных обгоревших палок толщиной 2–4 см, обрывки обгоревшей бересты и в 10–12 см выше дна линзы серого песка, здесь же фрагменты керамики с оттисками зубчатой лопатки бобровского типа, каменные отщеп и призматическая пластинка раннего бронзового века. В 5 см выше дна найдены две половинки челюсти лисицы. Почва в заполнении непрокаленная. На дне останки скелета мужчины около 35 лет (череп возле южной стенки, нижняя челюсть, фрагменты большой и малой берцовой кости правой ноги в центре, а три зуба в северной части могилы). Из сопроводительного инвентаря отмечены бронзовый нож (см. рис. 56, 1), лежащий в центре поперек могилы, и 15 бусин-пронизок из пасты и серпентинита (см. рис. 56, 2–16), разбросанных по всей могиле.

Могилы № 10 (рис. 57). Прямоугольная яма 210×60 см глубиной 60–93 см с понижающимся к югу неровным дном, но вертикальными стенками, ориентированными по линии ССВ–ЮЮЗ. В заполнении – фрагменты жженого дерева, небольшие лоскутки бересты и прокаленная почва, которые, очевидно, связаны с обгоревшими корнями древнего выворота, яма от которого частично использовалась при устройстве

могильной ямы. Это затрудняло выявление деталей перекрытия. На дне могилы раздавленный череп, возможно, мужчины зрелого возраста и фрагменты правой бедренной и лучевой кости. Из сопроводительного инвентаря отмечены бронзовые антропоморфное изображение (см. рис. 57, 1) и наконечник стрелы (см. рис. 57, 2), лежащие рядом в северной части могилы, и 10 бусин-пронизок из пасты и серпентинита (см. рис. 57, 3–12), разбросанных по всей могиле. Бляшка лежала лицевой стороной вниз.

Нижнепорожжский могильник так же грунтовый, расположен на 11-метровой террасе левого берега р. Енисей в створе Казачинского порога на северной окраине одновременного поселения. Поселение и могильник размещены на разновысотных террасах, на небольшом (около 20 м) расстоянии друг от друга. На вскрытой площади (130 кв. м) могильника обнаружено два погребения (рис. 58).

Изученные две могильные ямы были перекрыты одной кладкой овальной формы размерами 165×372 см. Она состояла из гранитных плит размерами не более 27×35×10 см. Над могилой № 1 кладка нарушена, часть камней перекинута на два метра северо-западнее, а часть – на один метр северо-восточнее.

Могила № 1 (рис. 59). Овальная яма размерами 167×70 см глубиной 20–26 см ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В центре ямы расчищены стоящие на ребре каменные плиты, возможно, упавшие из кладки во время разграбления (глумления) погребения. В 3 м севернее могилы на уровне древней поверхности расчищен скелет мужчины 20–25 лет в анатомическом порядке на правом боку с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ. Возле костяка найдены бронзовый наконечник стрелы (см. рис. 59, 4) и шило (см. рис. 59, 5). На участке между могилой и скелетом лежали бронзовый кельт (см. рис. 59, 1), нож (см. рис. 59, 2) и еще одно шило (см. рис. 59, 3).

Могила № 2. Яма размерами 160×68 см неправильной овальной формы была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Она перекрывала ЮВ сектор могилы № 1 (см. рис. 59). Дно могилы ступенчатое с углублением до 35–40 см в

центре, при этом возле южной стенки глубина ямы составляла 6–10 см, а возле северной – до 5 см. Южная часть могилы имеет плавное понижение дна, северная – резкое. Такой характер дна могильной ямы отразился на положении костяка. Найдены кости бедра и голени правой ноги, кости предплечья и плеча обеих рук и фрагменты черепа, которые лежали в анатомическом порядке. Скелет женщины 25–30 лет покоился на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ноги согнуты в коленях и выходили голенью за пределы ямы, перекрывая соседнюю могилу. В районе пояса с правой стороны лежал нож в кожаных ножнах (см. рис. 59, б).

За пределами могил на уровне древней поверхности были найдены бронзовое шило, пастовая цилиндрическая пронизь и два мелких фрагмента керамики от разных сосудов.

Могильник на Скородумском Быке был устроен на поверхности мысовидной 19-метровой террасы левого берега р. Ангара в 13 км ниже п. г. т. Мотыгино. Открыт С. М. Фокиным и изучался им небольшим раскопом площадью 69 кв. м в 2010–2011 гг. Погребение раннего железного века размещалось среди средневековых захоронений во втором слое, который содержал разновременные находки, датирующиеся от неолита до раннего железного века [Фокин, 2013а, с. 177].

Погребение № 1, выполненное по обряду трупосожжения на стороне, было расчищено под двумя валунами, которые располагались над овальной ямой (размерами 45×32 см, глубиной 6 см) ориентированной по линии З–В. Обломки жжёных костей взрослого человека (определения М. П. Рыкун) залегали в яме среди прокаленной почвы вместе с обрывками бересты, древесными углями и предметами сопроводительного инвентаря. Из вещей [Фокин, 2013а, с. 181, рис. 1] отмечены прямообушковый петельчатый нож, пластина-диадема (?), скульптурное изображение львёнка (?), отлитые из мышьяковистой меди, а также 11 боченкообразных бусин, вырезанных из минерала медной руды, вероятно, из теннантита Cu_3AsS_3 .

Относительная одновременность и датировка представленных погребений устанавливается стратиграфическими наблюдениями. На усть-шилкинском некрополе все могилы были впущены с одного уровня геологического профиля – с кровли коричневой супеси. Они размещались в одном ряду, не перекрывали друг друга, возможно, во время сооружения очередной могилы были видны прежние. Могильные ямы прорезали слой поселения раннего бронзового века и перекрывались слоем городища шилкинской культуры. Исходя из приведенных данных, могильник относится ко времени, более позднему, чем комплекс раннего бронзового века с керамикой усть-шилкинского и бобровского типов, и предшествует строительству городища. Близкая стратиграфическая ситуация отмечена и на Нижнепорожинском могильнике, где могильные ямы были впущены с подошвы светло-серой супеси и прорезали слой коричневой супеси.

Сопоставление представленных погребений по конструкции могильного сооружения, помещению костяков и особенностям обряда (табл. 10) позволяет выделить несколько групп погребальных комплексов. Следует отметить, что они соотносятся с половозрастным составом погребенных и их антропологической принадлежностью. Датировка каждой могилы и внутренняя хронология могильников установлена по анализу инвентаря. Детали обряда и вещи сопроводительного набора выступили основными критериями определения культурной принадлежности погребений.

Все захоронения одиночные, взрослых людей, могильные ямы размещались одним рядом в 5–7 м от края террасы.

Первая группа. Трупоположения без обожжения и без надмогильного сооружения. Представлены могилами № 2 и 3 усть-шилкинского могильника. Погребения размещены в овальных ямах средних размеров длиной 153–160 см (под рост человека) и глубиной 20–24 см. Погребенные положены на спину, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на ЮЮЗ. Несмотря на то, что костяки лежали в анатомически правильном порядке, отсутствие костей туловища может указывать либо на плохую их

сохранность в песчаном грунте, либо на вторичность погребения. На некрополе эти могилы занимают северный участок. В них были похоронены взрослые женщины 20–30 лет. Для этих костяков был определен монголоидный антропологический тип [КА ТГУ, список № 202]. Погребения датируются VI–V вв. до н. э., на что указывает целая серия аналогий по предметам.

Кельт (1 экз.) бронзовый, клиновидный, с двумя ушками у края втулки, усиленной широкой муфтой. Устье втулки прямоугольное в сечении с закругленными углами. При отливке клин, формировавший втулку, крепился с двух противоположных широких сторон двумя выступами шипами. Лезвие слегка расширенное, выпуклое, в сечении симметричное. Орудие средних размеров 12,5×6,5×3,5 (см. рис. 54, 1), найдено в женском погребении № 3.

Данный предмет сопоставляется с тагарскими кельтами-топорами IV типа, который выделен М. П. Грязновым [1941, с. 258, 259, табл. VI, 6] в основном по случайным находкам. Известны они с раннетагарского времени, один найден, например, в могиле 3 кургана 4 могильника Каменка–1 [Членова, 1997, с. 75, рис. 29, 3], датированной VIII в. до н.э. [Марсадилов, 2015, с. 17]. Были ли такие кельты предметами с узкой датировкой для тагарской культуры Минусинской котловины пока неясно. Для Канского района их появление связывают с поздними периодами распространения тагарских бронз и датируют IV–III вв. до н. э. [Генералов, Дзюбас, с. 141].

Данный вариант кельта отличается от двуушковых шестиугольных в сечении кельтов, распространенных в тагарское среде, а также топоров из Красноярского и Канского лесостепных районов, ушки которых выполнены в виде головок птиц. Очевидно, он является продолжением их развития. Аналогичные по оформлению кельты с гладкой поверхностью, муфтой у края втулки и ушками в виде петли широк известны и в районах распространения тагарской культуры. Один такой кельт из меди, но удлиненных пропорций с прямым зауженным лезвием происходит из Нижнего Абакана из коллекции В. В. Радлова [Грязнов, 1941, с. 259, табл. VI, 6]. Близкие и небольшие по

размерам бронзовые кельт-топор и кельт-мотыга с расширяющимися секирообразными лезвиями известны в коллекции Лопатина (№ 125 и 81) [Радлов, 1902, с. 18, табл. III, 1, с. 31, табл. V, 8]. Они были найдены около с. Ужур и д. Изыкгуль Ужурской волости. Еще один подобный кельт с узким лезвием из коллекции Лопатина (№ 34) найден в Минусинском округе, в сопредельных Ачинскому округу краях [Радлов, 1902, с. 22, табл. IV, 1а, б]. Аналогичные кельты с сужающимся лезвием были обнаружены в Канском районе: на заимке Петухова в 1924 г. [Генералов, Дзюбас, 1995, с. 139, рис. 4, 1]; в с. Анцирь в 1924 г. [Генералов, Дзюбас, 1995, с. 139, рис. 4, 2]; без привязки к местности [Генералов, Дзюбас, 1995, с. 139, рис. 4, 3];

Схожие по форме кельты также были распространены достаточно широко: на Среднем Енисее [ККМ, кол. 74 – 35; 118 – 138; 122 – 660; 211 – 495, 547; 131 – 202, 687, 752; 546], в Ачинско-Мариинской лесостепи [ККМ, кол. 211 – 543; МАЭЮС, кол. 27 – 115; Мартынова, 1977, с. 220–221; Мартынов и др., 1971], в лесостепном Приобье [Грязнов, 1956, с. 88; Папин, Шамшин, 2005, с. 32–34, рис. 10, 2]. Двуушковые кельты с муфтой отмечены в Есаульском [Николаев, 1961, с. 280, рис. 1, 1] и Брагинском кладах [Киселев, 1951, с. 259]. Имеются они и среди сборов у сел Торгашино, Ладейское [Мартынов, 1979, с. 43] и Базаиха [ККМ, кол. 27 – 5] близ г. Красноярска. В таежной зоне Средней Сибири этот тип кельтов, кроме указанного случая на усть-шилкинском могильнике, отмечен на стоянке Чадобец на р. Ангаре [ККМ, кол. № 120 – 1].

Представленные орудия по форме и наличию ушков у края втулки правомерно считать продолжением развития поясковых кельтов карасукского типа и сопоставлять с экземплярами, имеющими два ушка и тонкий валик по краю втулки. Последние встречены в хорошо датированных комплексах VIII–V вв. до н. э. не только на территории Сибири, но и за ее пределами [Кузьмина, 1966, с. 21; Членова, 1994, с. 71–72; Иванов Г. Е., 1995, с. 21; Папин, Шамшин, 2005, с. 32–33; Тишкин, Фролов, 2015, с. 172–174, рис. 1, 2]. С учетом аналогий и тенденции расселения тагарских племен с юга

на север, на территории южнотаежной зоны Среднего Енисея двуушковые кельты с широкой муфтой могут быть датированы не ранее V в. до н. э.

Ножи (3 экз.) бронзовые полноразмерные. Они также сопоставляются с аналогичными изделиями тагарской культуры, поэтому при их классификации мы придерживаемся схемы А. И. Мартынова, разработанной для лесостепной тагарской культуры, так как она создана с учетом более ранних типологий бронзовых ножей Минусинских степей С. В. Киселёва [1951, с. 192–221] и Н. Л. Членовой [1968, с. 166–192].

Тип 1 – прямолезвийные однодырчатые ножи с выделенной ручкой (2 экз.) происходят из погребения № 2 (см. рис. 52, 1, 2). Они массивны. Прямое лезвие отделено от рукояти уступом. Вокруг круглого отверстия на рукояти каждого ножа нанесены выбитые спиралевидные линии. Размеры целого экземпляра 21,5×1,6 см при толщине 0,4 см. Длина рукояти – 7 см. У второго ножа обломано лезвие.

Аналогичный нож, у которого вокруг сквозного отверстия прорезанными линиями оформлен знак в виде кольца с перегородкой, найден в районе п. Черёмушки г. Красноярска [ККМ, кол. № 274/7248]. Такие массивные ножи А. И. Мартынов датирует древнее V в. до н. э. [1979, с. 38]. Для Минусинской котловины Н. Л. Членова определяет время их бытования VII–V вв. до н. э. [1967, с. 170–171], что не противоречит выводам С. В. Киселева [1951, с. 210]. Для периферийного северного района тагарской культуры появление таких ножей может относиться к концу обозначенного интервала, т. е. не ранее VI–V вв. до н. э.

Тип 2 – прямолезвийный петельный нож без выделенной рукоятки (1 экз.) отмечен в погребении № 3 (см. рис. 54, 3). Ручка прямая, овальная, имеет отверстие каплевидной формы. Размеры ножа 12,4×1,4 см.

Значительное количество таких прямолезвийных ножей обнаружено в памятниках тагарской и большереченской культур VI–I в. до н. э. [Грязнов, 1956, табл. XXIV, 2, 5, 6; Членова, 1967, с. 180; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 33], в Томском Приобье в V–III вв. до н. э. [Плетнева, 1977, с. 35,

рис. 3, 4, 5]. А. И. Мартынов отмечает их присутствие и в погребальных комплексах II–I вв. до н.э., например, Серебряковского и Тисульского могильников [1972, табл. 40, 7 и др.; 1979, с. 39–40; Мартынов, Бобров, 1971, табл. 2, 6, 7, 103, 105]. Известны прямолезвийные петельные ножи и под Красноярском среди случайных находок из Торгашино, Ладеек [ККМ, кол. 111 – 39] и других мест лесостепных районов [Радлов, 1988, табл. I, 25, 26]. Отмечаются они и на памятниках таежной зоны, на нижнем Енисее [Баташев, Макаров, 2000, с. 34] в Северном Приангарье [Герман и др., 2012, с. 441]. Таким образом, данный тип ножей был распространен в Саяно-Алтайской горной области и прилегающих к ней территориях в VI–I вв. до н. э. Судя по тому, что петельные бронзовые ножи появляются в районе Красноярской лесостепи с тагарскими курганами не ранее VI–V вв. до н. э. [Мандрыка, 1998, с. 21; Герман, 2008, с. 18], то их появление в южной тайге Среднего Енисея, примыкающей к лесостепи с севера, также могло произойти в это время. В подтверждение такой датировки выступают и большие размеры изделий, которые к концу скифской эпохи значительно уменьшаются.

Шилья-проколки (2 экз.) бронзовые с четырехгранным острием, круглой в сечении шейкой и грибовидной шляпкой. Одно шило из погребения № 2 имеет длину 14,7 см (см. рис. 52, 3). У этого шила круглая грибовидная шляпка и округлая рукоять, доходящая до половины длины изделия (подтип А). Второе шило длиной 14 см из погребения № 3 (см. рис. 54, 2) имеет кубовидную шляпку и коротенькую шейку (подтип Б).

Представленные шилья сопоставляются с такими же орудиями из тагарских памятников Минусинской котловины, Ачинско-Мариинского района и Томского Приобья и датируются в широком диапазоне VII–III вв. до н. э. [Мартынов, 1972, табл. 27, 22; 39, 4; 178, 9; Мартынов, 1973, табл. 28, 5; 29, 7; Плетнева, 1977, рис. 12, 8; Членова, 1992, с. 213, табл. 86, 32; 1994, с. 71]. Аналогичное изделие найдено в Торгашинском кладе, который относится к I стадии тагарской культуры (VII–V вв. до н. э.)

[Киселев, 1951, с. 228]. Из таежной зоны долины Енисея известно еще одно аналогичное шило, которое найдено на стоянке Ильинка севернее г. Енисейска [Баташев, Макаров, 2000, с. 34]. Очевидно, VI–V вв. до н. э. следует датировать шилья из погребений усть-шилкинского могильника.

Игла (1 экз.) бронзовая с петлеобразным ушком, найдена в погребении № 2 (рис. 52, 5). Ее длина 5,8 см, толщина подквадратного в сечении изделия – 1 мм. Верхний конец иглы раскован в тонкую заостренную проволоку и загнут к расплюснутому основанию стержня. Аналогичные петельчатые иглы отмечены среди материалов большереченской культуры и датируются там VIII–VI вв. до н. э. [Грязнов, 1956, с. 79, табл. XV, 28; XVIII, 12,13]. Известны они и в кладе из квадрата Ц–16 могильника у д. Ростовка близ Омска [Матющенко, Синицына, 1988, с. 124, рис. 89, 7–10; Матющенко, Ложникова, 1969, с. 26, табл. 16, 5–10]. Судя по материалам могильника Обские Плесы–II, такая игла носилась в прическе и могла использоваться в качестве булавки [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 111, рис. 11, 10]. Таким образом, описанная нами игла может быть датирована VI–V вв. до н. э.

К украшениям отнесены бляшки с петелькой, пронизки, подвески, височное кольцо (?) и ожерелья.

Объемная бляшка с петелькой в форме четырехлепестковой розетки из пяти полусфер происходит из погребения № 3 (см. рис. 54, 5). Ее размеры 2,6×2,7 см. Могла использоваться в качестве пряжки пояса, так как в могиле размещалась в области таза, а в петельке сохранились фрагменты кожаного ремешка шириной 0,6 см.

Такие бляшки получили распространение с VI в. до н. э. Известны они в Томском Приобье, например, в Степановской коллекции, на поселении Шеломок, в Савинском курганном могильнике [Плетнева, 1977, с. 82, рис. 29, 7, 7–9; Плетнева, Гатман, 1994, с. 123–124; Плетнева, 2013, с. 102], на Карбинском городище [Яковлев, 1991]. Отмечены они также на Алтае [Завитухина, 1966, с. 52, рис. 1, б]. Аналогичные бляхи известны из погребальных комплексов VI–V вв. до н. э. староалейской культуры

Барнаульско-Бийского Приобья – в могильниках Обские Плесы 2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 101, рис. 15, 1, 2], МГК 1, Староалейка 2 и других [Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 134, рис. 6, 6; Фролов, 1999, рис. 1, 23; Фролов, 2004, с. 43, рис. 1, 24–33; Фролов, 2008, рис. 147, 24, 28, 29, 34]. На Нижней Ангаре аналогичные бляшки найдены на культовых комплексах Каменка I [Заика, 1999, с. 15, табл. 2, 3] и Усть-Тасеева. Основной материал последнего, по мнению авторов публикации, был оставлен в IV–I вв. до н. э. [Дроздов и др., 2011, с. 81, рис. VI, 4; Гревцов, 2013, с. 100, рис. 14]. В материалах IV–II вв. до н. э. курганного могильника Быстровка–1 большереченской культуры такие бляшки более массивны [Троицкая, 1983, с. 35, рис. 2, 17; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 32, табл. XXXIV, 14]. Близкие по форме вещи найдены на севере Барабинской лесостепи – в погребении 1 кургана 5 могильника Новочекино–2, датированного IV в. до н. э. [Полосьмак, 1987, с. 82, рис. 60, 2], а также в лесостепном Притоболье – в кургане 6 Шмаковского могильника [Генинг, 1993, с. 93–94, рис. 7, 10]. Изделия такой формы и с петельчатым креплением известны по памятникам скифского времени на среднем Дону [Либеров, 1965, табл. 23, 37, 38]. Таким образом, бытование усть-шилкинской четырехлепестковой бляшки укладывается в хронологические рамки VI–III вв. до н. э.

Пронизки (4 экз.) бронзовые, отмечены в обоих погребениях. В погребении № 2 обнаружены в районе таза и могли украшать концы тонкого поясного ремня. В погребении № 3 размещались в районе груди, среди бус, т. е. могли украшать ремни нагрудника или головного убора.

Различаются пронизки способом изготовления и формой.

Тип 1 (1 шт.) – литая одинарная, боченкообразная. Происходит из погребения № 2 (см. рис. 52, 10). Размеры: диаметр 1 см, длина 1 см.

Тип 2 (1 шт.) – литая двойная, боченкообразная. Происходит из того же погребения (см. рис. 52, 9). Размеры: диаметр 0,7 см, длина 1,9 см.

Тип 3 (2 шт.) – свернутые из листа бронзы, круглые. Отмечены в погребении № 3 (см. рис. 54, 7). Размеры: диаметр 0,5 и 1,4 см, длина 0,6 см.

У кочевников Барнаульского Приобья подобные пронизки, как правило, входили в состав раннескифских сбруйных наборов и датируются не ранее второй половины – середины VII вв. до н. э. и не позднее середины – второй половины VI в. до н. э. Они также служили украшением портупейных ремешков поясов, ремней узды и нагрудника. Уже с середины VI в. до н. э. от Поволжья и Южного Урала до Тувы ремешки конского снаряжения украшаются полукруглыми бронзовыми пронизками, уплощенными с одной стороны и приспособленными под плоский ремень [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 72; Уманский и др., 2005, с. 49].

Боченковидные пронизки (бусы) из бронзы известны в ряде погребений Нижнего Приангарья. Часть их отлита из бронзы, часть – вырезана из минерала [Фокин, 2013а; Адамов, 2015, с. 23, рис. 3].

На основании этого можно считать, что усть-шилкинские пронизки датируются в интервале VI–V вв. до н. э.

Колоколовидная бронзовая подвеска из погребения № 2 (см. рис. 52, б) представляет собой полый конусовидный предмет. Сверху имеется подтреугольное колечко для подвешивания. Шейка подвески оформлена двумя горизонтальными валиками. Высота подвески – 4 см. Диаметр устья – 1,6 см. Толщина края устья – 0,1 см.

Подобные бронзовые подвески, но с расширенным округлым колоколом, зафиксированы на Старом мусульманском кладбище в г. Томске, в Степановской коллекции [Плетнева, 1977, с. 41, 79–80, рис. 22, 2; 26, 16]. Имеются подобные подвески и в материалах большереченской культуры (мог. Быстровка, кург. 12, мог. 4; мог. Новосибирск), где они датируются V–IV вв. до н. э. [Троицкая, 1983, с. 35, рис. 2, 19; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 32, табл. XXXIV, 12; L, 14]. Небольшая выборка аналогичных предметов отмечена в погребальных комплексах староалейской культуры, где датируется V–IV и IV–III вв. до н. э. [Киреев, 1992, с. 45, 184, рис. 3, 6, 4 – 11; Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 113, рис. 15, 3, 4]. Подобная подвеска встречена в насыпи кургана 5 могильника Новочекино–2 в Барабинской

лесостепи, который датируется IV в. до н. э. [Полосьмак, 1987, с. 82, рис. 58, 2]. Имеются они и на территории Тувы среди материалов позднего этапа (V–III вв. до н. э.) уюкской культуры [Кызласов, 1979, с. 33, табл. II, 32]. Таким образом, представленную подвеску можно датировать в пределах VI–IV вв. до н. э. Некоторые исследователи считают аналогичные «колоколовидные» подвески женскими амулетами, посвященными «Великой богине-матери всего сущего» – культу, который имеет переднеазиатское происхождение [Грач, 1980, с. 66–69]. В Туве, в саглыньских памятниках и алдыбельской культуре такие подвески находятся в детских или женских(девичьих) погребениях. Там они залегают в районе пояса небольшой серией, реже по одной [Мачинский, Чугунов, 1998, с. 185, рис. 1, 16, 17]. Напомним, что на усть-шилкинском могильнике колоколовидная подвеска также отмечена в женском погребении.

Плоская бронзовая подвеска в форме клюва происходит из того же погребения, что и вышеописанная (см. рис. 52, 7). Имеет подтреугольную форму с завернутым одним углом, в котором проделано отверстие диаметром 0,5 см. Сверху оформлена кольцевидной петлей. Вся плоскость изделия покрыта 20 круглыми отверстиями диаметром 0,2 см и расположенными рядами. В них, в центральной части изделия, сохранился продернутый кожаный ремешок. Размеры подвески 3,1×5,5 см.

Аналогичные подвески зафиксированы в I Башадарском кургане на Алтае, который С. И. Руденко датирует второй половиной IV или началом III в. до н. э. Подобные вещи имеют место в коллекциях Минусинского музея [ММ, № 8494] и Эрмитажа [ГЭ, № 5531, 1425]. Н. Л. Членова отмечает появление таких подвесок в Минусинской котловине с V в. до н. э. [Членова, 1967, с. 138, 149, табл. 34, 11]. Таким же временем следует датировать подвеску и из усть-шилкинского погребения.

Височное кольцо из железа. Определено условно по расположению возле правого виска черепа в погребении № 3 (см. рис. 54, б). Представляет

собой овальное кольцо, изготовленное из полуовального в сечении прута толщиной 0,4 см. Гипотетический размер 2×2,5 см.

По внешнему облику изделие можно сравнить с кольчатыми пронизками раннескифского времени, которые служили украшением ремней. Датировка изделия определяется набором сопутствующего инвентаря этого погребения, т. е. VI–V вв. до н.э.

Ожерелья. Можно реконструировать один вариант, зафиксированный в погребении № 3 по расположению бусин-пронизок под подбородком в районе шеи. Бусы располагались тремя нитями, на которые были нанизаны пастовые, каменные и бронзовые бусины-пронизки.

К бусам-пронизкам относятся предметы, имеющие тонкое сквозное отверстие для нанизывания вещи на нить. Они использовались для украшения груди, пояса и других частей одежды.

Классификация бус по группам проводится по материалу, отделы выделены по способу изготовления, типы – на основе формы предмета, подтипы – по отдельным деталям формы или размерам.

Группа I – стеклянные бусы. Единственная бусина из стекла бирюзового цвета найдена в погребении № 3 (см. рис. 54, 8). Она вырезана в форме диска размерами: диаметр 1,2 см, толщина 0,3–0,4 см. Диаметр отверстия 0,4 см предполагает ношение ее на толстом шнуре.

Группа II – пастовые бусы-пронизки. Изготавливались, возможно, заливкой смеси, состоящей из костного порошка с каким-то клеем. Как правило, они входили в состав ожерелья. Некоторые пронизки из описанного выше ожерелья были разукрашены краской, которая очень плохо сохранилась. Выделяются два типа.

Тип 1 (15 шт.). Цилиндрические бусы (см. рис. 54, 9, 11) происходят из погребения № 3 усть-шилкинского могильника. Размеры пронизок: диаметр 0,6 см, длина от 0,7 до 3,0 см. Такая же пронизка найдена и в межмогильном пространстве Нижнепорожинского могильника.

Тип 2 (7 шт.). Бусы с раздутым телом обнаружены только в погребении № 3 (см. рис. 54, 10). Их размеры: диаметр 0,5–1,2 см, длина 1,5–02 см.

Пастовые бусы-пронизки цилиндрической формы известны в Южной Сибири с андроновского времени, поэтому они не могут выступать в качестве датирующих предметов [Киселев, 1949, с. 132; Новгородова, 1970, с. 133; Мартынов и др., 1971, с. 84, рис. 54, 7]. Но наиболее близки по размерам бусы раннетагарского времени [Александров, Паульс, Подольский, 2001, с. 40, рис. 13, 13].

Группа III – каменные бусы-пронизки. Отделы целесообразнее выделить по породам камня, так как технологическая обработка их, возможно, была различной.

Отдел А. Из серпентинита (змеевика).

Тип 1 (1 шт.). Цилиндрическая, средней длины 1,1 см и диаметром 0,6 см. Отмечена в погребении № 3.

Бусы из змеевика отмечаются с неолитического времени на всей территории Сибири. Известны они и в тагарской культуре [Киселев, 1949, с. 132]. С. В. Киселев предположил, что происхождение этих бус связано с районами Прибайкалья, хотя они могут иметь и местные корни, где отмечаются залежи серпентинита.

Отдел Б. Из агамальтолита. Происходят из погребения № 3.

Тип 1 (1 экз.). Цилиндрическая круглая. Ее размеры: длина 1,2 см при диаметре трубочки 0,5 см. Диаметр внутреннего отверстия – 0,1 см.

Тип 2 (1 экз.). Цилиндрическая потреугольная в сечении, края косо срезаны. Размеры: длина 0,6–0,9 см, толщина 0,4 см. Диаметр внутреннего отверстия 0,2 см.

Отдел В. Из халцедона (1 шт.). Бусина битрапещевидной формы (см. рис. 54, 12). Размер 0,5×0,6 см. Внутреннее отверстие конической формы. Найдена в погребении № 3.

Группа IV – костяные бусы.

Отдел А. Из трубчатой кости.

Тип 1 (4 шт.). Цилиндрические мелкие. Подтип А (3 экз.). Длинные. Бусы-пронизки. Длина 1,0 см, диаметр 0,4 см. Зафиксированы в погребении № 2 усть-шилкинского могильника. Подтип Б (1 экз.). Короткие. Бисер. Длина 0,3–0,5 см, диаметр 0,3–0,4 см. Отмечены в погребении № 3.

Отдел Б. Подвески из зубов и клыков животных.

Тип 1 (5 шт.). Подвески из зубов северного оленя (см. рис. 52, 11–15). Происходят из погребения № 2. Они составляли одно украшение и размещались в кисти левой руки женщины.

Украшения из зубов животных в погребениях характерны прежде всего для народов, у которых охота занимала большое место в хозяйственной жизни. Важно отметить, что это ожерелье размещалось в одной руке вместе с бронзовыми колоколовидной подвеской и плоской дырчатой подвеской в форме клюва. Скорее всего, они составляли один набор ритуальных предметов. Аналогичный случай отмечен в материалах староалейской культуры Барнаульского Приобья. Там в могиле 17 могильника Обские Плесы 2 в один набор, который размещался, видимо, в мешочке, на поясе женщины, входили две колоколовидные подвески, подвеска в виде водоплавающей птицы и четырехлепестковая бляха без петельки [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 113]. Все эти предметы аналогичны усть-шилкинским вещам.

Для определения культурной принадлежности этой группы погребений большое значение имеет наличие керамики, зафиксированной возле могилы № 3 усть-шилкинского могильника. Фрагменты сосуда отмечены на краю могильной ямы с юго-западной стороны, т. е. со стороны головы погребенного. Достоверность их связи с могилой подтверждается тем, что они склеиваются между собой в один блок, а на всей остальной вскрытой площади памятника не найдено ни одного дополнительного черепка.

Восстановился крупный блок половины сосуда баночной формы без орнамента (см. рис. 54, 4). Венчик утолщен с внутренней стороны и имеет каплевидную форму сечения. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, в

которую в качестве отошителя вводилась дресва и органический раствор. Формообразование проводилось выбиванием стенок колотушкой, оставляющей «вафельные» оттиски. Размеры каждой ячейки 0,5×0,5 см. С внутренней стороны под точку удара подкладывался твердый уплощенный предмет. Верхняя половина сосуда с внешней стороны заглаживалась, возможно, мягкой шкурой. От этого оттиски технического декора выглядят размытыми. Высокотемпературный обжиг сосуда производился на костре. Черепки имеют светло-коричневый цвет. На внутренней стороне стенок следы нагара отсутствуют. Диаметр сосуда по венчику составляет 15 см, гипотетическая высота – 15 см. Толщина стенок у края – 0,3–0,8 см, в зонах тулова и дна – 0,4 см.

По способу формовки, обработки поверхности и каплевидному сечению венчика данный сосуд сопоставляется с керамикой нижнепорожинского типа (рис. 52 – 1). Вместе с этим необходимо иметь в виду, что прием выбивания «вафельной» колотушкой более широко использовался в районе исследования в конце бронзового века. По этому признаку формовку данного сосуда следует связывать с керамической традицией культуры местного населения.

В решении вопроса о культурной принадлежности данной (I) группы погребений помогает детали обряда, некоторые элементы которого мы находим на памятниках сопредельных территорий.

На усть-шилкинском могильнике погребения, выполненные в обряде трупоположения, располагались друг от друга на значительном расстоянии (10 м). В каждой грунтовой овальной могиле глубиной 20–24 см покоился один костяк взрослой женщины, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на ЮЮЗ. Хоронили в верхней одежде и сопровождали повседневными предметами, которые размещали либо на поясе (погребение № 3), либо в «мешке» с правой стороны от головы. В состав орудейного набора обязательно входили нож и шило, иногда игла и кельт. Одежда подпоясывалась тонким поясом. В одном погребении (№ 3) в районе шеи

отмечено ожерелье, состоящее из трех рядов каменных и пастовых бус. Здесь же зафиксирован обломок железного височного (?) кольца и стеклянная бусина, возможно, украшавшая серьгу.

Представленный погребальный обряд в ближайшем к району исследования окружении полных аналогов не находит. Истоки такого погребального обряда не прослеживаются и среди известных культур бронзового века таежной полосы. В целом он близок к обрядности культур сакского круга юга Западной Сибири и Казахстана, где, возможно, лежат его истоки. Сопоставим он с погребальным обрядом, который в отдельных деталях проявляется в кежировской (шеломокской) [Плетнева, 1977, с. 90–91; 2001, с. 300–301], новочекинской [Полосьмак, 1987, с. 104–108] и староалейской культуре, т. е. в могильниках, расположенных к западу от района настоящего исследования, в южнотаежных районах Западной Сибири и прилежащих к ним лесостепных районах. Наибольшее сходство прослеживается с памятниками равнинного Алтая в материалах староалейской культуры, выделенной в Барнаульско-Бийском Приобье [Абдулганеев, Кунгуров, Фролов, 1994; Ведянин, Кунгуров, 1996; Кирюшин, Кунгуров, 1996; Фролов, 1999; 2008].

На ранних могильниках староалейской культуры так же, как и на усть-шилкинском могильнике, погребения грунтовые, преимущественно одиночные, размещались рядами, ориентированными по линии ЮЗ–СВ. В неглубоких могилах умерших укладывали вытянуто на спине головой на ЮЗ. Распространенной находкой здесь являлись бронзовые бляхи из полусфер, в том числе и «крестовидные», которые входили как в поясные наборы, так и носились на одежде отдельно. Стоит отметить, что пояса носили женщины. Вместе с ними были распространены бронзовые колоколовидные подвески. Типичным украшением в женских могилах считаются ожерелья из пастовых и нефритовых бус. Тождественен со староалейским и набор ритуальных предметов, помещенных в кисть одного усть-шилкинского костяка.

Вместе с алтайским влиянием материалы первой группы погребений усть-шилкинского могильника позволяют отметить некоторые элементы, перенятые от кочевников скифского мира Саяно-Алтая. Предметный комплекс находит определенную близость с инвентарем тагарских курганов. К ним относятся двуушковый кельт минусинского типа, петельчатый и однодырчатые ножи с резными спиральными линиями, шилья с грибовидной шляпкой и выделенной шейкой. Типично тагарским элементом можно считать и помещение ножа, шила и иглы возле головы погребенного в специальном мешке, как это отмечено в погребении № 2. Необходимо отметить, что здесь тагарский элемент сочетается со староалейским.

Вместе с тем отдельные детали отмеченного погребального обряда проявляются в таежных районах восточнее Енисея, на берегах Ангары, среди материалов, объединенных в цэпаньскую культуру (табл. 11). С усть-шилкинскими погребениями первой группы можно сопоставить погребение № 6 могильника Отико [Привалихин, 1989а, с. 190; 1993, с. 10], которое выполнено в обряде трупоположения без надмогильной кладки. Так же, как и усть-шилкинские, оно устраивалось в грунтовой яме овальной формы, а костяк был ориентирован головой в южную сторону. Сближает эти погребения и наличие окатанного камня в могилах, причем на Отике, по мнению автора раскопок, им был проломлен череп [Привалихин, 1989, с. 193]. На этом сходство погребения на Отике с усть-шилкинскими заканчивается. Отличаются они и набором погребального инвентаря.

Таким образом, материалы первой группы погребений указывают на то, что она сложилась на местной основе предшествующего времени, в результате тагарского влияния и прочных контактов с лесостепным Алтаем и степями Минусинской котловины. Носители этой погребальной обрядности поддерживали связи с кочевниками сакского круга юга Западной Сибири и Казахстана, а также с южнотаежными племенами Приобья и Северного Приангарья.

Вторая группа. Труположения без обожжения с надмогильным сооружением. Они изучены по двум погребениям Нижнепорожинского могильника (см. рис. 59). По устройству могил и положению костяка они близки предшествующей группе погребений с труположениями без надмогильных сооружений. Несколько иные размеры ямы: длиной 160–167 см и глубиной 26–68 см. Иная ориентация костяков головой на ЮВ. Поскольку отмеченные погребения перекрыты одной каменной кладкой овальной формы, а женщина была подхоронена к мужчине, то можно считать этот комплекс состоит из соседских погребений. Лопатообразность резцов мужского костяка указывает на монголоидный признак погребенного человека [Список № 202 КА ТГУ].

Погребения датируются VI–V вв. до н. э. по сопровождающим бронзовым предметам.

Кельт (1 экз.) клиновидный бронзовый, с двумя ушками у края прямоугольной втулки с муфтой. Аналогичен такому же орудию из предыдущей группы погребений и отличается от него меньшим размером 9,3×5,0×3,2 см (см. рис. 59, 1). Орудие, очевидно, входило в набор мужчины.

Наконечник стрелы (1 экз.) также, очевидно, входил в набор мужского погребения. Наконечник трехлопастной, черешковый, с треугольным пером и ярко выраженными шипами (см. рис. 59, 4). У него «срезанный» уплощенный черешок. Длина изделия – 5,9 см, длина черешка – 2,6 см.

Аналогичные наконечники характерны для азиатского ареала распространения скифской культуры [Степная ..., 1992, табл. 4, 1; 32, 7; 37, 19; 52, 45; 56, 38; 75, 11; 84, 11]. Такие наконечники стрел по классификации Н. Л. Членовой относятся к типу А/III и датируются VII–VI вв. до н. э. [1967, с. 41–43, табл. 12, 13, 28]. Подобные наконечники известны не только в Минусинской котловине, но и на смежных территориях. На Ангаре они встречены в материалах цэпаньской культуры [Привалихин, 1987, с. 94; он же, 1989, с. 193]. Имеются они и в Степановской коллекции из Томского Приобья [Плетнева, 1977, с. 69; Плетнева, 2014, с. 183], в материалах

переходного от бронзы к железу периода Алтайского Приобья [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, рис. 4, 4–6] и большереченской культуры лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 35, табл. XIII, 3; XXII, 13]. Известны такие наконечники и в Туве, в комплексах с конца VII в. до н. э. до III в. до н. э. [Чугунов, 2004, с. 29; Кызласов, 1979, с. 66, рис. 50, 1], а также в плиточных могилах Забайкалья [Цыбиктаров, 1998, рис. 64, 1–3]. На территории Средней Азии и Казахстана аналогичные наконечники со сплюснутым на конце черешком встречаются в комплексах, датированных в пределах VII–VI вв. до н. э. [Яблонский, 2004, с. 49]. Таким образом, представленный наконечник стрелы из нижнепорожинского могильника датируется в интервале VII–III вв. до н. э.

Ножи (2 экз.) бронзовые полноразмерные прямолезвийные. Найдены в обоих погребениях могильника.

Однопетельный нож с выделенной ручкой являлся единственным предметом, зафиксированным в женском погребении № 2 Нижнепорожинского могильника (см. рис. 59, б). Лезвие ножа короткое, возможно, сильно сработано. Оно прямое и отделено от рукояти уступом. Навершие рукояти оформлено широкой каплевидной петлёй, от которой отходит вниз узкий желобок. Длина ножа – 10,8 см. Длина лезвия – 4 см. Ширина лезвия – 1,3 см, а петли – 2 см. Этот нож находился в кожаных ножнах, которые закрывали лезвие и рукоять. Кусок кожи сворачивался таким образом, что со стороны лезвия он был разрезан.

По форме навершия орудие сопоставляется с ножом из погребения № 3 усть-шилжинского могильника и можно считать, что продолжает традиции VI–V вв. до н.э. Ножи такого типа встречаются в комплексах тагарской культуры с VI в. до н. э. и наиболее характерны для этого и более позднего времени [Мартынов, 1979, с. 38; Членова, 1968, с. 181]. Не противоречит такой датировке и наличие кожаных ножен на этом ноже, которые широко использовались в скифское время на территории Сибири. В качестве аналогов можно привести подобные находки из могильника Обские Плесы 2

на равнинном Алтае [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 111] и Уламгомского могильника V–III вв. до н. э. на границе Тувы с Монголией [Новгородова, 1989, с. 260, рис. 5].

Однодырчатый нож без выделенного лезвия, очевидно, связан с погребением мужчины (см. рис. 59, 2). Нож имеет прямоугольное окончание рукояти с отверстием треугольной формы. На одной стороне ручки под отверстием высечен контурный знак в форме «копыта». Размеры ножа 12,7×1,4 см.

Такой тип ножей получил широкое распространение в лесостепных районах на всем протяжении тагарского времени. Ближайшим аналогом можно отметить нож из случайных сборов у с. Торгашино [ККМ, кол. 184] под Красноярском. А. И. Мартынов отмечает их существование вплоть до II–I вв. до н. э. [Мартынов, 1979, с. 40].

Определенный интерес вызывает наличие высеченного знака в форме «следа копыта лошади». Орнамент в форме «следа копыта» встречается на достаточно обширной территории, от Кавказа до Восточной Сибири, на псалях, подпружных пряжках, бляхах, кельтах, ножах и других изделиях, которые датируются в рамках VII–V вв. до н. э. [Членова, 1999; Ненаханов, 2012, с. 256].

Высеченный орнамент в виде углубленных бороздок встречается и на лезвиях дырчатых ножей, на клиновидных кельтах, серпах на всем протяжении тагарской культуры [Киселев, 1951, с. 197, табл. 2; Гришин, 1960, с. 148–150]. Ю. С. Гришин связывает насечённые изображения «следа копыта» на бронзовых изделиях Минусинской котловины и Красноярского района с тагарской орнаментикой [1960, с. 178–179]. Распространение гравированных изображений животных и рыб на тагарских предметах Н. Л. Членова определяет влиянием тайги на тагарское искусство [1967, с. 134–135].

Скорее всего, появление высеченного орнамента на представленных бронзовых ножах необходимо связывать с тагарским влиянием из

лесостепного красноярского района, так как в глубокой тайге он неизвестен. Нанесение же копытообразных знаков, очевидно, связано с подражанием подлитые линейно-углубленные изображения на тагарских изделиях, в том числе и ножах, что уже отмечал Ю. С. Гришин [1960, с. 178]. Следует отметить, что большинство ножей с копытообразным знаком на месте перекрестья происходят из района Красноярска и северной части Минусинской котловины [Членова, 1967, с. 168]. Необходимо напомнить о наличии насеченной спиралевидной линии и на ноже из погребения № 2 усть-шилкинского могильника, который относится к VI–V вв. до н. э. Видимо, прочерченный орнамент на бронзовых изделиях – это характерная черта южных окраин тайги и лесостепных районов.

Шилья-сверла (2 экз.) бронзовые однотипные, входят в инвентарь мужского захоронения. Изделия четырехгранные в сечении, без навершия, с полукруглым тупым (подтип А) и уплощенным (подтип Б) окончанием. Их длина 5,2 и 9,0 см (см. рис. 59, 3, 5).

Четырехгранные шилья имеют широкий хронологический диапазон бытования и поэтому не могут быть использованы в качестве датирующих предметов. Они известны и в памятниках конца II – середины I тыс. до н. э. Аналогичные изделия отмечаются, например, в жилищах переходного от бронзы к железу времени городища Чича [Чича ..., 2004, с. 275], в большереченской культуре [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 33, табл. III, 12] и среди материалов клада в квадрате Ц–16 могильника Ростовка близ г. Омска [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 101, рис. 89, 12, 13]. Известны они в Минусинской [ККМ, кол. 131 – 658] и в Кузнецкой котловинах [Эрдниев, 1960, табл. III, 9].

В целом предметный набор этой группы погребений близок инвентарю первой группы и дополняет его. Также близки они и по устройству могил и положению костяка. Как мы отмечали, отличаются они размерами ям, ориентировкой костяков, но самое главное, наличием каменной кладки. Надмогильная кладки из плит – это восточносибирская таежная традиция,

которая известна по памятникам Прибайкалья с неолитического времени [Окладников, 1950]. Ее первоначальную форму на Нижнепорожинском могильнике представить трудно, так как она была разобрана еще в древности.

В восточносибирских таежных районах каменная кладка над погребениями продолжает сооружаться и в раннем железном веке. Зафиксирована она, например, над погребениями № 7 могильника Отико и № 2 могильника Сосновый Мыс–2, отнесенными к цэпаньской культуре [Привалихин, 1993, с. 11–12]. Следует отметить, что над могилой на Сосновом Мысу–2, так же как и над нижнепорожинскими могилами, кладки выглядели как скопление крупных камней и валунов, образующих разомкнутую цепочку, вытянутую с юга на север. Близки эти погребения и устройством овальной грунтовой ямы, размещением в ней костяка в вытянутом положении на спине, а также их ориентацией головой в южную сторону. Сходство деталей погребального обряда указывает на общие корни мировоззрения населения енисейских и ангарских берегов. Вместе с этим инвентарь нижнепорожинских и ангарских погребений не сопоставляется между собой, что указывает на различную их культурную принадлежность.

Таким образом, погребения, выполненные в обряде трупоположения и сопровождаемые каменной надмогильной кладкой, оставлены группой населения, которая, как и предыдущая, продолжала развитие местной культуры, испытавшей существенное влияние со стороны тагарской. Вместе с этим необходимо отметить, что в формировании погребальной обрядности большое значение имели древние еще неолитические традиции охотников и собирателей из восточносибирской тайги.

В третью группу погребальных комплексов раннего железного века района исследования следует включить вторичное захоронение², которое устраивалось в небольшой овальной яме, размерами 70×90 и глубиной до 12 см. В яму помещались разрозненные кости человека, возможно, как

---

² Под вторичным погребением понимается результат перезахоронения человеческих останков в любом их состоянии после первичного или «временного» погребения [Зайцева, 2001, с. 96-98; 2005, с. 9].

следствие перезахоронения. Эта могила № 6 занимает центральный участок усть-шилкинского могильника, и в ней были похоронены кости молодой женщины (?) 16–18 лет. Судя по лопатообразной форме резца, можно сделать предположение, что костяк относился к монголоидной расе [КА ТГУ, список № 214].

Погребение датируется V–III вв. до н. э. по бабочковидной пронизи с фигурными краями. Лопасты снабжены вырезом в виде запятой (см. рис. 55, 2). Между ними проходит продольная втулка. Изделие выполнено литьем. Размеры 4,5×2,1 см.

Одни исследователи считают такие пронизи принадлежностью конского убора (напр. Н. Л. Членова [1967, с. 138]), другие связывают их с наборными поясами (напр. В. Н. Добжанский, А. П. Бородовский) [Добжанский, 1990, с. 23, табл. VII, 4–6; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 89, рис. 19, 2, 3]. В нашем случае она являлась, скорее всего, застежкой пояса. Аналогичные изделия распространяются в таежных районах Ангары [Привалихин, 1987, с. 94, табл. 2, 8; Археологические комплексы..., 2012, с. 199; Адамов и др., 2015, с. 24, рис. 5, 2; Гревцов, 2013, с. 98–100, рис. 12, 15–17] и Чуно-Ангарья [ККМ, 41 – 20; Археологические памятники..., 1988, с. 77–79; Тарасов, 1999, с. 68–70], в лесостепном Томском, Новосибирском и Барнаульском Приобье [Плетнева, 1977, с. 78, рис. 22, 5, 28, 4, 10; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 88–89, рис. 19, 3; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 181, рис. 60]. Известны аналогичные пронизи в Минусинской котловине [Членова, 1967, с. 137, табл. 34, 16; Завитухина, 1983, с. 188], в Забайкалье [Кириллов, Кириллов, 1985, с. 28, рис. 4, 14] и в Туве [Маннай-Оол, 1970, с. 67; Кызласов, 1979, с. 33, табл. II, 24]. В Южной Сибири, в большинстве случаев такие бляшки найдены при случайных сборах. Датировка их определяется с V в. до н. э., более узкая – второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э. установлена по погребальным комплексам староалейской культуры лесостепного Алтая [Фролов, 1999, с. 212; 2008, рис. 133, 4–6, 136, 4].

Эти хронологические рамки приемлемы и для представленной пронизи из усть-шилкинского погребения.

Предложенной датировке не противоречит и наличие в этом погребении бронзовой иглы с пробитым ушком в раскованном конце. Длина ее – 4,6 см, толщина овального в сечении стержня – 1×1,5 мм. Диаметр круглого отверстия – ушка 1 мм (см. рис. 55, 3).

Подобные иглы были широко распространены на территории Сибири на всем протяжении бронзового и раннего железного веков. Такие изделия, изготовленные проковкой и обтачиванием с последующим расплющиванием одного конца, в котором делалось отверстие, известны в многочисленном количестве в погребениях глазковской культуры. Здесь их длина составляла от 3,2 до 7,3 см, и они, как правило, лежали в игольниках [Хлобыстин, 1987, с. 332]. В погребениях этой культуры, наряду с перламутровыми дисковидными бусами, встречаются и бусы цилиндрических форм, сделанные из пирофиллита или агальматолита [Хлобыстин, 1987, с. 333], аналогичные нашим.

Бусы-пронизки из серпентинита (змеевика) из погребения № 6 усть-шилкинского могильника относятся к одному типу. Все цилиндрические (96 экз.). Различаются по длине. Подтип А (14 экз.) – длинные. Размер: диаметр 0,6 см, длина от 2 до 3,5 см (см. рис. 55, 9,10). Подтип Б (69 экз.) – средние. Размер: диаметр 0,5–0,6 см, длина от 2,0 до 1,0 см (см. рис. 55, 11). Подтип В (13 экз.) – короткие, дисковидные. Размеры: диаметр 0,5–0,6 см, длина от 0,8 до 0,3 см (см. рис. 55, 12).

Такие же цилиндрические формы отмечены и для бус-пронизок из пасты. В погребении их отмечено 121 экз. Следует отметить, что пастовые бусы-пронизки цилиндрические, длинной и средней форм аналогичны изделиям из других погребений усть-шилкинского могильника, а дисковидные (47 экз.) отмечены только здесь. Последние можно выделить в самостоятельный тип (см. рис. 55, 7, 8). Их диаметр 0,5–0,6 см, толщина 0,3–0,5 см. Но в любом случае диаметр этих бусинок превышает толщину.

Важно отметить наличие возле погребения небольшой целой керамической чашки (см. рис. 55, 1), которая по внешнему борту от прямого края украшена наклонными рядами отступающих наколов округлого орнамента, переходящих в прочерченную линию. Такой орнамент в районе исследования зарождается в период поздней бронзы, где отмечен на посуде IV типа поселения Шепилево (рис. 31, 21, 25), и встречается на сосудах-дымокурах раннего железного века. На сопредельных территориях аналогичная посуда автору неизвестна. Керамика указывает на принадлежность погребения к культуре автохтонного южнотаежного населения.

Вторичное захоронение отдельных костей скелета человека имеет место в других культурах. Остатки ребер, позвонков, костей предплечья и коронок зубов располагались в могиле без анатомического порядка. Очевидно, части скелета помещались в могилу после полного разложения мышечных тканей. По всей вероятности, покойник первоначально долгое время находился на открытой поверхности, а затем его останки помещались в могилу вместе с углями погребального костра. Аналогичная обрядовая практика захоронения разрозненных костей человека (вторичное захоронение) и помещения в эту же могилу погребального костра широко известна в мире. В Сибири такой обряд отмечается, начиная с каменного века [Зайцева, 2005; Базалийский, 2012]. В соседнем к району исследования Северном Приангарье он известен по материалам, относимым к цэпаньской культуре. Так устраивались, например, погребения № 1 и 13 стоянки-могильника Сергушкин–3 [Привалихин, 1993, с. 15; Герман, Казакова, 2014] и погребения № 1 и 3 стоянки Пашина [Дроздов, Леонтьев, Привалихин, 2005, с. 51; Гришин, Гаркуша, Марченко, 2009, с. 263; Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013, с. 194], которые датируются VI–I вв. до н. э. Близкое по устройству погребение, но со следами термического воздействия на кости (сожжения их на месте) выявлено на Скородумском Быке [Фокин, 2013а]. Все указанные погребения размещались в овальных ямах, в них отмечены кости черепа, конечностей и

ребер. Отличаются же они от усть-шилкинского набором сопроводительного инвентаря.

В могиле погребения № 6 усть-шилкинского могильника отмечены бронзовая игла (элемент женского захоронения) и две лопатки от одной особи северного оленя. Их присутствие, по-видимому, связано с каким-нибудь существовавшим обычаем. Например, гадание по лопатке отмечается у древних монголов [Новгородова, 1970, с. 106], узнавали перед выходом на охоту, насколько она будет успешной. Присутствие лопаток крупных животных наблюдается в отдельных погребениях культуры плиточных могил [Эрдэнэбаатар, 1995, с. 88], в курганах карасукской культуры [Зяблин, 1977, с. 33] и в могиле глазковской культуры. В последнем случае они лежали вместе с собакой близ погребения № 1 в Ленковке [Хлобыстин, 1987, с. 330].

Размещение керамической чашки возле могилы как элемент погребальной обрядности нечасто встречается на памятниках раннего железного века Средней Сибири и тем более таежной зоны. Мы отмечаем аналогичный случай возле погребения № 3 этого же могильника. На сопредельных территориях случаи помещения сосудов возле могил отмечены в староалейской и других культурах VI–V вв. до н. э. южной тайги и лесостепи Западной Сибири [Фролов, 1997; 2008]. Важно отметить, что эта черта погребальной обрядности близка к обрядовой практике самодийцев и угров, в которой приклады к могиле посуды и металлических вещей были одной из форм ритуальных действий. В районах восточносибирской тайги подобная деталь обряда в раннем железном веке не отмечается. В известных погребениях из Северного Приангарья керамика тоже присутствовала, но фиксировалась отдельными фрагментами.

Таким образом, погребение № 6 комплекса Усть-Шилка II, выполненное в обряде вторичного захоронения, датируется V–III вв. до н. э. и относится к той же культуре местного южнотаежного населения, испытавшей влияние юго-западных и западных соседей.

Четвертая группа. Парциальные (возможно, вторичные) погребения. Они изучены по могилам № 8 и 10 усть-шилкинского могильника, устраивались в прямоугольных ямах больших размеров длиной 170–210 см и глубиной 40–60 см. Эти могилы занимают южный участок могильника и в них похоронены мужчины зрелого возраста 30–35 лет. Расовая принадлежность установлена для одного черепа (погребение № 8). Судя по рельефу мозговой коробки, индивид не характеризуется массивностью, тип скорее грацильный. Об этом говорит и большая длина черепа. Судя по ряду поперечных размеров (наименьшая и наибольшая ширина лба, ширина затылка, ширина грушевидного отверстия), череп в целом довольно узкий, т. е. скорее всего долихокранного варианта. Это однозначно говорит о принадлежности индивида к европеоидам (письменное сообщение А. Н. Багашёва). Сопроводительный инвентарь позволяет отнести эти погребения к VI–V вв. до н. э.

Наконечник стрелы (1 экз.) из погребения № 10 – бронзовый трехлопастный втульчатый боеголовковый шипастый. Ударная часть ромбовидного пера трехгранная. Лопасты выделены рельефно и оканчиваются отогнутыми шипами. По втулке проходят шесть продольных тонких валиков. Во втулке сохранились остатки деревянного древка. Общая длина наконечника – 4,5 см, длина пера – 3,5, ширина пера – 1,2 см (см. рис. 57, 2).

Данный экземпляр сопоставляется с наконечниками «савроматского» типа, которые в Средней Азии распространены в комплексах второй половины VI – начала V вв. до н. э. [Яблонский, 2004, с. 49]. Выступающая втулка и валики по ней позволяют считать этот наконечник более ранним и относить к VI в. до н. э. Близкая форма встречена в кургане Аржан–2 [Чугунов, 2004, с. 29].

Нож (1 экз.) бронзовый выпуклообушковый, с выделенной ручкой и кольцевым навершием. Рукоять по одному краю украшена канавкой с волнистым краем и ребром с наклонными насечками. Отверстие кольцевого

навершия с прямым основанием. Нож отлит в односторонней форме и не использовался, на краях рукояти сохранились наплывы металла и следы брака, а лезвие не заточено. По различной степени коррозии лезвия и рукояти можно заключить, что ручка закрывалась органическим материалом, скорее всего полосками кожи. В месте перехода лезвия в рукоять нож погнут, возможно, от попытки сломать его ударом. Общая длина ножа – 20,5 см, длина лезвия – 11,0 см, ширина лезвия – 1,9 см, ширина рукояти – 1,7 см, ширина кольцевого навершия – 2,4 см, толщина изделия – 0,2–0,3 см (см. рис. 56, 1).

По форме навершия рукояти этот нож можно считать производным от ножей «с аркой на кронштейне», которые имели большое распространение в предтагарское время. По навершию нож также сопоставляется с тагарскими ножами с кольцом в ручке, так как ширина кольца немного больше ширины ручки. Вместе с этим он отличается от последних одинаковой толщиной кольца и ручки. По этим признакам и размерам представленный нож можно отнести к VI–V вв. до н. э.

Орнаментация ручки ножа вертикальным рядом (или двумя рядами) вдавленных мелких треугольников – типичная черта конца карасукской эпохи [Хлобыстина, 1962, с. 14, рис. 1, 3]. Отмечается она и на ножах тагарского времени, где сохраняется до V–IV вв. до н. э. [Членова, 1967, с. 289, табл. 39, 24, 25]. Полный аналог ножа, ручка которого оформлена криволинейным узором, встречен в тагарском могильнике у ручья Березового [Вадецкая, 1983, с. 48; 1986, с. 115–116; 1999, рис. 35, с. 64], который датируется IV в. до н.э. Вообще узор из вдавленных треугольников на рукоятках ножей с каплевидным отверстием получил наибольшее распространение в лесостепном Красноярско-Канском районе [Членова, 1967, с. 179] и выступает культуроопределяющим признаком при выделении особого лесостепного красноярско-канского варианта тагарской культуры [Максименков, 1961, с. 307, рис. 2, 7]. Не меньшее распространение такой орнамент на ножах получил и в южнотаежных районах Средней Сибири в

карасукское и послекарасукское время в долине нижнего Енисея [Николаев, 1960а, с. 225, рис. 1, 1; 1960б, с. 64, рис. 4, 1; Баташев, Макаров, 2000, с. 32] и Подкаменной Тунгуски [Андреев, 1971, с. 46, рис. 15, 1]. Таким образом, нож из погребения № 8 усть-шилкинского могильника можно датировать VI–V вв. до н. э.

Представленный на ноже тип орнамента, по мнению С. В. Иванова относится к евразийскому типу геометрического орнамента, в который входят косые уголки, вписанные друг в друга заштрихованные треугольники, зигзаги. Такие мотивы характерны для угров, самодийцев, эвенков, алтайцев, хакасов, бурят и якутов [Иванов, 1963, рис. 306], т. е. используются многими народами Сибири.

Отдельно стоит рассмотреть бронзовое антропоморфное изображение, найденное в погребении № 10 вместе с трехлопастным наконечником стрелы. Оно выполнено литьем в односторонней форме. Овальная личина по всему периметру снабжена короткими «лучами» – по девять с каждой стороны. Третьи и четвертые сверху «лучики» с обеих сторон соединяются между собой, образуя петли для пришивания или закрепления каких-то свешивающихся вниз принадлежностей. Венчает личину широкий трапецевидный отросток – изображение короны. В основании также отмечается широкий отросток, но сломанный. С лицевой стороны изображения рельефно выделяются глаза и рот. Глаза показаны круглыми бугорками. Овальный рот – выпуклым кантом. Тыльная сторона изделия плоская, без петли. По краям сохранилась литейная «бахрома». Размеры 9,5×9,7 см при толщине 0,3 см (см. рис. 57, 1).

На сегодняшний день известно несколько совершенно идентичных изображений, найденных случайно. Одно входит в целую антропоморфную фигуру, найденную в окрестностях с. Атаманово севернее г. Красноярска [ККМ, экспозиция; Окладников, 1948, рис. 9]. Другая личина, отломанная по «шее», обнаружена на р. Малый Кас при строительстве Обь-Енисейского канала [Окладников, 1948, рис. 7]. Эти антропоморфные личины из бронзы,

сопоставляются с антропоморфными изображениями, выбитыми на петроглифах Островки III на Енисее (рис. 103). Развитие представленного образа мы находим в сходстве с антропоморфной фигурой, вырезанной на костяной накладке для лука, найденной в ритуальном кладе на стоянке Усть-Кова на Ангаре [Хроностратиграфия..., 1990, с. 156, рис. 82, 1]. Судя по зафиксированным в этом же «первом ритуальном захоронении костяных изделий» костяным наконечникам стрел и сосуду, украшенному обмазочными валиками, накладка датируется средневековьем [Леонтьев, 1999, с. 11].

Случай поломки бронзового изображения по «шее» можно отметить и на личине, происходящей с нижней Ангары или из района строительства Обь-Енисейского канала. Предмет хранится в фондах Енисейского краеведческого музея. Это изображение имеет иное художественное оформление – края диска гладкие, без «лучиков», но с петельчатыми ушками и двумя рогами. Глаза и рот показаны на ней также рельефными валиками [Ломанов, Заика, 2002, с. 570; они же, 2005, с. 125, рис. 2, 5].

Представленные антропоморфные изображения в металлопластике находят аналогии с подобными изделиями из Прибайкалья, найденными в бывшей Кежемской волости, у с. Чадобец, на р. Илим и в окрестностях Киренска на р. Лене [Окладников, 1948, с. 103–106]. Их датировка определяется рамками раннего железного века [Ломанов, Заика, 2005, с. 125, рис. 2]. Все представленные изображения из таежной зоны Восточной Сибири, в том числе и с берегов Енисея, А. П. Окладниковым объединены в отдельный тип антропоморфных изображений художественной металлопластики [1948, с. 209]. Для него отмечены устойчивые типологические признаки – личины в форме плоского диска с петельчатыми ушками, увенчанные рожками или рогатой короной, глаза и рот показаны рельефными валиками. Почти все эти изображения имеют короткий черешок – шею, которая, обычно, отломана, т. е. личины могли являться частью полных антропоморфных фигур. В начале эпохи железа подобные

иконографические традиции в передаче лица можно проследить и на изображениях из Западной Сибири [Косарев, 1984, с. 191; Матющенко, Полеводов, 1994, с. 86, рис. 64, 18; Могильников, 2001, с. 114–120 и др.].

Представленные аналогии показывают, что на фоне антропоморфных изображений таежной зоны Восточной Сибири бронзовая личина из погребения усть-шилкинского могильника входит в особый тип, который распространен по долине Енисея и нижней Ангары в пределах южнотаежной зоны. Он специфичен и может выступать культуруопределяющим признаком для памятников VI–V вв. до н. э. А. П. Окладников, рассматривая атамановское изображение, указывал на его «гибридный» художественный стиль, который сочетает восточные элементы (распространенные в Илимском таежном районе с прилегающими к нему верховьями Лены у Киренска и нижней частью Ангарской долины от Братска до Чадобца) и какие-то новые, возникшие в результате переработки восточных при продвижении их носителей на запад от Енисея [1948, с. 217]. Этим было подчеркнута своеобразие местного енисейского элемента.

Такие антропоморфные изображения в металлопластике, по мнению А. П. Окладникова [1948, с. 223], являлись атрибутикой шаманского жезла и были носителем духовной силы шамана. Поэтому отломанную бронзовую личину из погребения вместе с лежащим рядом наконечником стрелы можно интерпретировать как похороны изображения великого шамана, умерщвление его духа.

Здесь стоит вспомнить мифы енисейцев (кетов), в которых рассказывается о делах древних шаманов, в особенности величайшего из них – Doh'a, играющего роль культурного героя. В. И. Анучин сообщает [1914, с. 7–8, 14], что енисейцы рассказывали ему, будто Doh создал саму землю, научил людей высекать огонь из камня. Ему предписывали создание енисейского обычного права, правил философской и житейской мудрости. В этих вопросах он авторитетен. Вместе с этим Великий шаман Doh не только культурный герой, но и защитник своего народа. На шаманских нагрудниках

его изображают поднявшимся до солнца и обзревающим землю, что он делал при жизни на земле, оберегая кетов от врагов. В случае нападения вражеских сил он руководил войском [Анучин, 1914, с. 40–41]. Но и теперь великий шаман продолжает заботиться о кетах. Когда с севера приближаются покрытые «черной тучей, как медвежьей шкурой» злые духи, он поражает их громом и молнией [Анучин, 1914, с. 8]. Учитывая характер усть-шилкинского антропоморфного изображения, следует признать, что оно является изображением подобного обожествленного шамана, его духовного или небесного двойника.

Еще одну деталь усть-шилкинского изображения следует отметить особо. На бронзовом изображении по краям сохранилась литейная «бахрома», следовательно, изделие было положено в погребение без обработки, оно, очевидно, не использовалось, а было отлито специально для погребения. Напомним, что и нож из погребения № 8 также не был обработан. Видимо, эта деталь характерна для погребений этой группы.

Бусы (25 экз.), зафиксированные в погребениях этой группы, относятся к двум группам: пастовые (14 шт.) и из серпентинита (11 шт.). По форме они одного типа – цилиндрические, диаметром 0,6 см (рис. 56, 2–16; 57, 3–12). Различаются по длине от 0,3 до 0,8 см. Диаметр внутреннего отверстия также различен: 0,2–0,3 см. Это говорит о том, что изготавливались бусы не из одной заготовки. Часто обрезаны ровно, в отдельных случаях обреза косые. Кроме того, на двух экземплярах отмечены уплощенные подточкой участки поверхности.

Представленные бусы-пронизки схожи с аналогичными изделиями из других погребений тагарского времени в районе исследования.

Реконструкция погребального обряда. В могиле мы фиксируем разбросанные единичные кости, зубы и череп человека с отделенной нижней челюстью. Очевидно, хоронили остатки умершего после разложения тела, которое до придания земле долго находилось где-то на поверхности. Причем сохранившиеся к этому моменту останки не укладывали в могилу, а бросали

в нее (вытряхивали из мешка), из-за чего череп откатывался от остальных костей, выпавшие из него зубы разлетались по сторонам так же, как и бусы. Бусами, очевидно, украшали какие-то детали одежды или головного убора. Погребенных людей сопровождали единичными предметами, которыми не пользовались в повседневной жизни, их отливали специально для погребения. При этом во время погребальных действий их старались испортить, погнуть или сломать. В одном случае это был нож, в другом – шаманское изображение и наконечник стрелы. Характер заполнения могил указывает на то, что перед их засыпкой в яму были сброшены обгоревшие палки, возможно, от погребального костра. Вместе с ними в одном случае отмечена нижняя челюсть лисицы, попавшая, возможно, вместе со шкуркой этого зверька.

В целом погребальный обряд и весь сопроводительный инвентарь данной группы погребений и других погребений района исследования похожи. Это указывает на их родство и принадлежность к одной археологической культуре, испытывавшей влияние со стороны населения из лесостепных и степных районов Средней Сибири.

Итак, выделенные погребальные комплексы существовали относительно одновременно и параллельно, что доказывается размещением их на площади одного могильника в устье р. Шилка. Могилы при этом размещались одним рядом, не перекрывая друг друга, но как бы группируясь попарно. Расширение могильника в устье р. Шилка проходило с севера на юг, в рамках VI–III вв. до н. э., при этом очередные могилы устраивались рядом, не нарушая видимые на поверхности соседние могилы. Нижнепорожинский могильник, устроенный на противоположном берегу Енисея, где отмечены погребения второй группы, возник немного позднее, в V–IV вв. до н. э.

Погребения выделенных четырех групп имеют разнообразные наборы предметов сопровождающего инвентаря. Наибольшее число предметов в наборе инвентаря отмечено в женских погребениях первой группы. В них присутствуют шило, нож, различные бусы-пронизки и подвески, кельт и

поясная пряжка, горшок. Остальные погребения более бедны сопровождающими предметами. Кельт, нож и шило присутствует в мужском погребении второй группы. В женском погребении – только нож. В погребении третьей группы – бляшка-пронизь, игла, бусы-пронизки и чашка. В погребениях четвертой группы – нож, наконечник стрелы, предмет культа и бусы-пронизки.

Имеющаяся выборка погребений позволяет отметить и некоторые наблюдения в распределении предметного набора по половозрастным группам. В женских погребениях чаще встречаются орудия для шитья – иглы и шилья. Последние всегда сопровождалась ножом. Ножи присутствуют практически во всех погребениях, его нет только в «шаманском» погребении № 10 усть-шилкинского могильника. Следует отметить наличие деталей пояса (поясных бляшек) в двух женских погребениях (№ 3 и № 6) на усть-шилкинском могильнике. При этом возле погребений № 3 и № 6 стояла керамическая посуда. Кельты отмечены как в мужском (погребение № 1 Нижнепорожинского могильника), так и в женском погребении (№ 3 усть-шилкинского могильника). Все погребения сопровождаются бусами-пронизками. Причем в мужских погребениях их не более 15 штук, в женских – от 7 до 217. На Нижнепорожинском могильнике бусы-пронизки отмечены в межмогильном пространстве и, возможно, связаны с прикладом к могилам. Наконечники стрел преобладают в мужских погребениях, причем один раз вместе с предметом культа – антропоморфной бляшкой. В женских захоронениях наконечники стрел – редкость.

Таким образом, по составу сопроводительных предметов группы погребений полностью не сопоставляются между собой. Более близки между собой погребения первой и второй групп, которые, как мы отмечали, являются одновременными. В них присутствуют кельты, ножи, шилья и бусы-пронизки. Вместе с этим и другие представленные погребения относительно синхронны, преемственны между собой наличием в них бронзовых изделий общих форм тагарской и других «скифских» и

«сарматских» культур. При этом сами предметы из комплексов, за исключением пастовых и каменных бус-пронизок, не сопоставляются между собой. Эта особенность связана, очевидно, с половозрастной, этнической и социальной принадлежностью погребенных. Особенно отчетливо различие погребений проявляется в обряде и подтверждается антропологическими определениями. В обряде вторичного захоронения и труположения (1, 2 и 3-я группы) хоронили людей монголоидной расы, а в обряде расчленения и парциального погребения (4-я группа) – европеоидной.

Присутствие близких по времени, но разных по антропологическим определениям погребений на одном могильнике в устье р. Шилки можно объяснить несколькими причинами:

Во-первых, возможным заселением территории «сборным» разноэтничным народом, сочетавшим черты европеоидов и монголоидов. В скифском мире подобная разноликость связана с элитой и остальными членами общества и отмечена, например, в пазырыкских курганах на плато Укок и в Туве в материалах кургана Аржан–2 [Аксянова, 2006, с. 14].

Во-вторых, возможным использованием одного кладбища различными группами населения, проживавшими по соседству и поочередно посещавшими особенную территорию, к которой относился мощный и единственный порог на Енисее. Подобную ситуацию мы видим в начале XVII в., когда к приходу русских Казачинский (или Большой) порог служил условной границей между аринскими и родственными им самодийскими племенами [Безъязыков, 1978, с. 15, рис. 1].

В-третьих, возможным археологически синхронным, но не одновременным, захоронением людей разной этнической принадлежности. В тагарское время к порогу на Енисее в разное время могли периодически выходить отдельные группы населения из ближайшего и отдаленного окружения. В этом случае наличие разнородных погребальных памятников в один хронологический период на небольшой территории отражает сложную картину этнических процессов, протекавших здесь в VI–III вв. до н. э.

Характеристика этой сложной исторической обстановки будет неполной, если не рассматривать поселенческие комплексы, где самым массовым материалом выступает керамика – индикатор их культурной принадлежности.

3.1.2. Поселения

Поселения нижнепорожинской культуры разнообразны. Отмечаются кратковременные стоянки и долговременные селища. Стоянки, которые известны на сегодняшний день, как правило, размещались возле кромки береговых террас или на пабереге, недалеко от воды. Здесь могли устраиваться небольшие лагеря на время рыбной ловли или площадки, где проводилась какая-нибудь хозяйственно-бытовая деятельность. Этому способствовали комфортные условия этих мест в теплые периоды года (обдуваемость, большая освещенность солнцем, близость воды и др.). Селища, напротив, размещались на более высоких террасах, в небольшом отдалении от воды. Главным критерием выбора места для строительства жилищ, очевидно, была защищенность от паводков, ветра и т. д. Из всех видов поселений наиболее ценным источником для определения их культурной принадлежности выступают селища, содержащие закрытые жилищные комплексы. Материалы многослойных поселений, как правило, смешанные, и поэтому они лишь дополняют выделенные культурно-исторические комплексы.

Одним из памятников культуры является селище Шилка XII. В 3,5 км севернее д. Порог на правом берегу р. Енисея в створе Казачинского порога, в 350–500 м ниже устья р. Шилки в 1998 г. визуальное выявлено 19 котлованов жилищ, которые располагались двумя рядами вдоль края разновысотных террас. На основании этого было выделено два комплекса – Шилка XII/1 и Шилка XII/2 (рис. 60). Оба поселка тянутся вдоль края берега, приуроченного к устью древнего лога. С северной, восточной и южной

сторон площадь ограничена склонами более высоких террас, разрезающихся небольшим логом. С западной стороны терраса обрывается обнажением.

Селище Шилка XII/2 располагается вдоль края 6-метровой террасы в юго-западной части памятника и включает пять котлованов округлой формы. Общая длина поселка с юга на север составляет 40 м. Расстояния между жилищами – 3–5 м. За три года работ (2004–2006 гг.) одним раскопом площадью 105 кв. м были изучены четыре культурных слоя, приуроченных к различным погребенным почвам. Они формировались делювиальным и эоловым процессом почвообразования, и в них отмечены находки раннего бронзового века (4-й слой), позднего бронзового и раннего железного века (3-й слой), развитого железного века (2-й слой) и средневековья (1-й слой) (рис. 61, I).

Материалы нижнепорожинской культуры были впущены в третий слой, где были вскрыты три жилища, которые разрушались осыпью края террасы (рис. 61, II). Глубина залегания слоя – 40–80 см от дневной поверхности. Он представлен темно-серой плотной супесью с пятнами коричневого цвета. В почве отмечаются углистые включения. Мощность слоя, судя по уровню залегания находок, которые распространялись по всей толще почвы, достигала 20 см. Из слоя были впущены котлованы жилищ, заполнение которых состояло из плотной, влажной, супесчаной, жирной почвы темного цвета. Местами она включала пятна красных прокалов. Контуры жилищ определялись по плотности, цвету и влажности заполняющей котлован почвы. Кроме этого, границы отчетливо читались в разрезе, который был получен зачисткой борта террасы (рис. 62–64).

Размеры сохранившихся площадей жилищ составляли для жилища № 3 – 2,2×4,4 м, жилища № 4 – 4,1×4,0 м и жилища № 5 – 3,2×4,9 м. Границы имели округлый контур, поэтому жилища были с овальной формой котлованов средних размеров, около 4,0×5,0 м, что соответствует площади около 15 кв. м. На округлую форму жилищ указывали и находки, залежавшие на плечиках и в пристенках (плоские предметы здесь размещались в

наклонном положении). Стенки котлованов, очевидно, были земляными, по крайней мере остатков укрепляющих их конструкций не выявлено. Ям от столбов, подпиравших кровлю жилищ, не найдено. Очевидно, перекрытия опирались на края котлованов. Об этом косвенно свидетельствуют плохо читаемые обгоревшие остатки древесины, зафиксированные углистыми пятнами вокруг котлована жилища № 3 (см. рис. 62). От уровня древней поверхности пол углублен у всех жилищ по разному: в жилище № 3 на 35–40 см, в жилище № 4 на 20–35 см, а в жилище № 5 на 10–15 см. Чашевидное дно котлованов слегка углублялось к центру, где размещался очаг овальной или подпрямоугольной формы. Судя по сохранившимся секторам очагов (в жилище № 3 – 0,8×2,0 м, в жилище № 4 – 0,8×0,2 м, в жилище № 5 – 1,0×1,0 м), их ширина не превышала 1,0 м, а длина – 2,0 м. Заполнение очагов состояло из бурой прокаленной супеси и древесного угля, перемешанного с мелкими фрагментами жженных костей.

Уровень пола жилищ установлен по разрезу, уплотненности грунта и уровню залегания очага и материала. В жилищах № 3 и 4 уровень пола выделялся более тёмной почвой из-за включения мелких древесных углей и вкраплений жженных косточек; в жилище № 5 почва на уровне пола была к тому же ещё влажной, «жирной», насыщенной разложившейся органикой. Расположение входа в жилища № 3 и 4 выявить не удалось, по контурам плечиков котлованов он не читался. В жилище № 5 вход не обнаружен, но, возможно, он устраивался с восточной стороны (см. рис. 64). На это косвенно указывают: 1) незначительное смещение очага от центра к западной стенке жилища; 2) понижение земляного пола в восточном секторе; 3) присутствие с восточной стороны жилища находок, кучно лежащих на наклонной к котловану поверхности.

Во всех жилищах на полу возле очага отмечаются скопления предметов, среди которых преобладала керамика. С юго-западной стороны от очага находок в каждом жилище мало, возможно, здесь устраивалось спальное место.

В жилище № 3 в одном скоплении найдены 302 фрагмента керамики, из которых 38 – венчики от семи сосудов. Из общего числа черепков – 3 фрагмента с оттисками витого шнура, 1 – с «вафельными» оттисками, остальные – с гладкой поверхностью стенок. По имеющимся черепкам идентифицируются семь сосудов (см. рис. 65, 2–8). Здесь же возле очага отмечены два скопления камней – галек с закопченной поверхностью. В первом скоплении было отмечено 27 камней, во втором – 32. Многие из них расколоты, целые небольших размеров от 4,5×4,5×2,0 до 6,0×7,0×3,5 см. Поверхность камней имеет нагар, что указывает на нагревание их в костре. В пристеночной восточной части жилища найден бронзовый нож (см. рис. 65, 1).

В жилище № 4 найдены каменный отбойник-абразив из гальки (см. рис. 65, 16), которым проводилась заточка металлических плоскостей, и 165 фрагментов керамики, из которых 4 обломка налипных ушков и 16 венчики от 7 сосудов (см. рис. 65, 9–15). С западной стороны от очага, очевидно, в пристенке жилища был найден целый сосуд (см. рис. 65, 9). С северной стороны возле очага было сосредоточено скопление черепков и фрагменты еще одного, почти целого сосуда (см. рис. 65, 10). Из общей массы керамики 19 фрагментов несут на внешней поверхности оттиски витого шнура, 11 – рубчатые оттиски, 2 – «вафельные» оттиски. Остальные идентифицируемые черепки (117 фрагментов) имеют гладкую поверхность стенок.

На полу жилища № 5 возле очага отмечены: обломок кончика черешка бронзового наконечника стрелы(?), каменные дисковидные скребки (3 экз.), молоточки-отбойники (2 экз.). Здесь же найдено 112 фрагментов керамики, среди которых 10 – венчики от достоверно определимых 8 сосудов (см. рис. 65, 17–24). Из них 3 – сосуды-дымокуры. Стенки почти всех сосудов выбивались «вафельной» колотушкой. Только два черепка несут на внешней поверхности оттиски витого шнура.

На уровне культурного слоя за пределами котлованов жилищ отмечены скопления галек, каменные и керамические орудия, обломок бронзовой пластины. Керамика представлена 421 фрагментом, среди которых 41 – венчики от 18 сосудов (рис. 66). У десяти горшков стенки имеют гладкую поверхность (220 фр.), у трех – на поверхности отмечен «шнуровой» технический декор (46 фр.), а у пяти – «вафельный» (108 фр.). На стенках остальных черепков технический декор не определяется.

Сравнительная характеристика вещей и керамики из разных жилищ и культурного слоя показала как их идентичность, так и различие. Объясняется это незначительной разницей в датировке углубленных объектов и слоя, в который они были впущены.

Орудия из бронзы малочисленны. Бронзовый нож найден возле восточной стенки жилища № 3. Он прямообушковый, с выраженной рукоятью и округлым окончанием. Лезвие прямое, односторонне заточенное (см. рис. 65, 1). Обломок кончика черешка бронзового наконечника стрелы (?) отмечен возле очага жилища № 5. Он имеет прямоугольную форму сечения и утончение к окончанию. Обломок бронзовой пластины, которая утончается к одному краю, зафиксирован в культурном слое возле жилища № 5. Размеры обломка 1,5×2,0 см при толщине 0,3–0,1 см.

Часть каменных орудий использовалась для обработки металла. Среди них встречен молоточек из гальки шаровидной формы. С одной стороны на торце отмечены следы забитости. Он размещался в очаге жилища № 5. Размеры орудия 6,5×7,2×4,5 см. Близок ему молоточек-отбойник из крупнозернистой гальки округлой формы, один торцовый край которой сколот, а на втором отмечаются следы забитости. Орудие найдено в культурном слое (см. рис. 66, 25). Имеется отбойник-абразив (?) из удлиненно-округлой гальки, на которой отмечаются следы забитости, стертости и залощенности по торцам и боковым граням. Орудие размерами 5,0×8,5×2,5 см найдено возле очага жилища № 5. Аналогичное орудие отмечено и в жилище № 4. По одному торцовому краю вытянуто-овальной

гальки фиксируются следы забитости, а по одной боковой грани – следы стертости (см. рис. 65, 16).

Для выделки шкур использовались дисковидные скребки, изготовленные из каменных плиток. Три таких орудия найдены в северном секторе жилища № 5, еще два – в культурном слое за пределами жилища (см. рис. 66, 23, 24). Рабочий край проходит по всему периметру изделий и фиксируется по залощенности кромок.

Керамика составляла основную массу находок. Всего на селище было обнаружено 1050 черепков, которые достоверно принадлежат 40 сосудам. Некоторые фрагменты из межжилищного пространства и фрагменты, обнаруженные на дне котлованов жилищ, склеиваются между собой. Наблюдается увеличение количества находок от периферии к центру селища. Материалы залегают довольно равномерно по всей толще слоя, что может свидетельствовать об относительно долгом пребывании здесь людей. В тоже время развал большого горшка в жилище № 3 и наличие целого сосуда в жилище № 4 могут указывать на то, что жилища по неизвестным причинам были покинуты в спешке.

Большинство посуды изготовлено из формовочной массы одного состава: запесоченной глины с добавлением дресвы и органического раствора. В рецептуру теста трех сосудов добавлялась еще и твердая органическая составляющая. Это было установлено по пористым черепкам (48 экз.), в которых отмечались небольшие овальные полости размером 1–3 мм. Еще в двух сосудах отмечены следы примеси шамота. Ряд черепков характеризуется довольно сильной слоистостью.

Формы строились лоскутным налепом с последующим уплотнением стенок выбиванием. Для этого применялись различные по виду колотушки: гладкая (17 сосудов), обмотанная витым шнуром (9 сосудов) и оставляющая «вафельные» оттиски (14 сосудов). Обжигалась керамика на костре. На это указывают пятна различного цвета на поверхности черепков и в их изломе. Поверхность керамики имеет в основном коричневый и серый цвет, но в

зависимости от степени обжига (или использования) встречаются пятна желтовато-коричневатого, сероватого и коричнево-красноватого оттенков.

Типология керамики селища определена с учетом способа формовки, формы сосуда и орнамента. Поскольку значительная часть керамики сопоставляется с посудой шепилевской культуры, то в обозначении типов продолжена та же нумерация.

Тип II (3 сосуда) – представляет сосуды баночной–1а, –3 формы. Плечико обязательно подчеркивается орнаментом. Край слегка утолщен. При изготовлении стенки сосудов выбивались гладкой, «вафельной» или рубчатой колотушками. Орнамент состоит из пальцевых защипов, нанесенных по внешнему ребру края формы и плечику. Иногда с внутренней стороны венчика отмечается наплыв – валик, образованный от выравнивания обреза. Такие сосуды, отмеченные в жилищах № 4 и № 5 (см. рис. 65, 12, 17, 19) могли попасть из слоя шепилевской культуры (см. рис. 66, 3, 5, 8). Эти фрагменты схожи с заостровским типом керамики.

Тип IV (2 сосуда) – объединяет сосуды простой закрытой баночной–2 формы с прямым слегка утолщенным горлом, с плечиком, подчеркнутым гладким желобком, выдавленным в стенке. На внешней поверхности фиксируется «вафельный» технический декор. Черепок (рис. 60, 5), отмеченный в жилище № 3, мог попасть в него из слоя шепилевской культуры, где также найден подобный фрагмент (см. рис. 66, 9).

Тип V (5 сосудов) – включает сосуды горшковидной–1 формы с ярко выраженной шейкой и плечиками. Венчики округлые или прямые в сечении. Стенки выбивались колотушками, оставляющими «вафельные» и «шнуровые» оттиски. Украшались только по шейке прочерченными линиями, образующими сетку. На двух фрагментах заметна часть налепного «языковидного» ушка. Такая посуда характерна для шепилевских комплексов, фрагменты ее отмечены в культурном слое (см. рис. 66, 13, 18, 19), а также во всех жилищах селища (см. рис. 65, 6, 14, 23).

Тип VI (3 сосуда) – объединяет сосуды баночной–1а и –3 формы с приплюснутым или плоским дном. Венчик каплевидного сечения утолщен с внутренней стороны. При формовке сосудов использовалась «вафельная» колотушка. Технический декор заглажен, иногда сильно. Сосуды украшены с внешнего борта тремя-четырьмя горизонтальными налепными жгутиковыми валиками, которые рассечены пальцевыми защипами с поворотом. Орнамент имитирует витой шнур. Такая посуда отмечена в жилищах № 3, 4 и в слое (см. рис. 65, 2, 10; 45, 10). Фрагменты похожи на посуду нижнепорожинского типа керамики, полная характеристика которого будет дана ниже.

К типу IX (3 сосуда) отнесены сосуды, по форме аналогичные предыдущему, но имеющие гладкую, хорошо заглаженную поверхность стенок. Край емкости с наружной стороны утолщен узким жгутиковым валиком, который рассекался вертикальными ногтевыми насечками. Целый сосуд найден в жилище № 4, один черепок – в жилище № 5, еще один – в слое между ними (см. рис. 65, 9, 20; 61, 7).

Тип X (1 сосуд) выделен по гладкостенному сосуду баночной формы с гладкой, тщательно заглаженной поверхностью стенок без орнамента. Дно плоское, венчик округлый в сечении. Найден в жилище № 3 (см. рис. 65, 3). Такая посуда схожа с керамикой тагарской культуры.

Тип XI (5 сосудов) – объединяет сосуды горшковидной–3 формы с утолщенным широкой налепной лентой краем. Лента подчеркивает вогнутую, зауженную шейку сосуда. Поверхность стенок не покрытая орнаментом, гладкая, в одном случае с заглаженными «вафельными» оттисками. Орнамент покрывает верхнюю треть формы, и на каждом сосуде наносился отступами и наколами приостренной гладкой палочки. Венчик и нижнее ребро широкого налета всегда украшались оттисками ногтя или палочки. Под краем сосуда проходят одна или две линии отступающих оттисков. Плечики орнаментировались такими же отступающими или накольчатými оттисками, которые строились горизонтальными линиями. Иногда они дополняются налепным рассеченным горизонтальным либо

наклонным валиком (см. рис. 66, 11, 12) или валиком и зигзагом из отступающих оттисков (см. рис. 65, 4, 7, 8). Черепки этих сосудов найдены в жилище № 3 и в культурном слое. Этот тип керамики получит развитие в посуде каменско-маковского типа, характеристика которой будет приведена ниже.

Тип XII (1 сосуд) выделен по сосуду, который по форме и способу изготовления близок предыдущему, но отличается орнаментом. Здесь узор нанесен палочкой с зубчатым концом, а нижнее ребро широкого налепного валика рассечено пальцевыми защипами (см. рис. 66, 22). Фрагменты зафиксированы в культурном слое. Они схожи с карабульским типом керамики, характеристика которого будет дана в следующем разделе.

Тип XIII (4 сосуда) – включает сосуды горшковидной–I формы, которые украшены рядами накольчатых оттисков гладких орнаментов. Стенки ровные, следы выбивания не читаются. Черепки от сосудов, отнесенных к этому типу, найдены в жилищах №4, №5 и в культурном слое (см. рис. 65, 13, 15, 24; 61, 21). Можно считать, что какая-то часть сосудов представленного типа, вместе с сосудами V типа использовалась в качестве дымокуров. Об этом свидетельствуют найденные керамические ушки и черепки стенок, к которым они прикреплялись. Целые и сломанные налепные ушки были отмечены в жилище № 5 и культурном слое. Всего найдено 8 ушков, из них 5 «прямоугольных» и 3 «языковидных».

Анализируя в целом керамику селища, нужно заметить, что она неоднородна. На разных формах сосудов встречаются элементы орнамента, которые выступают культурно-диагностирующими признаками для посуды хронологически близких пластов. Так, сосуды II и IV типов похожи на посуду шепилевской культуры бронзового века, которая украшалась пальцевыми защипами и гладким желобком. Их сходство очевидно по всем диагностируемым признакам: технологии изготовления, форме, орнаменту. Полная тождественность с шепилевской посудой прослеживается и в сосудах-дымокурах V типа, которые украшались прочерченной сеткой.

Аналогичны шепилевским и формы ушков, и способ их крепления к стенке через «шип» и наклепной валик. Продолжением развития шепилевской посуды можно считать формирование нового IX типа. Здесь на «шепилевскую» форму закрытого сосуда, горло которого утолщалось нешироким наклепом, теперь вместо пальцевых защипов (тип I) наносятся вертикальные насечки, при этом и поверхность стенок становится гладкой.

Вместе с этим в комплексе распространена керамика, которая характерна для раннего железного века. Посуда типа VI и керамика нижнепорожинской культуры похожи. Керамика XI типа близка посуде каменско-маковского типа, а керамика XII типа – посуде карабульского типа (цэпаньской культуры) Северного Приангарья [Привалихин, 1993; Макаров, 2013; Леонтьев, Герман, 2015]. Сосуд X типа по форме и сечению венчика схож с керамикой тагарской культуры.

Распределение разной посуды по объектам и слою (см. рис. 65, 66) показало, что жилища и культурный слой за их пределами содержат смешанные материалы. В жилище № 5 нет гладкостенных черепков, а в жилищах № 3 и 4, наоборот, они преобладают. В культурном слое количественно чаще встречается керамика шепилевской культуры позднего бронзового века. С ней же сравнимы небольшие фрагменты, которые залегали в заполнении котлованов жилищ, при этом некоторые черепки из культурного слоя и котлованов склеиваются между собой. Относительно крупные фрагменты керамики и раздавленные формы сосудов из жилищ отличаются от материалов из слоя, они представляют совершенно иной комплекс, характерный для нижнепорожинской культуры. Представленное смешение разновременных материалов произошло в связи тем, что на селище Шилка XII/2 жилища нижнепорожинской культуры углублялись в культурный слой шепилевцев, который в момент устройства поселка размещался практически на поверхности – в дерне. Копка неглубоких котлованов и использование дерна для покрытия кровли жилищ привела к

передислокации находок из культурного слоя, а после археологизации объекта разновременные находки стали размещаться вместе.

Селище Шилка XII/1 располагается вдоль края 8–10-метровой террасы и состоит из 13 задернованных котлованов, среди которых 12 квадратных и один округлой формы (см. рис. 60). Размеры квадратных котлованов варьируют от 3×3 м до 5,5×5,5 м при глубине 0,10–0,60 м. Размеры округлого не превышали 3 м в диаметре при глубине не более 0,2 м. Различие жилищ из одного ряда по форме и размерам позволило прогнозировать их разновременность.

В работах 2003 г. был изучен крайний северный котлован округлой формы. В раскопе площадью 53 кв. м выявлено два культурных слоя, которые соотнесены с разными уровнями коричневого суглинка легкого состава мощностью 30–32 см. В подошве горизонта на глубине 50–55 см фиксировались материалы неолита. Кровля горизонта, с которого был впущен котлован жилища, включала материалы первого культурного слоя тагарского времени. Они залегали на глубине 25–28 см.

Все артефакты слоя, зафиксированные на площади раскопа, связаны с устройством жилища № 1 и деятельностью его обитателей. За пределами жилища, с южной стороны от котлована удалось выявить скопление керамики, а с юго-восточной стороны – скопление галечника (рис. 67).

Жилище представляет собой остатки углубленного округлого котлована, размещенного на краю 10-метровой террасы. Жилище округлой формы размерами 2,8×3,0 м. Это соответствует площади около 7 кв. м. Глубина котлована 10–25 см от уровня древней поверхности, дно слегка понижалось к центру. Пол жилища выявлен по тонкой углистой прослойке мощностью до 2 см. Вход определен условно. Возможно, он размещался с южной стороны. На это косвенно указывает смещение очага от центра к северной части и повышение пола к южной стенке котлована. Со стороны входа на плечиках котлована отмечен развал керамического горшка. Заполнение котлована состояло из серой почвы супесчаного состава, что достаточно хорошо

выделяло его контуры на фоне «материковой» суглинистой почвы. Очаг округлой формы размерами 60×60 см располагался на полу жилища и относительно стен котлована смещен от центра к северу. В разрезе он представлял собой горку прокаленной земли линзовидной формы красно-оранжевого цвета мощностью до 8 см. В заполнении отмечены фрагменты керамики, а также мелкие обломки костей. Столбовых ям и остатков перекрытия выявить не удалось.

Данное жилище относится к углубленному типу и представляло собой, по всей видимости, легкое каркасное сооружение типа чума с округлым основанием. Вход, возможно, размещался с южной стороны и был направлен к центру территории поселка.

На полу жилища найдены фрагменты керамики от разных сосудов и каменные изделия. Грузило с двумя перехватами-выемками выполнено на округлой гальке (рис. 68, 7). Каменный концевой скребок на отщепе имеет высокое лезвие, оформленное крутой пластинчатой ретушью (см. рис. 68, 8). Найдены два нуклеуса призматических одноплощадочных, один массивен, полифронтальный (см. рис. 68, 9), другой сохраняет контрфронт, оформленный клином (см. рис. 68, 10). Призматические пластинки (21 экз.) треугольные и трапециевидные в сечении по размерам лежат в пределах от 0,3×1,2 до 1,1×4,0 см при толщине 0,1–0,5 см. Отщепы (30 экз.) сколоты с камней разных кремнистых пород. Часть отщепов (20 экз.) найдена в котловане жилища, а 10 – среди скопления фрагментов керамики с внешней стороны южной стенки жилища.

Керамика представлена 191 фрагментом, из которых 49 – венчики, относящиеся к 6 сосудам. Черепки залежали в основном в котловане жилища, как скоплениями, так и разрозненно. Два сосуда реставрируются почти целиком. Остальные представлены фрагментами.

В состав формовочной массы всех сосудов входили дресва (размером 0,5–3 мм) и органический раствор. В тесто одного горшка дополнительно добавлена какая-то органическая крошка. Сосуды сформованы вручную,

предположительно техникой лоскутного налепа. Толщина стенок сосудов 3–5 мм, венчиков – 6–8 мм.

Поверхность стенок сосудов обрабатывалась способом выбивания. Из общего числа сосудов в трех достоверно можно определить, что стенки несут следы «вафельной» колотушки. Размеры ромбовидных ячеек различны: от 0,7×0,7 до 0,2×0,2 см. На двух сосудах (37 %) «шнуровые» оттиски представляют собой расплывчатые гладкие вмятины на поверхности, которые расположены более или менее равномерными цепочками, идущими параллельно друг другу. Обработку поверхности последнего сосуда из-за фрагментарности определить трудно, возможно, его стенки были гладкими. Обжиг керамики проводился на костре. На это указывает неравномерный цвет стенок сосудов в пределах одной формы. Как правило, все черепки красно-коричневого цвета с бурым оттенком. На внутренней поверхности отдельных горшков фиксируется черный нагар, оставленный накипью от пищи.

По форме и орнаменту керамическая посуда разнотипна, но похожа на посуду из могильника Усть-Шилка II и других селищ района. Три сосуда схожи с керамикой VI типа. Их объединяет закрытая форма с наклонным плечиком и орнамент из налепных жгутиковых валиков. Сосуды изготовлены выбиванием «вафельной» или «шнуровой» колотушкой. Горизонтальные налепные валики в одном случае дополняются вертикальными валиками, спускающимися до придонной части (см. рис. 68, 1), в другом – поясом ямок (см. рис. 68, 2), в третьем – рядами наколов приостренного орнамента (см. рис. 68, 6). Размеры сосудов различны. Диаметр одного сосуда по венчику 32 см, при гипотетической высоте до 35 см. Диаметр второго сосуда 22 см при высоте реставрированного блока 20 см. Гипотетический диаметр горла третьего сосуда около 40 см.

Один сосуд сопоставим с керамикой IX типа. Он формообразован выбиванием «вафельной» колотушкой, оттиски которой сильно затерты. Наружное ребро края рассечено ногтевыми наколами. По внешнему борту

заметны гладкие горизонтальные следы либо от затирания стенки, либо выступающие как орнамент (см. рис. 68, 3).

Еще один сосуд (см. рис. 68, 4) сопоставляется с керамикой IV типа. Их объединяет гладкий желобок, нанесенный по плечу. Вместе с этим на сосуде присутствуют пальцевые наколы, которые встречаются на керамике II типа. Диаметр этого сосуда по венчику около 34 см.

Последний сосуд коллекции сопоставим с посудой II типа керамики. Орнамент состоит из двух рядов глубоких оттисков пальца (см. рис. 68, 5). Диаметр сосуда по венчику около 30 см.

Связь представленных находок с пространством одного углубленного объекта и отсутствие артефактов за его пределами позволяет считать материалы жилища одновременными и рассматривать одним комплексом.

Показательные материалы нижнепорожинской культуры получены раскопками *селища Шилка X*, которое расположено на 19–22-метровой гриве, лежащей в глубине террасы (в 150 м от р. Енисей и в 250 м от р. Шилка). С юго-восточной и западной стороны площадь поселения ограничивается логами. С южной стороны поверхность гривы постепенно понижается, а с северной – повышается до 22-метровой отметки, где в 50 м от него расположено поселение бронзового века Шилка VIII. Селище состоит из 12 жилищных котлованов, которые располагаются одним рядом вдоль северо-западного края гривы в направлении северо-запад – юго-восток (рис. 69). По расстоянию между жилищами и планиграфии, единый ряд условно разделяется на две группы с 5 и 6 объектами в каждой. Все западины неправильной округлой формы, задернованы и оплывшие. Их средние размеры около 4,0×4,0 м при глубине до 0,2 м.

В 2001 г. одним раскопом площадью 196 кв. м были изучены четыре жилища в южной части поселка и межжилищное пространство (рис. 70; 71) [Терехов, Мандрыка, 2002]. Культурный слой приурочен к подошве горизонта серо-бурого песка и залегает на глубине 15–20 см от дневной поверхности. Слой ровный, без нарушений, распространяется параллельно

уровню современной поверхности. Археологический материал залегал преимущественно на дне котлованов жилищ, за их пределами находок меньше. Наибольшая концентрация материала прослежена в северной части раскопа, т. е. ближе к центру поселка.

Жилище № 1 являлось крайним в ряду (см. рис. 70). Оно представляло собой углубленное строение округлой формы диаметром 4,0 м, т. е. площадь котлована составила приблизительно 12,5 кв. м. Глубина котлована у северной стенки 26–28 см, у южной – 25 см. Пол жилища относительно ровный. Вход не зафиксирован. Очаг размерами 82×85 см находился в центре, на полу. В разрезе он представлял собой слой прокаленной земли линзовидной формы бурого цвета мощностью до 15 см. В заполнении очага были найдены мелкие фрагменты жженных костей рыб и копытных животных.

На полу жилища в северо-восточном секторе найдены камни, расколовшиеся под действием огня, среди них железная игла (рис. 72, 9), два каменных отбойника (см. рис. 72, 6,7) – к юго-западу от очага, а фрагмент железного острия пробойника(?) (см. рис. 72, 8) – у западной стенки котлована. В жилище обнаружена керамика, которая представлена фрагментами от трех сосудов (см. рис. 72, 10–12), причем один из черепков использовался в качестве скребка. Важно отметить, что один из фрагментов керамики, залежавший на полу этого жилища, склеивается с черепками, обнаруженными в скоплении за пределами котлована в квадратах 3Б–В (рис. 54).

Жилище № 2 размещалось в 1 м северо-восточнее жилища № 1 (см. рис. 70; 71, II) и представляло собой углубленное строение неправильной округлой формы размерами 4,2×3,8 м, т. е. площадь котлована составила около 12 кв. м. Глубина котлована у северной стенки 35 см, у южной – 15 см. Пол относительно ровный. Вход в жилище не прослеживается. Вдоль стен отмечены скопления древесного угля и остатки жженных палок. Отдельные палки ориентированы к центру котлована, что может указывать на

конусовидный характер деревянного перекрытия. Вероятно, кровля жилища опиралась на пол котлована возле его края, так как никаких ям от опорных столбов не обнаружено. Остатки очага размерами 78×82 см находились на полу в центре жилища. В разрезе он представляет собой слой прокаленной земли линзовидной формы бурого цвета мощностью до 15 см. В заполнении очага были найдены фрагменты жженных костей рыб и копытных животных, а также крупные фрагменты керамического сосуда, который реставрируется в целую форму (см. рис. 72, 2). В северо-восточной части жилища также найдены камни, расколовшиеся под действием огня.

Жилище № 3 отмечено в 2 м северо-восточнее жилища № 2 (см. рис. 70; 71, III). Оно представляло собой углубленное строение округлой формы размерами 3,5×4 м. Площадь котлована составила около 12 кв. м. Глубина котлована у северной стенки 15–16 см, у южной – 25–26 см. Пол относительно ровный. Вход не прослеживается. Вдоль стен жилища обнаружены скопления древесного угля. Очаг находился в центре на полу. В разрезе он представлял собой линзу прокаленной почвы красного цвета, размером 45×50 см и мощностью до 15 см. В заполнении очага обнаружены фрагменты жженных костей рыб и копытных животных.

На полу жилища были найдены камни со следами пребывания в огне, три молота (см. рис. 72, 5) и фрагменты керамики без орнамента, сконцентрированные, в основном, в северном и северо-восточном секторе котлована.

Жилище № 4 располагалось в 1,5 м северо-восточнее жилища № 3. Оно представляло собой углубленное строение округлой формы, размерами 4,5×4,0 м. Площадь котлована составила около 13 кв. м. Глубина его у северной стенки – 13–14 см, у южной – 18 см. Вход в жилище не прослеживался, возможно, он размещался с юго-восточной стороны, так как там дно котлована находилось на одном уровне с культурным слоем внежилищного пространства. Пол жилища относительно ровный. Очаг размерами 80×80 см отмечен в центре на полу. В разрезе он представлял

собой линзу прокаленной земли красного цвета мощностью до 10 см. В заполнении очага обнаружены фрагменты жженных костей рыб и копытных животных, а также фрагменты керамики. В жилище были найдены небольшие камни, расколовшиеся под воздействием огня, и массивный камень, расположенный к северо-востоку от очага. Керамика в жилище представлена фрагментами от четырех сосудов (см. рис. 72, 3, 4, 13–18), причем один черепок использовался в качестве скребка. Фрагменты керамики из жилища склеиваются с черепками, найденными в слое с восточной стороны от жилища.

В слое за пределами котлованов жилищ были найдены камни со следами пребывания в огне, а также фрагменты керамики, представляющие 10 сосудов (см. рис. 72, 1, 19, 20). Черепки от шести этих сосудов склеиваются с фрагментами из жилищ, что позволяет рассматривать весь комплекс как одновременный.

Керамика включает 378 фрагментов, из которых 43 венчики, 312 от стенок и 23 от дна. Все черепки представляют 12 сосудов, изготовленных по одной технологии. Она лепилась ручным способом из формовочной массы с примесью дресвы. Внешняя поверхность большинства черепков гладкая, только на некоторых отмечаются отдельные «вафельные» отпечатки. Это указывает на то, что при формообразовании применялась колотушка, оттиски от которой впоследствии тщательно заглаживались. Черепки серого и красно-коричневого цвета. Обжиг костровой, высокотемпературный (рис. 73).

По форме преобладают банки закрытой формы с плоским дном (16 экз.). Утолщенный край их прямой или слегка отогнут наружу, имеет прямой, овальный или скошенный наружу срез. Гипотетически реставрируются плоская и сосуд-дымокур, у которого в придонной части прикреплялось трубчатое наклепное ушко. Сохранившаяся часть демонстрирует крепление ушка к стенке горшка, усиленное гладкими наклепными жгутиковыми валиками (см. рис. 72, 3; 73, 5–8).

Три сосуда без орнамента, среди них плоская. Остальные орнаментированы. Их можно разделить на три типа.

К VI типу относится один фрагмент венчика, который украшен двумя рассеченными жгутиковыми налепными валиками. Валики рассекались пальцевыми защипами (см. рис. 72, 15). Этот черепок найден в жилище № 4.

XV тип (7 сосудов) включает банки с плоским или уплощенным дном, украшенные гладкими жгутиковыми налепными валиками. Под венчиком 2–3 валика проходят горизонтально, а ниже, до придонной части, спускаются вертикально или наклонно (см. рис. 72, 1, 2, 12–14, 16, 19, 20; 73, 1–4, 9, 11, 12). К этому же типу относится и сосуд-дымокур с трубчатым ушком в придонной части. Налепленные на ушко валики тоже оставались гладкими. Такая керамика найдена в жилищах № 1, 2, 4 и в культурном слое селища. Она выступает культууроопределяющим признаком для комплекса.

К особому XVI типу следует отнести частично реставрированный сосуд баночной формы, который под венчиком украшен поясом «жемчужин» и двумя горизонтальными налепными жгутиковыми валиками, а по тулову – наклонными валиками. Валики рассечены оттисками гладкого орнамента (см. рис. 72, 4; 73, 10). Сосуд сочетает в себе в общих чертах орнамент керамики VI и XV типов, но здесь отмечается новый элемент – «жемчужник». Важно отметить, что из многочисленной керамики, найденной на памятниках раннего железного века, это единственный сосуд, в орнаментации которого использовались «жемчужины». Поэтому он выделен в отдельный тип.

На площади раскопа были найдены три скребка для обработки шкур из черепков таких же сосудов. В качестве рабочей кромки использовался один выпуклый край.

Каменный инвентарь селища представлен орудиями ударного действия, изготовленными из галек. В качестве молоточков для обработки металлических изделий или дробления мягких материалов могли использоваться три орудия из жилища № 1 и три орудия из жилища № 3

(см. рис. 72, 5, 6, 7). Они имеют округло-уплощенную, округло-продолговатую и конусовидную форму. Как правило, рабочий край размещался на торце орудий, который несет следы выбоинок, вмятин, забитости и затупленности.

Важно отметить нахождение в жилище № 1 обломка железного стержня квадратного сечения, возможно, проколки (см. рис. 72, 8) и железной иглы с округлым ушком (см. рис. 72, 9). Игла длиной 6,3 см округлого сечения. Ушко расковано, в нем пробито тонкое круглое отверстие.

Таким образом, для комплекса характерны углубленные жилища округлой формы, кровля которых представляла собой, скорее всего, конусовидную форму и сооружалась из жердей, которые опирались на плечики котлованов. На это указывает отсутствие опорных столбов. Входной проем не выделялся конструктивно. Очевидно, он устраивался прямо в стене чумообразного жилища. Судя по плану жилища № 4, вход мог размещаться с юго-восточной стороны, на что указывает разброс находок в этом направлении. Комплекс характеризуется валиковой керамикой и сопровождается орудиями из железа и камня.

Материалы еще одного памятника показательны для нижнепорожинской культуры. Это *селище Шилка XI*, которое находится в 70–100 м от реки, на 10–12-метровой террасе правого берега р. Енисей, в 500 м южнее устья р. Шилки. Поселение занимало ровную площадь поверхности только этой террасы. С западной стороны она ограничена склоном, который резко переходит на уровень более низкой 7-метровой енисейской террасы, где расположено многослойное поселение Шилка IX. С северной стороны площадь селища ограничивается затянутым логом, а с восточной и южной стороны – склонами 16-метровой террасы. На селище отмечаются 20 задернованных котлованов древних углубленных жилищ, которые расположены двумя линиями (рис. 74). Одна линия построек из 10 котлованов проходит вдоль края 10-метровой террасы. Другая, состоящая из девяти объектов, – проходит вдоль склона 16-метровой террасы или вдоль

края слабо выраженной 11-метровой террасы. К этой линии объектов, очевидно, относится еще один котлован (№ 13), фиксируемый в 5–7 м восточнее котлованов 12 и 14. По расстоянию между жилищами и планиграфии каждый ряд условно разделяется на две группы с 4–5 жилищами в каждой, т. е. на памятнике существовали не менее четырех одновременных древних поселков. Все жилищные западины неправильной округло-квадратной формы, задернованы, оплывшие. Их размеры варьируют в пределах от 2,5×3,5 м до 5,0×6,0 м при глубине 0,4–0,6 м. На северной периферии памятника отмечаются следы прямоугольного наземного сооружения русского времени, размерами 8×10 м, с которым, очевидно, связаны четыре ямы, лежащие по разные стороны в 5–12 м от него.

В 2001 г. раскопом 64 кв. м было изучено крайнее жилище в южной части селища. В раскопе отмечен один культурный слой, который содержал одновременные материалы и залегал в подошве горизонта темно-коричневой супеси на глубине 20–30 см от дневной поверхности. Из кровли слоя был впущен котлован жилища № 1, сопровождающийся находками нижнепорожинской культуры. За пределами жилища эти материалы лежали вместе с каменными изделиями неолита. Смещение материалов произошло из-за слабого почвообразования на поверхности террасы, связанного, очевидно, с интенсивным антропогенным воздействием – уничтожением дерновой биомассы, например, вытаптыванием. Воздействие подтверждается смешанным характером супесчаной почва, а также сильной «окатанностью» краев керамических черепков, найденных на раскопе вне жилища. Керамика в значительной массе представлена мелкими обломками, разными по цвету (даже от одного сосуда) и не склеивающимися между собой. Керамика из жилища внешне выглядит совсем иначе. Фрагменты более крупные, края менее затерты. На уровне пола жилища не встречались и продукты расщепления камня, они зафиксированы только в заполнении. Приведенные наблюдения позволяют считать, что жилище было впущено в слой стоянки неолита.

Жилище № 1 являлось крайним южным в ряду. Котлован углубленного жилища имел неправильную овальную форму размерами 4,3×4,1 м при глубине 40 см (рис. 75). Общая площадь котлована составляла около 13 кв. м. Его стенки прослеживались плохо, они были заплывшими. С восточной стороны выявлено темное углистое пятно длиной 140 см и шириной 25 см, возможно, от бревна, укреплявшего стенку. Северная стенка котлована нарушена древним выворотом, от которого яма была заполнена прокаленной оранжевой супесью с древесными углями. К остаткам перекрытия условно были отнесены тонкие длинные обугленные остатки дерева (жердей), которые отмечались выше пола на 15–20 см в южном и западном секторе жилища и были направлены к его центру. Аналогичную направленность имели и тонкие куски обгоревшего дерева, фиксируемые на плечиках котлована. В центре жилища располагался очаг открытого типа размерами 120×80 см и мощностью прокала 6–8 см. Рядом с ним с северо-восточной стороны лежал большой плоский камень размерами 30×40×10 см. В южном и северном секторе жилища найдены 64 черепка, из которых 12 – венчики, 1 – фрагмент дна, 1 – ушко и 2 – плоски (рис. 76, 1, 3, 5–9; 77, 1, 4, 8).

За пределами котлована жилища на уровне культурного слоя отмечены куски керамической массы, небольшой обломок бронзового предмета, колотые огнем камни и 256 фрагментов керамики (см. рис. 76, 3, 4, 10–16; 77, 2, 3, 5–7, 9, 10), из которых 23 – венчики, 3 – фрагменты донной части горшков и 2 – фрагменты шейки. Черепки сопоставляются с фрагментами из жилища, что позволяет рассматривать их вместе.

Как мы отмечали, селище было устроено на месте стоянки неолита, от которой в слое фиксировались изделия из расщепленного камня. На уровне культурного слоя, вне котлована жилища, выявлено 30 каменных артефактов, из которых 1 – скребок, 3 – нуклеуса, 7 – пластины и 19 – отщепы. Концевой скребок на пластине (см. рис. 76, 20) и призматические двухплощадочные полифронтальные нуклеусы (см. рис. 76, 21–23) не отличаются от образцов, встречаемых в неолитических слоях енисейских памятников. Важно

отметить, что еще два таких же нуклеуса вместе с двумя отщепами были зафиксированы в заполнении котлована, выше уровня его дна. Это еще раз подтверждает устройство кровли жилища – засыпку его землей или перекрытие кусками дерна, с которыми и попали неолитические предметы в заполнение котлована.

С деятельностью обитателей жилища необходимо связывать наличие трех грузил из галек с противоположно лежащими выемками для привязи. Размеры грузил от 10×5×6 до 16×9×6 см.

Типичным для поселений эпохи металла является нахождение в слое скоплений камней, как целых с закопченной поверхностью, так и расколотых огнем. Среди них встречались фрагменты керамики, что еще раз позволяет предположить использование камней для нагревания жидкости в сосудах.

Керамика селища представлена 320 фрагментами. За редким исключением, они не склеиваются друг с другом. По имеющимся обломкам венчиков можно говорить о наличии как минимум восемнадцати сосудов, характеризующих комплекс. Из них черепки от девяти залежали на полу жилища, остальные – на уровне культурного слоя.

По составу формовочной массы черепки идентичны сосудам селища Шилка XII/2. В них также отмечаются зерна дресвы. Сосуды сформованы вручную, предположительно техникой лоскутного налепа. Толщина стенок сосудов 3–5 мм, венчиков – 6–8 мм. Поверхность черепков в большинстве случаев гладкая, только на трех читаются следы выбивания «вафельной» колотушкой. Однако необходимо иметь в виду, что обработку поверхности из-за фрагментарности материала определить трудно. Черепки преимущественно красно-коричневого цвета с бурым оттенком. На внутренней поверхности отдельных фрагментов фиксируется черный нагар.

По форме и орнаменту керамическая посуда разнотипна, но в значительной степени похожа на посуду селища Шилка XII/2 и дополняет характеристику керамики нижнепорожнинской культуры.

Фрагмент одного венчика идентичен керамике II типа (заостровского). У него край отогнут наружу, а внешний борт украшен рядами глубоких пальцевых наколов (см. рис. 76, 4; 77, 5). Черепок найден на уровне культурного слоя.

Фрагменты шести сосудов сопоставляются с керамикой IV типа. Они простой закрытой баночной формы, имеют скошенный наружу слегка утолщенный край. Плечико подчеркнуто гладким желобком, выдавленным в стенке. С внешнего борта край сосуда оформлен рядом пальцевых защипов, ниже которого читаются накольчатые гладкие оттиски или насечки (см. рис. 76, 6, 13, 15, 16; 77, 6, 10). Черепки отмечены как в жилище, так и в слое.

Еще один фрагмент венчика схож с керамикой XII типа. Он представляет горшок с утолщенным широкой налепной лентой горлом. По ней, а также по плечикам нанесены ряды отступающих и накольчатых оттисков приостренной гладкой палочки. Аналогичные наколы рассекают венчик и нижнее ребро ленты (см. рис. 76, 9; 77, 8). Черепок найден на полу жилища.

Близкий способ нанесения орнамента отмечается еще на двух фрагментах, найденных в жилище и за его пределами. Они горшковидной формы. У одного край сосуда утолщен широким налепом и украшен рядами накольчатых оттисков приостренного орнамента. Ниже такие же оттиски строятся наклонными линиями (см. рис. 76, 1; 77, 4). Горло второго сосуда профилированное. Его орнамент состоит из рядов наколов (см. рис. 76, 14; 77, 9). Эти черепки правомернее сопоставить с посудой XIII типа.

Следует отметить нахождение в жилище и за его пределами черепков от трех сосудов, которые отличаются от остальной посуды селища. Это фрагменты закрытых банок, украшенные с внешнего борта двумя налепными жгутиковыми валиками, которые рассечены пальцевыми защипами. Один валик проходит по краю сосуда, второй – в зоне шейки. Устойчивое сочетание формы и орнамента позволяет объединить эту

керамику в отдельный, новый XIV тип. Такая керамика станет широко распространенной в районе исследования с появлением носителей шилкинской культуры.

Характеристика керамической коллекции селища Шилка XI будет неполной, если не отметить нахождение в жилище фрагментов неорнаментированной плитки с гладкой поверхностью стенок. Она имела открытую форму с округлым дном. Ее диаметр равен высоте и составляет 5,0 см (см. рис. 76, 7). В жилище также найдены «прямоугольное» налепное ушко без орнамента с двумя отверстиями (см. рис. 76, 8) и куски формовочной массы.

Позднюю стадию развития культуры представляет селище *Шилка XIII*, которое расположено в 2 км севернее селища Шилка X, в 4,3 км севернее д. Порог на 10–13-метровой террасе правого берега р. Енисей в 1–1,2 км ниже устья р. Шилка, на берегу курьи, которую местные жители называют «Щучьей». С южной стороны площадь селища ограничивается выходами скал, которые в реке образуют гряду. Ниже нее течение Енисея спокойное, здесь заканчивается Казачинский порог. С восточной и северной стороны поверхность террасы резко переходит на более высокий уровень, а с западной стороны – ограничивается краем. Уровень террасы понижается в южном направлении. На памятнике визуально отмечаются 19 подквадратных котлованов жилищ, расположенных в ряд вдоль края берега, на террасе, которая разрывается двумя небольшими ложками (рис. 78).

Размеры котлованов варьируют от 2,5×2,5 м до 4,0×4,0 м при глубине 0,05–0,60 м. Разница в размерах и, главное, в глубине котлованов может указывать на их разновременность. Это подтверждается и планиграфией памятника, где котлованы размещаются тремя группами. В северной группе, между двумя логами, фиксируются пять жилищ, из которых центральное имеет самый глубокий котлован (0,60 м), сопровождаемый обваловкой. К этой группе, возможно, относится и жилище № 1, которое расположено в небольшом отдалении на северной периферии древнего поселка.

В центральную группу входят 8 котлованов, а в южную – пять. Последние самые мелкие, глубиной 0,05–0,15 м. Таким образом, на террасе здесь размещалось как минимум три древних поселка.

В 2003 г. раскопом 76 кв. м изучено крайнее жилище на северной периферии селища. В раскопе отмечено два культурных слоя, приуроченных к различным геологическим горизонтам. Нижний (второй) слой приурочен к кровле коричневой супеси. Он содержал материалы раннего бронзового века, а именно: каменный скребок и 17 фрагментов керамики, среди которых два венчики и одно налепное ушко. Верхний (первый) слой, относящийся к нижнепорожинской культуре, представлен темно-серой супесью и залегал на глубине 20–30 см, что на 10–15 см выше второго слоя. С первого слоя был впущен котлован жилища, контуры которого при зачистке читались в виде темного пятна на фоне более светлой внешней поверхности. Все артефакты слоя связаны с устройством жилища и деятельностью его обитателей. За пределами котлована находки залегали скоплениями и разрозненно, в основном в западной и южной части раскопа, т. е. со стороны входа в жилище. В восточной части раскопа, которая понижается к краю террасы, находок значительно меньше. Здесь отмечаются единичные каменные изделия и фрагменты керамики.

Жилище № 1 являлось крайним в северной части поселка и располагалось в 7 м от близлежащего жилища № 2, отделяясь от него небольшой ложбинкой на поверхности террасы. Жилище площадью 9,6 кв. м представляло собой строение, возведенное над неглубоким подквадратным котлованом размерами 3,0×3,2 м при глубине 20–40 см. Длинные стенки ориентированы по линии север – юг с отклонением на 20 град. Вдоль южной стенки зафиксированы обгоревшие остатки деревянной жерди, которой, возможно, укреплялась земляная стенка котлована. Вход выявлен в виде коридорообразной плавно понижающейся врезки в юго-восточный угол котлована (рис. 79; 80).

Вокруг котлована и возле его стенок отмечены следы деревянного и берестяного перекрытия кровли. От опорных столбов удалось выявить 18 ям, заполненных темно-серой почвой с включением древесных углей. Их месторасположение, размеры, глубина, угол наклона и направление позволяют достаточно достоверно провести реконструкцию кровли жилища. Оно имело деревянную каркасную четырехскатную крышу, которая опиралась на два вертикальных столба, расположенных с торцов. Определенную несущую нагрузку несли и наклонные столбы по углам и стенам.

Пол в жилище ровный. Очаг подквадратной формы размерами 55×60 см находился на полу и немного смещен от центра к западной стенке. В разрезе очаг представлял собой бугор прокаленной земли линзовидной формы красно-оранжевого цвета мощностью до 5 см. В заполнении очага найдены мелкие фрагменты жженных костей рыб и мелких зверей. Возле очага с восточной стороны – крупные фрагменты нижней части сосуда (рис. 81, 2), а также обломок диафиза голени лося(?), фрагменты левого бедра и верхнего коренного зуба бобра, верхний коренной зуб овцы или козы и три фрагмента костей мелкого копытного. Возле северной стенки котлована (противоположной от входа), на земляной полке высотой 3–5 см – в скоплении отмечены обломок лучевой кости и обломки от трех нижних челюстей двух особей взрослых лисиц. Здесь же найдены фрагмент пястной кости овцы (козы), обломки центральной кубовидной кости, заплюсневой кости и пястной кости коровы (?), а также фрагменты позвонка, большой и малой берцовых костей, астрагала, первых фаланг и два верхних коренных зуба одного бобра. Среди этого скопления находились шесть обломков трубчатых костей крупного копытного и 60 неопределимых фрагментов. В юго-западном углу жилища лежали нижняя челюсть и зубы от двух особей бобра, обломок плеча и диафиза лучевой кости крупного копытного, а также 30 фрагментов неопределимых костей. На полу жилища с восточной стороны от очага найдены кости: коровы – обломки второй фаланги, нижней челюсти,

верхний коренной зуб и еще два фрагмента зубов; овцы (козы) – два обломка коренных зубов и обломок плечевой кости; косули – два верхних коренных зуба; крупного копытного (коровы?) – восемь обломков трубчатых костей и еще 32 фрагмента костей мелкого копытного животного. Здесь же отмечены фрагменты керамического скребка (см. рис. 81, 8), отдельные фрагменты керамики (см. рис. 81, 7, 10, 11), каменное скребло-лощило (см. рис. 81, 9) и 24 гальки с закопченной поверхностью. Еще 13 таких же галек найдено на полу входа.

На плечиках котлована (в пристенках или на полках между стенками котлована и ямами от жердей перекрытия) в северо-восточном углу зафиксирован развал сосуда (см. рис. 81, 1), под южной стенкой отмечены черепки от двух сосудов (см. рис. 81, 3, 4). Возле северной стенки жилища, возможно, с внешней стороны, найдены черепки еще от двух сосудов (см. рис. 81, 5, 6). Части трех сосудов (см. рис. 81, 3, 6, 7) склеиваются из фрагментов, обнаруженных как на полу жилища, так и на плечиках котлована, что позволяет считать их находками из внутреннего пространства объекта.

Керамика комплекса представлена 337 фрагментами, из которых 35 венчики от 9 сосудов. Многие фрагменты собираются в крупные блоки, по которым можно представить форму и орнамент целого сосуда.

В состав формовочной массы входила дресва (размером 0,5–3 мм) и органический раствор. В исходном сырье значительная концентрация слюдянистого песка, что может указывать на его отбор на берегу Енисея. Сосуды сформованы вручную, предположительно техникой лоскутного налета. Толщина стенок сосудов 3–5 мм, венчиков – 6–8 мм.

Поверхность стенок гладкая, заглажена эластичным инструментом. В одном случае на черепке, переоформленном в скребок, поверхность сохранила оттиски от выбивания рубчатой колотушкой (см. рис. 81, 8). Этот черепок размерами 5,0×13,5 см в единственном экземпляре. Очевидно, обитатели жилища его подняли где-то на стороне и использовали для

выделки шкур. Он демонстрирует верхнюю часть сосуда, который украшен рядами рассеченных наклепных валиков, т. е. по орнаменту он сопоставляется с керамикой, найденной в жилище.

Обжиг керамики проводился на костре. На это указывает неравномерный цвет стенок сосудов в пределах одной формы. Как правило, все черепки коричневого цвета с красноватым оттенком. Единичные черепки более светлые. Цвет последних, скорее всего, изменился во время использования сосудов, например, во время приготовления пищи на углях костра. На внутренней поверхности многих горшков фиксируется черный нагар, оставленный накипью от пищи.

По форме и орнаменту сосудов вся керамическая коллекция разделяется на четыре типа.

Тип VI – сосуды баночной формы (3 экз.) с прямым или слегка вогнутым краем. Сечение венчиков – прямое или каплевидное. Обрез края приостренный, прямой или округлый. Сосуды украшены по плечу горизонтальными наклепными жгутиковыми валиками, которые, как правило, рассечены наколами или пальцевыми защипами. В одном случае они дополняются гладкими треугольными тонкими наклепными валиками, строящимися концентрическими дугами, нанесенными по тулову (см. рис. 81, 1). Размеры сосудов различны. Диаметр по венчику – от 20 до 32 см. К этому же типу относится черепок, из которого изготовлен скребок (см. рис. 81, 8).

К типу XI отнесен горшок (1 экз.), шейка которого утолщена широкой наклепной лентой. Обрез края сосуда прямой. Венчик рассечен наклонными гладкими оттисками. На внешней поверхности нанесены горизонтальные ряды наколов широкой лопатки с ребристым окончанием. Размеры сосуда не устанавливаются, поскольку он представлен мелкими фрагментами (см. рис. 81, 11).

Тип XIII (4 экз.) объединяет три сосуда закрытой горшковидной формы со слегка отогнутым краем с прямым обрезом. Горшки украшены по шейке и

плечикам накольчатыми оттисками орнамента с приостренным рабочим концом. В одном случае на сосуде-дымокуре, на плечике аналогичные оттиски строятся в спускающиеся треугольники. Диаметр этих сосудов по венчику – 11–12 см (см. рис. 81, 3, 4, 6). К этому же типу условно отнесен реставрированный блок тулова крупного сосуда, диаметр которого до 30 см (см. рис. 81, 2)

Стоит отметить присутствие в комплексе двух различных сосудов-дымокуров. Один горшковидной формы, другой – баночной. Диаметр горла – 10–12 см, высота – 14–16 см. На первом сосуде на шейке, скорее всего, крепилось одно ушко в форме ручки-арки, а под ним в придонной части – одно трубчатое ушко. На трубчатом ушке с четырех сторон наносились жгутиковые рассеченные валики, которые выступали не только орнаментом, но и ребрами жесткости для усиления крепления к стенке. В этом ушке также проделывались четыре отверстия, они располагались попарно с двух сторон. Этот сосуд-дымокур по орнаменту относится к XIII типу керамики (см. рис. 81 – 6). Другой сосуд-дымокур имел наклепанные под краем «языковидное» ушко с отверстием, а на тулове – два «прямоугольных» ушка с двумя отверстиями. По орнаменту из гладких горизонтально расположенных жгутиковых наклепных валиков этот горшок относится к XV типу (см. рис. 81, 7).

Отдельно следует указать наличие в комплексе наклепной керамической ручки арочной формы, украшенной накольчатыми оттисками М-образного орнамента (см. рис. 81, 10). По орнаменту она схожа с керамикой XIII типа.

Внутри жилища и вне его пределов были отмечены два каменных скребка. Они округлой формы и изготовлены на плитках слоистых пород. По всему периметру изделий отмечаются негативы сколов, рабочие выщерблины и следы стертости. Предметы могли использоваться в кожевенном деле или для снятия чешуи с рыбы (см. рис. 81, 9).

Представленное жилище на селище Шилка XIII относится к типу углубленных, каркасных. Кровля жилища представляла собой, скорее всего, шалашеобразную четырехскатную форму и сооружалась из жердей, которые опирались на вертикальные и наклонные столбы, установленные на плечиках котлована. Вход в жилище был коридорообразным с покатым полом.

Характеристика нижнепорожинской культуры будет не полной, если не рассмотреть комплексы, залегающие на временных стоянках открытого типа, сохранившиеся на многослойных памятниках района.

На многослойном поселении *Бобровка* нижнепорожинская посуда залегала в культурном слое 4Б (см. рис. 9). Вместе с ней найдены уплощенный точильный камень, галечные грузила с перехватами на противоположных сторонах для рыболовных сетей, камни со следами пребывания в огне и раздробленные кости лося и рыбы [Археология..., 2003, с. 120–122].

Керамика слоя с площади раскопа № 1 включает 336 фрагментов, из которых 38 – венчики и 11 – черепки с орнаментом. Они представляют 18 сосудов, из которых 9 относятся к нижнепорожинскому (VI) типу керамики (рис. 82, 1–10; рис. 11), 8 – IV типу (с желобком) (см. рис. 82, 11–14, 16–19) и 1 – условно к каменско-маковскому (XI) типу (см. рис. 82, 15).

Нижнепорожинская посуда здесь украшена налепными валиками, как гладкими, так и рассеченными. Их наносили по внешней поверхности в верхней части сосудов. Если край был скошен наружу, то он оставался неорнаментированным либо покрывался рядами накольчатых оттисков. В двух случаях плечики дополнительно украшались вертикальными или наклонными гладкими или рассеченными налепными жгутиковыми валиками.

Еще одним многослойным памятником, где зафиксирована нижнепорожинская посуда, является *поселение Шилка IX*. Здесь нижнепорожинская керамика залегала в четвертом культурном слое, который был привязан к погребенной почве, содержащей смешанные

материалы раннего железного века [Мандрыка, 2005, с. 177–182]. На уровне слоя зафиксированы два разнотипных бронзовых ножа, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с черешковым уплощенным насадом, обломки других бронзовых предметов (рис. 83, 9, 10, 13, 14). Здесь же найдены пастовая бусина-пронизка с раздутым телом (см. рис. 83, 11), галечные грузила с перехватами, каменные молоты, песты, точила и дисковидные скребки [Мандрыка, 2005, рис. 4].

На вскрытой площади слоя было зафиксировано 1320 фрагментов керамики, среди которых 356 – венчики, 9 – налепные ушки и фрагменты поддонов. Определяются 46 сосудов, из которых 20 относятся к нижнепорожинскому VI типу (см. рис. 83, 1, 3–8, 15, 16; 84, 1, 3), 13 – к шилкинскому XVII типу (рис. 85, 8–15), четыре – к нижнепорожинскому XV типу (см. рис. 83, 2; 84, 5), три – к каменско-маковскому XI типу (см. рис. 84, 7; 85, 1–3), три – к IV типу (с желобком) (см. рис. 85, 4–6) и один – к XIII типу (с рядами оттисков) (см. рис. 85, 7). В коллекции также имеются два сосуда с сегментовидными ручками (см. рис. 83, 20), семь «прямоугольных» и два «языковидных» керамических налепных ушка (см. рис. 83, 8, 19) от сосудов-дымокуров, а также семь фрагментов трубчатых поддонов (см. рис. 83, 17).

По морфолого-типологическим признакам к нижнепорожинскому комплексу следует отнести 24 сосуда баночной формы с уплощенным дном, верхняя часть которых украшалась различными налепными жгутиковыми валиками. Под венчиком валики строились горизонтально. На отдельных сосудах на плечиках валики проходят наклонно и спускаются до придонной части. Иногда валики оставались гладкими, но чаще они рассекались мелкозубчатыми, скобовидными и другими наколами или пальцевыми защипами (см. рис. 83, 1–7, 15, 16, 18).

К этому же типу условно можно отнести и два толстостенных сосуда с сегментовидными ручками. Один такой сосуд восстановлен (см. рис. 83, 20). Он имеет баночную форму с уплощенным дном. Сосуд украшен в верхней

половине формы. Орнамент состоит из горизонтальных рядов пальцевых оттисков. От ручек сосуда вверх, вниз и по сторонам отходят налепные жгутиковые валики, которые кроме украшения несли функцию ребер жесткости. Три валика, отходящих вверх от ручек, рассечены ногтевыми оттисками. Остальные – гладкие. Диаметр этого сосуда по венчику равен 12 см. Высота – 15 см. Диаметр тулова – 16 см. Толщина стенок – до 1 см.

Остальная керамика слоя связана либо с другими культурно-хронологическими комплексами (типы XI, XIII, XIV) раннего железного века, либо с комплексом поздней бронзы (тип IV). Нельзя достоверно связать с нижнепорожинским комплексом и найденные на поселении бронзовые и каменные вещи.

Значительное количество материалов культуры отмечено еще на одном, стационарно изученном многослойном памятнике – поселении *Нижнепорожинское I*. Оно расположено на 7–11-метровой террасе левого берега Енисея в створе Казачинского порога (см. рис. 58). На северной окраине поселения расположен могильник тагарского времени, описание которого приведено выше. За четыре полевых сезона 1988–1991 гг. на поселении одним раскопом вскрыто 343 кв. м площади. Выявлено два культурных слоя, нижний из которых относится к мезолиту.

Первый культурный слой, который залегал на глубине 20–60 см от дневной поверхности и был приурочен к темно-серой супеси, – мешаный. В нем содержатся материалы от развитого бронзового века до средневековья [Гридина, 1991; Мандрыка, 1989б; 1992б; 1998].

К раннему железному веку типологически относятся бронзовые ножи, игла, бляшка со стилизованным изображением голов грифона, бабочковидная бляшка, галечные грузила для сетей (рис. 86, 1–4, 6, 7, 8), выпрямители древков стрел, керамические (рис. 87) и каменные скребки (см. рис. 86, 11, 12), скобели и другие каменные орудия ударного действия. Кроме этого, на площади поселения отмечено скопление железных шлаков, но самого железоплавильного сооружения не найдено. Среди сборов с песчаного пляжа

имеется обломанная рукоять бронзового кинжала (см. рис. 86, 5). Из слоя также происходит антропоморфная бляшка «релкинского» типа и трехлопастной железный наконечник стрелы [Мандрыка, 2003, с. 122–129].

Более пяти тысяч фрагментов керамики, найденных в слое, демонстрируют 212 сосудов. Из них к нижнепорожинской культуре относятся 117: 103 сосуда VI типа (рис. 88, 89), 14 сосудов XV типа (рис. 90) и 29 сосудов XIII типа (рис. 91, 2–9). В коллекцию также входят отломки от пяти сосудов с сегментовидными ручками (тип XVIII), которые украшены рядами приостренных наколов (см. рис. 91, 1; 92), близких посуде XIII типа. В этом же слое отмечено 23 сосуда каменско-маковского (XI) типа (рис. 93) и 7 сосудов шилкинского (XIV и XVII) типов (см. рис. 91, 10–15). Здесь же залегала керамика бронзового века, – это 10 сосудов II (заостровского) типа (рис. 94, 1–9), 12 сосудов IV типа (с желобком) (см. рис. 94, 10–19) и 1 сосуд IX типа (см. рис. 94, 21). Еще четыре сосуда украшены тонкими волнистыми и прямыми обмазочными налепными валиками и относятся к гуннскому времени и средневековью (см. рис. 91, 16–19).

Следует отметить, что из 74 сосудов-дымокуров, фрагменты которых зафиксированы в слое, большая часть относится к XIII типу (судя по фрагментам венчиков с «языковидными» ушками). В коллекции также имеются сосуды-дымокуры, украшенные гладкими валиками (тип XV), рассеченными валиками (тип VI) и отступающе-накольчатými оттисками (тип XI). При этом сосуды различались конструктивно – в коллекции имеются 59 «прямоугольных» налепных ушков, 39 «языковидных» и 37 трубчатых (рис. 95; 96).

Таким образом, жилища раннего этапа культуры (8 объектов) представляли собой строения с овальной формой основания, углубленного на 10–40 см. Их площадь составляла от 7 до 15 кв. м. Вход и ямы опорных столбов не зафиксированы. Чашевидное дно котлованов слегка углублялось к центру, где размещался наземный очаг овальной или подпрямоугольной формы размерами до 1,0×1,0 м с прокалом мощностью до 15 см. Заполнение

очагов состояло из бурой прокаленной почвы и древесного угля, перемешанного с мелкими обломками жженных костей. Пол в жилищах выделялся по уплотненности и цвету почвы, включению угольков, уровню устройства очага и залегания находок. В жилищах найдены изделия из железа (игла, обломок острия) и бронзы (нож, обломок наконечника стрелы). Также отмечены орудия из камня (молоток, отбойник-абразив, дисковидные скребки) и керамики (скребки), обломки посуды (иногда собирающиеся в полный сосуд) и камни с закопченной поверхностью.

Поселки состояли, очевидно, из 5 жилищ, устроенных одним рядом вдоль края террас в 3-5 м друг от друга. Мощность культурного слоя не превышала 5-10 см. Вне жилищ найдены бронзовые (ножи), каменные (молотки, скребки) и керамические (скребки) орудия, скопления расколотых и целых камней, значительное число фрагментов керамики.

Жилище позднего этапа культуры, изученное на селище Шилка XIII, представляло собой каркасно-столбовое строение, возведенное над подквадратным котлованом площадью 9,6 кв. м. и глубиной 20–40 см. Коридорообразный вход был устроен в юго-восточном углу постройки. Четырехскатная кровля опиралась на П-образную столбовую раму. На ровном полу устраивался наземный очаг подквадратной формы. Вдоль дальней от входа стены зафиксирована земляная полка.

3.1.3. Датировка и хронология

Датировка комплексов нижнепорожинской культуры устанавливается сравнительно-типологическим анализом материалов из жилищ и культурных слоев, аналогиями вещей, стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями. Также обсуждаются данные радиоуглеродных датировок.

Культура существовала на протяжении тагарского и таштыкского периодов, с конца VII в. до н. э. по III–V вв. н. э. Продолжительное существование культуры подтверждается относительной хронологией многослойных комплексов, которые содержат нижнепорожинские

материалы. На многослойных поселениях Бобровка, Шилка XII/2 и Шилка IX слои с нижнепорожинской керамикой залегают выше слоев, содержащих посуду шепилевской культуры позднего бронзового века. На поселении Бобровка нижнепорожинский слой перекрывается прослойкой с керамикой позднепаштыкского облика, украшенной полулунно-зубчатым штампованным орнаментом и раннесредневековым слоем с керамикой айканского типа. Аналогичная стратиграфия на поселении Шилка IX, где находки нижнепорожинской культуры перекрыты слоем раннего средневековья.

Одним из ранних поселенческих объектов культуры следует считать жилище № 1 на селище Шилка XII/1. Объект расположен на краю жилищного ряда и отмеченная в нем керамика (типы II, IV и VI) продолжает традиции шепилевской культуры. Банки VI типа с техническим «вафельным» декором сохраняют преемственность предшествующего времени не только по способу формовки сосудов, но и по орнаментации горизонтальными рассеченными наклепными валиками. Новшеством выступает усложнение орнамента, нанесение по плечу и тулову наклонных наклепных валиков. По способу изготовления, форме и сечению венчика такие круглодонные банки сопоставляются с сосудом из погребения № 3 усть-шилкинское могильника. Исходя из этого, датировку жилища можно определить интервалом VII–VI вв. до н.э.

Датировка селища Шилка X в интервале III–II вв. до н.э. устанавливается керамикой XV и XVI типов, а также присутствием изделий из железа – иглы с пробитым ушком и четырехгранного острия пробойника (?). На раннюю дату может указывать баночные сосуды, стенки которых покрыты отпечатками «вафельной» колотушки и украшенные двумя-тремя гладкими наклепными валиками. Такой орнамент напоминает горизонтальные желобки в верхней части сосудов баночной формы из ранних тагарских комплексов. Поздняя дата определяется началом широкого распространения изделий из железа в Южной Сибири [Завьялов, Терехова,

2015] и в районе исследования. Имеющиеся из селища Шилка X две радиоуглеродные даты нельзя использовать для определения возраста жилищ. Они получены по образцам угля, взятого из обгоревших плах, размещавшихся в перекрытии котлованов жилищ № 2 и № 3. Для первого образца была получена дата 2740 ± 70 (СОАН–5068), а для второго – 2690 ± 55 (СОАН–5069). Даты показывают возраст дерева, попавшего в заполнение котлованов. Связь же обгоревшей древесины с деталями конструкции перекрытия жилищ точно не установлена.

Сравнительной типологией материалов нижнепорожинский комплекс на селище Шилка XII/2 следует датировать III в. до н. э. – I в. н. э. Как мы уже отмечали, здесь жилища были впущены в культурный слой с материалами шепилевской культуры. Перекрывались же углубленные объекты слоем с керамикой шилкинской культуры. Датирующими предметами из них выступают бронзовый пластинчатый нож с овальным навершием, плоской рукояткой, с прямым, выступающим лезвием, а также сосуд баночной формы с уплощенным дном и гладкой, подлощённой поверхностью. Эти вещи сопоставляются с тагарскими аналогиями. Здесь же вместе с валиковой керамикой VI типа присутствуют сосуды каменско-маковского XI типа.

По углю из этого памятника получены три радиоуглеродные даты. Первая – 2580 ± 60 л. н. (СОАН–5934) – из очага жилища № 5. Вторая – 2645 ± 40 л. н. (СОАН–8955) – из пятна прокаленной почвы на земляном полу жилища № 4. Третья – 2585 ± 45 л. н. (СОАН–8956) – из культурного слоя между жилищами № 3 и 4. Даты близки между собой и при калибровке ложатся в пределы календарного возраста IX–VIII вв. до н. э. Они указывают на возраст культурного слоя шепилевской культуры, который был прорезан котлованами жилищ. Уголь же первого образца, также мог относиться к слою, так как очаг был в него впущен. Поэтому применять полученную по нему дату для определения времени устройства жилища вряд ли правомерно.

Датировка слоя 4Б многослойного поселения Бобровка определена присутствием керамики IV, VI и XI типов. Из них наиболее поздняя – это

посуда каменско-маковского типа. Имеющаяся радиоуглеродная дата по древесному углю – 2580 ± 40 л. н. (СОАН–4097) указывает на время формирования погребенной почвы, в которой формировался слой. Для датировки находок она не может быть приемлема, поскольку материалы спроецированы на слой, и неизвестно, какое время оставались на поверхности. Указанные обстоятельства позволяют принять наиболее приемлемый возраст накопления нижнепорожинских материалов на поселении Бобровка, судя по керамике, не древнее III в. до н. э., т. е. лежат в пределах III – I вв. до н. э.

Также удрежнёнными выглядят даты, полученные по углю из селищ Шилка XI 2685 ± 25 л. н. (СОАН–5066) и 2765 ± 85 л. н. (СОАН–5067) и Шилка XIII 2290 ± 105 л. н. (СОАН–5478), 2190 ± 45 л. н. (СОАН–5479). На Шилке XI образцы угля были отобраны из заполнения котлована жилища. При этом связь обгоревшей древесины с устройством его кровли очень сомнительна, поэтому полученная датировка не может быть достоверной для определения возраста объекта. Даты, полученные по углю из жилища № 1 селища Шилка XIII, также требуют разъяснения. Образцы отбирались из сожженных плах кровли, в качестве которых могли использоваться расщепленные стволы старых деревьев или плавника. Поэтому полученный после калибровки радиоуглеродных дат верхний интервал календарного возраста до II–I вв. до н. э. вполне может быть приемлем для древесины, которая шла на сооружение кровли жилища. Возраст же самого жилища в этом случае должен быть несколько моложе. Он устанавливается по керамике, сопоставимой с посудой таштыкской культуры и располагается в интервале II–III вв. н. э.

Датировка четвертого слоя поселения Шилка IX в интервале II в. до н. э.– III в. н. э. определяется аналогиями бронзовым предметам и керамике. Прямолезвийные ножи с овальным навершием и T-образным отверстием, а также трехлопастные наконечники стрел с коротким пером и длинным черешковым насадом имели широкое хождение в древних

культурах позднего скифского времени. С тагаро-таштыкской эпохой в Минусинской котловине связано появление сосудов с сегментовидными ручками и сосудов на поддоне. Последние известны на раннем этапе таштыкской культуры, что и определяет датировку слоя на поселении Шилка IX.

Материалы поздних селищ Шилка XI и Шилка XIII демонстрируют преемственность от ранних памятников. Их объединяет наличие керамики с орнаментом каменско-маковского типа, а также керамики, украшенной жгутиковыми налепными валиками, как гладкими, так и рассеченными насечками или пальцевыми оттисками. При этом следует заметить, что доля керамики с рассеченными налепными валиками на позднем памятнике Шилка XIII возрастает. Теперь стенки сосудов хорошо заглажены, они без следов выбивания. Здесь же присутствует посуда, украшенная накольчатыми и отступающими оттисками гладких приостренных и гребенчатых орнаментов. Таких приемов орнаментации на ранней стадии не было. Их появление можно объяснить культурным влиянием на нижнепорожинцев культурных традиций таштыкцев, которые в начале н. э. проникают в район исследования. В керамике Шилки XIII отражаются синтез культурного окружения – сохранившихся традиций шилкинской культуры тесинского времени и проникновения новых приемов орнаментации таштыкского времени. Наиболее отчетливо это проявляется на посуде поселения Нижнепорожинское I, где на плоскодонных банках присутствуют не только гладкие и рассеченные налепные валики, но и валики, сочетающиеся с наколами, линиями из отступающих и накольчатых оттисков (см. рис. 89). Здесь же найдены сосуды с сегментовидными ручками, и сосуды на поддонах или с трубчатыми налепными ушками.

С генезисом культуры связано изменение формы и устройства жилищ. На ранней стадии жилища имели округлое основание, они, видимо, перекрывались конусовидной кровлей и были похожи на чум. Площадь таких жилых построек небольшая, около 12–13 кв. м. Они не продолжают местную

традицию развития жилищ предшествующего времени. Их появление необходимо связывать, очевидно, с приходом нового населения, которое несло элементы тагарской культуры. К концу тагарского времени внешний облик жилищ нижнепорожинской культуры изменяется: основания становятся прямоугольными, а кровля, возможно, приобретает пирамидальную форму. Можно предположить, что их устройство было заимствовано у соседей, – у тех инокультурных племен, которые в III и II вв. до н. э. начали проникать в южную тайгу Среднего Енисея. Это были представители цэпаньской и шилкинской культур.

Сосуществование комплексов этих культур наглядно подтверждается материалами из селищ Шилка XI, Шилка XII₂ и слоя 4Б поселения Бобровка. Такая же картина отмечается и на материалах из культурно смешанных слоев поселения Шилка IX (4 к. с.) и поселения Нижнепорожинское I.

Приведенный анализ керамики из этих памятников (табл. 12) позволяет отметить, с одной стороны, взаимное проникновение разнокультурных орнаментов, что выражается в их присутствии на одной форме сосуда, с другой – совместное залегание материалов, оставленных носителями различных культурных традиций. Возможно, это объясняется как слабым почвообразованием в период формирования культурного слоя, так и сосуществованием разных групп населения, носителей различных керамических традиций, периодически заселяющих одни и те же удобные места.

Ограниченность источников и недостаточная изученность территорий, сопредельных к южнотаежному району Среднего Енисея, не позволяет сейчас достоверно установить истоки сложения нижнепорожинской культуры. Распространение сосудов, украшенных налепными валиками, заняло не одно тысячелетие, и «мода» на такую керамику приобреталась народами различных этнических групп. Вместе с этим необходимо учитывать, что в районе исследования керамика, украшенная налепными

жгутиковыми валиками, начинает встречаться с раннего бронзового века на посуде усть-шилкинского типа (см. рис. 22, 1, 2, 4). При этом валики рассекались поперечными пальцевыми защипами. Позднее в комплексах шепилевской культуры развитого бронзового века эта традиция украшать посуду налепными жгутиковыми валиками сохраняется, причем используются как гладкие валики, так и рассеченные пальцевыми защипами или насечками (см. рис. 43, 9). Важно отметить, что на керамике шепилевского типа отмечаются только два валика, проходящие по краю и по плечу сосуда.

На начальной стадии сложения нижнепорожинской культуры валиковая керамика могла как сохраняться с предшествующего времени, так и быть заимствованной. Отдельные типы нижнепорожинской керамики продолжают развитие местных традиций предшествующего периода. Это доказывается наличием керамики VI типа (с валиками, рассеченными пальцевыми защипами). Этот тип керамики бытует на всем протяжении существования культуры, отмечается как в ранних комплексах (Шилка XII/I), так и в поздних (Шилка XIII). С предшествующего времени сохраняется и прием украшения сосудов накольчатymi оттисками (XIII тип), а также продолжают использоваться сосуды-дымокуры с «прямоугольными» и «языковидными» налепными ушками.

Основу нижнепорожинской культуры создали элементы тагарской, шеломокской, староалейской и других культур из лесостепных районов Западной Сибири и Алтая. Мы отмечали, что влияние этих культур было значительным. Отразилось это в элементах погребального обряда и материалах селищ Шилка XII/1 и Шилка X. В изготовлении сосудов используется традиционный для местного населения прием формообразования – выбиванием «гладкорубчатой» и «вафельной» колотушками, при этом копируется форма тагарских банок, венчик делается каплевидным в сечении. Перенимаются и некоторые виды орнамента.

Баночный сосуд из жилища № 4 селища Шилка X, украшенный дополнительно поясом «жемчужин», указывает на присутствие пришлых элементов в местной среде. Пояс «жемчужин» как орнамент не характерен для керамики долины Среднего Енисея севернее Красноярской лесостепи. Он не получил здесь распространения в раннем железном веке, его нет и на керамике предшествующего и последующего времени. В районе исследования мы отмечаем его только в период ранней бронзы, на керамике бобровского типа, и то только как дополнение к основному орнаменту.

Украшение керамики поясом «жемчужин» – это характерная черта посуды бронзового века Северного Приангарья. Здесь на сосудах он вписывается в глазковские и ымяхтахские композиции – прочерченные линии, отступающие оттиски и т. д. Не меньшее распространение «жемчужник» получил на карасукской и раннетагарской посуде Красноярского и Канского лесостепного района, сосудах раннего железного века Западносибирской низменности. В Томском Приобье он преобладает и присутствует не только как самостоятельный мотив, но и сочетается с другими элементами – с оттисками палочки, гребенки, резными линиями, ямками и др. на баночных сосудах шеломокской культуры [Плетнева, 1973; 1977, с. 58]. Нанесение ряда бугорков, чередующихся с вдавлениями уголков палочки, рядами косых черточек, зигзагов, фестонов, ямок и другими элементами, широко практиковалось и на посуде большереченской и других культур Алтая скифского времени [Абдулганеев, Владимиров, 1997]. В районах Западной Сибири вообще «жемчужный» орнамент распространяется с эпохи бронзы. Он отмечается на ирменских сосудах, чередуясь с лунками, насечками, вдавлениями уголка палочки. Сопоставляя сосуд из Шилки X с керамикой сопредельных территорий, следует отметить его большую схожесть с посудой из юго-восточных районов, например, долины р. Кан. Их объединяет сочетание «жемчужника» и налепного рассеченного жгутикового валика. Приведенные данные могут указывать, что на ранней стадии нижнепорожинцы испытали влияние соседних племен

не только с юго-западной стороны, но и с юго-восточной. Возможно, наличие этого сосуда отражает проникновение отдельных их представителей.

Керамика, аналогичная культуруопределяющим VI и XV типам нижнепорожинской посуды, известна на памятниках Канской лесостепи (Казачка–1, Попиха, Потанчет–3, Осиновый, Усть-Немкино–1, Шараманут–1 и др.). Авторы раскопок относят ее к железному веку [Керамические комплексы..., 1976, с. 30; Абдулов, 1986; Дзюбас, 1988]. Близкая к этому типу посуда отмечена и на памятниках Средней и Верхней Ангары [Соколов В. Н., 1996, с. 60, рис. 5, 1], где она также датируется V–II вв. до н. э. Наибольшее сходство керамика этих типов находит с сосудами баночной формы тагарской культуры, которые орнаментированы желобками в верхней части, хотя полную тождественность отметить нельзя. В лесостепном Красноярском районе такой орнамент отмечен на посуде из поселения Ладейское–2 [Мандрыка, 1998], из стоянки Караульного Лога [Карцов, 1929, с. 45]. Для южных районов тагарской культуры сосуды с большим количеством желобков (8–10 и более) считаются одним из наиболее характерных признаков сарагашенского этапа [Савинов, 2012, с. 18]. Гладкие налепные жгутиковые валики отмечаются и на глиняных котлах переходного предташтыкского этапа тагарской культуры Минусинской котловины [Кызласов, 1960, с. 57]. Орнамент, состоящий из рассеченных наклонными насечками (гладким орнаментом) валиков, на глиняных сосудах тагарской культуры встречается редко. Отдельные фрагменты такой посуды отмечены в позднеатагарском кургане у Военного городка под Красноярском [Дэвлет, 1964]. Влияние культуры позднеатагарского времени прослеживается и по присутствию на памятниках таежной зоны долины Среднего Енисея сосудов с сегментовидными ручками.

На поздней стадии нижнепорожинской культуры отмечается влияние таштыкской культуры, которое выразилось в сходных формах посуды и ее орнаментации. Банки (сосуды без шейки), горшки (сосуды с выраженной шейкой) с плоским дном, миски, кружки, кубки (сосуды на полем

коническом поддоне), а также сосуды с ручками, вместе с орнаментом из рассеченных наклепных валиков, треугольных и других видов наколов были широко распространены на посуде таштыкской культуры [Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 41–42] вплоть до VII в. н. э. Особое сходство отмечается по сосудам с ручками как по форме (широкое овальное тулово, овальное плечико, высокая шейка), так и по орнаменту (верхняя часть формы покрыта сплошными рядами наколов и примыкающих снизу заполненных треугольников) [Вадецкая, Поселянин, 2014, рис. 33, 11]. Представленные материалу показывают, что с развитием культуры устанавливаются новые контакты с соседями.

Памятники нижнепорожинской культуры распространены в основном по долине Енисея, в зонах южной тайги и лесостепи. Отмечены они и в низовьях Ангары – погребение на Скородумском Быке [Фокин, 2013а]. В Северном Приангарье и на Подкаменной Тунгуске они не известны или еще не выявлены. Однако и здесь встречаются вещи типично тагарского облика – нож с острова Сергушкин [Герман и др., 2012], зеркало со стоянки Окуневка [Березин, 2002]. В Канском районе отмечены лишь отдельные фрагменты нижнепорожинской керамики. В районах Западной Сибири таких материалов нет.

Таким образом, приведенные материалы позволяют говорить о местном лесостепном происхождении нижнепорожинской посуды, о формировании культуры ее носителей на начальной стадии под влиянием юго-западных и юго-восточных соседей при участии тагарского населения. В конце скифского времени существенное влияние было оказано со стороны носителей каменско-маковского типа керамики и шилкинской культуры тесинского времени. На поздней стадии отмечаются культурные связи с таштыкским населением.

К III–V вв. н. э. памятников с нижнепорожинской керамикой в южной тайге Среднего Енисея уже не отмечается. Можно предположить, что они уходят из района на запад и на север. В Томском Приобье они приняли

участие в сложении рёлкинской культуры [Чиндина, 1977], в северной тайге и тундре оставили малокореннинские комплексы, выделенные Л. П. Хлобыстиным по памятникам Таймыра [Хлобыстин, 1998].

3.2. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа

В тагарское время на территории таежной зоны Среднего Енисея и низовьев Ангары отмечаются памятники с совершенно иной керамической традицией. Поскольку впервые такая керамика была обнаружена А. Я. Тугариновым и Г. Мергартом на стоянке у с. Каменское, на правом берегу Енисея выше г. Енисейска в 1920 г. [ККМ, кол. 122 – 539–553] (рис. 97), то в первых своих работах мы предложили назвать ее каменским типом [Мандрыка, 2007]. К настоящему времени, чтобы избежать накладок с материалами равнинного Алтая, где выделена каменная культура, предлагаем комплексы из таежных районов Средней Сибири обозначить как каменско-маковские, добавив в термин название памятника, где впервые был изучен закрытый комплекс с такой керамикой (рис. 98). Мы имеем ввиду одно жилище, частично изученное Р. В. Николаевым в местности «Высокий» у с. Маковского на р. Кети [Николаев, 1963, с. 49–53].

В последние десятилетия керамика каменско-маковского типа стала широко известна в южнотаежной зоне Средней Сибири – на памятниках Среднего Енисея, Нижнего Приангарья, но закрытые и стратифицированные комплексы изучены пока только на территории среднего Енисея и низовьев Ангары.

3.2.1. Памятники

К настоящему времени в долине Енисея и Ангары, западнее Енисейского кряжа, известно более 20 памятников, содержащих каменско-маковскую керамику. Все они в разной степени исследовались раскопками. В их число входят однослойные и многослойные поселения, а также три селища с жилищами. Одно селище у с. Маковского, о котором мы

упоминали, было изучено Р. В. Николаевым в 1959 г. Селище Стрелковское II изучалось уже в наше время при участии автора, раскопки на селище Дом Отдыха III еще продолжаются

Селище *Стрелковское II* расположено на 8-метровой террасе правого берега р. Ангары в 5 км выше ее устья в створе Стрелковского порога в 3 км северо-восточнее п. Стрелка. Открыто С. М. Фокиным в 2002 г. [Фокин, 2002; Мандрыка, Фокин, Терехов, 2003] и изучалось в 2003, 2008 и 2009 гг. [Фокин, 2009, с. 65]. Оно состояло из восьми визуально читающихся и двух слабо заметных на поверхности задернованных котлованов жилищ, расположенных вдоль слегка возвышенного края террасы на расстоянии 1,5–3 м друг от друга. Плотное размещение жилищ связано, очевидно, с ограниченностью удобной площадки, с северной стороны которой примыкают крутые склоны высокой террасы. Размеры прямоугольных котлованов от 4,0×4,0 до 4,0×5,0 м при глубине до 0,2 м. Два котлована № 4 и 5 в центре поселения изучены в 2003 г., еще два котлована (№ 6 и 7) в 2009 г. За все годы работ вскрыто 330 кв. м площади [Мандрыка, Фокин, 2005; Фокин, 2009].

Поверхность террасы была покрыта слоем дерна мощностью до 6 см. Под ним залегал слой серой супеси, мощностью от 2 до 20 см, включающий единичные находки средневекового возраста (1 культурный слой). Далее следовал слой светло-коричневой супеси мощностью до 30 см с темно-коричневыми жилками от солей марганца или окислов железа. Из кровли этого второго культурного слоя были впущены котлованы жилищ, заполнение которых состояло из желто-коричневой супеси. Слой подстилался материковой оранжево-красной суглинистой почвой, которая была вскрыта на глубину до 0,5 м.

Материалы из раскопок 2008–2009 г. опубликованы тезисно [Фокин, 2009], поэтому характеристику жилищ привожу по работам 2003 г. Жилища № 4 и 5 (рис. 99) углубленные (от 20 до 30 см), прямоугольной формы размерами 5,3×4,6 м и 5,0×4,4 м, т. е. площадью около 22–24 кв. м. Дно

котлованов ровное, слегка понижается к краю террасы. Стены вертикальные, ориентированы по сторонам света. Расстояние между котлованами – 1,8 м. Вход в жилища не читался.

С остатками деревянного перекрытия, покрытого землей (кусками дерна?), очевидно, необходимо связывать пятна древесного тлена от бревен, длиной 145, 507 и 68 см при толщине 16–21 см, концы которых размещались на плечиках котлованов, а стволы читались в толще заполнения. С устройством кровли жилища № 4 также, возможно, связано наличие двух ям диаметром 10 и 16 см при глубине до 11 см, расположенных на краю котлована. Вертикальные стенки и сужающаяся форма их дна позволяли укрепить здесь подпорные столбы. К сожалению, отмеченные остатки не позволяют представить форму перекрытия жилища, которая могла опираться на края котлована. В подтверждение этого можно отметить нахождение черепков одной формы сосуда в скоплениях, расчищенных на полу жилища № 4 и на краю плечиков его котлована.

Жилища отапливались наземными очагами округлой формы наземного типа, размещавшимися на полу в центре (жилище № 4) или немного смещенными к южной стенке (жилище № 5). Размеры очагов 90×75 см и 65×62 см. Прокаленное заполнение очагов насыщено углями и жжеными костями рыб, часть из которых представлено семейством сомовых. Пол жилища № 4 выделялся по пятнам прокаленной почвы (свидетельства пожара?), а уровень пола жилища № 5 определялся условно, по глубине залегания находок.

Вещевой материал комплекса многообразен (рис. 100). В котловане жилища № 4 найдены обломки железных пластин, бронзовые всплески, фрагменты керамической льячки, выпрямитель древков стрел, керамическая зооморфная фигурка и 63 фрагмента керамики от шести сосудов, среди которых одна плошка. Предметы размещались вокруг очага в основном в северной половине жилища. Кроме того, здесь было обнаружено значительное число обломков камней-окатышей, расколотых огнем и со

следами копоти на поверхности. Возле северной стенки котлована размещался массивный камень размерами 30×12×8 см, плоская поверхность которого могла использоваться как наковальня для заточки металлических острий и приготовления пищи. В котловане жилища № 5 размещались каменный пест и 9 фрагментов керамики от трех сосудов. За пределами котлованов жилищ на уровне культурного слоя зафиксированы каменный молоток, выпрямитель древков стрел, наконечник стрелы, дисковидные скребки и грузила, а также колотые огнем камни. Здесь же отмечены фрагменты керамики еще от 13 сосудов.

При сопоставлении материала из жилищ и межжилищного пространства нами было замечено, что некоторые вещи типологически близки между собой. Одновременность всех составляющих комплекса подтверждается и распределением фрагментов керамической посуды. Черепки от трех разных сосудов были отмечены на полу жилища № 4 и на уровне культурного слоя. Фрагменты от трех других сосудов были зафиксированы на полу жилища № 5 и за его пределами. В некоторых случаях черепки из жилища и внежилищного пространства склеиваются друг с другом. Это позволяет рассматривать все материалы комплекса как одновременные и оставленные одной группой людей в период функционирования жилищ.

Железные пластины (2 экз.) фрагментарны, они залегали над очагом жилища № 4. Одна ромбической формы с круглым отверстием на месте слома, вторая подпрямоугольной формы с заклепкой на одной стороне (см. рис. 100, 3). Толщина пластин – 0,3 см. Назначение их неясно.

Бронзовые всплески (6 экз.) найдены в очаге жилище № 4. Представляют шарики диаметром 0,3 см. Один всплеск неправильной формы имел размеры 7,3×2,4×0,7 см.

Бронзолитейная льячка представлена двадцатью двумя фрагментами, найденными на полу жилища № 4. Обломки не склеиваются между собой, но позволяют реконструировать тигль овальной формы объемом не менее 100 куб. см с толстыми до 1,5 см стенками, плавно переходящими в еще

более толстое (до 2 см) дно. На внутренней стороне фрагментов заметны прикипевшие капли бронзы.

Каменный наконечник стрелы найден в слое за пределами жилищ. Он треугольной формы с обломанной базой, покрыт стелющейся пластинчатой ретушью. Размеры 3,4×1,7×0,3 см.

Выпрямители древков стрел (2 экз.) изготовлены из брусков песчаника (см. рис. 100, 24, 25). На плоской грани имеется продольный округлый желобок. Один брусок полукруглой в сечении формы найден в межжилищном пространстве, другой – прямоугольный – в жилище № 4. На одной стороне шлифованных предметов выделен продольный желобок с округлым дном.

Каменные молоток и пест (см. рис. 100, 26) найдены в культурном слое и жилище № 5. Первый – вытянутой конической формы с овальным сечением. Второй – грушевидной формы с круглым сечением. Плоская рабочая поверхность сохранила следы использования в работе.

Дисковидные скребки (2 экз.) найдены в культурном слое. Они округлой формы из плиток слоистого камня, с двух противоположных сторон имеются выемки-перехваты. Рабочие кромки залощены. Размеры орудий 7,8×7,2×0,9 см и 9,0×7,1×1,0 см.

Каменные грузила (4 экз.) из слоя селища изготовлены из округлого галечника. Выемки для привязи выполнены с двух противоположных сторон. Размеры грузил от 5,0×4,3×1,7 до 5,6×4,5×2,1 см.

Зооморфная фигурка из керамики³ (см. рис. 100, 21) найдена на полу жилища № 4. Обломки (17 фрагментов) позволяют реконструировать изделие трубчатой формы с полый внутренней частью, где на стенках сохранились отпечатки пучка травы, стянутого витым жгутом. С внешней стороны один край изделия оформлен в виде морды животного с глазами и двумя ушками. Между глаз и ушей проходит разделительная полоса, выполненная

---

³ К настоящему времени в материалах селища известны обломки от 3 таких Г-образных трубчатых зооморфных изображений, одно из них склеено почти целиком [Фокин, 2009, с.166–167, рис. 2].

отступающим заостренным орнаментом. Туловище фигуры животного покрыто продольными и поперечными параллельными полосами, выполненными в той же манере широким гладким орнаментом. Внешне фигурка похожа на изображение соболя или бурундука. Размеры реставрированной части изделия 9,0×4,4 см при толщине стенок до 1,3 см. По составу и стилю орнаментации аналогична посуде комплекса.

Керамика из раскопа 2003 г. представлена 392 черепками, среди которых 89 венчики, фрагмент уплощенного дна и 4 налепных ушка: «прямоугольной», «языковидной» и трубчатой формы. Все черепки относятся к 22 сосудам⁴, которые по составу формовочной массы и способу изготовления идентичны. По форме и орнаментации преобладают сосуды одного типа.

Сосуды (рис. 101) лепились из формовочной массы с примесью дресвы и органического раствора. Стенки гладкие, заглаженные. Преобладают горшки с раздутым туловом (13 экз.), шейка которых утолщена налепной лентой или валиком. В семи случаях отмечены банки без утолщения горловины и, возможно, с уплощенным дном. Один горшок имел вогнутую шейку с краем в виде «карнизика». Есть подвесные сосуды-дымокуры. На это указывают налепные ушки: «языковидное», два «прямоугольных» и одно трубчатое.

Из анализируемого числа сосудов два без орнамента. Венчик одной чашки украшен косыми насечками (см. рис. 100, 23). На остальных сосудах орнамент покрывает верхнюю треть формы, и наносился отступами и наколами одного орнамента с приостренным гладким окончанием или уголком штампа с рельефным (мелкозубчатым) концом. Встречались орнаменты из горизонтальных полос, которые наносились прокатом мелкозубчатого или гладкого дугообразного орнамента. В тех случаях, когда горловина утолщалась налепной лентой или валиком, венчик и нижний край ленты/валика оформлялись разреженными наколами. По плоскости ленты проходят одна-две полосы отступающих или прокатанных оттисков.

---

⁴ Из всех раскопов памятника найдены фрагменты от 54 сосудов [Фокин, 2009, с. 166].

Такой же мотив сохраняется и на ряде сосудов, горловина которых не имела утолщение. В этих шести случаях орнамент дополнен поясом ямок. Аналогичную орнаментацию с отступающими, накольчатыми и прокатанными оттисками имеют и другие формы: горшки с узким валиком по горлу, горшок с вогнутой шейкой и банки. Плечики сосудов орнаментировались горизонтальными рядами таких же отступающих оттисков, часто нижний ряд выполнен наколами.

Несмотря на кажущуюся разнообразность керамики вся она типологически однородна. Зооморфная трубчатая фигурка, вылепленная из глины, украшалась так же, как и керамика – рядами отступающих мелкозубчатых оттисков. Близок и состав формовочной массы, включающий дресву.

Сопоставляя изученные жилища на Стрелковском II селище с тремя жилищами в местности «Высокий» у с. Маковского, необходимо отметить аналогичную их прямоугольную форму, но значительную разницу в размерах. На Стрелковском II селище площадь котлованов жилищ составила 22–24 кв. м (5,3×4,6 м и 5,0×4,4 м), а площадь жилищ у с. Маковского – не менее 50 кв. м (9,0×8,8 м, 10,0×5,0 м и 9,5×11,9 м). Жилища на обоих памятниках были каркасного типа, перекрывались землей или кусками дерна, при этом кровля опиралась на плечики котлованов (на маковских жилищах это документируется наличием широких земляных валов вокруг котлованов). Близко было и устройство очагов – они наземного типа, размещались в центре, их мощность – до 30 см. По наличию возле очага колотого галечника и кусков обожженной глины Р. В. Николаев предположил установку в центре жилища печи. Важно отметить, что жилища с этих памятников сопоставляются обнаруженным в них материалом, в первую очередь керамикой.

В небольшом раскопе площадью 32 кв. м, заложенным Р. В. Николаевым, в центральном жилище № 2 древнего поселка были найдены более 350 фрагментов керамики от восьми сосудов [Николаев, 1963,

с. 51, 52, рис. 6, 7]. Вся керамика однотипна, представлена сосудами горшковидной формы с округлым дном и вогнутой шейкой с отогнутым краем. На семи сосудах коллекции орнамент нанесен отступающими и накольчатыми оттисками овального или приостренного орнамента с гладким или мелкозубчатым окончанием (уголок сломанной палочки или косточки) (см. рис. 98). Узоры, состоящие преимущественно из горизонтальных линий, покрывают верхнюю часть формы. В одном случае оттиски палочки проходят вертикально. Еще в одном – строятся в полосы из коротких штрихов, сочетающиеся с горизонтальными линиями. В трех случаях под венчиком проходит один или два наклепных жгутиковых валика, которые пересекаются наколами того же овального или приостренного орнамента. Следует отметить наличие пояса неглубоких ямок в зоне шейки на пяти сосудах коллекции. Важной характерной чертой комплекса является оформление венчика сосудов пальцевыми защипами или нанесение овальных наколов. Только один черепок, украшенный орнаментом в виде косых крестов (прочерченных линий), выбивается из типологического ряда коллекции. Вместе с керамикой в жилище найдены единичные изделия из камня – один наконечник стрелы из отщеп с краевой ретушью, одна заготовка наконечника стрелы(?), две пластинки и отщеп.

Из представленного описания видно, что эти материалы в значительной степени похожи на находки из Стрелковского II селища. На обоих селищах керамика относится к одному типу. Она украшалась линиями отступающих оттисков, сочетающихся с наколами овального или приостренного орнамента, нередко имеющего мелкозубчатый край. Объединяет керамику этих памятников и мотив орнамента, включение горизонтальных полос под краем сосуда между рядами из редких наклонных наколов или их отрезков. Общим является и наличие наклепных жгутиковых валиков или ленты, утолщающей край сосуда.

В целом материалы этих памятников типологически однородны и представляют один культурный пласт. Незначительные отличия посуды

селищ можно объяснить различной их датировкой или дислокацией в разных районах ареала. Кроме закрытых комплексов, керамика каменско-маковского типа встречалась на ряде многослойных поселений.

На *поселении Язаевка*, которое было представлено во второй главе работы, такая керамика залегала в третьем культурном слое. Он приурочен к слою темно-коричневой супеси и залегал на глубине 60–70 см, отделяясь от выше- и нижележащих слоев стерильными прослойками (см. рис. 11). В раскопе зафиксированы два кострища, фрагменты керамики, галечные грузила для сети и колотые кости (рис. 102). Нивелировочные отметки глубины залегания находок показали, что мощность слоя не превышала 5 см.

Первое кострище, состоящее из зольника, углей, прокаленной почвы и мелких фрагментов жженных косточек, было расчищено возле края террасы. Его размеры 70×80 см, мощность линзовидного прокала – 10 см. Возле него зафиксировано скопление галечника. Из 89 камней на 63 экземплярах имелись выемки-перехваты с двух противоположных сторон. Такие изделия традиционно относят к грузилам, здесь они принадлежали, видимо, одной сети. Обращает внимание присутствие вместе с ними в одной куче камней с закопченной поверхностью и галек, расколотых огнем. Можно предположить, что все эти камни (в том числе и с перехватами) использовались для нагрева помещения или жидкости, т. е. накалялись в костре, а затем остужались.

На поселении Язаевка отмеченные камни «с перехватом», или грузила из галек, относятся к двум типам. Тип 1 (60 экз.) – камни с двумя выемками-перехватами, сделанными с противоположных сторон. Размеры таких камней не превышают 5,5×7,6 см при толщине от 2,0 до 4,0 см (рис. 103, 6,7). Тип 2 (3 экз.) – камни, у которых выбоины для крепления наносились односторонним скалыванием по всему периметру (см. рис. 103, 8).

Второе кострище было расчищено в 3 м от предыдущего. Оно имело овальную форму размерами 60×68 см и состояло из прокаленной почвы

мощностью 6 см. В заполнении кострища найдены только фрагменты керамики.

В керамическую коллекцию входят пять сосудов, из которых два восстановлены в целые формы и еще у двух отсутствует лишь донная часть.

К каменско-маковскому типу относятся два сосуда горшковидной формы с раздутым туловом и вогнутой шейкой, утолщенной широкой налепной лентой (см. рис. 103, 2, 4; 104). Восстановленный целиком сосуд имел приплюснутое дно. Размеры сосудов близки. Высота и диаметр по венчику – около 30 см. Диаметр тулова – до 32 см. Толщина края – до 1,5 см, средней части тулова – 0,3–0,6 см, дна – до 1 см. Стенки сосудов плотные, мелкопористые. В составе формовочной массы фиксируется некалиброванная дресва и органический раствор с твердой составляющей. Обжиг горшков костровой, высокотемпературный, цвет стенок – светло-серый, с красными пятнами. На внутренней поверхности местами отмечаются следы нагара. Орнаментом покрыта верхняя третья часть формы. В орнаментации использовались линии отступающих (или прокатанных?) оттисков мелкозубчатой фигурной палочки и ряды наколов этого же орнамента. Верхний край и нижнее ребро налепной ленты оформлялось накольчатыми оттисками. Между ними проходят горизонтальные линии оттисков. Такими же линиями украшались плечики сосудов. Снизу они оформлялись рядом наколов или наклонных отрезков. С одной стороны сосуда параллельность линий нарушалась клиновидным преломлением или фигурным зигзагом. Над ним под венчиком начерчена ромбовидная фигура с тремя точками, изображающая личину (см. рис. 103, 4).

Остальная керамика слоя отличается от сосудов каменско-маковского типа, но сравнима с посудой других типов II в. до н. э. Один сосуд с выделенной шейкой, слегка отогнутым краем, шаровидным туловом и приплюснутым дном (см. рис. 103, 5). Его высота 20 см, диаметр устья – 20 см, диаметр тулова – 25 см. Толщина венчика 0,7 см, средней части тулова – 0,4–0,6 см, дна – 0,7 см. Стенки сосуда мелкопористые, плотные, возможно,

выбивались гладкой колотушкой. В формовочной массе заметна примесь дресвы. Обжиг костровой, высокотемпературный. Цвет стенок коричневый, переходящий в темно-серый. На внутренней поверхности горловины отмечаются следы черного нагара. Орнамент нанесен только в верхней части формы. Под краем и в 3 см ниже наклеплены два жгутиковых валика, которые рассечены вертикальными оттисками пальца с углубленным ногтевым отпечатком. Под нижним валиком проходит ряд округлых оттисков с одной перемычкой внутри (напоминающий личиночный отпечаток). Данный сосуд похож на керамику XIV типа шилкинской культуры.

Еще один сосуд определяется как баночный по форме по двум фрагментам венчика (см. рис. 103, 3). В изломе черепков заметна примесь к запесоченной слюдянистой глине дресвы. Толщина стенки – 0,5 см. Под краем сосуд украшен двумя гладкими горизонтальными наклепными валиками. Овальные в сечении валики заглажены. Под ними на поверхности черепков прослеживаются следы технического декора – неглубокие оттиски от выбивания «вафельной» колотушкой. Представленный сосуд относится к XV типу нижнепорожнинской культуры.

Последний сосуд слоя простой закрытой формы, со слегка отогнутым краем и раздутым туловом (см. рис. 103, 1). Высота реставрированной части 20 см, диаметр по венчику – 22 см, диаметр тулова – 27 см. Толщина края, тулова и придонной части относительно равномерна – 0,5–0,7 см. Стенки сосуда плотные. В составе формовочной массы, в отличие от остальной керамики слоя, присутствуют крупные частички дресвы, встречаются даже отдельные мелкие камушки. Обжиг костровой, высокотемпературный. Цвет стенок – коричневый. На внутренней поверхности прослеживается толстый слой нагара. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда. Он состоит из тонких волнистых валиков, создающих фигурную композицию. Валики наносились путем наклепа тонкого жгута и прищипывались пальцами, образовывался тонкий волнистый валик. Под краем сосуда валики расположены горизонтально, между ними проходит ряд глубоких вдавлений,

оставленных подушечкой пальца. Ниже нанесены еще пять параллельных поясов таких же волнистых валиков, горизонтальное распространение которых с четырех сторон формы преломляется клиновидными опусканиями вниз. В поле верхнего зигзага подушечкой пальца оставлено вдавление. Венчик оформлен пальцевыми защипами. Поскольку данный сосуд выделяется от остальной представленной керамики по форме и орнаменту, его следует выделить в особый тип, обозначив как тип XIX.

Итак, мы видим, что единый слой на многослойном поселении Язаевка включает разнотипную керамику. Но можно ли считать его однокультурным? Планиграфическое распределение находок по вскрытой площади показывает, что нет. Черепки от сосудов каменско-маковского типа залежали возле кострищ, среди скопления галечника и грузил. Здесь же, в кострище № 2, отмечены фрагменты шилкинской керамики XIV типа. Скопления же черепков керамики XV и XIX типов залежали в другой части раскопа, а в отдельных квадратах иногда и вместе. Все находки залежали в одном слое, мощность которого не превышала 5 см. Это указывает, что единый, стратиграфически выделяемый слой является лишь археологически одновременным, но присутствующие в нем материалы оставлены разными группами людей, по крайней мере использовавшими различную посуду. Это могло произойти в результате неоднократного посещения людьми удобного места для устройства здесь кратковременных стоянок на время лова рыбы или охоты на водоплавающую и боровую дичь.

Неоднократным посещением удобного места можно объяснить присутствие разнотипных и разновременных материалов в одном слое другого многослойного памятника, также расположенного на краю террасы. Это поселение *Зимовейное*, которое устраивалось на 8-метровой террасе правого берега Енисея близ одноименного ручья в 6 км юго-восточнее п. Луговское Большемуртинского района Красноярского края. Памятник открыт Н. П. Макаровым по информации геолога Е. И. Корневой в 1982 г. Исследование проводилось в 1982, 1983 и 1986 гг. археологической

экспедицией Красноярского краевого музея при участии автора. Одним раскопом и тремя шурфами изучено около 100 кв. м площади памятника [Макаров, 1983, с. 51–52; Макаров, 1984б, с. 49; Макаров, 1984в, с. 40–42; Макаров, 1985б, с. 41–45; Макаров, 1986б, с. 21–24].

Материалы железного века, среди которых присутствует керамика каменско-маковского типа, найдены в первом культурном слое памятника, представленного светло-серой супесью. Слой залегает на глубине 40–60 см.

При раскопках найдены бронзовая подвеска (рис. 105, 5), железная пластина (см. рис. 105, 6), зернотерка (см. рис. 105, 9) и фрагменты керамики от двенадцати сосудов. По типолого-морфологическим признакам к концу скифского времени относятся шесть сосудов. Остальные шесть сосудов, украшенные «арочным» орнаментом, связаны с таштыкским периодом раннего железного века, на чем мы остановимся ниже. В комплекс с этой же керамикой может войти и целая плита верхнего камня-куранта зернотерки (см. рис. 105).

Среди посуды раннего железного века только два сосуда (см. рис. 105, 1, 2) относятся к каменско-маковскому типу, остальные – к другим. Один (см. рис. 105, 17) близок нижнепорожинской керамике VI типа. Еще один, украшенный поясом «жемчужин» и рядами наклонных наколов, условно можно связать с керамикой XVI типа (см. рис. 105, 16). Довольно крупный фрагмент венчика со слегка отогнутым краем и украшенный горизонтальными тонкими валиками (см. рис. 105, 4) схож с керамикой XIX типа. Следует отметить среди находок «прямоугольное» налепное ушко сосуда-дымокура (см. рис. 105, 7), покрытое оттисками витого шнура.

С материалами поселения следует, очевидно, связать бронзовый наконечник копья (см. рис. 105, 8), найденный на осыпи террасы. Он представлен обломком двухлопастного пера с округлым в сечении стержнем. Ширина лопастей имеет размеры до 3,0 см, длина обломка – 10,0 см. Подобные наконечники известны с середины II тыс. до н. э. на обширной территории Северной Евразии [Черных, Кузьминых, 1989, с. 85–

89, рис. 49]. Втульчатые экземпляры листовидной формы встречались также в могильниках VII–VI вв. до н. э., например, Ближние Елбаны–VII [Грязнов, 1956, табл. XVIII, 1, 2] или Томском [Плетнева, 1977, с. 30]. Отмечаются они и в комплексах VII–VI вв. до н. э. тагарской культуры, а также в Причерноморье и Поволжье [Членова, 1967, с. 47]. В таежных районах Восточной Сибири такие наконечники могли использоваться на всем протяжении раннего железного века.

Таким образом, на поселении Зимовейное керамика каменско-маковского типа присутствует с «инокультурной» посудой. Она не составляет с ней единый комплекс, а отмечается благодаря своей морфологической особенности, не смешивается с элементами другой посуды.

Типологически посуда каменско-маковского типа выделяется и на других памятниках со смешанными слоями, в особенности на памятниках цэпаньской культуры, расположенных по берегам Ангары.

Поселение Стрелковское I находится в непосредственной близости от селища Стрелковское II, в 200 м восточнее, на 10–12-метровой правобережной ангарской террасе. Край террасы и ее поверхность на площади поселения имеют множество нарушений как от металлургического завода Рязанова конца XIX в. (ямы от столбов, следы изб и впущенных в обрыв землянок, а также котлованы для добычи глины), так и природного характера, вызванного ледоходами и подмывом террасы. Отмеченные разрушения стали причиной организации здесь охранных раскопок, проведенных мной совместно с С. М. Фокиным в 2002 г. Раскоп общей площадью 491 кв. м был размечен на той части террасы, которая подвергалась наибольшему разрушению (рис. 106, 1).

Памятник многослойный, включает артефакты средних веков (слой 1), раннего железного и бронзового века (2 слой) и неолита (3 слой). Материалы раннего железного века выделяются типологически, они были найдены в горизонте бурой супеси мощностью 30 см и залегали на глубине 20–40 см. Наблюдения за стратиграфией, характером слоя и планиграфией находок, а

также имеющиеся типологические разработки для керамики бронзового и раннего железного века позволили выделить на памятнике несколько культурных комплексов [Мандрыка, Фокин, 2003].

Из общего числа керамических сосудов (726 фрагментов от 31 сосуда), найденных в слое, к каменско-маковскому типу отнесено 10 (см. рис. 106, 4, 7–10). Три горшка схожи с керамикой шилкинской культуры (см. рис. 106, 3), один – с керамикой карабульского типа (см. рис. 106, 5), еще один – близок сосуду со стоянки Ильинка, расположенной в таежной зоне Нижнего Енисея [Баташев, Макаров, 2000] (см. рис. 106, 6). Черепки остальных горшков отнесены к раннему средневековью, раннему бронзовому веку или не определяются из-за отсутствия орнамента.

К раннему железному веку относятся бронзовый кельт (см. рис. 106, 2) удлиненной прямоугольной формы с секирообразным лезвием. Орнамент оформлен выпуклыми валиками, покрывает одну грань кельта и состоит из поясков, шевронов, разделителя. Между двумя верхними поясками прослеживается три шеврона (по одному углу). От третьего пояска спускаются два больших шеврона из двух углов. Между шевронами – вертикальный разделитель. Кельт коррозирован, имеет литейные дефекты – сквозные отверстия в зоне орнаментации. Представленный экземпляр близок к третьей форме и второй группе кельтов красноярско-ангарского типов, выделенных Г. А. Максименковым [Максименков, 1960, рис. 3, 8, с. 150], распространенных в таежной зоне Нижней Ангары и Чуны. Судя по насыщенности орнамента, кельт из Стрелковского–1 следует отнести к позднему периоду развития кельтов этой группы [Максименков, 1960, рис. 12 с. 157, с. 158] и датировать V–III вв. до н. э.

Кроме представленных памятников, керамика каменско-маковского типа (тип XI) встречалась на ранее рассмотренных селищах Шилка XII/2 (см. рис. 65, 8), Шилка XI (см. рис. 76, 9; 77, 8), Шилка XIII (см. рис. 81, 11), поселениях Бобровка (см. рис. 82, 15), Шилка IX (см. рис. 85, 1–3) и Нижнепорожинское I (см. рис. 93). При этом количественное ее соотношение

с другой посудой раннего железного века можно увидеть в сводной таблице (см. табл. 12). Найдены отдельные фрагменты такой керамики и на других памятниках долины Енисея: на поселении Усть-Шилка I, на местонахождении Пионерский лагерь в г. Лесосибирске и других [Мандрыка, 1998; 2005]. На ангарских берегах кроме селища и поселения в створе Стрелковского порога распространение получила похожая, но не идентичная керамика цэпаньской культуры. Выделяемые карабульский и взвозовский типы (рис. 107) отмечены на многих памятниках Северного Приангарья [Привалихин, 2011; Макаров, Быкова, 2011; Леонтьев, Герман, 2015]. Перечень объектов можно дополнить стоянками Погромная, Выдумский Бык [Вайцехович, Мандрыка, 1992], Чадобец (раскопки Н. И. Дроздова 1973–1974 гг.), пунктами Кодинского комплекса и другими объектами, раскопанными в ложе Богучанского водохранилища [Ольшанецкая, 2012; Богучанская..., 2015]. Известна подобная керамика и на стоянках р. Чуны, например, на территории п. Такучет (материалы школьного музея). Эти памятники близки между собой не только стилем орнаментации керамики, но и другими материалами, в том числе наличием изделий из металла и камня.

Перечень пунктов нахождения керамики каменско-маковского типа очерчивает район расселения ее носителей, который охватывает в пределах южнотаежной зоны долины среднего Енисея, Чуны и Ангары до устья р. Илим на востоке. В северную часть ареала, очевидно, следует включить часть долины нижнего Енисея и Подкаменной Тунгуски, но эти районы остаются слабоизученными и ждут своих исследователей.

3.2.2. Датировка и культурная принадлежность

Определяя время существования памятников с керамикой каменско-маковского типа, необходимо учитывать условия ее нахождения в закрытых и стратифицированных комплексах, ее связь с другими материалами. Как мы показали, на многих, казалось бы стратифицированных поселениях, керамика каменско-маковского типа отмечена в культурных слоях вместе с керамикой

совершенно иного облика. Смешение материалов здесь можно объяснить как слабым почвонакоплением на береговых террасах, так и сосуществованием различных этнических групп населения на данной территории в одно историческое время. Особую ценность для датировки представляют закрытые комплексы, которые на поселениях представлены жилищами или хозяйственными ямами. Именно в таких условиях керамика каменско-маковского типа была зафиксирована на селище Стрелковское II.

Датировка этого поселения определяется радиоуглеродной датой 2220 ± 105 л. н. (СОАН-5486), полученной по углю из плахи перекрытия жилища № 4. Она указывает, что истинный календарный возраст гибели дерева, которое размещалось в заполнении перекрытия жилища, лежит в интервале между 396 и 122 гг. до н. э. по 1-й сигме или между 739 г. до н. э. и 22 г. н. э. по 2-й сигме. На основании этого можно считать, что датировка селища Стрелковское II интервалом IV–II вв. до н. э. может быть приемлемой. Не противоречит такому возрасту и наличие железных пластинок, бронзовых всплесков и глиняной льячки для выплавки бронзы в этом же жилище.

Этим временем следует определять датировку и других памятников, содержащих каменско-маковскую керамику. Для стратифицированного комплекса из третьего культурного слоя поселения Язаевка по углю получена несколько удревшённая дата – 2630 ± 45 л. н. (СОАН-2936). Датировка его II в. до н. э. определяется присутствием сосудов шилкинской культуры. На других многослойных памятниках долины Енисея, поселениях Бобровка и Шилка IX черепки каменско-маковской керамики залегают выше культурных слоев поздней бронзы и ниже слоев начала I тыс. н. э. Приведенные данные позволяют считать IV–II вв. до н. э. временем бытования керамики каменско-маковского типа на енисейских берегах выше устья р. Ангары.

Возникновение каменско-маковского керамического комплекса генетически связано с местными традициями, зародившимися на берегах Енисея еще в раннем бронзовом веке, что доказывается его сравнением с

керамикой бобровского типа [Археология..., 2003, с. 170]. Эта керамика также гладкостенная, орнаментация строится в сложную аналогичную композицию, сочетающую широкую полосу из горизонтальных линий и наклонных наколов «бахромы». Со временем прямая форма плечика закрытых сосудов бобровского типа усложняется сначала вдавленной гладкой полосой, имитирующей шейку, а затем утолщением уже шейки широким налетом («воротничком»). В период развитого бронзового века присутствие носителей отступающе-накольчатой керамической традиции в южной тайге Среднего Енисея мы видим на примере памятников с керамикой самоделькинского типа, которые пока нам неизвестны на берегах восточных притоков Енисея. Очевидно, основной ареал зарождения каменско-маковских комплексов находится на западе, в таежных районах Обь-Енисейского водораздела, где их след фиксируется на селище у с. Маковского. Важно отметить, что в сложении каменско-маковских памятников не приняли участие другие местные элементы, например, шепилевские. Стиль орнаментации каменско-маковской посуды формировался еще под воздействием «моды», распространенной в среде гончаров восточно-сибирской тайги, что нашло отражение в материалах цэпаньской культуры.

Наличие широкой наклепной ленты по краю сосуда сближает керамику каменско-маковского типа с керамикой цэпаньской культуры («эталонным цэпаньским сборным комплексом» [Привалихин, 1986; 1993, с. 19–20; 2011, с.165–166, рис. 7, 12; Леонтьев, 1999], карабульским [Макаров, 1987; 2013; Баташев, Макаров, 2000; Макаров, Быкова, 2011, с. 228] и взвозовским [Леонтьев, Герман, 2015] типами) Северного Приангарья. Сравнительная характеристика [Мандрыка, 2016] этих типов керамики (табл. 13: см. рис. 107), показала следующую картину.

Форма цэпаньских, карабульских, взвозовских сосудов – закрытая, корпус овалоидный с округлым дном, высота сосудов больше диаметра по венчику. Форма же каменско-маковских сосудов – более вариативна.

Распространены схожие с цэпаньскими горшками формы, но на Енисее сосуды, как правило, с уплощенным дном. Также отмечаются формы, которых нет среди цэпаньской посуды, это сосуды закрытой формы с шаровидным корпусом и уплощенным дном и сосуды открытой формы с параболоидным корпусом.

Для всех типов керамики общим признаком выступает оформление шейки широкой налепной лентой, отличие – в разных вариантах ее исполнения. На карабульской посуде наклепывалась преимущественно прямоугольная в сечении широкая лента на прямую шейку, на взвозовской – разные в сечении ленты, реже высокий валик, они усиливали вогнутую шейку. При этом наклеп тщательно заглаживался по краям, от этого шейка утолщалась плавно. На каменско-маковской посуде любая форма наклепа имела четко выраженный ступенчатый нижний край. Среди каменско-маковской посуды есть формы без какого-либо наклепа. Такие емкости отмечаются и среди керамики пункта 2 стоянки Взвоз [Леонтьев, Герман, 2015].

Для орнаментации всех представляемых типов керамики характерна зональность, выделение зоны шейки и плечика. Подчеркивалось это и формой горшка, налепной лентой на горловине. Нижняя половина формы не украшалась. Близки и композиции орнамента, для которых характерно чередование горизонтальных полос из частопоставленных и разреженных оттисков. Общей чертой также является использование орнамента с зубчатым окончанием. Вместе с этим есть и различия.

Для украшения карабульской и взвозовской посуды использовался редко один, а чаще два или три орнамента (палочка для зубчатых или гладких оттисков, стержень для глубоких ямок и пальцы руки). Для украшения каменско-маковской посуды применялся преимущественно только один орнамент. Как правило, это был гребенчатый штамп, реже гладкий, с полукруглой рабочей кромкой. Торцом инструмента выполнялся прокат, уголком – отступающие и накольчатые оттиски (от этого создается

впечатление использования палочки с приостренным концом). Пальцевые оттиски, зацепы и ямки вообще не отмечаются на каменско-маковской посуде, так же, как и на керамике взвозовского типа.

Из приведенного сопоставления видно, что каменско-маковский тип керамики демонстрирует своеобразный вариант посуды раннего железного века, хоть и близкородственной карабульскому и взвозовскому типам цэпаньской культуры, но отличающейся от них морфологически и орнаментально.

Разнообразные памятники цэпаньской культуры широко представлены в Нижнем Приангарье, погребения и керамика отмечаются в верховьях Подкаменной Тунгуски и Лены. Материалы ее проявляются и на памятниках южнотаежной зоны Среднего Енисея, с западной стороны Енисейского кряжа. Основные памятники цэпаньской культуры, датирующейся в интервале VIII – II/I вв. до н. э., – грунтовые могильники и поселения. Известные погребения – грунтовые, встречаются одиночные захоронения и могильники с 2–7 захоронениями. Они рассеяны по территории, устраивались на стоянках или в непосредственной близости от них. Большинство изученных поселений – это временные летние стоянки, расположенные по берегам рек и ангарским островам. Мощност культурного слоя на них, как правило, незначительная. Цэпаньцы были знакомы с цветной металлургией. Известно использование железных изделий, в основном, украшений и каких-то деталей, поступавших, очевидно, от соседей.

По мнению В. И. Привалихина, погребальный обряд со временем изменяется: погребения раннего этапа – ингумация, позднего – остатки кремации. В могилы клали разнообразный заупокойный инвентарь, характеризующий культуру охотников, рыболовов и собирателей: оружие, орудия труда, иногда помещали и фрагменты керамического сосуда. Изменение погребального обряда автор объясняет эволюцией, развитием культуры во времени. Однако это не подтверждается анализом

сопроводительного инвентаря. Сводная таблица (см табл. 11) погребальных комплексов цэпаньской культуры, составленная по опубликованным данным, показала, что общим элементом похоронной практики выступает «вторичность» погребения костей человека, а в общий набор вещей для всех погребений составлял лук с концевыми роговыми накладками, различные (каменные, костяные, редко бронзовые трехлопастные безчерешковые и черешковые) наконечники стрел и роговые обоймы-вкладыши для каменных и костяных наконечников. Эти предметы в наборе или разрозненно встречаются практически в каждом погребении культуры, причем независимо от их датировки и обряда. Такую же картину мы наблюдаем и для погребений раннего железного века долины Подкаменной Тунгуски, Енисея и Лены [Окладников, 1978]. Наличие такого набора предметов характерно для большинства погребений раннего железного века таежной зоны и не может выступать культуруопределяющим признаком. Также не дают основания объединять все погребения в одну культуру остальные предметы из сопроводительного инвентаря. Если они присутствуют, то индивидуальны для каждой могилы.

Открытым стоит оставить вопрос синхронности керамики, которая найдена на поселениях и характеризует «цэпаньскую культуру», с погребальными комплексами. Целых сосудов в могилах нет, а наличие отдельных черепков не является прямым доказательством их принадлежности к погребениям. Эти черепки могли попасть в могилы во время их засыпки, т. е. они могли происходить из более древнего культурного слоя, который нарушался в процессе выкапывания и засыпки ямы погребения. Это убедительно доказывается наблюдениями авторов раскопок на стоянке-могильнике Пашино, где все погребения, относимые к цэпаньской культуре, были впущены в слой, содержащий керамику «цэпаньской культуры» [Дроздов, Леонтьев, Привалихин, 2005, с. 54]. Можно, конечно, предположить, что древние люди хоронили там же, где и жили, но ни в этнографической практике, ни на других территориях Сибири в

раннем железном веке подобного не наблюдается. Места могильников не заселялись, они не использовались в хозяйственном цикле, по крайней мере, той группой, чьи родственники здесь были похоронены.

Следует отметить случай связи части сосуда карабульского типа керамики с погребением цэпаньской культуры на стоянке Капонир, где крупный фрагмент с изображением антропоморфной фигуры был найден в могильной яме погребения [Привалихин, 1992, с. 73]. Но это погребение, по наблюдениям автора исследования, было разрушенным. И если даже считать, что этот фрагмент от большого по объему сосуда (а судя по рисунку, диаметр его составлял по венчику более 24 см) действительно связан с могилой, то необходимо учитывать, что она была устроена на поселении раннего железного века и на сосуде имеется антропоморфное изображение, которое делает этот предмет не обычным, а связанным с каким-то культом.

Из имеющихся сегодня материалов раннего железного века ангарской тайги более убедительным фактом привязки керамики к погребальному комплексу выглядит случай в погребении близ устья р. Цэпань, изученном А. П. Окладниковым. Там черепки одного сосуда были отмечены в могиле возле черепа и между камнями надмогильной кладки, где они залегали не разбросанно, а кучкой [Окладников, 1940, с. 106]. Как раз такое размещение черепков одного сосуда (на дне могилы и над перекрытием) могло произойти в момент сооружения погребального комплекса. Возможно, что черепки оказались в таком положении вследствие позднего нарушения могилы, например, землеройным животным (о чем упоминал А. П. Окладников). Но тогда бы фрагменты не лежали скоплениями, они были бы разрозненными, размещались поодиночке. Стоит отметить, что этот сосуд вообще не схож с керамикой цэпаньской культуры. Как пишет А. П. Окладников, это были фрагменты «большого, но относительно тонкостенного сосуда. Венчик слегка утолщен, бортик его широкий и плоский, горизонтально срезан и нависает снаружи над стенками карнизиком. Карнизик рассечен сверху косыми полосками. Пониже

располагаются в одну линию круглые ямочки. Внешняя поверхность венчика украшена вертикальными, слегка скошенными тонкими накладными валиками, параллельными друг другу и примятыми пальцами. Налепные валики на некоторых фрагментах расположены шевронами. Они сходятся под острым углом в виде треугольников, вписанных друг в друга» [Окладников, 1940, с. 109]. Здесь же приводится рисунок, который наглядно дополняет описание и позволяет достаточно четко сказать, что этот сосуд типологически не схож с керамикой, которая характеризует «цэпаньскую культуру». Парадоксально, но название культуры было предложено по материалам именно этого погребения.

Еще одно погребение с фрагментами большого круглодонного сосуда, украшенного тонкими налепными валиками, параллельными друг другу и краю горшка, было найдено А. П. Окладниковым [1939, л.16] на правом берегу Ангары, около Соснового Быка ниже Мурского порога. Костяк был частично сожжен и ориентирован вдоль реки (головой на восток). При нем кроме керамики найдены кремневые крупные наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой.

Конечно, погребальные комплексы и стоянки, объединенные одним названием «цэпаньская культура», оригинальны. Их идентификация необходима для осмысления истории раннего железного века таежной зоны Средней Сибири. Но, применяя этот термин, необходимо уточнить его содержание, четко обозначить, какая часть материалов раннего железного века войдет в него. Более оправданным будет объединять в цэпаньскую культуру те комплексы, которые сопоставляются с погребением у р. Цэпань, т. е. погребения, выполненные в обряде трупоположения и сопровождаемые керамикой с тонкими волнистыми накладными валиками.

В ареал памятников цэпаньской культуры, кроме Северного Приангарья, В. И. Привалихин включает междуречье Чуно-Ангарья и долину таежной части среднего Енисея до Казачинского порога [Привалихин, 1993б]. В действительности же в период существования цэпаньской культуры на

западном крыле ее ареала, в южной таежной зоне Среднего Енисея и низовьев Ангары были распространены памятники нижнепорожинской культуры (лесной вариант тагарской культуры VI–III вв. до н.э.) и комплексы с керамикой каменско-маковского типа (III–II вв. до н.э.).

Контакты этих культур между собой, а может, и присутствие носителей цэпаньской археологической культуры в этом районе проявляются в находках отдельных вещей и посуды. Примером выступают наконечники стрел, характерные для цэпаньцев: бронзовый трехлопастной бесчерешковый и каменные с роговыми обоями. На Енисее они зафиксированы в наборе вещей элитных погребений № 4 и № 5 могильника Усть-Шилка–2 [Мандрыка, 2008в]. По одному сосуду карабульского типа зафиксировано на сезонных стоянках Шилка III в створе Казачинского порога на Енисее и Караульный остров выше Стрелковского порога на Ангаре. На селище Шилка XII/2 в слое из межжилищного пространства среди сосудов заостровского типа отмечены два фрагмента венчика, схожих с карабульским типом керамики [Мандрыка, Жарников, 2008]. На селище Дом Отдыха III в районе г. Лесосибирска среди преобладающей посуды каменско-маковского типа отмечен только один фрагмент венчика взвозовского типа.

Имеющаяся незначительная выборка сосудов карабульского и взвозовского типов на памятниках долины Енисея показывает, что их элементы не переносятся на посуду других типов. Нет культууроопределяющих карабульских и взвозовских элементов и на каменско-маковской посуде. Из этого можно заключить, что каменско-маковский тип керамики изготавливался параллельно представленным типам керамики Северного Приангарья.

Каменско-маковские комплексы синхронны поздним памятникам цэпаньской культуры Северного Приангарья и демонстрируют определенное отличие, своеобразие. Обозначить их можно западным вариантом цэпаньской культуры. Носители керамики каменско-маковского типа и цэпаньцы соседствовали друг с другом, имели одно мировоззрение, вступали в брачные

связи (возможно, отсюда, возникла передача способов орнаментации керамики, обмена стилями), но условно разделял их ареалы хребет Енисейского кряжа. Сходство материальной культуры указывает на их принадлежность к одной археологической общности. Отмеченные же различия в культуре населения Енисея и Ангары можно объяснить разницей признаков культуры ядра и периферии, степенью влияния соседей на окраине общности.

Продолжение развития культуры носителей керамики каменско-маковского типа мы видим в керамике малокореннинской культуры Таймырского Заполярья. Эта культура выделена на основе материалов из вторых культурных слоев поселения Усть-Половинка, а также находок на стоянках Малая Коренная 1, Большая Коренная II, Пясины IV и VII, датированных II в. до н. э. – III в. н. э. [Хлобыстин, 1998, с. 120, рис. 115]. Основанием для выделения культуры послужила своеобразная керамика, включающая гладкостенные горшковидные сосуды, украшенные под краем одним–двумя рассеченными налепными валиками, сочетающимися с линиями отступающих оттисков треугольно-приостренной лопаточки (см. рис. 107, III). Ниже валиков сосуды орнаментированы идущими вертикально вниз или наклонно линиями отступающей лопаточки. Под венчиком орнамент дополнялся поясом ямок. В круг памятников этой культуры Л. П. Хлобыстиным было включено и поселение у с. Маковского, изученное Р. В. Николаевым на р. Кети [1963а].

Представленные материалы позволяют предположить, что малокореннинская керамика, отмеченная для Таймыра, сложилась в результате синтеза нижнепорожинской и каменско-маковской традиции и является, скорее всего, продолжением их развития.

Таким образом, генезис комплексов с керамикой каменско-маковского типа показывает их развитие на местной основе раннего и позднего бронзового века, под влиянием общей орнаментальной моды цэпаньской археологической общности. Относительная синхронизация памятников из

разных районов южной тайги Средней Сибири позволит в дальнейшем наметить пути развития этой культурной общности, в пределах которой использовались близкие принципы орнаментации керамики, которые мы отметили для каменско-маковского, взвозовского, карабульского и малокореннинского комплексов.

3.3. Шилкинская культура

Конец I тысячелетия до н. э. – начало I тысячелетия нашей эры для многих степных и лесостепных регионов Евразии было временем краха древних культур, запустения земель, резкой смены культурных традиций. В древней истории это время называют «эпохой великого переселения народов», термином, который достаточно точно отражает этнокультурные катаклизмы начала нашей эры, проходившие на всей территории Евразии. Не оставался в стороне от этих общеисторических процессов и район южной тайги Средней Сибири, который находился на северной периферии кочевого мира. Тесинское время в таежной зоне Среднего Енисея и низовьев Ангары характеризуют памятники своеобразной пришлой культуры. По наиболее полно исследованным объектам в створе Казачинского порога на Енисее близ устья р. Шилка, где открыты комплексы, давшие обильный и характерный материал, эту культуру мы предложили назвать шилкинской [Мандрыка, 2006; 2017б].

При первой систематизации материалов раннего железного века района исследования [Мандрыка, 1998] автором было проведено деление керамического и другого материала поселений на два культурно-хронологических этапа: нижнепорожинский и шилкинский. Тогда же была предпринята попытка синхронизировать шилкинские поселения с погребениями, но ограниченность источников не позволила объединить их в одну культуру. С открытием и изучением новых памятников стало возможным наметить характерные черты культуры [Мандрыка, 2008г], а

также уточнить время ее существования и предложить место в древней истории Средней Сибири.

3.3.1. Памятники

К настоящему времени в районе исследования стационарные раскопки проведены на одном могильнике, двух городищах, трех поселениях и одной производственной площадке. На других памятниках района произведены рекогносцировочные исследования. Кроме того, в нескольких пунктах найдены отдельные черепки глиняной посуды. В других сопредельных районах таежной зоны памятники этой культуры представлены пока исключительно поселениями.

Погребальный обряд изучен по трем погребениям на комплексе Усть-Шилка II. Могилы № 4 и 5 размещались на краю террасы, параллельно друг другу на расстоянии 80 см. Погребение № 1 на поверхности террасы в 6 м северо-восточнее от предыдущих. Могилы были впущены с контактной почвы между серой и бурой супесью и перекрывались слоем городища той же шилкинской культуры.

Могила № 1 округлой формы размерами 42×46 см при глубине 10–15 см (рис. 108). На дне расчищено скопление обломков жжённых костей подростка 7–14 лет (черепа, нижней челюсти, одной плечевой и одной лучевой кости, позвонков, ребер) [список № 214 КА ТГУ]. Среди них встречены древесные угли и фрагмент обожженной древесины размерами 18–21×5×3–4 см, а также три части антропоморфного изображения из железа и фрагмент венчика сосуда.

Могила № 4 частично разрушена рвом-траншеей (см. рис. 109) под основание стены городища шилкинской культуры, возникшего позднее. Сохранившаяся северо-восточная часть могильной ямы имеет подпрямоугольную форму, ориентированную по линии СЗ-ЮВ. Предполагаемые ее размеры 60–65×230 см при глубине 15–20 см. В ненарушенной части могилы размещались в анатомическом порядке кости

ног, фрагменты листов бересты с резаными краями, остатки деревянных плашек, а также железные остроконечник (?), ножи, бронзовые и железные пронизки, бронзовая обойма и каменный наконечник стрелы (рис. 110, 1–4, 13, 15–18, 20–23). Все указанные предметы обгоревшие. Возле западной стенки могилы вместе лежали необожженные левая нижняя челюсть северного оленя, два зуба из нижней челюсти лося и коренной зуб верхней челюсти медведя. В разрушенном секторе могилы среди фрагментов костей человека отмечены три костяных (см. рис. 110, 6, 7), один бронзовый (см. рис. 110, 12) и один каменный (см. рис. 110, 13) наконечник стрелы, железные и бронзовые пронизки, стеклянная бусина (см. рис. 110, 16–18, 20–22), бронзовая обойма (см. рис. 110, 23), фрагменты железного пластинчатого ножа (см. рис. 110, 2), а также железный топор–тесло (см. рис. 110, 4). Отдельные кости скелета вместе с вещами были расчищены к северу от могилы, где возле фрагментов черепа лежали две бронзовые подвески (см. рис. 110, 8, 9) и золотая серьга (см. рис. 110, 19). Вне могилы на уровне древней поверхности найдены обломки еще одной подвески (см. рис. 110, 10), бронзовые бляшка для перекрестья ремней (см. рис. 110, 11), пронизь (см. рис. 110, 15), кельт (см. рис. 110, 5), фрагмент железной пластины плохой сохранности и две бронзовые обоймы (см. рис. 110, 25, 25). В 5 м юго-западнее погребения, на уровне древней поверхности зафиксирована бронзовая пряжка (см. рис. 110, 14). Все человеческие кости побывали в огне, они принадлежали женщине 20–25 лет монголоидного антропологического типа [список № 214 КА ТГУ]. Среди костей отмечались лоскуты резаной обожженной бересты неустановленного предмета.

Могила № 5 (см. рис. 109, IV, V; 111). Вытянутая овальная яма 77×290 см глубиной 15 см, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Заполнена красной прокаленной почвой без следов деревянного перекрытия. В центре могилы прослежена яма от столбика-кола диаметром 4 см, углубленная ниже дна на 24 см. В могиле был расчищен обожженный скелет мужчины возрастом

около 30 лет монголоидного антропологического типа [КА ТГУ, список № 213]. Костяк лежал в анатомическом порядке, на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. С левой стороны костяка – фрагменты обгоревшей деревянной кибити лука, нижняя часть которого оканчивалась парой костяных концевых накладок (рис. 112, 33). Вдоль правой ноги – железный чекан со втоком (см. рис. 112, 1, 3). Между ногами в районе колен – две железные пластины, возможно, поножные (?), украшавшие обувь (см. рис. 112, 2, 3). Выше колен – бронзовая бабочковидная бляшка (см. рис. 112, 12), три роговых обоймы для каменных наконечников стрел (см. рис. 112, 23, 24, 27), два каменных (см. рис. 112, 28, 36) и два костяных (см. рис. 112, 26, 32) наконечника стрелы, бронзовая бусина (см. рис. 112, 13). На поясе с правой стороны – сломанный железный нож (см. рис. 112, 4). Возле кисти правой руки – две золотые бусины с зернью (см. рис. 112, 19, 20), возле левой руки – две золотые спиралевидные бусины-подвески (см. рис. 112, 18) и бусина из пасты (см. рис. 112, 21). Выше правого бедра – остатки железной пряжки или колчанного крючка (см. рис. 112, 7). На левом плече – еще одна бронзовая бабочковидная бляшка (см. рис. 112, 11). Выше левого плеча – бронзовая подвеска (см. рис. 112, 16) и еще одна роговая обойма (см. рис. 112, 22). Каменные наконечники стрелы лежали возле северной стенки могилы, один (см. рис. 112, 35) в районе черепа, другой (см. рис. 112, 34) – возле бедра. Правая глазница черепа была закрыта бронзовой бляшкой (см. рис. 112, 9). Вторая идентичная бляшка отмечена у левого плеча. На теменной части черепа – бронзовая бляшка из трех полусфер (см. рис. 112, 10). Возле правой височной кости и над черепом с левой стороны – остатки железных цепеобразных подвесок (см. рис. 112, 6). Над последней подвеской – бронзовая бляшка с изображением кабана (см. рис. 112, 15). Среди костей черепа – золотая височная серьга (см. рис. 112, 17). В западной стенке могильной ямы, в углублении – бронзовая пряжка (см. рис. 112, 14). Над черепом на дне могильной ямы расчищен обожженный фрагмент резного дерева. На нем фрагменты

разломанных неопределимых трубчатых костей, полоски бересты, костяной наконечник стрелы (см. рис. 112, 25) и кусочек бронзового сосуда. Остальные обломки этого сосуда (см. рис. 112, 8) обнаружены вокруг черепа и на нем, в районе таза и возле колен. С правой стороны скелета, вдоль южной стенки могильной ямы сохранились жженые остатки неопределенного деревянного предмета, концы которого утолщены. Под костями груди – остатки обгоревшего плоского деревянного предмета, края которого несут следы резки и сопровождаются полосками бересты, возможно, фигуры «летающего» оленя (см. рис. 109, V). Под стопами ног – обгоревшее берестяное полотнище, возможно, от какого-то предмета неясного назначения. В заполнении ямки от столбика-кола три сломанных костяных наконечника стрелы (см. рис. 112, 29–31).

Погребения шилкинской культуры объединяются практикой использование огня. Погребение № 1 выполнено по обряду кремации на стороне, погребения № 4 и 5 – в обряде труположения с обожжением в могиле. Различия могли быть связаны с половозрастными различиями погребенных – тело умершего подростка сжигали на стороне, а тела взрослых – в могиле. Последние устраивались в овально-прямоугольных ямах, размеры которых соответствовали росту человека, обряженного в одежду с головным убором. Дно ям, возможно, застилалось каким-то покрытием, включающим деревянные детали, дополненные берестяными полосками. Дно восточной части могил, в ногах погребенных, устилалось полотнищем бересты от какого-то предмета. Покойников обряжали в одежду и укладывали на спину с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на запад с небольшим отклонением к северу. Затем могилу поджигали. Для непотревоженного мужского погребения № 5 отмечают дополнительно еще некоторые детали погребального обряда, которые могут быть индивидуальны. Глаза погребенного закрывали бронзовые круглые выпуклые бляшки, одна размещалась в глазнице. Погребальный костер

засыпался землей, в центр могилы втыкался деревянный кол, а в образовавшейся от него яме отмечены костяные наконечники стрел.

В составе инвентаря погребений есть и сходство, и различие. Несмотря на индивидуальность каждой могилы, они близки между собой наличием предметов из железа. Различаются набором вещей. В погребении подростка найдено антропоморфное изображение и фрагмент венчика сосуда. В обеих могилах с костяками взрослых людей отмечены близкие по формам ножи, костяные и каменные наконечники стрел с роговыми обоймами, цепочные подвески и бляшки для перекрестья ремней, золотые серьги. Вместе с этим состав набора предметов мужского и женского захоронений может свидетельствовать об особом социальном статусе погребенных. Они были похоронены в богато украшенной одежде и с вооружением. С мужским скелетом обнаружены гарнитура пояса, чекан, нож, лук со стрелами, поножные (?) пластины. К женской могиле отнесены кельт, нож, остроконечник (копье?), различные наконечники стрел, а также ременные обоймы. В каждой могиле отмечены остатки ритуальных (?) костей животных: челюсть северного оленя, два зуба лося и зуб медведя – у женщины и трубчатые неопределимые кости, но неестественных форм – у мужчины.

В мужской могиле предметы обнаружены в том порядке, в каком они носились и использовались в костюме. Наблюдаемый разброс деталей наборного пояса по всей могиле можно объяснить его разрывом в пространстве погребальной камеры от раздутия тела трупа при сожжении. Возле черепа (в погребении № 5) или среди костей черепа (в погребении № 4) находились серьги и цепеобразные подвески. Последние, очевидно, связаны с украшением или креплением головных уборов или повязок. Запястье левой руки мужчины украшено парой золотых спиралевидных привесок, а правой – парой золотых бусин. Мужской пояс орнаментирован бронзовыми нашивными бляшками и снабжен на конце шпеньковой рамчатой пряжкой. К поясу с правой стороны прикрепляли чекан ударной

частью вверх и нож. С левой стороны от погребенного укладывали лук. Колчан со стрелами, возможно, размещали на ногах ниже пояса.

Укрепленные поселения шилкинской культуры зафиксированы пока только в южной части ее распространения, в створе Казачинского порога на Енисее. Городище на комплексе Усть-Шилка II изучено полностью, на городище Шилка II вскрыто $\frac{1}{4}$ всей площади. Оба городища приурочены к краю террасы, к возвышенному месту. Они размещены в непосредственной близости друг от друга – в 300 м.

Городище Шилка II было устроено на мысовидной гриве, образованной коренной 17-метровой террасой правого берега р. Енисей и двумя логами (см. рис. 8). С южной и северной стороны поверхность гривы ограничивается логами, с западной – обрывается склоном к р. Енисей, а с восточной – переходит через неширокий перешеек на 18–19-метровый уровень. Укрепленная часть городища занимала южную часть ровной площадки на гриве и имела прямоугольную форму, вытянутую от края берега вдоль южного склона гривы. До раскопок на поверхности визуально фиксировались оплывший и задернованный ров и примыкающий к нему вал (рис. 113). Ширина рва и вала составляли по 1 м при глубине рва – не более 40 см, а высоте вала – не более 30 см. В северо-восточном секторе эта линия разрывалась квадратным котлованом (№ 6) размерами 3×3 м от оборонительного сооружения. Рядом отмечался проход в укрепленную площадку в виде разрыва в валу и перемычки во рве. Еще один квадратный котлован размерами 3×3 м фиксировался за пределами укрепленной площадки в стороне от прохода. С южной и западной стороны оборонительные линии визуально не фиксировались, потому что они проходили по склону террасы и оплыли. По визуальным наблюдениям микрорельефа поверхности с учетом изученной части памятника было установлено, что площадь укрепленной части городища, предположительно, составляла в ширину до 15–18 м, а в длину – до 50 м, т. е. равнялась около 825 кв. м. Внутри укрепленной части городища отмечалось восемь

прямоугольных котлованов жилищ, которые расположены по одной линии вдоль края террасы на расстоянии от 1 до 7 м друг от друга.

Неукрепленная часть этого городища занимает северный сектор поверхности гривы. Здесь читаются шестнадцать котлованов, которые расположены двумя группами. Первая группа, состоящая из шести котлованов, находится в северной части поверхности гривы. Здесь четыре котлована размещены в линию, а два – в стороне. Вторая группа представлена десятью котлованами, которые располагаются в ряд по западному склону гривы.

В 1995 г. раскопом 1 площадью 56 кв. м было изучено жилище №1 в первой группе, расположенной на неукрепленной части городища. В 2000–2001 гг. единый раскоп 2 площадью 869 кв. м позволил изучить восточный сектор памятника – часть укрепленной площадки со всеми примыкающими к ней объектами, три жилища (№ 1, 8 и 9) и культурный слой за пределами укрепленной площадки (рис. 114; 115, 1). Культурный слой, состоящий из темно-серого песка, как на внутренней площадке городища, так и за ее пределами, залегает сразу под дерном. Его мощность составляет 12–20 см. Слой однородный, рыхлый, без нарушений. Проведенные работы позволили изучить устройство оборонительной системы, которая за время обитания городища частично перестраивалась. Очередность устройства оборонительных линий и отдельных углубленных объектов была прослежена по стратиграфическим разрезам.

Перед сооружением городища вся поверхность гривы была расчищена от леса, деревья вырублены, а оставшиеся пни выжжены. На это указывает наличие двух ям, заполненных древесным углем, пяти пятен красной прокаленной почвы и двадцати четырех темных пятен с включением древесного угля, зафиксированных в подошве культурного слоя в бессистемном порядке за пределами укрепленной жилой площадки городища. Строительство оборонительных сооружений, очевидно, началось тогда, когда поверхность мыса была уже обитаема или начинала осваиваться.

На это указывают, во-первых, немногочисленные находки (фрагменты керамики, каменные грузила, камни, расколотые огнем), отмеченные за пределами глухих, не перестраиваемых южной и восточной стен городища. Во-вторых, в обваловке южной стены отмечаются отдельные фрагменты керамики и камни. В-третьих, под насыпью восточного вала городища на уровне культурного слоя также отмечено несколько камней, расколотых огнем.

Сопоставление геологических профилей разных частей раскопа (рис. 116) позволило установить очередность сооружения некоторых объектов городища. Разрез восточной стены городища показал, что выброс земли при сооружении котлована жилища № 8 (линза светло-серого песка) залегает в толще культурного слоя (горизонте темно-серого песка) и частично накладывается на выброс из рва-траншеи (линза песка бежевого цвета). По сплошному разрезу через всю укрепленную площадку и поверхность за пределами стен было установлено, что ров-траншея южной и северной стены, а также котлован жилищ № 9, 10 были впущены с подошвы культурного слоя, а ров северной стены – из его кровли. При этом выброс из этого рва, представленный на профиле линзой светло-бурого песка, перекрывает темно-серое песчаное заполнение ямы рва-траншеи.

Приведенные стратиграфические наблюдения вместе с планиграфическим размещением артефактов на вскрытой площади позволили установить, что первоначально выкапывалась траншея-ров по всему периметру укрепленной площадки, затем вырывался котлован жилища № 8. В завершение строительства устраивался ров северной стены. Очередность сооружения объектов позволила разделить время «функционирования» городища условно на два этапа – ранний, до перестройки северной оборонительной линии, и поздний, после таковой. На каждом этапе защитные укрепления состояли из одной оборонительной линии, включающей стену и одну постройку хозяйственно-культового назначения.

На раннем этапе «функционирования» городища прямоугольная укрепленная площадка ограничивалась деревянной стеной, от которой в раскопах фиксировался ров-траншея и примыкающая к нему обваловка (вал). Ширина траншеи составляла 0,50–0,60 м при глубине до 0,30–0,50 м от уровня древней дневной поверхности. Ширина обваловки (вала) составляла 1,5–3,0 м при высоте не более 0,30 м. При таких параметрах рва и вала становится очевидным, что основным элементом обороны была бревенчатая стена, скорее всего типа тына. Для установки ее основания и был вырыт ров. Нижние бревна стены укреплялись в основании обваловкой, которая с внутренней стороны укрепленной площадки выглядела валом. В пользу этого указывают несколько обстоятельств. Во-первых, отсутствуют следы столбовых ям на валу. Во-вторых, заполнение рва состоит из темно-серого песка с очень большим включением древесного угля, размещенного по дну всей траншеи. В третьих, прямым подтверждением этому служит наличие углистого пятна № 2 (в квадратах 19-20К-Л) с резкой прямой границей, обрывающейся по линии между валом и рвом, т. е. здесь размещалась какая-то стенка. Заполнение углистого пятна, включающего обломки пережженных костей, фрагменты керамики нескольких сосудов, обломки костяных и металлических изделий, позволяет отнести его к хозяйственному выбросу (куче мусора).

На раннем этапе существования городища северная стена по конструкции не отличалась от южной и восточной. В ней был сооружен проход в виде гребли (земляного моста через ров), который находился возле северо-восточного угла защищенной площадки. В раскопе он фиксировался в виде перемычки, разрыва линии траншеи-рва и, следовательно, стены. Ширина гребли около 2,0 м. После выборки заполнения траншеи-рва выяснилось, что переход был оставлен сразу в виде нетронутого почвенного покрова. На гребле находок практически нет, за исключением двух мелких камней.

На позднем этапе существования городища северная стена, в которой устраивался проход, была перестроена. Южная и восточная при этом оставались прежними. Ров «новой» стены прошел на месте старого вала (обваловки). Теперь ширина рва стала 1,0–1,2 м при глубине 0,30–0,60 м от уровня древней дневной поверхности. Выброс земли из рва проводился в обе его стороны. С южной стороны выброс (на площади раскопа) читается слабо, хотя визуальнo к западу от раскопа на современной поверхности он виден отчетливо. С северной стороны рва выброс фиксировался хорошо в виде светло-бурого песка, который засыпал ранний ров-траншею.

На перестройку северной стены городища указывает не только наложение рва на траншею-ров, но и характер их заполнения. Так, траншея-ров с южной и восточной стороны был заполнен темно-серым песком с большим содержанием древесного угля. С северной же стороны заполнение этого раннего рва-траншеи состояло из серого песка, в то время, когда поздний ров здесь заполнен темно-серым песком, а на его дне концентрируется древесный уголь. Если учесть, что все деревянные постройки городища (стены, хозяйственные и жилые строения) были сожжены и, скорее всего, одновременно, то остатки жженого дерева во рвах-траншеях южной и восточной стены и во рве северной стены указывают на пожар после перестройки оборонительной системы. Отсюда становится очевидным, что северная часть укреплений перестраивалась во время функционирования городища, в котором жизнь не прекращалась.

Обновление этой стены не изменило формы углубленного хозяйственно-культового(?) сооружения (объект № 6), устроенного в ее разрыве. Можно считать, что, немного выдаваясь вперед из стены, этот объект служил для прикрытия входа, который был устроен в 7 м восточнее. Сруб постройки сооружался в прямоугольном котловане размерами 3,0×3,5 м, стенки которого ориентированы по сторонам света. При разборе кровли песчаного заполнения котлована были отмечены фрагменты обгоревших палок шириной до 10 см, которые располагались направленными к центру.

Очевидно, они являются остатками пирамидального перекрытия. При зачистке дна котлована были выявлены остатки обгоревших бревен, расположенных как параллельно возле западной стенки, так и перпендикулярно им возле южной стенки. Вход в постройку выявить не удалось, очевидно, он размещался в проеме сруба выше уровня дневной поверхности. Археологический материал, обнаруженный в котловане, залегал в 10–15 см выше его дна. Здесь найдены скопления каменных рыболовных грузил и колотые огнем камни, керамические скребки, а также фрагменты от пяти керамических сосудов, среди которых горшки, кубковидные сосуды и банка.

Вход в городище после его частичной перестройки остался практически на прежнем месте, немного сместившись в сторону, к югу. Возможно, что с обустройством на нем какой-то загороди, связаны две зафиксированные ямы. Одна яма (№ 2) овальной формы находилась по центру прохода (гребли) между «старым» и «новым» рвами. Судя по ее форме, глубине (35 см) и полуовальному очертанию профиля, можно говорить об установке здесь столба. Свидетельство установки похожего столба зафиксировано в другой яме (№ 5), устроенной в «старом» рве-траншее. Она имела округлую форму размерами 0,6×1,0 м и глубину 0,5 м. В ней возле северо-западной вертикальной стенки сохранились остатки обгоревшего дерева с вертикально расположенными волокнами.

Таким образом, можно утверждать, что перестройкой оборонительной системы были затронуты не все стены городища, а только одна. Следовательно, временной интервал между условно выделенными этапами развития городища был незначительным (от 0 до 50 лет), что устанавливается предположительным временем годности деревянных конструкций «старой» стены. Из этого можно заключить, что оборонительная система развивалась относительно непрерывно. На каждом этапе она состояла из деревянной стены и «предвратной постройки», возможно, служившей для защиты входа. Стена складывалась из горизонтальных бревен, ее основание

устанавливалось в траншее-рве и присыпалось землей. С внутренней стороны обваловка одновременно поднимала дневную поверхность почвы и выступала в качестве площадки для обороняющихся. Следовательно, в оборонительной системе городища Шилка II важную роль играли не рвы и валы, а стены укрепления.

За пределами стен городища, в 6 м северо-восточнее угла и в 11 м восточнее входа была изучена постройка хозяйственного назначения (объект № 7). Ее стены сооружались в квадратном котловане размерами 3,0×3,0 м, стены которого ориентированы с отклонением в 345 град. от азимута. Котлован был углублен на 30–35 см от уровня древней дневной поверхности. Заполнение котлована состояло из темно-коричневого песка, местами прокаленного до красного цвета. Остатков деревянных конструкций перекрытия не зафиксировано, но при расчистке дна котлована были отмечены остатки обгоревших бревен, положенных решеткой. Здесь же размещались отдельные фрагменты керамики от двух сосудов, каменные грузила, целые и колотые камни. Причем все находки залежали выше на 5–10 см остатков отмеченных половых плах или балок. На северном плечике котлована зафиксировано скопление черепков сосуда-дымокура, склеивающегося целиком.

Внутри укрепленной площадки были изучены жилища № 8, 9 и следы хозяйственной деятельности обитателей городища.

Жилище № 8 являлось крайним в ряду и размещалось в восточном углу укрепленной площадки. Оно с углубленным полом, в плане имело прямоугольную форму размерами 4,1×4,9 м. Длинные стены ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток. Короткие – в перпендикулярном направлении. Вдоль них отмечены остатки обгоревших бревен диаметром до 18 см. Все стены котлована прослеживаются четко. Вход не читается.

К остаткам деревянного перекрытия можно отнести отдельные фрагменты обгоревших палок, которые залежали на плечиках котлована, а также возле стен котлована выше уровня пола на 10 см. Ориентация этих

остатков дерева направлена к центру котлована, что может говорить о пирамидальном характере перекрытия. Кровля жилища опиралась на плечики котлована в некотором отдалении от края. Ярким свидетельством этого может выступать развал крупных черепков одного горшка, которые залежали возле южной стенки котлована, как на его дне, так и возле края. На каркасный характер перекрытия указывает и отсутствие каких-либо остатков опорных столбов.

Площадь котлована составляла чуть более 20 кв. м. Глубина его в северной части у стен – 34–36 см, в южной части – до 30 см. Пол жилища чашеобразно углублен и посередине, возле очага, глубина котлована достигала 40 см. Округлый очаг открытого наземного типа находились в центре жилища. Размеры его 120×140 см. В разрезе он представлял собой выпуклую вверх линзу прокаленной земли мощностью до 9 см. На плечиках котлована под кровлей по периметру жилища устраивались земляные полки.

В жилище находки размещались на дне котлована и были разбросаны по всей его площади. Несколько меньшая концентрация находок наблюдается в западном секторе жилища, что может указывать на организацию здесь спального места. На земляном полу в котловане найдены камни, расколовшиеся под действием огня, каменные грузила, молоты-песты, точильные камни и мелкие обломки костей животных, а также обгоревшая деревянная планка с отверстием (рис. 117, 5). Здесь же зафиксированы черепки от девяти горшков, из которых четыре восстанавливаются целиком. Восемь сосудов относится к XVII типу, один сосуд-дымокур к XIII типу (см. рис. 117, 19, 21, 29, 30).

Жилище № 9 находилось в том же ряду в 10 м юго-западнее жилища № 8. Оно с углубленным полом, в плане имело прямоугольную форму размерами 4×5 м. Глубина котлована у стен 25–33 см. Длинными сторонами он ориентирован вдоль южной стены городища. Они направлены на северо-восток – юго-запад. В центре юго-восточной длинной стены отмечается П-образный карман шириною до 1 м. Возможно, он демонстрирует

углубленный коридорообразный вход. Вдоль всех стен котлована отмечены остатки кусков обгоревших бревен диаметром до 18 см, благодаря чему с уверенностью можно говорить о срубной конструкции их укрепления.

К остаткам деревянного перекрытия можно отнести единичные фрагменты обгоревших палок, которые залежали по краям котлована выше уровня пола на 10–15 см. Они направлены к центру котлована, что может говорить о четырехскатной форме перекрытия.

Площадь жилища составляла около 17 кв. м. Земляной пол его относительно ровный. Он имел незначительное углубление к центру, где располагался открытый очаг наземного типа. Он представлял собой насыпанную округлую кучу прокаленного песка с включением золы, углей, мелких фрагментов жженных костей. Размеры очага 100×100 см, мощность – до 7 см. Возле него с южной стороны размещался массивный камень с ровной поверхностью. Такой же камень находился и возле северного угла жилища.

Основная масса сохранившихся культурных остатков была разбросана по всей площади жилища. Несколько меньшая концентрация находок наблюдается в южном секторе. На полу найдены камни со следами пребывания в огне, каменные грузила, молоты-песты, куски спекшейся глины со шлаком и мелкие обломки костей животных. Здесь же зафиксированы черепки от 18 сосудов, среди которых фрагменты от семи горшков (тип XVII), пяти сосудов-дымокуров (тип XIII), четырех миниатюрных кубковидных сосудиков (тип X), сосуда с сегментовидными ручками (тип XX) и одной банки (тип VI) (см. рис. 117, 16–18, 22, 25, 26, 28, 31, 32, 38, 40).

Культурный слой внутри укрепленной площадки характеризуется малой мощностью (до 20 см). Он ровный, без нарушений и перекопов. Слой насыщен находками неравномерно. Наибольшая их концентрация отмечается между жилищами и северной, проходной, стеной. Среди многочисленных обломков расколотых и целых камней окатышей, каменных молотков,

грузил, абразивов, фрагментов керамики и костей животных здесь была найдена железная проколка (см. рис. 117, 1). Собственно, возле стен, на валу-обваловке, находок мало. Только под южной стенкой было зафиксировано углистое пятно (№ 2) размерами 0,6×1,8 м, состоящее из темно-серого песка, перемешанного с древесным углем и золой. В заполнении мощностью 20 см найдены сломанная бронзовая обойма для перекрестья ремней (см. рис. 117, 4), обломок железной трубочки (см. рис. 117, 6), наперсток лучника из рога (см. рис. 117, 7), обломки четырех наконечников из кости (см. рис. 117, 11–14) и костяная заготовка проколки (см. рис. 117, 10). Эти предметы располагались среди жженных обломков костей, углей, костяной и роговой стружки, фрагментов резаного рога (см. рис. 117, 8, 9), спекшихся кусков супеси и золы. Характер заполнения и состав предметов позволяют отнести это пятно к хозяйственному выбросу из жилищ (очагов).

Культурный слой за пределами укрепленной площадки также маломощный (до 12 см). Он частично изучен с южной, восточной и северной сторон от стен городища. Находок здесь значительно меньше, чем внутри городища, но они типологически похожи. Здесь встречены такие же каменные грузила из окатышей, молотки, абразивы. Многие фрагменты керамики склеиваются с черепками из внутренней части городища и жилищ. Здесь же найдены два железных ножа (см. рис. 117, 2, 3).

За пределами укрепленной части городища, на ровной поверхности гривы был вскрыт котлован одного жилища.

Жилище № 1 находилось в северной группе котлованов и размещалось близ северо-восточного склона гривы (см. рис. 8). По устройству оно близко жилищам, изученным внутри укрепленной площадки. Устраивалось в неглубоком (35 – 40 см) котловане прямоугольной формы размерами 2,8×3,8 м (рис. 118). Длинными стенами ориентировано в направлении запад – восток, короткими – в перпендикулярном направлении. Вдоль стен котлована отмечены углистые включения, возможно, остатки обкладки стен деревянными плахами шириной до 12 см. Все стены читались хорошо. Вход

не зафиксирован, очевидно, он размещался проходом в длинной стене над поверхностью земли.

С остатками деревянного перекрытия связываются отдельные фрагменты обгоревших палок, которые прослежены по краям котлована, а также в его центре в 10–12 см выше уровня дна. Направлены они поперек длинных стен, что может говорить о двускатном характере перекрытия жилища, которое опиралось на плечики котлована в некотором отдалении от края. На каркасный характер кровли указывает и отсутствие каких-либо остатков опорных столбов.

Площадь котлована составляла чуть более 10 кв. м. Его дно относительно ровное, без ярко выраженных поднятий и углублений. В центре, ближе к северной стенке, расчищен очаг открытого типа овальной формы размерами 40×50 см с мощностью зольного заполнения – до 8 см. Возле него с северной стороны отмечена неглубокая (до 16 см) ямка диаметром 6 см. Здесь же лежал крупный булыжник с плоской поверхностью.

На полу жилища, который выделялся черной, насыщенной углем песчаной почвой, зафиксированы расколотые камни и фрагменты керамики от трех горшков и одного сосуда-дымокура (см. рис. 118, 2–4). Черепки залежали двумя скоплениями возле длинных стен жилища. Возле коротких стен находки единичны, среди них погнутая бронзовая игла (см. рис. 118, 1).

За пределами котлована в слое темно-серой супеси найдены фрагменты керамики еще от восьми сосудов (см. рис. 118, 5–11), а также керамический скребок (см. рис. 118, 12), железная пластина (нож?) и каменное грузило для сети. Керамика из жилища и из слоя типологически однородна.

Сравнительная характеристика находок из всех изученных объектов и культурного слоя городища показала их типологическую однородность. Большинство сосудов частично восстановлено (рис. 119; 120) по склеивающимся черепкам, найденным как в котлованах углубленных объектов, так и в культурном слое внутренней и внешней площади городища.

Это позволяет рассматривать материалы городища в рамках единого культурно-хронологического комплекса.

Основную массу находок на городище составляют черепки глиняной посуды, из которых удалось выделить 100 сосудов. Кроме того, здесь в большом количестве (более 200) найдены расколотые огнем и целые камни со следами нагара на внешней поверхности. Из слоя городища также происходят 153 галечных грузила, 23 каменных молота-песта, 12 абразивов, 36 скребков из черепков сосудов. Среди предметов, обнаруженных в культурном слое внутри укрепленной площадки, имеется железная проколка с навершием, а в слое за пределами площадки найдены прямолезвийный и выпуклообушковый железные ножи.

На комплексе Усть-Шилка II к шилкинской культуре относятся городище, полностью изученное в первом культурном слое.

Оно размещалось на 17-метровом приустьевом мысу, образованном правобережной енисейской и левобережной шилкинской террасами. С южной стороны поверхность мыса плавно переходит в 14-метровую террасу, а с восточной – ограничивается небольшим логом (см. рис. 51).

Укрепленная часть одноплощадочного городища занимала северную наиболее возвышенную часть гривы и имела пятиугольную форму – с запада и севера она обрывалась склонами террасы, а с востока и юга ограничивалась стеной, установленной во рве-траншее (рис. 121). До раскопок ров визуально читался только с южной стороны городища в виде задернованной канавы шириной до 1,0 м при глубине до 0,2 м с разрывом в центральной части. После зачистки культурного слоя на раскопе он стал выделяться канавкой с темно-бурым песчаным заполнением, включающем древесные угли. Ширина рва-канавы составляла 0,40–0,60 м при глубине до 0,20–0,30 м от уровня древней поверхности. При рытье этого рва-траншеи земля выбрасывалась в сторону огораживаемой площадки, отчего образовывался вал. Вдоль южной стены, которая читалась более отчетливо, параметры такого вала составляли в ширину от 1,5 до 3,0 м при высоте не более 0,10 м. Очевидно, что при таких

параметрах рва и вала основным элементом обороны была бревенчатая стена, скорее всего, типа тына. Основание стены, установленной в рве-траншее, с внутренней стороны подсыпалось обваловкой, что искусственно повышало здесь уровень дневной поверхности по сравнению с поверхностью за стеной городища. Общая укрепленная площадь городища составляла около 900 кв. м. Возможно, оборонительная линия городища была замкнутая, так как со стороны края террасы местами прослеживались продолговатые темно-бурые углистые пятна, возможно, от сгнивших бревен стены.

В южной стене городища, со стороны относительно ровной поверхности террасы, устраивался проход в виде разрыва стены или гребли (земляного моста через ров). В раскопе он фиксировался в виде перемычки, разрыва линии рва-траншеи и, следовательно, стены. Ширина прохода – около 3,0 м. При выборке рва выяснилось, что проход был оставлен сразу при сооружении деревянной стены. В районе входа находки отмечаются в основном на внутренней площадке городища и представлены черепками. Во рве возле входа (в квадратах 5Ф–Х) зафиксированы фрагменты одного сосуда баночной формы и керамический скребок, которые оказались там во время строительства или перестройки (подправки) стены. За пределами стен городища выявлены лишь единичные предметы. Перед проходом (в квадратах 6М–О и 7С–У) зафиксированы два скопления древесных углей, размещавшихся в вытянуто-овальных пятнах длиной 2,6 м и 1,5 м при ширине 0,4–0,6 м. Мощность углистых пятен – не более 3 см, возможно, указывает на то, что скопления углей остались от разложившихся обожженных бревен, использовавшихся в устройстве для прикрытия входа.

За пределами стен городища, в 2,5 м южнее южной стены и в 9 м восточнее входа, была сооружена углубленная постройка (см. рис. 115, II) хозяйственного назначения (котлован № 4). Она возводилась над прямоугольным котлованом глубиной 50–60 см и размерами 2,8×3,1 м, стены которого ориентированы по сторонам света. Его заполнение состояло из темно-коричневого песка, местами прокаленного до красного цвета.

От деревянной конструкции перекрытия сохранились обожженные плахи и жерди, которые залегали в 20–40 см выше земляного дна котлована. Некоторые плахи перекрывают друг друга, что позволяет представить конструкцию кровли. Жерди, залегавшие на плечиках коротких стен котлована, ориентированы к его центру. Они по всей длине перекрываются поперечными плахами. Такой порядок покрытия возможен при шалашеобразной двускатной крыше. Сверху она покрывалась землей (скорее всего, дерном). На это указывает линза мешанного светло-бурого песка мощностью до 30 см, которая перекрывала деревянные остатки кровли. В этой почве, которая первоначально была выброшена при рытье котлована, найдены многочисленные каменные изделия и «шнуровая» керамика усть-шилкинского типа раннего бронзового века (на памятнике залегает во 2-м слое).

На западном крае котлована, возле предполагаемого наземного входа зафиксирован развал придонной части сосуда баночной формы (рис. 123, 10). Среди фрагментов залегали костяной диск (бляшка-пуговица) (рис. 122, 13) и фрагмент точильного камня из песчаника. Здесь же найдены обломок плюсны и часть ребра лося, 38 фрагментов костей мелкого копытного, фрагмент ребра волка (собаки?). На полу котлована в северо-западном углу среди 67 обломков костей мелкого копытного лежали сломанная глиняная фигурка соболя (см. рис. 122, 18) и фрагмент керамического диска (?) с орнаментом (см. рис. 122, 6). В северо-восточном углу постройки обнаружен скребок из черепка (см. рис. 123, 15). Возле южной стенки среди 20 обломков трубчатых костей млекопитающего отмечена костяная проколка (см. рис. 122, 12), ближе к центру – фрагмент железной пластины (см. рис. 122, 10). В центре котлована – половина сосуда баночной формы без орнамента (см. рис. 123, 7) и фрагмент железной пластины. По всей площади пола – черепки от небольшого горшочка с накольчатым орнаментом (см. рис. 123, 8). Здесь же найдены обломок нижней челюсти человека (?), нижний коренной зуб овцы (козы) и фрагменты ребер лошади (?) и лося (?).

Таким образом, оборонительная система городища в устье р. Шилка, также как и городища Шилка II, устроенного на террасе, состояла из деревянной стены, нижние бревна которой укладывались в ров-траншею и присыпались землей. С внутренней стороны обваловка одновременно выступала валом и незначительно поднимала уровень укрепленной площадки по сравнению с окружающей поверхностью. Следовательно, в оборонительной системе городища Усть-Шилка II важную роль играли стены укрепления. За пределами укрепленной площадки размещалась постройка хозяйственного назначения. Конструкция этого сооружения близка углубленным жилищам, которые размещались внутри городища.

В центре укрепленной площадки в одном ряду параллельно южной, проходной, стене размещались три жилища.

Жилище № 1 отмечено в центре ряда. В ходе раскопок установлено, что котлован жилища имел прямоугольную форму размерами 6,3×4,6 м. Глубина его составила 10–12 см. Длинной стороной он ориентирован на запад-восток. Земляные стенки не укреплялись. От перекрытия сохранились фрагменты обгоревших палок, которые залегали как по краям котлована, так и выше уровня пола на 10–15 см. Они ориентированы по направлению к центру котлована и вдоль стен. В заполнении, между обожженными плахами, отмечались находки бронзового века – каменные отщепы, пластины, нуклеусы и фрагменты «шнуровой» керамики усть-шилкинского типа, – относящиеся ко второму культурному слою памятника. Фиксация этих предметов указывает на покрытие кровли жилища землей, скорее всего, кусками дерна.

Площадь жилища по дну котлована составляла около 29 кв. м. Пол жилища фиксировался по углистой прослойке. Он был ровным, имел незначительное углубление к центру, где располагался округлый очаг наземного открытого типа. Его размеры – 95×95 см. Он представлял собой бугор прокаленного песка с включением золы, углей, мелких фрагментов жженных костей. Мощность очага составляла 10 см. В нем в восточном

секторе размещался массивный камень с ровной поверхностью. Здесь же отмечены каменные грузила.

Основная масса находок отмечена вдоль коротких стен жилища. Несколько меньшая их концентрация наблюдается в северном и южном секторах, что может косвенно указывать на организацию здесь спального места и наземного входа. В северо-восточном и юго-западном углу жилища найдены массивные камни, растрескавшиеся под воздействием огня. Возле стен зафиксированы каменные пест и орудие для обработки металлических изделий (см. рис. 122, 23, 26), керамический скребок (см. рис. 123, 16) и черепки одного горшка (см. рис. 123, 1). На «полках» жилища, устроенных на плечиках котлована между его краем и основанием кровли, размещались фрагменты трубчатых костей крупного копытного животного и гальки-окатыши.

Жилище № 2 было сооружено в 2 м восточнее первого жилища. Визуально выделялось в виде ямы прямоугольной формы размерами 4,0×5,0 м при глубине 0,4–0,45 м. В северо-восточном и юго-восточном углах отмечались отходящие в сторону канавки длиной до 1,5 м и шириной до 1,0 м при глубине до 0,1–0,15 м.

Раскопки выявили углубленное жилище, устроенное над котлованом прямоугольной формы размерами 7,0×4,6 м. Его глубина у стен – 20 см. Земляные стенки котлована не укреплялись. Длинными стенами он был ориентирован так же, как жилище № 1, вдоль южной стены городища и направленными по линии на восток-запад. К остаткам деревянного перекрытия относятся многочисленные фрагменты обгоревших палок, которые залежали по краям котлована и в его заполнении, в 10–15 см выше уровня пола. Сохранность обгоревших палок в северо-восточном углу жилища демонстрирует решетчатую основу кровли. Плахи, расчищенные на плечиках котлована, направлены перпендикулярно стенкам – к его центру и вдоль смежных стен от угла. Такое размещение плах указывает на наличие прямого угла в наклонной кровле жилища. Среди фрагментов обожженной

древесины расчищен кусок обгоревшей коры хвойного дерева. Здесь же зафиксированы каменные отщепы, пластины и фрагменты «шнуровой» керамики раннего бронзового века. Это еще раз подтверждает наш вывод о перекрытии кровли жилища землей или кусками дерна.

Площадь жилища по полу на дне котлована составляла около 32 кв. м. С учетом того, что кровля опиралась на плечики котлована в 50–70 см от его края, чем создавались «полки», площадь жилого пространства следует увеличить еще приблизительно на 7 кв. м. Земляной пол жилища был относительно ровным. Он незначительно углублялся к центру, где располагался открытый очаг округлой формы. Его размеры 105×95 см. Он представлял собой кучу прокаленного песка с включением золы, углей, мелких фрагментов жженных костей. Мощность очага до 12 см. Возле него с западной стороны отмечено скопление галек с перехватом (грузила) с закопченной поверхностью.

Основная масса находок отмечена вдоль северной стенки жилища, как на полу, так и на «полке». Несколько меньшая концентрация находок наблюдается в восточном и южном секторах. Полное отсутствие находок в западном секторе может указывать на организацию здесь спального места.

На земляной «полке» под северной стеной жилища найдены бронзовый нож (см. рис. 122, 1), скопление обломков жженных костей и рога, среди которых заготовка наконечника стрелы (см. рис. 122, 15), окончание остроконечника (см. рис. 122, 11) и 14 фрагментов со следами резки и шлифовки. Размеры последних варьируют от 2,2×1,6×0,3 до 7,6×2,0×1,4 см. Здесь же отмечено каменное лощило (см. рис. 122, 29) и керамический скребок (см. рис. 123, 13). На полу котлована под этой стенкой расчищены развалы двух керамических горшков (см. рис. 123, 2, 3). На западном плечике котлована зафиксирован обломок бронзового пластинчатого наконечника стрелы (см. рис. 122, 2). На полу котлована возле восточной стенки отмечена каменная наковальня и гладилка (см. рис. 122, 24, 25). Под южной стенкой размещался развал керамической банки (см. рис. 123, 10). Черепки от этого

же сосуда зафиксированы на кровле северо-восточного угла жилища и возле постройки за стенами городища.

Жилище № 3 размещалось в 3 м западнее первого. До раскопок фиксировалось в виде котлована прямоугольной формы размерами 4,0×6,0 м при глубине 0,4–0,6 м. В ходе раскопок установлено, что жилище сооружалось над котлованом прямоугольной формы с неукрепленными земляными стенами длиной 6,4 и 4,8 м. Глубина его 12–15 см. Длинной стороной он ориентирован по линии восток-запад. К остаткам деревянного каркаса перекрытия можно отнести отдельные фрагменты обгоревшей древесины, которые залегали в заполнении котлована в 10–15 см выше уровня дна. Удлиненные фрагменты были направлены в разные стороны, но большинство из них – к центру котлована. Среди них найдены каменные отщепы, пластины, нуклеусы и фрагменты «шнуровой» керамики, относящиеся ко второму культурному слою памятника. Как и в других жилищах городища это указывает на покрытие кровли жилища землей или кусками дерна. Площадь жилища по дну котлована составляла более 30 кв. м. Пол жилища прослежен по уровню залегания очага и вещей. Он относительно ровный, имел незначительное углубление к центру, к округлому очагу размерами 80×80 см. Последний представлял собой бугор прокаленного песка мощностью до 16 см с включением золы, углей и мелких обломков жженных костей.

Основная масса находок размещалась на полу жилища возле северной и восточной стенок котлована, а также на его земляных «полках». Несколько меньшая концентрация находок наблюдается в южном и западном секторах жилища, что может косвенно указывать на организацию здесь наземного входа и спального места. В северо-западном углу, возле северной стенки котлована на полу и на «полках» найдены массивные камни, растрескавшиеся под воздействием огня. Среди них наковальня, обломок плиты точильного камня (см. рис. 122, 30), небольшой каменный молоток (см. рис. 122, 27) и обломки костяных черешковых наконечников стрел

(см. рис. 122, 14, 16). Ближе к очагу на полу лежали железный небольшой пластинчатый нож (см. рис. 122, 7) и железное шило с квадратным острием (см. рис. 122, 8). В юго-восточном углу котлована зафиксировано длинное костяное острие с пазом-кровостоком (см. рис. 122, 31). По полу восточного сектора жилища были разбросаны черепки от трех сосудов, из которых один реставрируется целиком (см. рис. 123, 4, 5). Из объекта также происходят шесть скребков из фрагментов керамики и обломки трубчатых костей крупного копытного животного.

Внутри укрепленной площадки возле жилищ при зачистке подошвы культурного слоя были расчищены две хозяйственные ямы.

Хозяйственная яма № 1 размещалась в 3 м южнее котлованов жилищ № 1 и 2. Она имела вытянуто-овальную форму размерами 150×50 см при глубине 15 см. Дно ямы «ступенчатое», углубляющееся к центру, заполнение состояло из темно-бурого песка. На дне ямы в западной части размещались черепки одного горшка (см. рис. 123, 11). Возможно, яма была впущена в слой городища в более позднее время. Рядом с ней найдены два скребка из плиточного камня.

Хозяйственная яма № 2 была расчищена между жилищами № 1 и 2 с северной их стороны (на границе квадратов 12–13Ш–Щ). Она имела округлую форму с ровным округлым дном, ее диаметр – 105 см при глубине 19 см. Она была заполнена темно-бурым песком с кусочками древесного угля и линзовидной прослойкой светлого песка. Последняя указывает на то, что яма была преднамеренно засыпана в древности. В темно-бурых прослойках зафиксированы фрагменты керамики, кусочки бронзовых пластин – лома (см. рис. 122, 4, 5), обломки трубчатых костей животных и целые гальки с закопченной поверхностью.

Из культурного слоя городища также происходят костяной наконечник стрелы, каменные орудия (для дробления твердых и мягких материалов, для обработки металлических изделий), гальки с перехватом (см. рис. 122, 3, 19–22, 28), камни с закопченной поверхностью, а также скребки из каменных

плиток и фрагментов керамики (рис. 124). Здесь же найдена подвеска из песчаника с прочерченным орнаментом (см. рис. 122, 17).

Сравнительная характеристика находок из всех изученных объектов и культурного слоя городища показала их типологическую однородность. Кроме этого, некоторые сосуды частично или полностью восстанавливаются по склеивающимся черепкам, найденным на разных участках городища. Так один сосуд высокой баночной формы (тип VI) (см. рис. 123, 10) был восстановлен из трех частей. Две части от верхней половины сосуда были найдены на полу жилища № 2 и в перекрытии его кровли. Придонная же часть этой банки лежала за пределами укрепленной площадки, возле постройки № 4. Аналогичные случаи были отмечены и для сосудов, фрагменты которых найдены в жилище № 3 и в заполнении рва-траншеи, в очаге жилища № 1 и в хозяйственной яме № 1, в культурном слое городища и в жилище № 1. Проведенные наблюдения позволяют рассматривать все объекты и материалы городища в рамках единого культурно-хронологического комплекса, существовавшего непродолжительное время.

Проведя сопоставление представленных городищ, Шилка II и Усть-Шилка II, мы должны признать их однотипность. Они располагаются в близких топографических условиях рельефа, на гривах, окруженных ложбинами или крутыми береговыми склонами, на одной высотной отметке. На обоих городищах оборонительная система состояла из бревенчатой стены типа тына, основание которой размещалось во рве-траншее, и с внутренней стороны дополнительно подсыпалось обваловкой. Каждое городище с напольной стороны имело по одному входу, возле которого за пределами укрепленной площадки размещалась хозяйственная постройка, конструкция которой аналогична углубленным жилищам. Мощность культурного слоя в обоих городищах незначительна, и пространство укрепленной площадки использовалось одинаково – для устройства жилищ, которые размещались в один ряд, ориентированный по линии запад-восток. На обоих городищах возводились углубленные жилища и постройки.

Общее конструктивное сходство всех изученных построек (жилищ и хозяйственных объектов) шилкинской культуры заключается в устройстве их над неглубокими (до 0,20–0,40 м) котлованами и сооружении кровли из наклонно поставленных жердей, как угловых, так и стенных, возможно, соединенных верхушками и образующих грани пирамиды. Судя по обгоревшим остаткам рухнувших крыш, кровля сооружалась из плах шириной 9–12 см при толщине 4–6 см, уложенных в одном направлении. Они опирались на угловые каркасные и поперечные жерди диаметром 4–5 см. Среди них встречались расколотые вдоль бревна диаметром до 20 см и ветки диаметром 1,5–2 см. Деревянный каркас покрывался корой и землей (кусками дерна).

Рассмотренные однотипные городища Шилка II и Усть-Шилка II размещены в непосредственной близости друг от друга. Они схожи с так называемыми парными городищами. Назначение каждого из них остается неясным. Но разница в площадях, количестве жилищ на внутренней площадке, а также наличие «посада» на городище Шилка II указывает либо на разное их назначение при условии одновременности функционирования, либо на увеличение численности населения с развитием культуры, либо на стратификацию общества. Подобные «парные» городища известны в других районах Сибири, например, в Томском Приобье в кулайской культуре с IV в. до н. э. [Рыбаков, 2015, с. 133] или в Омском Прииртышье в потчевашской культуре [Коников, 1995, с. 76].

Рядом с городищами, в пределах видимости, нами был изучен еще ряд памятников, содержащих керамику шилкинской культуры.

Производственная площадка Шилка VI расположена на пологом склоне 15–17-метровой террасы правого берега Енисея в 400–450 м выше устья р. Шилка в 60 м южнее городища Шилка II (см. рис. 11). С западной стороны площадь ограничена краем террасы, в крутой склон которой врезаны два котлована землянок этнографического (?) времени. Северные, восточные и южные границы памятника рельефно не выявлены. На южной части площади

памятника фиксируются прямоугольные контуры жилища наземного типа, предварительно относящегося к русскому времени. С этим объектом, очевидно, связаны и две задернованные ямы, располагающиеся возле него.

В 1998 и 2000 гг. на площадке общим раскопом было вскрыто 111 кв. м и изучено два слоя. Вторым, относящийся к неолиту, был приурочен к коричневой супесчаной почве и отделялся от первого цветом, составом и глубиной залегания. Материалы шилкинской культуры залежали в первом культурном слое. Он представлен серым песком, залегающим под дерном на глубине 10–15 см. В отдельных квадратах раскопа со слоя впущены ямы, которые фиксировались при зачистке его подошвы (рис. 125).

Остатки железоплавильного горна расчищены в квадрате 10Б. Камера была сложена из камней на уровне древней дневной поверхности. Камни, обмазанные глиной, залежали овальным кольцом размерами 30×50 см. В центре камеры находилось скопление железных шлаков, спекшихся в один кусок размерами 25×35 см. Вокруг камеры почва была не прокаленной, а под ней – черной. Рядом со скоплением камней был отмечен кусок глиняной обмазки передней стенки камеры горна с фурмовым отверстием. Размеры глиняной стенки – 20×30 см. К ней был пристроен камень, служивший дном камеры.

Яма № 1 размещалась рядом с камерой, с западной ее стороны, на границе квадратов 10А–Б, и имела неправильную округлую форму размерами 90×114 см. Она впущена на глубину 35 см. Дно ровное. В заполнении, состоящем из серого песка, отмечены куски железных шлаков, глиняная передняя стенка камеры горна и два фрагмента венчиков сосудов.

Яма № 2 расчищена с юго-восточной стороны от камеры, в квадратах 10–12В–Г после зачистки подошвы слоя. Первоначально она имела вытянутую овальную форму размерами 150×250 см и выделялась красным прокаленным расплывчатым пятном, которое ориентировалось в медиальном направлении. Южной частью яма уходила в стенку раскопа. При углублении пятна на 5 см ее контуры очертились четче. Теперь она стала читаться из

двух пятен красной прокаленной почвы, включающей древесные угли. Северный сектор ямы имел подквадратную форму размерами 80×110 см. Южный сектор имел прямоугольную форму размерами 34×60 см. При дальнейшем разборе выяснилось, что эти сектора соединяются между собой угловатым, овальным в сечении проходом. В заполнении ямы, глубина которой составила 63 см, зафиксированы пять фрагментов керамики без орнамента, камень и два отщепа. Последние сопоставляются с находками из второго культурного слоя, датирующимися неолитом.

Яма № 3 выявлена в 4 м севернее камеры, на границе квадратов 5–7 В–Е и имеет неправильную овальную форму, расширяющуюся в северном секторе. Ее размеры – 222×218 см. Она со ступенчатым дном, которое имеет углубление в центральной части. Общая глубина 20 см. В центральной части на дне отмечалась прокаленная почва красного цвета с вкраплением древесных углей. Размеры прокаленного пятна округлой формы – 100×105 см.

Яма № 4 отмечена в 1 м от предыдущей, на границе квадратов 4–5 Е–Ж и своим восточным сектором уходит в стенку раскопа. Исследованная часть имеет овально-треугольные контуры с линзовидным сечением. Заполнение состоит из темно-коричневой почвы. На округлом дне отмечается включение древесных углей. В западном секторе расчищено скопление мелких жженных костей, которые залегали в овальном пятне мощностью до 10 см. Яма впущена на глубину 38 см от уровня древней поверхности.

Яма № 5 зафиксирована в 3 м севернее ямы № 3, на границе квадратов 1–3 Г–Б. При зачистке верхнего уровня были выявлены два овальных пятна от разных углублений. Первое пятно прокаленной почвы красного цвета имело размеры 62×108 см. Второе пятно сначала выявлялось по темному цвету, а затем по красному. Его размеры – 105×190 см. Выемка земли из углублений показала, что они соединяются проходом. Над ним сохранился ненарушенный слой почвы. В северном секторе на дне ямы было расчищено скопление обожженной глины. Между фрагментами жженой глины

отмечались куски обгоревшего дерева. Размеры этого спекшегося глиняного куска составляли 35×50 см. В 1 м к востоку от представленной ямы отмечен крупный фрагмент обгоревшего дерева, который залегал на уровне культурного слоя.

Яма № 6 расчищена в 5 м к западу от ямы № 3, в квадрате 5б. Она имела овальную форму размерами 80×94 см. Округлое дно углублено на 74 см. В заполнении, состоящем из темно-коричневого песка, были зафиксированы фрагменты керамики.

Кроме отмеченных ям на площади раскопа были отмечены два пятна прокаленной почвы. Первое пятно расчищено в квадрате 7в. Его размеры – 55×60 см. Оно состояло из красного песка с включением мелких древесных углей. Мощность прокаленной почвы – 1 см. Второе пятно зафиксировано в квадрате 12в. Его западный сектор закрывается стенкой раскопа. Состав заполнения и размеры близки вышеописанному пятну прокаленной почвы.

Полученные материалы демонстрируют производственную площадку по выплавке железа. Это доказывается остатками железоплавильных горнов и ям, в которых они сооружались, присутствием железных шлаков и каменной наковальни. Так, ямы № 1 и 2 расположены рядом. Между ними на уровне древней поверхности находился развал камеры железоплавильного горна. Учитывая форму ямы № 2, можно предположить, что именно в ней сооружали печь. Об этом говорит прямоугольная форма северного сектора ямы, который был соединен с южным проходом.

Сохранившаяся камера горна складывалась из камней. Глина использовалась для замазки щелей между ними и для сооружения передней стенки, к которой пристраивалось сопло для нагнетания воздуха. Рабочий объем камеры можно рассчитать по размерам застывшего монолита железного шлака (25×35 см), обнаруженного во внутренней части камеры, и высоте глиняной стенки с фурмовым отверстием (20 см). Очевидно, что при таких параметрах рабочий объем камеры железоплавильного горна мог быть около 14000 куб. см.

Форма ямы № 5, наличие в ней прохода между южным и северным секторами, размещение в последнем кусков обожженной глины и фрагментов обгоревшей древесины, позволяет предположить, что и она использовалась для сооружения горна. Однако остатков его камеры в границах раскопа не обнаружено.

С железоплавильным производством связаны найденные в слое куски железных шлаков (46 шт.), фрагменты керамического сопла, каменная наковальня. Здесь же отмечены галечное грузило и 248 фрагментов керамики от 14 сосудов (рис. 126), из которых 12 сопоставляются с посудой шилкинской культуры. Из остеологических материалов, представленных обломками трубчатых неопределимых костей, залегающих как на уровне слоя, так и в заполнениях ям № 3 и 4, можно отметить сезамовидную и пяточную кость крупного парнокопытного (марала (?), коровы (?) или лося (?)).

В четких стратиграфических условиях материалы шилкинской культуры залежали и на поселении Островки I, которое расположено в 2 км южнее шилкинских городищ, на северной нижней оконечности одноименного острова в створе Казачинского порога на Енисее. Остров состоит в основном из скальных пород и только на северной и восточной частях отмечаются почвенные отложения. Поселение занимает 13–14-метровую островную мысовидную террасу, где за три полевых сезона (1988, 1990 и 1993 гг.) единым раскопом было вскрыто 80 кв. м площади (см. рис. 34). На памятнике отмечены два культурных слоя, приуроченных к различным геологическим горизонтам. Второй культурный слой относится к неолиту и отделяется от вышележащего 20 см прослойкой без материала. Материалы шилкинской культуры находились под дерном в первом культурном слое, представленном темно-серой песчаной почвой на глубине 15–20 см. Слой залегает параллельно современной дневной поверхности и имеет незначительное понижение в сторону края террасы.

Находок в слое немного, но они демонстрируют единый комплекс, оставленный кратковременным обитанием (рис. 127). Здесь встречены два рыболовных галечных грузила (рис. 128, 16, 17), пять скребел из плиток слоистого камня (см. рис. 128, 19–23), два каменных песта (см. рис. 128, 18, 24) и три скребка из черепков (см. рис. 128, 12, 13), сопоставляющихся с посудой слоя. Керамика представлена 88 фрагментами, среди которых 19 – венчики и 5 – фрагменты поддонов. Черепки демонстрируют 9 сосудов – семь горшковидной формы и две баночной, по орнаменту похожие между собой. Два горшка украшены по горловине одним рассеченным валиком и поясом ямок (см. рис. 128, 1, 2). Еще один орнаментирован наколами по отогнутому краю и поясом ямок (см. рис. 128, 3). Имеются фрагменты от трех горшков, на плечиках которых нанесены неглубокие оттиски от подушечек пальцев, не сопровождающихся поясом ямок (см. рис. 128, 4, 5). На двух из них венчик рассечен, на третьем – гладкий. Черепок от последнего горшка без орнамента (см. рис. 128, 8). Фрагменты от сосудов баночной формы, украшены двумя рассеченными валиками и 1–2 поясами ямок (см. рис. 128, 6, 12). На всех фрагментах поддонов сохранились вертикальные налепные рассеченные валики и отверстия между ними (см. рис. 128, 9–11). В одном случае отверстие большое, диаметром до 2 см (см. рис. 128, 9).

Ряд памятников в долине Енисея содержат материалы шилкинской культуры вместе с инокультурными находками. Здесь они выделяются только типологически.

На многослойном поселении Шилка IX, которое расположено в 100 м южнее городища Шилка II и в 40–50 м южнее производственной площадки Шилка VI, материалы шилкинской культуры залежали в четвертом культурном слое вместе с другими комплексами раннего железного века: нижнепорожинскими и каменско-маковскими (см. рис. 70). Материалы слоя относительно одновременны, но они относятся к различным культурным комплексам, которые разделяются только по керамике, поскольку остальные

вещи могли принадлежать к любому из них. Попытки расчленить разнокультурные типы керамики и черепки отдельных сосудов по глубине залегания в толще слоя не увенчались успехом. Фрагменты одних форм разных типов отмечались по всей толще слоя как в его кровле, так и в подошве. Такой же равномерный характер залегания фрагментов разных сосудов отмечается и по планиграфии слоя в пределах вскрытой площади. Это указывает, скорее всего, на то, что поверхность террасы в период формирования слоя оставалась открытой, не затапливалась и была доступна для заселения здесь разными группами населения раннего железного века. Поэтому материалы шилкинской культуры выделяются здесь только типологически, по характерной керамике.

Из всей керамической коллекции слоя, представленной 1320 фрагментами, в том числе 356 венчиками, 9 налепными ушками и фрагментами поддонов (всего от 46 сосудов), к шилкинской культуре типологически относятся 13 сосудов (см. рис. 70, 8–15). Это горшки, которые украшены по горловине налепными жгутиковыми валиками. Они рассекались пальцевыми защипами или гладкими насечками. Валики строились горизонтально. Обязательным дополнительным элементом в украшении сосудов выступает пояс ямок, который проходит по шейке. В одном случае он заменен поясом ногтевых наколов (см. рис. 70, 8). Возможно, к комплексу культуры относятся и семь фрагментов поддонов, которые на внешней поверхности имеют гладкие жгутиковые валики, сочетающиеся с четырьмя отверстиями (см. рис. 69, 17).

Напомним, что в этом «смешанном» культурном слое вместе с керамикой шилкинской культуры встречались предметы, которые хронологически укладываются в период раннего железного века, но в культурном плане могут с ней не сопоставляться. Это бронзовые изделия (два ножа, наконечник стрелы, обломок стержня и фрагмент пластины), бусина-пронизка из пасты, каменные предметы (рыболовные грузила, обломки молотов, песты, рубящие орудия, лощила, абразив и сколы) и

обломки костей. Иногда в слое отмечались округло-уплощенные гальки, которые могли использоваться обитателями стоянок для варки пищи или обогрева.

Еще одним, стационарно изученным памятником, где материалы шилкинской культуры залегают в одном слое с инокультурными предметами, является поселение Нижнепорожинское I. Здесь из всей коллекции керамики, которая состоит из более пяти тысяч фрагментов от 212 сосудов, к шилкинской культуре условно относятся 6 сосудов XIV типа и один XVII типа (см. рис. 76, 10–15). Это указывает, скорее всего, на кратковременное посещение этого места носителями шилкинской культуры.

Стоит отметить памятники шилкинской культуры, расположенные на берегах Енисея ниже устья р. Ангары, которые стали известны и начали изучаться только в начале нынешнего века. Один комплекс расположен на левом берегу Енисея против р. Чермянка, где работает экспедиция Красноярского краеведческого музея под руководством Н. П. Макарова, второй – поселение Каменка. Поселение Каменка рекогносцировочно обследовалось сначала автором совместно с А. С. Тереховым и С. М. Фокиным в 2002, 2003 гг. [Терехов, 2002, с. 35; 2003], а затем изучалось раскопками С. М. Фокиным в 2010 и 2012 гг. [Фокин, 2013б]. Общая вскрытая площадь составила 137 кв. м.

Поселение находится на левом приустьевом берегу мысу р. Каменка близ одноименного поселка на правом берегу р. Енисей и состоит из четырех жилищных котлованов размерами 5,0×4,0 м, расположенных одним рядом на пологом склоне 23–25-метровой террасы (рис. 129). Одно жилище частично разрушено осыпавшимся бортом террасы, подрезанным строительством дороги. По обнажению и в раскопах было установлено, что культурный слой шилкинской культуры залегает на глубине 25–30 см и приурочен к кровле светло-серой супеси. Из слоя с площади изученных жилищ и со сборов происходят бронзовый выпуклообушковый нож с расширенным окончанием рукояти [Фокин, 2013б, с. 54, рис. 3, 1], железное

шило с петельчатым навершием [Фокин, 2013б, с. 54, рис. 3, 2], обломки железных стержневидных предметов неизвестного назначения [Фокин, 2013б, с. 54, рис. 3, 5–7], каменные грузила (рис. 130, 20–22), каменные молотки (см. рис. 130, 18, 19, 23) для обработки металлических изделий, точильный камень, ложила, керамические тигли (см. рис. 130, 3), куски бронзовых всплесков (см. рис. 130, 16, 17) и фрагменты керамики. Определяются 45 сосудов, из которых 33 относятся к шилкинскому (XVII) типу (см. рис. 130, 1, 4–8, 10, 13, 14), два – к нижнепорожинскому (VI) типу [Фокин, 2013б, с. 55, рис. 4, 18, 19], два – к каменско-маковскому (XI) типу (см. рис. 130, 11, 12) и пять – к XIII типу [Фокин, 2013б, рис. 4, 13, 14]. На одном сосуде сохранилось трубчатое ушко (см. рис. 130, 2). Есть фрагменты венчиков без орнамента (см. рис. 130, 9).

3.3.2. Систематизация материалов и датировка

Погребения шилкинской культуры датируются II–I вв. до н. э. по «поздним» вещам, присутствующим в могилах. При этом целая серия предметов имеет более раннюю датировку.

Чекан со втоком из погребения № 5 (см. рис. 112, 1, 3) с длиной рукояти 85 см. Он железный, проушной, круглообушковый, уменьшенный, с овальной втулкой и округлым в сечении бойком и обушком. Ударная часть бойка граненая. Окончание обушка прямое. Общая длина чекана 17,2 см, длина бойка – 8,0 см при толщине 1,2 см, длина обушка – 6,0 см при толщине 1,7 см, размеры отверстия втулки – 2,5×3,5 см. Железный вток митровидной формы, полый внутри. Устье втока оформлено каймой. Длина его 9,0 см, ширина – 4,5 см, максимальная толщина – 3,0 см. Толщина стенок до 0,3 см. (см. рис. 112, 3).

Железные проушные чеканы на памятниках тагарской и таштыкской культур встречаются редко. Широко известны они на Алтае [Кубарев, 1987, с. 68; Полосьмак, 1994, с. 32–33, рис. 25; Феномен..., 2000, с. 107], в лесостепном Приобье [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 35, табл. XIX, 9; XX,

1; XLI, 2] и использовались с конца VI в. до н. э. [Могильников, 1997, с. 51] или со второй половины VI в. до н. э. [Уманский и др., 2005, с. 16] до I в. н. э.

Форму лука из погребения № 5 можно представить по остаткам обожженных деревянных деталей и костяным концевым накладкам. Лук имел сложную форму длиной не менее 160 см. Эти размеры указывают, скорее всего, длину развернутой кибити лука с ненатянутой тетивой. Длина лука с натянутой тетивой была значительно меньше – около 120–130 см. Парными костяными накладками оформлялся только один конец кибити. Они выполнены из расколотых трубчатых костей. Имеют один овальный вырез и сегментовидную в сечении форму. На плоской стороне воле конца накладки отмечается «ступеньчатое» утолщение. Длина наиболее полной сохранившейся накладки – 9,0 см, ширина – 1,1–1,5 см при толщине 0,1–0,3 см (см. рис. 112, 33).

Представленные концевые накладки луков, состоящие из двух половинок, близки к «цельным» и парным «серповидным» накладкам с раздвоенным окончанием. Они отмечены в материалах раннего железного века Северного Приангарья, верховьев р. Лена и Центральной Якутии [Окладников, 1978, с. 325, рис. 2; Привалихин, 1993, с. 19; Степанов, 2010, с. 34, рис. 4, 17, 18; Гаркуша и др., 2013, с. 192; Стоянка..., 2016, с. 23]. Однако отличаются от представленных накладок из восточносибирской тайги меньшими размерами и угловым вырезом в верхней торцевой части. Отличаются и от подобных изделий гуннского времени северных районов Центральной Азии. Концевые накладки из Белоусовского погребения на Лене и погребения близ устья р. Цэпань на Ангаре позволили А. П. Окладникову считать, что луки с такими накладками возникли у таежных охотников и постепенно распространились на запад [Окладников, 1940, с. 112]. Известны подобные накладки с раннескифского времени в Прибайкалье и Забайкалье [Цыбиктаров, 1998, с. 121–122]. В погребении № 5 комплекса Усть-Шилка II на Енисее они датируются концом I тыс. до н. э.

Известно 15 экз. наконечников стрел, один из них бронзовый, девять костяных и пять каменных с роговыми обоями.

Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы – с треугольным пером без черешка из погребения № 4 (см. рис. 110, 12). Его длина 5,4 см, максимальная ширина одной лопасти – 0,8 см.

Данный наконечник стрелы отличается от бронзовых трехлопастных наконечников скифского времени из степных районов Сибири и Алтая крупными размерами и отсутствием черешкового насада или втулки. Он аналогичен наконечникам, широко распространенным в лесной зоне, причем большее их количество происходит из Северного Приангарья, где они характеризуют цэпаньскую культуру раннего железного века: на стоянках Чадобец [Витковский, 1889, табл. III, 9], в устье р. Каменки, выше Кежмы, в погребении близ устья р. Цэпань [Окладников, 1940, с. 103, рис. 38, 7] и др. Отмечены такие наконечники и на Усть-Тасеевском культовом комплексе [Дроздов и др., 2011, с. 81, рис. IV, 1, 2].

В группу костяных наконечников стрел входят три экземпляра из погребения № 4 и шесть – из погребения № 5.

Отдел А. Черешковые наконечники стрел.

Тип 1 (4 экз.) – трехгранные с плечиками, плавно переходящими в уплощенный черешок. На трех наконечниках прослеживается желобок для кровостока (см. рис. 110, 6, 7), а один – с гладкими гранями (см. рис. 112, 29). Размеры изделий: длина от 7,3 до 12,0 см, длина пера – до 9,0 см, ширина пера – 1,1–1,3 см.

Черешковые наконечники стрел с трехгранным сечением пера и плавными плечиками широко использовались начиная с неолита. Однако наибольшее распространение они получают в памятниках тагарского времени [Кулемзин, 1976, с. 35–37], причем перо, оформленное канавкой-кровостоком, чаще встречается на наконечниках из лесных районов, а с ровной поверхностью – на изделиях из лесостепных и степных территорий.

Наконечники из таежных районов также имеют более длинное перо, что является их особенностью.

Тип 2 (1 экз.) – трехгранный с шипами представлен целым пером с обломанным черешковым насадом, который, очевидно, имел уплощенную форму. Длина сохранившейся части – 6,6 см, длина пера – 6,0 см при максимальной ширине 1,0 см (см. рис. 112, 30).

Подобные наконечники с резкими неглубокими уступами (шипами) от основания к черешку наибольшее распространение получили в скифское время на территории Южной [Кулемзин, 1976, с. 35–36, рис. 10, 1–18] и Западной Сибири [Чиндина, 1984, с. 65, рис. 27, 8]. Встречаются они и на памятниках Северного Приангарья [Привалихин, 1993].

Тип 3 (1 экз.) – трехлопастной с прямыми уступами в месте перехода пера в черешок. Сохранилась нижняя часть изделия. Длина обломка 4,8 см, длина черешка – 2,0 см. Размах лопастей составляет не более 1,2 см (см. рис. 112, 31).

Аналоги этому наконечнику автору неизвестны. Возможно, он использовался для сакральных целей.

Отдел Б. Вкладышевые наконечники стрел.

Тип 1 (2 экз.) – с треугольным пером с острыми подрезанными и заточенными краями, имеет трапецевидное сечение. Размеры обломков 4,0×1,6 см при толщине 0,3 см и 4,4×1,2 см при толщине 0,2 см (см. рис. 112, 25, 26). Отмечены в погребении № 5.

Наконечники этого типа имитируют, скорее всего, каменные вкладышевые наконечники. Костяные вкладышевые наконечники широко применялись населением Прибайкалья с неолитического времени [Окладников, 1950, рис. 9; 12; 29; 68].

Отдел В. Зажимной наконечник стрелы с расщепленным насадом.

Наконечник из погребения № 5 имеет треугольное в сечении перо и расщепленный насад. Его длина около 10 см, длина пера – 4,0 см (см. рис. 110, 32).

Зажимные наконечники стрел широко известны на территории Азии: в Туве (Аймырлыг) [Степная ..., с. 197, табл. 75, 49], в Минусинской котловине (Бузуново–4, Тагарский остров) [Киселев, 1951, с. 205, табл. Д], в Мариинском лесостепном районе (Ягуня, кург. 24; Некрасово, кург. 14, мог. 2) [Мартынов, 1979, с. 53, табл. 14, 60, 61], под Красноярском (Ладейское–2) [Мандрыка, 1998]. Однако большее их число найдено к востоку от указанных территорий [Руденко, 1962, с. 26, рис. 22, а–в, е–з]. Аналогичные наконечники отмечены среди материалов Северного Приангарья [Привалихин, 1993, с. 19; Герман, Казакова, 2014, с. 82; Адамов и др., 2015, с. 24, рис. 5, 4–6]. В Забайкалье подобные наконечники известны с эпохи энеолита и представляют древнюю местную традицию [Окладников, 1955, с. 48, 65, рис. 19]. Отмечаются они и в памятниках культуры плиточных могил [Окладников, 1950, с. 69; Цыбиктаров, 1998, с. 254, рис. 67, 5, 6]. Удлиненная форма данного наконечника стрелы указывает на таежные, местные корни его происхождения. Размерами и формой проникателя он отличается от более поздних гуннских наконечников с раздвоенным насадом из Саяно-Алтая и Байкальского региона [Худяков, 2014, с.133, рис. 1].

В группу каменных наконечников стрел входят пять изделий из погребений № 4, 5. Они изготавливались из кремня и по форме однотипны: удлиненно треугольной формы со слегка вогнутой базой и линзовидным в сечении пером. Плоскости оформлены мелкой ламинарной ретушью. Размеры наконечников варьируют от 1,8 × 3,5 до 1,7 × 5,0 см (см. рис. 110, 13; 111, 18, 34–36). Эти наконечники крепились к древку стрелы через посредник – роговую обойму.

Роговые обоймы (4 экз.) отмечены в погребении № 5. Каменные наконечники закреплялись в пропиленный паз, который делался на одном конце круглого бочонковидного обточенного фрагмента рога. По способу крепления к древку выделяются два типа.

Тип 1 (3 экз.) – втульчатые обоймы. Длина их варьирует от 4,4 до 5,0 см при диаметре 1,1–1,6 см (см. рис. 112, 22, 24, 27).

Тип 2 (1 экз.) – обойма с раздвоенным насадом. Ее длина 4,1 см, толщина – 1,0 × 1,5 см (см. рис. 112, 23).

Аналогичные роговые держатели для соединения каменных наконечников стрел с древками широко использовались охотниками таежных районов Восточной Сибири с конца бронзового века, на что указывают материалы погребения на р. Бугучан на Нижней Лене [Окладников, 1946, с. 71, табл. X]. В Северном Приангарье роговые обоймы с каменными наконечниками стрел сопровождают погребения цэпаньской культуры [Привалихин, 1993, с. 18], отмечены они и на Усть-Тасеевском культовом комплексе [Дроздов и др., 2011, с. 80, 81, рис. IV, 4–11]. Известны роговые держатели наконечников стрел на Таймыре и даже Чукотке [Диков, 1979, с. 151; Кирьяк, 1993, с. 68; Кирьяк (Дикова), 2003, с. 37, табл. 15, 2]. Обоймы конца бронзового – начала раннего железного века длинные (около 10 см), с расщепленным насадом. В усть-шилкинских погребениях они короче, что может служить хронологическим признаком. В этнографических материалах отмечается использование сложносоставных наконечников чукчами, юкагирами, коряками, атапасками и другими народами, живущими на побережье Северного Ледовитого океана [Шишелов, 2011].

Железное тесло (1 экз.) с замкнутой втулкой из погребения № 4 имело широкое выпуклое лезвие. Общая длина предмета 8,3 см, длина втулки – 6 см, длина рабочей части – 2,3 см, ширина втулки – 3,5 см, ширина лезвия – 4,7 см (см. рис. 110, 4).

Аналогичные орудия имели широкое распространение по всей Евразии. Они начинают встречаться с конца скифского времени, например, на могильниках Каменный Мыс [Троицкая, 1979, с. 86, табл. VIII, 25, 27] и Новочекино–2, кург. 3, погр. 1 [Полосьмак, 1987, с. 84, рис. 59, 5], где датируются IV–II вв. до н. э. В Южной Сибири железные тесла распространяются со II–I вв. до н. э. [Кызласов, 1960, с. 181, рис. 162, 3].

Кельт (1 экз.). Бронзовый одноушковый клиновидный малый из погребения № 4. Ушко располагается на широкой боковой грани возле края

втулки, которая с противоположной стороны оформлена муфточкой. Лезвие предмета выпуклое и немного шире шейки. Размеры изделия 6,2×4,5×2,2 см (см. рис. 110, 5).

Такой тип кельтов-тесел был распространен на территории тагарской культуры Южной Сибири и лесостепных районов Западной и Средней Сибири. В собраниях Красноярского краеведческого музея хранится целая серия аналогичных предметов из южных районов Красноярского края [ККМ, кол. 118 – 198; 120 – 7; 131 – 411, 876; 211 – 498, 501]. А. И. Мартынов отмечает наличие таких кельтов в комплексах V–III вв. до н. э. [Мартынов, 1979, с. 44], что не противоречит выводам М. П. Грязнова относительно их датировки второй половиной минусинской курганной (тагарской) культуры [Грязнов, 1941, с. 263–265]. Однако аналогичный малый одноушковый клиновидный кельт, происходящий из могильника Ближние Елбаны XII, М. П. Грязнов относит к большереченскому этапу большереченской культуры, т. е. к VII–VI вв. до н. э. [1956, табл. XVI, 9, с. 64]. Такие же кельты в Туве отмечены среди материалов позднего этапа (V–III вв. до н. э.) уюкской культуры [Маннай-оол, 1970, рис. 9, 1]. Близкий одноушковый кельт, но с выделенной муфтой, отмечен в жертвеннике Усть-Тасеевского культового комплекса [Дроздов и др., 2011, с. 81, рис. IV, 13].

Остроконечник (наконечник копья?) (1 экз.) из погребения № 4 – железный, плохой сохранности, с прямоугольным в сечении пером и линзовидным в сечении насадом. Длина реставрированной части 15 см, толщина – 1,4×1,2 см.

Ножи (3 экз.) железные, с выделенной рукояткой, прямой спинкой и треугольным сечением клинка, однолезвийные. Представлены фрагментарно. Один нож удалось реставрировать (см. рис. 110, 1). У него рукоять с петлеобразным навершием. Гипотетическая длина изделия 20,8 см, ширина клиновидного в сечении лезвия – 2 см, диаметр петли – 2,4 см. От второго ножа сохранилась часть прямого лезвия и рукоять (см. рис. 110, 2). Третий нож представлен фрагментом прямого лезвия (см. рис. 112, 4).

Железные ножи с петлеобразным навершием встречены на многих памятниках разных районов Сибири и Центральной Азии со II–I вв. до н.э. [Левашова, 1958, рис. 2, 13; Кызласов, 1960, рис. 29, 3; Пшеницына, 1975, с. 161; Савинов, 1978, с. 52; Мартынов, 1979, с. 41, табл. 4; Завитухина, 1983, с. 99; Гладилин, 1985, с. 178, рис. 4, 1, 2]. Такие же по форме орудия отмечены на поселениях шилкинской культуры. С этого времени ножи с петлеобразным навершием прочно закрепились в таежных районах Ангаро-Енисейского бассейна до этнографической современности [Привалихин, Фокин, 2009].

В материалах захоронений выделение предметов, относящихся к деталям поясов, несет условный характер, так как первоначальное их размещение по отношению к костякам нарушено либо в процессе погребальных действий (погребение № 5), либо в результате разрушения могилы (погребение № 4). Более достоверно определяется гарнитура мужского пояса, который состоял из пряжки и четырех накладных бляшек: двух бабочковидных, одной с изображением кабана и одной из трех полусфер.

Пряжки (2 экз.) отмечены в погребении № 5 и в культурном слое комплекса, возможно, из погребения № 4 или приклада. Они бронзовые цельнолитые восьмеркообразные, с прямоугольным или трапециевидным приемником и овальным кольцом, к которому припаян шпенек. В одном случае шпенек торчит наружу кольца (см. рис. 112, 14), в другом – вовнутрь (см. рис. 110, 14). Размеры изделий 2,8×5,6 см и 2,7×3,5 см.

Формой и конструкцией они близки бронзовым и роговым пряжкам для подпруги седла. Подобные бронзовые пряжки появились в раннескифское время в Горном Алтае [Кирюшин, Тишкин, 1997б, с. 72–74; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 73]. Известны они в Казахстане в памятниках тасмолинской культуры, под Солонечным Белком, в Приаралье, на Юго-Западном Алтае, в Туве [Руденко, 1960, табл. XIX, 7, 8; Вишневская, 1973, табл. V, 10, 11; Ермолаева, 1987, рис. 32, 15, 16; Бородаев, 1998, рис. 6,

1, 2; Грач, 1980, рис. 83, 2; Боковенко, 1998, рис. 3, 4, 5; Марсадолов, 1998, с. 13]. Для Минусинской котловины бронзовые пряжки с закругленными носиками и припаянным маленьким шпеньком, возможно, являются импортными [Вадецкая, 1999, с. 31], они появляются к концу тагарской культуры [Киселев, 1951, с. 267] и широко распространяются в тесинское время [Кызласов, 1960, с. 82–83; Мартынов, 1979, с. 58]. Нет местных корней таких предметов и в южнотаежном районе Среднего Енисея. В целом по комбинациям признаков (форме дужки небольших размеров, наличие Г-образного шпенька и др.) пряжки из усть-шилкинского могильника могут быть датированы II–I вв. до н. э.

Обоймы (3 экз.) из разрушенного погребения № 4. Бронзовые литые овальные кольца размерами от 1,0×1,4 до 1,2×2,1 см при ширине 0,6–0,8 см (см. рис. 110, 23–25).

Такие изделия имели широкое распространение в скифо-сарматском мире Евразии для украшения ремней [Матвеева, 1993, с. 59, 66, рис. 14, 14–17; Плетнева, 1994, с. 26, рис. 4, 10; Николаев, 1961, с. 283, рис. 1, 28, 29; Медведев, 1984, рис. 3].

Все накладные бляшки (3 экз.) от пояса из мужского погребения № 5 изготовлены из бронзы и крепились с помощью петелек. Это бляшки: 1) с изображением кабана; 2) бабочковидные; 3) с тремя полусферами.

На бляшке с изображением кабана, стоящего в статичной позе, с опущенной головой и хвостом (см. рис. 112, 15) плавным рельефом показаны мышцы ног и груди. Углубленными линиями выделены шея, ухо, глаз, пасть и «торчащие» клыки. Размеры бляшки 2,8×3,8 см.

Аналогичная бляшка отмечена в могиле 2 грунтового могильника Обские Плесы–2 в Верхнем Приобье и датируется V – началом IV в. до н. э. Она располагалась над костями таза человека и украшала пояс [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 89, рис. 14, 3]. Фигурка кабана в такой же позе, выполненная из золотой фольги, отмечена в погребении кургана № 2 курганной группы Ключи–3, которое датируется VI или V вв. до н. э.

[Телегин, 1996, рис. 1, 2]. Подобная бляшка в виде фигурки кабана в типичном «минусинском» зверином стиле тагарской культуры найдена в Туве, в кургане 2 могильника Вторая Поляна, который по трехжелобчатым застежкам, кинжалу с узким бабочковидным перекрестьем, вкладышевому ножу с кольцевым навершием и выделенной ручкой, ножу с навершием в виде фигурки кабана и ромбическому наконечнику стрелы со скрытой втулкой датируется VI в. до н. э. [Дэвлет, 1975]. Полный аналог усть-шилкинская бляшка находит в захоронениях алды-бельской культуры в Туве. Одна бляшка найдена в могиле 2 кургана 4 Сыпучего Яра (рубеж VII – VI вв. до н. э.) [Семенов, 2001, с. 167, рис. 1, 15], другая – в «царском» кургане Аржан–2, который был датирован серединой – второй половиной VII вв. до н. э. перекрестным методом обработки дендрошквал образцов листовенных бревен погребальной камеры и радиоуглеродных дат, а также датировкой образцов войлока, текстиля, кожи и кости при помощи ускорительной масс-спектрометрии [Чугунов, 2005, с. 88].

По стилю изображения данная фигура кабана относится к традиции самых ранних памятников скифской культуры евразийских степей. Ее также можно сопоставить с изображениями этого животного на навершиях раннетагарских ножей и кинжалов. Так, на одном из кинжалов Аржана навершие оформлено фигуркой кабана, стоящего «на цыпочках» [Членова, 1997, рис. 1, 1]. Такая же фигурка украшает кинжал из могилы 21 кургана 3 Батени [Членова, 1967, табл. 1, 6]. Подобные же навершия есть и у тагарских ножей [Членова, 1967, табл. 28, 4; Вадецкая, 1986, с. 90, табл. VII, 12]. Все эти предметы из комплексов, датированных VII или VII–VI вв. до н. э. [Членова, 1997, с. 10]. Бронзовые изображения животных (не только кабанов) в спокойной стоящей позе с опущенной головой, тела которых состояли из выпуклых сегментов, разделенных желобком, с глазами в виде ямки, с ухом, показанным полукругом, Н. Л. Членова связывает с «минусинским звериным стилем». Он был характерен для тагарской культуры VII–VI вв. до н. э.

В V в. до н. э. этот стиль начинает вырождаться, хотя продолжает бытовать до IV в. до н. э. [Членова, 1967, с. 115–165].

Таким образом, усть-шилкинская бляшка с изображением кабана сохраняет стиль VI в. до н. э., который проникает в таежные районы среднего Енисея в конце I тыс. до н. э.

Бабочковидные бляшки (2 экз.) – стилизованные изображения голов грифонов (см. рис. 112, 11, 12) – изготовлены в разных формах. Одна имеет симметричные округлые контуры, другая – волнистость по одному краю крыла (гребень грифона). В плоскостях бляшек пробиты отверстия в форме запятых. Размеры предметов – 5,0×2,7 см и 5,5×2,7 см.

Подобные бляшки были широко распространены в раннем железном веке. В районе исследования появились с V в. до н. э. и продолжали бытовать до гунно-сарматского времени. Отличаются они от подобных образцов контурами «крыльев». Судя по значительному числу разнообразных «бабочковидных» бляшек с образами грифонов, отмеченных как в одном комплексе Усть-Тасеевского культового места [Дроздов и др., 2011, с. 82–83, рис. V, 4; VI, 1, 2, 11 – 20; Гревцов, 2013], так и на других памятниках Нижнего Приангарья [Заика, 1999; Тарасов, 1991; 1999; Тарасов и др., 1992], можно согласиться с мнением Ю. А. Гревцова о том, что «привнесенный символ нашел здесь новое содержание, в адаптированном виде гармонично лег на мировоззренческую основу культуры местного населения» [Гревцов, 1996в; Дроздов и др., 2011, с. 82].

Бляшка из трех полусфер, построенных в одну линию (см. рис. 112, 10). Диаметр каждой полусферы – 1,3 см. Общая длина бляшки – 3,6 см.

Такие выпуклые бляшки, состоящие как из трех полусфер, так и из шести, служили украшением пояса, встречаются в массовом количестве на всей территории распространения культуры плиточных могил Забайкалья, где датируются XIII–VII вв. до н. э. [Волков В.В., 1967, с. 107, 125; рис. 11а]. В западной Сибири они отмечаются в комплексах староалейской культуры [Ведянин Кунгуров, 1996, с. 112].

Таким образом, представленная поясная гарнитура имеет импортное происхождение и собрана из различных районов Сибири: Северного Приангарья, Забайкалья, Тувы, Алтая. На сборный состав пояса указывают и данные спектрального анализа бронз (табл. 14). В целом пояс собран в традициях раннего скифского времени, когда используются накладные бляхи различной формы [Добжанский, 1990, с. 22–24; Таиров, 2004, с. 144].

Из украшений в погребениях отмечены подвески, пронизки, бусы и серьги.

Цепеобразные подвески использовались, очевидно, для украшения головного убора или повязки, либо для их крепления к голове.

К одному типу относятся три бронзовых подвески из женского погребения. Они литые, состоят из четырех звеньев – крайнего круглого и трех овальных. Из этого ряда крайнее овальное звено больше центральных по размеру и отделено «узелковой» перемычкой. Длина подвесок – 8,2 см (см. рис. 110, 8–10).

Подобные изделия кочевники Средней Азии использовали как принадлежность конской упряжи. Аналогичные по форме бронзовые ворворки отмечены в могильниках долины р. Или (Семиречье) [Акишев, 1963; Заднепровский, 1971; Степная ..., табл. 29, 38, 40].

Ко второму типу относятся две железные подвески из мужского погребения. Реконструкцией выявлено пять колец, скрепленных между собой четырьмя перемычками в одну цепь длиной 9,0 см (см. рис. 112, б). Диаметр основных колец составляет 1,8 см при толщине круглого в сечении прута 0,4–0,5 см. Перемычки выполнялись из уплощенных скобок.

По форме и конструктивным деталям подобные изделия служили привесками к серьгам, которые отмечены среди материалов староалейской культуры лесостепного Алтая (VI–III вв. до н.э.). Там подвеска-цепочка изготовлялась из бронзовых, реже золотых колечек, согнутых пополам и продетых друг в друга. Иногда к нижнему концу цепочки подвешивались железные пластинки или бронзовые трубочки [Ведянин, Кунгуров, 1996,

с. 112, рис. 13, 1, 5–8, 19]. Совершенно идентичные серьги с цепочками, завершающимися подвеской в форме листка, свернутого конуса и др., отмечаются в погребальных комплексах позднего этапа (V–III вв. до н. э.) уюкской культуры Тувы [Маннай-оол, 1970; Кызласов, 1979, с. 72, рис. 58, 12]. Изготовление таких подвесок из железа указывает на более позднюю их датировку.

Еще одна подвеска совершенно иного типа была обнаружена в мужском захоронении. Она изготовлена в форме колокольчика из листовой бронзы и имеет вид круглого колпачка (см. рис. 112, 16). На верхнем полюсе привеска оформлена прорезью, состоящем из трех круглых смежных отверстий. Диаметр основания колпачка – 2,3 см, высота – 1,6 см. Толщина листа – 0,1 см.

Такие же привески получают широкое распространение в комплексах кочевников Средней Азии скифского и гунно-сарматского времени. Отмечены они и на Северном Кавказе, например, в Подкумском могильнике и датируются I – началом II вв. н. э. [Абрамова, 1987, с. 156, рис. 62, 9–11].

С поясами следует связывать и пронизки, отмеченные в обоих погребениях. С мужским скелетом единственная бронзовая пронизка найдена возле чекана. Она могла украшать конец тонкого ремня, с помощью которого чекан подвязывался к поясу. С женским погребением связаны шесть пронизок. Они различаются материалом, способом изготовления и формой:

Тип 1 (1 экз.) – бронзовая пронизка боченкообразной формы изготовлена литьем. Имеет длину 1,1 см при диаметре 0,8 см (см. рис. 110, 15).

Тип 2 (2 экз.) – бронзовые трубчатые свернуты из листа. Пронизка из женского погребения диаметром 0,3–0,6 см при ширине 0,4 см (см. рис. 110, 16). В мужском погребении пронизка немного крупнее – размерами 0,5–0,7 см при ширине 0,6 см (см. рис. 112, 13).

Тип 3 (3 экз.) – железные в форме коротеньких трубочек. Их диаметр варьирует от 0,9 до 1,3 см (см. рис. 110, 20, 21, 22). Различаются они и толщиной стенок от 0,1 до 0,3 см.

Тип 4 (1 экз.) – биметаллическая в виде короткой железной трубочки, обернутой бронзовой пластинкой (см. рис. 110, 17).

Все железные и бронзовые трубчатые пронизки овальные в сечении, они как бы поджаты с двух сторон. Бронзовая литая, напротив, с круглым отверстием. Судя по размерам, все они надевались на ремешки не толще 0,6 см. Подобные бронзовые пронизки отмечены в погребении № 2 скифского времени того же усть-шилкинского могильника. Поэтому время использования подобных украшений в районе исследования определяется с VI в. до н. э. до рубежа эр.

В портупейный набор условно можно включить и распределители перекрещивающихся ремней, которые отмечаются в обоих погребениях и различаются по размерам верхней лицевой крышки. В представленных комплексах они имели скорее культовое назначение, чем функциональное. В мужском погребении ими были прикрыты глаза покойного.

Одна обойма из погребения № 4 представляет бронзовый кубик, полый внутри, в четырех гранях которого прорезаны круглые отверстия, а верхняя крышка – округло-выпуклая. На уплощенной подставке-петле проделано еще одно отверстие квадратной формы. Размеры изделия: диаметр крышки – 2 см, высота «кубика» – 2 см (см. рис. 110, 11). Обломок такой же «кубовидной» обоймы найден на городище Шилка II.

Две обоймы из погребения № 5 выглядят как бронзовые солярные бляшки с гладкой выпуклой поверхностью. Диаметр их – 4,1 см. На тыльной стороне расположен четырехсторонний распределитель – квадрат с четырьмя столбиками (см. рис. 112, 9).

Н. Л. Членова [1967, с. 77–79] видит эволюцию обойм для перекрестья ремней в том, что круглые отверстия в боках заменяются прямоугольными и обойма превращается в два кружка, соединенных четырьмя столбиками.

Часто нижний кружок представляет собой прорезное кольцо или квадратик меньшего размера, чем верхняя крышка. Такие обоймы были широко известны в скифском мире. У савроматов они появились с VIII в. до н. э. и распространились в памятниках скифского времени VII–VI вв. до н. э. [Яблонский, 2004, с. 53]. Аналогичные предметы отмечены в Барабинской лесостепи, например, на городище Чича переходного от бронзы к железу времени [Чича ..., 2009, с. 60–61]. Бронзовая обойма-распределитель есть в материалах кижировско-большереченского городища Каменный Мыс в лесостепном Приобье [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 40, 41, рис. 2, 7]. Известны они в лесостепном и Горном Алтае, где встречаются в курганах раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 41, 7; 51, 1]. Аналогичные находки отмечены в Туве, где они также датируются VII–VI вв. до н. э. [Мандельштам, 1992, с. 183, табл. 72, 52, 53]. На берегах Ангары такие же обоймы распределители отмечены в жертвеннике Усть-Тасеевского культового комплекса [Дроздов и др., 2011, с. 83, рис. VI, 5, б], а на стоянке Окуневка к тагарскому времени отнесено бронзовое зеркало с петлей в виде распределителя [Березин, 2002, рис. 1, 1, с. 33].

На Алтае бронзовые обоймы для распределения ремней входят в конское снаряжение и отмечены в погребальных комплексах [Суразаков, 1989, с. 34; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 71, рис. 34, б, 7]. В комплексах тагарской культуры такие изделия неизвестны. Упоминается лишь одна на Лысой горе (V–IV вв. до н.э.) [Членова, 1967, табл. 17, 27]. Такая же обойма-кубик, только украшенная четырехлучевой звездочкой с кружком в центре, отмечена среди находок у пос. Степановка (Томское Приобье), которые датируются VI–II вв. до н.э. [Плетнева, 1977, рис. 29, 12]. Приведенные аналогии и присутствие распределителей в наборе погребений шилкинской культуры позволяют датировать их II–I вв. до н. э.

Бусы. Можно предполагать, что ими украшались рукава одежды, по крайней мере, в неразрушенном мужском захоронении они фиксировались в

области запястья рук. При типологии бус учитывались материал, способ их изготовления и форма.

Тип 1 (1 экз.) – стеклянная бусина синего цвета имеет боченкообразную форму с квадратным сечением и круглым большим отверстием. Размеры ее – 0,5×0,5 см. Найдена в погребении № 4 (см. рис. 110, 18). Возможно, происхождение этой бусины необходимо связывать с районами Восточного Средиземноморья.

Тип 2 (2 экз.) – из серебристого золота (электрума – сплава, содержащего более 50 % золота) в виде спаянной в цилиндрический столбик зерни. Одна бусина состоит из трех рядов зерни, другая из четырех (см. рис. 112, 19, 20). Размеры бусин 0,4 см и 0,5 см при диаметре 0,4 см. Они лежали у правой руки мужчины.

Близкие по форме золотые бусы с зернью отмечены среди материалов мавзолея на городище Чирик-Рабак и мавзолея Бабиш-Мулла–2 (Приаралье), сооруженных саками чирикрабатской культуры в IV – II–I вв. до н. э. [Степная ..., 1992, с. 59, табл. 14,11, 35].

Тип 3 (2 экз.) – серебристо-золотые спиралевидные бусы-привески, изготовленные из витой прокатанной проволоки, скрученной в спираль, один конец которой оканчивается петелькой (см. рис. 112, 18). Проволока имеет уплощенную в сечении форму и больше напоминает ленточку фольги шириной до 0,2 см. Общая длина каждой бусины-привески – 1,7 см.

Тип 4 (1 экз.) – пастовая боченкообразная бусина из погребения № 5. Диаметр – 0,4 см, ширина – 0,5 см (см. рис. 112, 21). Отличается от аналогичных бус из других погребений раннего железного века формой – овальными кромками по срезам.

Ассортимент бус показывает, что одни могли быть местного производства (пастовая), другие – импортные (стеклянная и золотые). Золотые бусы могли также изготавливаться и на месте, поскольку район богат россыпями золота. Однако технология их изготовления высококвалифицированная, что четко прослеживается по серьгам.

Серьги (2 экз.) найдены в обоих погребениях. Изготовлены из электрума и представляют собой овальные проволочные кольца с привесками и без них.

Одна серьга с полый привеской в виде шара и конуса изготовлена из сплава, содержащего более 50 % золота (см. рис. 112, 17). Она отмечена в погребении мужчины (очевидно, слева от черепа). Конус сплошь покрыт шестью рядами зерни, а шар – тремя рядами скани. Диаметр проволочного кольца – 2,2 см при толщине 0,3 см. Высота привески – 1,3 см.

Другая серьга украшена зернью без привески (в сплаве более 60 % золота) (см. рис. 110, 19). Она зафиксирована в погребении № 4. Проволока свернута в спираль в 1,2 оборота. К дуге с внешней стороны напаяно пять шариков зерни. Один конец серьги, очевидно, обломан. Диаметр колечка – 0,8 см.

Золотые серьги с кольцевыми незамкнутыми петлями и различными подвесками – в виде грозди из зерни или в виде длинной цепочки – являются образцом ювелирного искусства позднебакской и послесакской эпох. Это искусство полихромного стиля было широко распространено среди евразийских племен, в частности, у скифов и саков, которые хорошо владели технологией работы с драгоценным металлом, знали технику зерни и псевдозерни [Акишев, 1978, с. 78]. Большинство исследователей в вопросе о происхождении этого стиля склоняется к мысли о том, что родиной его является Древний Восток.

Сравнивая образцы ювелирного искусства, необходимо отметить, что серьга, идентичная усть-шилкинской, в виде несомкнутого кольца с шаровидным подвесом и имитацией зерни найдена в кургане 22 могильника Уйгарак (Приаралье). Датировка этого комплекса, оставленного сакским племенем, VII–V вв. до н. э. [Вишневская, 1973, с. 96]. Присутствующий здесь набор черешковых наконечников стрел может быть датирован не позже конца VII – начала VI вв. до н. э. По мнению К. В. Чугунова, нахождение такой серьги в Приаралье может демонстрировать трансляцию традиции из Саяно-Алтая [Чугунов, 2003, с. 394, рис. 1, 16]. О знакомстве кочевников из

этого района с украшениями, оформленными псевдозернью, убедительно свидетельствуют материалы кургана Аржан–2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2003, с. 127]. В Минусинской котловине серьги, украшенные зернью, встречались в курганах знати сарагашенского этапа (VI–IV вв. до н. э.) тагарской культуры [Курочкин, 1992, с. 28], они продолжали использоваться на тесинском этапе. Так, в Знаменском кладе среди множества ювелирных изделий встречены две золотые серьги из полых шариков, украшенных пирамидками из зерни, а также пронизки-подвески из шариков зерни [Подольский, Тетерин, 1979, с. 266].

Кольцевидные серьги с находящимися друг на друга концами (один из которых заострен), изготовленные из тонкой золотой проволоки, известны в Минусинской котловине с раннетагарского [Савинов, 2012, с. 18, фото 27, 2, 4] до таштыкского времени [Кызласов, 1960, с. 80, рис. 28, 8]. Они сопровождаются привесками. Подобные же серьги из золотых проволочных спиралей встречаются на Алтае [Маннай-оол, 1970], в Туве [Кызласов, 1979, с. 75, рис. 61, 8] и в гуннских погребениях II – начала I вв. н. э. в Забайкалье [Кызласов, 1960, с. 84-85].

Таким образом, золотые украшения из погребений имеют, скорее всего, импортное происхождение. Их наличие указывает об особом статусе погребенных, что не редкость для эпохи раннего железного века [Килуновская, 1994, с. 106; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017]. Нельзя, однако, исключить и местное изготовление украшений из золота. Известно, что в районе исследования имеются месторождения этого металла, которые разрабатывались с дореволюционного времени. Так, в верховьях реки Шилки в 50 км от ее устья на притоках реки Таловки по ключам Пихтовый, Осинцевский и реке Малой Таловке разработка россыпного золота осуществлялась еще в 1936–1938 гг. Отмечено, что россыпи были небольшими: от 200 до 400 м по длине и до 10–15 м по ширине при мощности песков до 1 м. Несмотря на незначительную концентрацию

содержания золота в песках (не превышала 5–6 граммов на тонну), здесь могли встречаться и небольшие самородки [Земля..., 2005, с. 42].

К деталям костюма воина, возможно, следует отнести обломок железного колчанного(?) крючка-пряжки (?) (см. рис. 112, 7). Можно предположить его назначение по расположению в могиле выше правого бедра костяка мужчины. Обломок напоминает рамчатую пряжку с неподвижным крючком на передней части. В центральной части сохранился фигурный вырез. В обломанном основании также заметна округлая выемка. Размеры сохранившейся части предмета 5,2×1,5 см при толщине пластины 0,2 см.

Неопределенное назначение имеют и две железные пластины из погребения № 5. Они отмечены между костями голени ног скелета мужчины и, очевидно, нашивались на какую-то основу. Большая железная дугообразная пластина вытянуто прямоугольной формы с закругленными краями имеет на плоскости два отверстия округлой формы. Размеры изделия 14,0×3,8 см при толщине 0,2–0,5 см (см. рис. 112, 2). Малая пластина аналогична по форме предыдущей, но имеет волнистые края, напоминающие зооморфное изображение. По продольной оси изделия пробито пять отверстий. Размеры ее – 8,5×3,0 см при толщине 0,3 см (см. рис. 112, 5). Можно допустить, что изделия выступали накладками на обувь с высоким голенищем (типа энецких пимов), как это отмечалось на обуви шаманов многих народов Сибири [Прокофьева, 1971, с. 8, 15, 21, 37], где железными пластинами изображалась кость голени. На это указывают их размещение возле коленных суставов, толщина и наличие отверстий для фиксации к основе.

Подобные крупные железные пластины, только относящиеся к поясным, отмечены на Алтае в ранних комплексах каменной культуры второй половины VI – первой половины V вв. до н. э. [Шульга, 2003, с. 83; Уманский и др., 2005, с. 22]. Одна подобная, но более массивная железная пластина (длина 28 см, ширина 3–6,5 см, толщина 0,3 см) с заклепками была отмечена

в ногах погребения 46 Ильмовой пади. По мнению П. Б. Коновалова [1976, с. 179], она служила поножами.

Заканчивая анализ сопроводительного инвентаря погребений, выполненных в обряде труположения с обожжением в могиле, следует представить части бронзового сосуда, которые были найдены в погребении № 5 разбросанными по всей могиле.

Восстановилась часть горшка с плоским дном, раздутым шарообразным туловом и прямой шейкой, слегка утолщающейся к венчику (см. рис. 112, 8). В могиле найдены обломки 1/3 части целой формы сосуда. Его внешний вид представлены гипотетически. Диаметр устья сосуда равен 10,0 см, диаметр экватора – 13,5 см, диаметр дна – 5,0 см, высота – 12,0 см. Толщина венчика – 0,2 см, стенок тулова – 0,1 см, дна – 0,2 см. Сосуд изготовлен проковкой из листовой бронзы.

Бронзовые сосуды (не котлы) широко распространяются на территории Сибири с III в. до н. э. и имеют, очевидно, культовое значение. Эти сосуды были небольших размеров, толстостенные, шаровидной формы с горизонтальными ручками. Бронзовые котелки отмечены в погребальных комплексах Тувы [Степная ..., с. 192, табл. 79, 18], Алтая [Руденко, 1953, с. 333, табл. XXIV, 2] и Ачинско-Мариинской лесостепи [Мартынов, 1979, табл. 28].

Первая металлическая посуда формой и орнаментацией часто копирует керамические образцы. Такие случаи известны, например, в могильнике Бай-Даг II (Тува) [Степи ..., с. 198, табл. 79, 16, 17], на Иволгинском городище (Забайкалье) [Давыдова, 1985]. Бронзовый сосуд из усть-шилкинского могильника также близок по форме к глиняным горшкам шилкинской культуры.

В погребении № 1, выполненном по обряду трупосожжения на стороне отмечено антропоморфное (?) изображение, выполненное ковкой из железного, линзовидного в сечении прута. Фигура показывает шагающего человека с прямыми ногами, которые крепились к прямому туловищу. Руки

отсутствуют, на месте их крепления сохранились раскованные выступы. Общая длина изображения 13,8 см, ширина «туловища» 1,8-2,0 см, толщина – 0,6 см, длина «поднятой ноги» – 4-4,7 см (см. рис. 108, 1).

Подобные антропоморфные изображения как предметы культовой практики широко распространены у многих народов Сибири с древности до этнографической современности.

В этом же погребении № 1 отмечен фрагмент венчика керамического сосуда с приостренным краем. С внешнего борта он украшен горизонтальными рядами гладких, наклонно-поставленных наколов, дополненных поясом ямок и тонким обмазочным валиком (см. рис. 108, 2). Принадлежность фрагмента к инвентарю погребения несомненна. На обширной вскрытой площади памятника (всего городища и прилегающей территории) других фрагментов от этого сосуда не найдено.

Представленный фрагмент горловины сосуда сопоставляется с керамикой, найденной на городищах шилкинской культуры (сосуды XIX типа) (см. ниже).

По сопроводительному инвентарю погребения шилкинской культуры отличаются от известных погребений в южной тайге среднего Енисея, низовьев Ангары и Северного Приангарья. Сопоставления можно провести по некоторым деталям погребального обряда, в частности по использованию огня в подготовке к захоронению трупа. Следы погребального костра, перемещенные в грунтовые могилы, или обожжение костяка в могиле, или кремирование остатков тел на стороне достаточно часто отмечались в похоронной практике культур раннего железного века Ангары, в том числе цэпаньской. Но там огонь сопровождает «вторичность» захоронения костных останков [Мандрыка, 2014], чего не прослеживается в погребениях № 4 и 5 усть-шилкинского могильника.

Обряд кремации в погребальной камере и на стороне широко распространяется во II в. до н. э. – I в. н. э. в лесостепных и степных районах Средней и Южной Сибири. Для первых он отмечается в памятниках

шестаковской культуры [Мартынов и др., 1971; Мартынов, 1979], которая изучена по курганам и поселениям. Грунтовые могильники пока в ней не известны.

Грунтовые могилы хорошо известны в Южной Сибири в ареале тесинских памятников, с которыми находят бóльшее сходство погребения шилкинской культуры. Оно выражается в устройстве и размерах могил, по захоронению в них остатков кремированных на стороне трупов, трупоположений с обжиганием в могиле, по ориентации костяков головой на запад, по присутствию в могилах костей животных, железных ножей с петлеобразным навершием, железных и бронзовых шпеньковых пряжек, деталей поясной гарнитуры, стеклянных бус и др. [Мандрыка, Свалова, 1998]. Можно допустить, что истоки представленного обряда, характерного для шилкинской культуры, уходят в культуры Саяно-Алтая тесинского времени.

Поселения шилкинской культуры содержат разнообразный инвентарь и керамику. Найденные вещи объединяются в категории: оружие, орудия труда и предметы быта, украшения и предметы культа.

К категории оружия относятся наконечники стрел, которые изготавливались из бронзы и кости. Обломок пера бронзового пластинчатого наконечника стрелы найден на западном плечике котлована жилища № 2 городища Усть-Шилка II. Края пера наконечника заточены. Насад обломан (см. рис. 122, 2).

Костяные наконечники стрел (10 экз.) отмечены в обоих городищах. Один целый экземпляр (см. рис. 122, 3) найден в слое городища Усть-Шилка II, одна заготовка – в жилище № 2 того же городища, остальные наконечники зафиксированы в обломках. На городище Усть-Шилка II фрагменты наконечников (от 4 экз.) лежали среди предметов для обработки материалов (наковальни, точильных камней, молоточков) на полке в жилище № 3, а на городище Шилка II такие же обломки (от 4 наконечников) – в куче бытового мусора под стеной вместе с роговой стружкой. Это позволяет предположить,

что некоторые, недоделанные, наконечники были сломаны в процессе их изготовления, а другие – в процессе использования.

Костяные наконечники стрел разнотипны. Численно (7 экз.) преобладают с черешковым насадом и подтрапещевидным сечением пера, изготовленные из фрагментов трубчатых костей. При этом плечики пера имели тупой угол (см. рис. 117, 11; 93, 15, 16) или были оформлены небольшими уступами или шипами (см. рис. 117, 13; 93, 14). Один наконечник из рога имел треугольное сечение пера (см. рис. 122, 3). Другой – вытянуто-ромбической формы с расщепленным насадом и линзовидным (ромбовидным) сечением пера (см. рис. 117, 14). Еще один – представлен частью пера с ромбовидным сечением (см. рис. 117, 12). Наконечники разных размеров: преобладают небольшие, длиной до 5–7 см; несколько крупнее заготовка (см. рис. 122, 15); а самый крупный экземпляр длиной более 15 см, при этом имел ширину пера 2,8 см (см. рис. 122, 16).

Представленные наконечники стрел схожи с аналогичными изделиями из погребальных и поселенческих комплексов многих культур скифского и гунно-сарматского мира. Особо следует выделить вытянуто-ромбический наконечник стрелы с расщепленным насадом, который находит аналогии в материалах хуннского культурного комплекса [Давыдова, 1996; Худяков, 2014].

К категории оружия следует отнести и костяное острие с кровостоком на одной узкой грани возле основания. Оно найдено в жилище № 3 городища Усть-Шилка II и изготовлено из лучевой или локтевой кости крупного копытного. Для кровосточного паза использовалась естественная мозговая полость кости. На боковых гранях изделия прослеживаются следы скобления металлическим предметом (определения А. П. Бородавского). Гипотетическая длина острия – 37 см, ширина в основании – 2,0 см (см. рис. 122, 31).

Подобные костяные кинжаловидные острия такого размера встречаются в таежных районах Прибайкалья с неолита и раннего бронзового века. Судя

по материалам погребения на р. Букачан (нижняя Лена), использовались они и в период позднего бронзового века [Окладников, 1946, с. 69, 170, табл. IX, 2]. По размерам и назначению усть-шилкинское изделие напоминает однолезвийные клинки современных железных копий или ножей на длинном черенке типа эвенкийской пальмы, поэтому в нем можно увидеть своего рода их археологический прототип или заменитель колющего оружия из железа.

К оружию условно относится обломок рогового остроконечника или обоймы для каменного наконечника стрелы (см. рис. 122, 11). Шлифованный и округлый в сечении обломок найден среди скопления костей в жилище № 2 городища Усть-Шилка II.

В том же скоплении бытовых отходов городища Шилка II найден наперсток лучника цилиндрической формы со скошенным основанием, сделанный из рога. Часть стенки изделия отломана. Под устьем с одной стороны имеется петелька с отверстием, с помощью которой он закреплялся, скорее всего, к большому пальцу правой руки. На скошенном основании предмета отчетливо фиксируется залощенность поверхности, которая образовалась трением от тетивы при стрельбе из лука (см. рис. 117, 7).

Полные аналоги данному предмету неизвестны, но наперстки, предохраняющие большой палец от ранения тетивой при стрельбе из лука, отмечены в материалах тагарской культуры. Там они делались из бронзы и имели несколько другую форму – в виде ложечки с перемычкой на вогнутой стороне [Членова, 1967, табл. 15, 9–13]. Несколько ближе стоит наперсток из с. Тесинского, который выполнен из бронзы в виде колпачка со скошенным основанием [Членова, 1967, табл. 15, 14]. Близкий по форме бронзовый экземпляр был найден около с. Овсянки Красноярского округа (коллекция Лопатина № 97) [Радлов, 1894, табл. XVIII, 13]. Предлагая вариант использования наперстка, следует согласиться с мнением Д. Н. Анучина и Н. Л. Членовой о том, что защита большого пальца необходима при натягивании тетивы так называемым монгольским способом, при котором

пальцы складываются «кукишем» и тетиву натягивает согнутый большой палец, а указательный и, иногда, средний только помогают ему. Такой способ употребляли не только тагарцы, так же стреляли персы и скифы. Стрела при этом помещается всегда вправо от лука [Членова, 1969, с. 65].

Диск (бляшка-пуговица) из рога с круглым отверстием в центре (см. рис. 122, 13) обнаружен на плечике котлована постройки хозяйственного назначения городища Усть-Шилка II. Одна сторона расслоившегося предмета зашлифована.

Такие изделия были известны со скифского времени и распространены в комплексах хуннского времени. Их назначение определяется по-разному: бляхи-пуговицы на колчанах, предметы конской упряжи [Савинов, 2009, с. 66, 67, рис. 9, 4].

Орудия труда и предметы быта, найденные на поселениях шилкинской культуры, не менее разнообразны.

Бронзовый нож (1 экз.) выпуклообушковый, со сквозным решетчатым орнаментом на трапециевидной ручке и навершием в виде двух головок хищных птиц, обращенных в одну сторону (см. рис. 122, 1), отмечен в жилище № 2 городища в устье р. Шилка.

Подобные ножи, известные в Минусинской котловине и Томской области, Н. Л. Членова относит к классу 1/20 и определяет время использования V–IV вв. до н. э., а может быть и до III в. до н. э. [1967, с.189]. Сочетание сквозного решетчатого орнамента на ручке ножа с головками птиц на навершии часто встречается на изделиях тагарской культуры [Завитухина, 1983, с. 86, 181]. На более позднюю датировку ножа с Усть-Шилки II указывают его трапециевидная прорезная ажурная ручка. Близкий по форме выпуклообушковый бронзовый нож был найден в слое шилкинской культуры поселения Каменка [Фокин, 2013а, с. 54, рис. 3, 1].

Железные ножи (3 экз.) разнотипны. К одному типу относятся два изделия с прямым лезвием без черешка. Односторонне заточенное лезвие отделяется от рукояти небольшой пяткой. Нож, найденный за пределами

укрепленной площадки городища Шилка II, имеет прямоугольное окончание рукояти (см. рис. 117, 3). Нож, найденный в жилище № 3 городища Усть-Шилка II – с округлым окончанием рукояти (см. рис. 122, 7). К другому типу относится нож, обнаруженный на городище Шилка II, тоже за пределами укрепленной площадки (см. рис. 117, 2). Этот нож относится к типу выпуклообушковых с рукоятью, оформленной петлей. Прямое лезвие имеет одностороннюю заточку.

Небольшие пластинчатые железные ножи внешне повторяют бронзовые экземпляры скифского времени, но отличаются материалом и оформлением рукояти. Ножи с петлеобразным окончанием рукояти в степных и лесостепных районах Забайкалья и Южной Сибири получают распространение во II–I вв. до н. э., где характеризуют культуру ранних хуннов [Давыдова, 1996, с. 24; Пшеницына, 1975, рис. 3, 17–21; Савинов, 2009, с. 64, 65, рис. 7]. Нож из городища Шилка II сопоставляется с некоторыми тесинскими ножами с выпуклой спинкой [Левашова, 1958, рис. 2, 13; Кызласов 1960, рис. 29, 3; Пшеницына, 1975, с. 161; Савинов, 1978, с. 52; Мартынов, 1979, с. 41, табл. 4; Завитухина, 1983, с. 99 и др.]. В таежных районах Сибири такой тип ножей также появился во II в. до н. э. [Гладилин, 1985, с. 178, рис. 4, 1, 2], что подтверждается и материалами шилкинской культуры.

Шилья. Все имеющиеся три экземпляра – железные. На городище Усть-Шилка II шило с четырехгранным острием и округлой насадной частью, найдено в жилище № 3. Кончик острия затуплен ударом о твердый предмет (см. рис. 122, 8). У шила из городища Шилка II навершие оформлено свисающими в две стороны спиралями, завернутыми ковкой (см. рис. 117, 1). У экземпляра с поселения Каменка навершие оформлено в виде петли [Фокин, 2013б, с. 54, рис. 3, 2]. По форме и квадратному сечению острия это орудие сравнимо с бронзовыми шильями предшествующего времени, но оформлением навершия рукояти сопоставляются с железными ножами тесинского времени [Савинов, 2009, с. 65, рис. 7, 6].

Из железных предметов на городище Усть-Шилка II найдены еще три тонкие пластины неопределенного назначения. Две из них лежали на полу котлована постройки хозяйственно-культурного назначения, возможно, от одного предмета. Они демонстрируют изделие с треугольным окончанием (см. рис. 122, 10). Третья пластина, обнаруженная в культурном слое, имеет загнутый один конец, другой – ступенчато отрублен (см. рис. 122, 9).

Из костяных предметов, использовавшихся в хозяйстве, следует отметить проколку, найденную на полу котлована постройки хозяйственно-культурного назначения городища Усть-Шилка II. Проколка сломана, представлена каплевидным в сечении острием, которое имеет следы лощения. Возможно, она изготовлена на грифельной кости (см. рис. 122, 12).

К орудиям для шитья можно отнести и заготовку проколки или заколки, выполненную из фрагмента трубчатой кости. Предмет найден в куче «мусора» на городище Шилка II. На поверхности изделия прослеживаются следы абразивного инструмента, заточки (см. рис. 117, 10).

Редкой находкой можно считать обожженный фрагмент деревянной плашки, зафиксированной в жилище № 8 городища Шилка II. Два параллельных края изделия округло заострены. По центру просверлено биконическое отверстие диаметром 0,5 см, края которого заглажены (см. рис. 117, 5).

Следует отметить находки фрагментов пластин слюды (4 шт.), которые отмечены возле восточной стены жилища № 9 и за пределами укрепленной площадки городища Шилка II. Размеры самого большого фрагмента – 6,7×7,2 см. Назначение пластин остается неопределенным. Возможно, ими украшались какие-нибудь детали одежды или в них смотрелись как в зеркало.

Камни с выемками-перехватами (более 230 экз.) отмечаются на всех поселениях. Все они однотипны, выполнены из уплощенного галечника округлой формы, имеют по две выемки-перехвата на противоположных сторонах. Имеют универсальное назначение. Могли использоваться как

рыболовные грузила или «нагревательный набор», на что указывает закопченность поверхности и растрескивание большинства камней огнем. На одиннадцати изделиях из городища Шилка II отмечаются следы ударов или стертости, что говорит об их использовании в качестве молоточков или терочников (см. рис. 122, 20, 22; 99, 16, 17; 101, 20–22). Различные размеры и, следовательно, разный вес (от 20 до 100 г) может указывать на то, что если камни использовали как отвесы или грузила, то их привязывали к разным нитям. Например, ткацкого станка или разным рыболовным снастям. Легкие грузила могли привязываться к жилке удилища, потому что их вес вряд ли был эффективен в натяжении сети. С выемками-перехватами удобно было перекладывать и горячие камни, если они использовались для нагревания чего-либо. Камни с перехватами не выскользывают из рук, если ими выполнялись какие-нибудь операции ударного или терочного действия.

В городищах камни с «перехватами» отмечены как в котлованах жилищ и других построек, так и в культурном слое, вне помещений. В жилищах они залегают возле очага, на полках, полу. Следует отметить скопление таких изделий вместе с простыми гладкими гальками возле восточной стены постройки № 6 городища Шилка II, а также вне стен городища. Возможно, они демонстрируют остатки отдельной рыболовной снасти или одного «нагревательного» набора. Вообще, галечники, которые расколоты термическим перепадом или имеют следы пребывания в костре – черную копоть на поверхности или цветные разводы, являются частой находкой на поселениях. Нередко они залегают среди черепков разбитого сосуда, скоплений костей. На полностью раскопанном городище Усть-Шилка II их было найдено немногим более 100 штук, а на вскрытой площади городища Шилка II – около 200.

На поселениях или возле них встречались изделия металлургического производства. Куски бронзового лома (2 экз.) в виде пластин с рваными краями, возможно, от котлов, найдены в заполнении ямы № 2 городища Усть-Шилка II (см. рис. 122, 4, 5). Застывшие куски бронзы (см. рис. 130,

16, 17) вместе с тиглем зафиксированы на поселении Каменка. Тигель изготовлен из запесоченной глины. Он ладьевидной формы с яйцевидным устьем, с дугообразным оттянутым литником, что позволяло не только плавить в нем металл, но и сразу разливать его по формам. Тигель с уплощенным дном небольших размеров (см. рис. 130, 3). На его внутренней стенке сохранились остатки ошлаковки и бронзовых капель.

Тигли, имеющие округленное дно и оттянутый литок-носик, являются нередкой находкой на памятниках раннего железного века Восточной Сибири и Таймыра [Хлобыстин, 1998]. Аналогии им имеются и в Западной Сибири, например, в комплексах кулайской культуры [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 102, рис. 16; Чиндина, 1984, с. 29, рис. 9, 5, 6; Боброва, 2015]. В районе исследования тигли с уплощенным дном известны с конца бронзового века, на что указывают материалы стоянки Самоделка II (см. рис. 45, 8). Поэтому бронзолитейное дело шилкинской культуры может иметь как местные элементы, так и привнесенные.

Горн по получению металлического железа из рудного изучен на производственной площадке Шилка VI. Она размещена в небольшом отдалении от городища Шилка II. Найденные на ней каменная наковальня, керамическое сопло в форме трубки и железные шлаки являются общераспространенными в местах варки железа. Некоторые особенности имеет само устройство горна. Ямные железоплавильные печи, к рабочей камере которых примыкала пригорновая яма, известны на верхней и средней Ангаре, а также в Минусинской котловине. Они появляются во II в. до н. э. и сохраняются в тайге до Нового времени [Сунчугашев, 1979, с. 30–49; Окладников, 1952а; 1952б; 1953; 1954; 1955; Гладилин, 1985, с. 168; Асеев, 1980, с. 85–92; Сенотрусова и др., 2016]. По специально сделанному в земле фурмовому проходу между камерой и пригорновой ямой печь из Шилки VI сопоставляется с раннеташтыкскими горнами из Минусинской котловины и печью из поселения Чадобец на Ангаре. По устройству камеры из камней объект из Шилки VI ближе к ангарским горнами, где щели замазывались

глиной. Из глины сооружалась и передняя стенка камеры шилкинского горна, к которой пристраивалось сопло. В минусинских же горнах выход из камеры прикрывался камнем, а в ангарских, очевидно, глиняной крышкой. Эти сравнения могут указывать на культурные особенности шилкинских железоплавильщиков.

Практически все долговременные поселения и кратковременные стоянки сопровождаются орудиями для обработки металла. Наковальни из Шилки VI и жилища № 3 городища Усть-Шилка II представляют массивные валуны округлой уплощенной формы с приостренными торцами. На обеих плоскостях по центру – следы от ударов. На наковальне из городища плоскости использовались для расковки изделий из мягкого металла [Korobkova, Mandryka, Volkov, 2008]. Для этих же целей использовались приостренные боковые края камня и, возможно, приостренные его торцы. Размеры этой наковальни 27,0×16,0×8,0 см.

Универсальное орудие из жилища № 1 городища Усть-Шилка II изготовлено из каменного удлиненного бруска прямоугольной в сечении формы (см. рис. 122, 26). На всех гранях отмечаются следы от точечных ударов, которыми была придана задуманная мастером форма с ровными поверхностями. Кроме этого, некоторые грани дополнительно подшлифованы. Один конец орудия прямой, слегка выпуклый, со следами забитости использовался дляковки изделий из мягкого металла. Для этих же целей использовалась примыкающая к этому торцу боковая грань. Другой конец орудия скошен и заглажен (зашлифован), он использовался для раскатки листа мягкого металла или выравнивания поверхности металлического изделия послековки. Следы такой же работы отмечены и на поверхности, примыкающей к этому концу орудия. Кроме того, на одной широкой грани орудия отмечены узкие желобки, образовавшиеся от заточки тонких металлических изделий, например, острый игл или шильев. Близкий по форме и размерам удлиненный брусок, только со следами точечных ударов, был найден и на поселении Островки I (см. рис. 128, 18).

Представительна серия каменных молоточков и изделий, относящихся к ним условно (28 экз.), найденных на городищах и поселении Каменка (см. рис. 122, 27; 101, 18, 19, 23) и выполненных из галек вытянутой овальной или цилиндрической формы. Использовались они для холоднойковки мягкого металла (бронзы), на что указывают сколы по периметру рабочих краев и их сильная стертость, выположенность микрорельефа. На некоторых изделиях отмечаются две рабочих плоскости.

Не менее представительна подборка точильных камней (23 экз.), которые использовались для правки плоскостей и острий металлических изделий. Для этих целей готовили одну или несколько граней плитки, или бруска песчаника, или гальки уплощенной формы. Средние размеры орудий от $3,2 \times 8,6 \times 0,7$ до $10,0 \times 5,0 \times 1,3$ см. На городище Усть-Шилка II найдены и более массивные точильные камни дисковидной и сегментовидной формы (см. рис. 122, 25, 30). Заслуживает внимания точильный камень в форме параллелепипеда с обрезанными и подправленными гранями, который найден в культурном слое того же городища. С двух сторон изделия имеются канавки, использовавшиеся для правки прямых торцов металлических пластинчатых изделий, например обушков ножей. Инструмент специально сделан для такой работы, очевидно, его сохраняли, так как неоднократно использовали (см. рис. 122, 21).

Возле дисковидного точильного камня в жилище № 2 городища Усть-Шилка II найдена «гладилка» из галечника усеченно-округлой формы (см. рис. 122, 24). Ручка выражена. Рабочая плоскость прямая, возможно, использовалась для раскатки листа мягкого металла или выравнивания поверхности металлического изделия послековки. Как гладилка по металлу могло использоваться и галечное орудие, торец которого оформлен односторонними сколами, а по поверхности прослеживаются следы стертости.

На городищах были найдены и орудия (5 экз.), которыми отбивали твердые материалы. Они, как и молотки, сделаны из галечника, но несколько

массивнее, размерами от 7,6×12,3×6,0 до 25,3×12,5×5,5 см. Следы забитости отмечаются по торцовым граням орудий.

Следует отметить песты (4 экз.), изготовленные из камня крупнозернистой структуры и найденные на городищах и поселении Островки I. Они имеют вытянутую округлую в сечении форму ручки и ярко выраженную расширенную рабочую плоскость ударно-терочного действия (см. рис. 122, 23; 99, 24).

Представленная выборка орудий для обработки металла, твердых и мягких материалов не выступает хронологическим показателем. Близкие по способу использования гальки с оббитыми краями, плитки песчаника с подточенными гранями, оформленные песты и другие подобные изделия встречаются в районе исследования с бронзового века, причем отмечаются там практически на каждом селище. Впервые они появляются и отмечаются пока только на комплексах шилкинской культуры «гладилки», которые использовали для раскатки листа мягкого металла. Это в какой-то степени указывает на не присутствующие ранее, более высокотехнологичные способы металлообработки.

Хорошую серию изделий, дополняющих характеристику шилкинской культуры, представляют орудия для обработки шкур. Они различаются по материалу, но близки по форме и способу фиксации в руке при работе.

Скребки на каменных плитках (25 экз.) отмечены на городищах и поселении Островки I (см. рис. 122, 28; 95, 1–18; 99, 19, 21–23). Все они плоские, изготовлены на плитках слоистых пород. По всему периметру изделий округлой формы отмечаются негативы сколов, рабочие выщерблины и следы стёртости. На сломанных скребках рабочая кромка также дугообразная. Все 18 скребков из городища Усть-Шилка II многосторонние, по рабочим кромкам отмечается односторонняя направленность движений. Двумя скребками из коллекции обрабатывались сухие шкуры, остальные использовались по мягким (непросушенным) шкурам. Степень сработанности различна. Судя по разным углам износа рабочих кромок,

П. В. Волковым высказано предположение, что скребками работали разные люди. При этом шкуры обрабатывались «на весу», на мягкой подстилающей поверхности, например, на коленях. Держались скребки в руке, без использования деревянных рукоятей и каких-то основ. На плоскостях некоторых орудий отмечаются следы выветривания (дефляции), что может указывать на то, что скребки изготавливались из плиток, подбираемых на каких-то осыпях.

В качестве скребков для выделки шкур использовали и черепки керамических сосудов (см. рис. 123, 13–17; 95, 19–37; 99, 12, 13). Об этом говорят следы сработанности по одному или двум выпуклым краям фрагментов. Орудия найдены на всех поселениях. На двух городищах отмечено 54 скребка (19 – на Усть-Шилке II и 35 – на Шилке II), где они размещались в котлованах всех объектов городищ и их культурных слоях. Отмечается концентрация этих орудий в котловане жилища № 3 городища Усть-Шилка II (6 скребков) и в котловане хозяйственно-культурной постройки № 6 городища Шилка II (8 скребков), которые, очевидно, представляют состав набора скорняжника. Любопытно, что на последнем памятнике керамических скребков не найдено в котлованах жилищ, что может косвенно указывать на проведение выделки шкур обитателями городища вне жилых помещений. Обращает внимание то, что ни один скребок не изготовлен из фрагментов сосудов, разбитых на городищах, хотя типологически они близки им. Это говорит о том, что все скребки были изготовлены из обломков сосудов, которые подбирались за пределами городища.

По трасологическому анализу скребков из городища Усть-Шилка II было установлено, что на четырех орудиях следы не идентифицируются, восемью скребками обрабатывалась «сухая» (жесткая) шкура, а остальными работали по «мягким» и более влажным шкурам. Отдельные керамические скребки несут следы обработки шкур на твердой выпуклой поверхности (бревне?). Кроме того, необходимо отметить, что по ряду косвенных

недокументированных признаков можно сделать предположение об использовании некоторых таких орудий для подточки изделий из металла.

Таким образом, представленные на городищах скребки использовались для первичной обработки шкур, получения «полуфабриката». Ими обрабатывались толстые шкуры с большой плоскостью обработки, т. е. это могли быть шкуры относительно крупных животных (лось, медведь, лошадь). Обработке подвергался и разный по качеству подготовленности материал, т. е. шкуры имели разную влажность, следовательно, часть шкур могла обрабатываться сразу после снятия с туши животного, а часть до обработки где-то хранилась. Нельзя исключать и возможность накопления шкур с животных, убитых в разные сезоны. Скребки на каменных плитках известны в районе исследования с бронзового века, а скребки из черепков сосудов появляются только с наступлением железного века. Причем они отмечаются не только на памятниках шилкинской культуры, но и на поселениях других культур южнотаежной зоны Среднего Енисея и низовьев Ангары. Использование керамических скребков в кожевенном производстве получило достаточно широкое распространение и в Западной Сибири с эпохи палеометалла [Бородовский, 2002]. Использовались они и для других целей [Сериков, 2008]. Их появление исследователи связывают с дефицитом песчаника или известняков с абразивными включениями и нехваткой металла [Скакун, 1977, с. 264–267; Сидоров, 1989, с. 42]. Сохраняются такие инструменты в таежных районах Сибири, судя по нашим работам, вплоть до средних веков.

Заканчивая характеристику предметов производств шилкинских комплексов, необходимо отметить наличие продуктов косторезного дела – двух фрагментов резаного рога (см. рис. 117, 8, 9), которые найдены в «мусорной» куче городища Шилка II. По следам на изделиях А. П. Бородовский предположил, что рог резался металлическим ножом, скорее всего железным. Здесь же размещалось более 20 роговых стружек.

В той же «мусорной куче» была найдена оплавленная бронзовая обойма для перекрестья ремней (см. рис. 117, 4). Она имела выпуклую округлую шляпку диаметром около 2,5 см. По форме и прорезному щитку, который крепился четырьмя шпеньками, бляшка аналогична таким же предметам из погребения № 4 могильника Усть-Шилка II. Нахождение ее в «куче мусора» на городище в оплавленном состоянии может указывать на неудачную попытку ее переплавки, т. е. она выступала бронзолитейным ломом.

К производственным отходам относится и обломок железной трубочки из той же кучи. Свернутая из пластины, она напоминает втулку наконечника, диаметр которой составлял 1,1 см при длине 1,4 см. (см. рис. 117, 6).

Среди находок предметы искусства редки. Глиняная скульптурка представлена фрагментом части туловища и морды зверя семейства куньих, возможно, соболя (см. рис. 122, 18). Прямая шея зверька приподнята над слабо изогнутым туловищем. Сечение туловища овальное. Морда приостренная. Уши округлые. Ноги и хвост отломаны. Изделие изготовлено из запесоченной глины (аналогичной керамическим сосудам) и найдено на полу в северо-западном углу постройки хозяйственного назначения на городище Усть-Шилка II.

Полных аналогов данной находке неизвестно, но зооморфная и антропоморфная пластика достаточно часто встречается в Западной Сибири на поселенческих памятниках лесостепной зоны и не характерна для искусства Восточной Сибири. Традиция изготовления западносибирской глиняной пластики зарождается в ирменское время и сохраняется до эпохи раннего железа [Чемякина, 2001; Матвеева, 1990]. С учетом находок скульптурок из глины на поселениях Поднепровья и Прикарпатья [Шрамко, 1999] следует согласиться с исследователями, считающими, что культовую глиняную пластику Западной Сибири следует рассматривать в контексте единых эпохальных поселенческих традиций, свойственных населению лесостепной зоны Евразии [Глиняные ..., 2003, с. 340]. Среди зооморфных фигурок встречаются изображения домашних и диких животных.

На западносибирских памятниках преобладают изображения медведя, реже других животных, возможно, бобра [Чича..., 2004, с. 125, рис. 186, 1, 2, 6; Папин, 2000, с. 381] но ни разу не отмечено фигурок соболя. Если изготовление глиняных скульптурок связывать с проявлением культа плодородия, то сакральное значение усть-шилкинской фигурки соболя, возможно, связано с охотничьим промыслом. Можно предположить, что эта фигурка каким-то образом связана с охотничьими собаками, для которых была выстроена постройка за пределами стен городища.

Фрагмент керамического диска (1 экз.), возможно, подвески, был обнаружен на полу той же постройки. В центре диска фиксируется отверстие, а края изделия оформлены гладкими насечками. На обеих плоскостях предмета нанесены гладкие наколы от ногтя (?) (см. рис. 122, б).

Нашивка ромбовидной формы из песчаника (см. рис. 122, 17) найдена в слое городища в устье р. Шилка. С двух сторон резными линиями нанесен идентичный по смысловой нагрузке сюжет. На каждой плоскости изображения симметричны и разделяются зигзагообразной линией, размещенной между двумя ямками, которые просверлены по углам. Вдоль краев изделия проходят парные линии, которые соединяются в остром углу, образуя двойной V-образный контур. Они дополняются парными отрезками, которые на одной стороне подвески нанесены между ними, а на другой – между линией и краем изделия. Внутри каждой V-образной фигуры отмечается еще одна, меньшая по размерам, такая же парная фигура, только без соединяющих отрезков. В острых отломанных углах изделия фиксируются следы тонких биконических отверстий, через которые подвеска пришивалась. Всю композицию орнамента можно интерпретировать как два жилища с очагами или два поселка с жилищами, между которыми протекает река.

Таким образом, приведенные аналогии предметам из поселений позволяют относить шилкинскую культуру к северной периферии хуннского мира. Отдельные предметы из поселений, а именно: костяные наконечники

стрел с расщепленным и черешковым насадами, бляшка-пуговица из рога с отверстием в центре, железные ножи с петельчатым окончанием рукояти, шилья с петельчатым и спиралевидным навершием сопоставляются с аналогичными изделиями разных культур хуннского времени.

Показательна и керамика. Несмотря на разнообразный вещевой материал поселений, она выступает главным индикатором культуры. На памятниках, изученных раскопками, найдено более семи тысяч фрагментов. Среди них имеются части венчиков, поддонов, налипных ушек и ручек. Анализу было подвергнуто 139 сосудов из городищ Шилка II (100 сосудов), Усть-Шилка II (16 сосудов), поселений Островки I (9 сосудов), Каменка (14 сосудов), т. е. памятников, содержащих однослойные или закрытые комплексы. Многие сосуды восстанавливаются полностью или частично до таких блоков, по которым можно восстановить форму целиком (см. рис. 119; 120).

Керамика изготовлена способом лоскутного налёпа из глины с добавлением дресвы. В формовочной массе керамики с поселения Каменка отмечен органический раствор [Титова, 2015, с. 124]. В изломе черепков некоторых сосудов концентрация мелких пластинок слюды в песке значительная. Надо отметить, что аналогичный состав формовочной массы отмечается для нижнепорожинской и каменско-маковской посуды енисейских памятников, но стенки шилкинской керамики более плотные. Сосуды изготавливались из разноразмерных лоскутов комковатым неорганизованным налёпом с использованием форм-моделей. Об этом свидетельствуют: следы от пальцев на внутренней поверхности стенок сосудов, оставленные в результате придавливания глиняной массы к стенке формы-емкости при наложении лоскутов; перепады толщины стенок сосуда при сохранении сферически ровной внешней поверхности; незначительная складчатость с внешней стороны, возможно, оставшаяся от эластичной прокладки между сосудом и формой-емкостью. Обжиг керамики проводился на костре. Как правило, все черепки темно-серого цвета с коричневым

оттенком. Редко встречаются горшки светло-серого цвета. Цвет последних, скорее всего, изменился от условий залегания в почве или во время использования сосудов, например, при подогреве пищи на углях костра. На внутренней поверхности многих горшков фиксируется черный нагар, оставленный накипью от пищи (на горшках и банках) или копотью дыма (на сосудах-дымокурах).

По форме и орнаменту сосудов вся керамическая коллекция из поселений разделяется на девять типов, критерии выделения и обозначения которых сохраняют и продолжают ранее принятую систему для материалов бронзового и раннего железного века.

Тип VI (7 сосудов) – горшки и сосуды баночной формы с каплевидным сечением венчика. Отмечены на всех городищах и поселениях Каменка и Островки I. Сосуды украшены по горловине налепными жгутиковыми валиками, которые дополняются рядами наколов. На реставрированных формах по стенкам сосуда гладкие жгутиковые валики либо вертикально спускаются, либо строятся в крупную сетку (см. рис. 117, 42; 94, 10; 99, 6, 14). Имеющиеся фрагменты сопоставляются с керамикой нижнепорожинской культуры и ее присутствие в шилкинских комплексах можно считать привнесенной культурным обменом. Обращает внимание более высокая форма реставрированного сосуда (см. рис. 123, 10) по сравнению с нижнепорожинской посудой. На этой же форме валики, покрывающие тулово, строятся в неправильную сетку. Орнамент как бы демонстрирует способ фиксации емкости для переноса, помещение сосуда в какую-то плетеную сетку.

Тип X (8 сосудов) – объединяет сосуды тагарского облика. Это две гладкостенные банки с плоским дном и тщательно заглаженной поверхностью без орнамента (см. рис. 123, 7), шесть миниатюрных кубковидных сосудов без орнамента (см. рис. 117, 31, 32). К чаше открытой формы пристраивается кольцевой поддон высотой до 1 см. Данная посуда

зафиксирована на городищах, и ее тоже можно считать попавшей в комплексы в результате межкультурных контактов или обмена.

Тип XI (2 сосуда) – сосуды горшковидной формы с широкой налепной лентой по горловине отмечены на поселении Каменка (см. рис. 130, 11, 12). Напомним, что этот тип характеризует каменско-маковские комплексы и, возможно, также отражает межкультурные контакты. Однако следует учесть, что черепки были найдены не в жилище, а в культурном слое и в нарушенной части поселения Каменка, т. е. вообще могут быть не связаны с шилкинцами.

Тип XIII (25 экз.) – горшки, которые украшались по горловине горизонтальными рядами накольчатых или отступающих оттисков гладких орнаментиров с прямым, округлым или заостренным рабочим концом (см. рис. 117, 39–41; 94, 8). Как правило, это сосуды-дымокуры, представляющие небольшие горшочки закрытой формы с отогнутым краем. Найденные на городище Шилка II они имеют некоторые особенности, отличающие их от аналогичных сосудов из других комплексов раннего железного века. На шилкинских сосудах-дымокурах под венчиком крепилось одно ушко в форме арки, а не «языковидное» или «прямоугольное», как на сосудах из шепилевских, ранних нижнепорожинских или каменско-маковских комплексов. Вместе с этим в придонной части крепится одно трубчатое ушко. Оно с четырех сторон оформляется жгутиковыми рассеченными валиками, которые выступали не только орнаментом, но и ребрами жесткости для усиления крепления пристройки к форме. В трубчатом ушке проделывается четыре отверстия, расположенные попарно с двух сторон. Наличие сосудов-дымокуров в шилкинских комплексах указывает на сохранение древних способов защиты от кровососущих насекомых.

Тип XIV (8 сосудов) – включает сосуды горшковидной формы, которые украшены по шейке и плечикам двумя-тремя горизонтальными налепными валиками, которые, как правило, рассекались пальцевыми защипами или насечками и не дополнялись поясом ямок (см. рис. 117, 33, 34; 94, 6).

В шилкинских комплексах они найдены на городищах. Ее следует считать вариантом посуды следующего типа и рассматривать вместе с ним определяющим для шилкинских комплексов.

Тип XVII (97 сосудов) – отмечен на всех памятниках и объединяет горшки с выраженной шейкой, редко банки, с разным профилем обреза, которые украшены по горловине двумя наклепными валиками и обязательно дополненными поясом ямок (см. рис. 117, 15–30; 91, 3–8; 94, 1–5; 99, 1–3; 101, 1, 4–8). Валики жгутиковые, они пересекались пальцевыми зажимами или насечками. В некоторых случаях горизонтальность расположения валика нарушена разрывом с загибом конца линии или от нижнего валика отходит наклонный отрезок такого же орнамента. Композиция напоминает свисающий конец пояса. На трех сосудах в зоне плечиков прочерчены ромбовидные личины, с торчащими «рожками» (см. рис. 117, 20, 23, 30).

Тип XVIII (3 сосуда) – толстостенные сосуды с сегментовидными ручками, которые пристроены с двух сторон в центральной части закрытой баночной формы (см. рис. 117, 38). Сосуды сплошь украшены рассеченными наклепными жгутиковыми валиками, которые в одном случае дополнены отступающими гладкими заостренными оттисками, строящимися в мотив «зигзаг». Найдены на городище Шилка II. Аналогичные формы встречались в смешанных комплексах с поздней нижнепорожнинской керамикой.

Тип XIX (5 сосудов) – объединяет банки и горшки с орнаментом в виде тонких наклепных валиков, которые покрывают стенки форм до придонной части. Горловина сосудов профилированная или прямая с заостренным в сечении венчиком. Под утолщенным краем наносились гладкие или рассеченные наклепные жгутиковые валики, а в одном случае – наколы наклонной гребенки. Тулово покрывают тонкие наклепные валики, горизонтальные или нанесенные концентрическими дугами. Орнамент дополнялся одним или двумя рядами ямок (см. рис. 123, 11, 12). Такие сосуды найдены на городищах, и могут рассматриваться как результат

инокультурного влияния. О носителях этой керамической традиции будет сказано ниже.

Тип XX (7 экз.) – включает кубковидные сосуды с орнаментом, который нанесен по шейке и плечикам. К открытой чаше пристраивается кольцевой поддон высотой от 2 до 4 см. По наличию или отсутствию дополнительных налипных пристроек к чаше выделено два подтипа: 1) без пристройки дополнительного элемента и 2) с одной ручкой, прикрепленной вертикально у края чаши (см. рис. 117, 35–37). Такие сосуды найдены на городище Шилка II и железоплавильной площадке Шилка VI (см. рис. 126, 7). Фрагменты кольцевых поддонов также отмечены на поселении Островки I (см. рис. 128, 9–11).

Распределение сосудов выделенных типов по памятникам (см. табл. 12) показало, что по численности преобладает посуда XVII типа, которая вместе с керамикой XIV типа и сосудами-дымокурами XIII типа выступает культууроопределяющей для шилкинской культуры. Остальная керамика, встречавшаяся на поселениях в значительно меньшем количестве, демонстрирует культурные влияния соседей из сопредельных южных или северо-восточных районов либо тех групп населения, которые параллельно доживали в районе исследования.

Для установления хронологии шилкинской культуры мы располагаем пока небольшим числом датирующих вещей и фактов. Относительная хронология устанавливается наблюдениями на многослойных памятниках. На поселении Шилка IX культурный слой с шилкинской керамикой залегает выше слоя, содержащего посуду с «вафельным» техническим декором и относящегося к тагарскому времени. На комплексе Усть-Шилка II могила № 4 была разрушена рвом городища, следовательно, его строительство началось после археологизации погребения, когда его надмогильная конструкция уже не наблюдалась на поверхности.

Обоснованием датировки шилкинской культуры выступают вещи из поселений, находящие аналогии в памятниках II–I вв. до н. э. тесинской

культуры Саяно-Алтайских степей и хунну Забайкалья. Не противоречит такой датировке и наличие позднеатагарских бронзовых выпуклообушковых ножей с прорезной рукоятью и ажурным навершием (см. рис. 122, 1), бронзовой «кубовидной» бляшки для перекрестья ремней (см. рис. 117, 4) и других предметов.

На время существования культуры на енисейских берегах в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. указывает и серия радиоуглеродных датировок, полученная по древесному углю из культурного слоя и стен городищ – СОАН–5483, СОАН–3289, СОАН–3293, СОАН–5481. Они лежат в интервале 2140 ± 100 – 1935 ± 80 л. н. Несколько удревлены даты по углю из обгоревших плах перекрытия жилища № 8 (СОАН–4241 и СОАН–4242), что может объясняться использованием старого дерева при устройстве кровли.

Ареал культуры и контакты ее носителей определяются керамикой. Кроме представленных памятников, шилкинская керамика XVII типа отмечена еще ряде енисейских объектов: в первом мешаном слое поселения Нижнепорожинское I, в четвертом слое поселения Шилка IX, на селище Чермянка (исследования Н. П. Макарова и М. С. Баташева). Встречалась она и на поселениях нижней Ангары – Стрелковский порог, Черная (разведки и раскопки автора или при его участии), Скородумский Бык (раскопки С. М. Фокина и П. О. Сенотрусовой). В Северном Приангарье черепки такой керамики наряду с инородной (карабульской, тонковаликовой и другой), присутствуют в культурных слоях на многих стоянках, например, Сергушкин–3 и Нижняя Изголовь (раскопки В. И. Привалихина), Чадобец (раскопки Н. И. Дроздова), Усть-Карабула (раскопки Н. П. Макарова) и др. [Богучанская..., 2015]. Имеются фрагменты керамики, аналогичные керамике XIV типа, и среди сборов на памятниках р. Подкаменная Тунгуска, например, в устье р. Тэтэрэ [Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005, с. 74, рис. 4, 1, 2], а также в бассейне р. Лена, например, на Мысе Обух [Окладников, 1946, с. 173, табл. XII, 13]. Керамика этого типа фиксируется и в лесостепном Канском районе, в первом слое многослойной стоянки Казачка на р. Кан [Кол. ЛАП

ИГУ, Каз. 74 Р4–I–7], на стоянке Нефтепровод-2 [Многослойный..., 2018] на стоянке Дзержинское на р. Усолка (раскопки В. И. Привалихина). Судя по отдельным бронзовым и железным предметам с этих памятников, они укладываются в хронологические рамки раннего железного века.

Сосуды-дымокуры XIII типа с трубчатым ушком в придонной части начинают появляться в ангарской тайге с этого времени. На территории Северного Приангарья такие сосуды отмечены, например, на стоянках Усть-Илим, Бадарма 1 [Васильевский, Бурилов, 1971, табл. 10], Усть-Карабула [Макаров, 2013], Ручей Дубинский I [Абдулов Т. А., Абдулов А. Т., 2015] и других. Зафиксирован факт нахождения аналогичного сосуда-дымокура в раннесредневековом кургане № 16 Тимирязевского могильника в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 27, 1]. Но шилкинские сосуды-дымокуры отличаются от представленных аналогий формой верхнего ушка и орнаментом. В нашем случае верхнее ушко представлено петлей из жгута формовочной массы, а орнамент состоит из горизонтальных рядов наколов. Сосуды-дымокуры из средневековых памятников Ангары и Оби имеют «языковидное» верхнее ушко и украшены тонкими обмазочными налипными валиками. Поскольку орнамент на сосудах-дымокурах отвечал общим культурным традициям украшения посуды, то и в шилкинских комплексах орнаментальные композиции, применяемые для украшения сосудов-дымокуров, встречаются на другой посуде – на полноразмерных кубках и сосудах с сегментовидными ручками.

Банки, украшенные гладкими и рассеченными жгутиковыми валиками (VI тип), присутствуют в шилкинских комплексах небольшой выборкой. С одной стороны, такие сосуды были известны в районе исследования с предшествующего времени, с другой – могли также поступить с пришлыми группами населения.

Орнаментальный прием нанесения тонких валиков, оформленных защипами (XIX тип), в таежных районах Восточной Сибири (ангаро-тунгусские водоразделы, Ленский бассейн) известен с середины I тыс. до н. э.

и наносился там на круглодонные формы, которые характеризуют усть-мильскую культуру [Эртюков, 1990; Алексеев, 1996, с. 70]. Позднее появляется керамика с тонкими обмазочными валиками, которая также широко распространяется по таежным районам Сибири и сопровождает комплексы с конца I тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. Сочетание же на одной форме жгутиковых и обмазочных налепных валиков, построенных концентрическими дугами (перевернутыми арками) начинается с гуннского времени, что мы наблюдаем на материалах шилкинской культуры. Подобная посуда характеризует культуру населения раннего железного века и Северного Приангарья [Бурилов, 1980, с. 35, рис. 4, 8; Леонтьев В. П., 1999], а для Таймыра такой вид орнаментации отмечается на керамике усть-половинкинского и первого бояркинского типов, отнесенных Л. П. Хлобыстиным к средним векам [1998, с. 127, рис. 136]. Все это указывает на участие шилкинцев в процессе распространения гуннских компонентов по Приенисейской тайге и тундре.

Шилкинская посуда X, XVIII и XX типов (миниатюрные и полноразмерные кубки, сосуды с сегментовидными ручками) сложилась в результате слияния каких-то южных традиций. Миниатюрные кубки без орнамента находят аналогии в материалах тагаро-таштыкских поселений и позднетагарских курганов лесостепных районов [Дэвлет, 1964]. Но сами сосудики – не импорт, они изготовлены из местного сырья и по технологии, отличной от лесостепных форм, – их наружная поверхность не ложилась. С позднетагарской, тесинской и раннеташтыкской посуды, очевидно, копируется и форма полноразмерных кубков и сосудов с горизонтальными ручками в виде полудисков. Их орнаментация рассеченными налепными валиками и наколами гладких орнаментов проводится по традиции, схожей с таштыкской.

Ареал достоверно определимых памятников шилкинской культуры укладывается во всю южнотаежную подзону Средней Сибири, включая Средний Енисей и низовья Ангары. На юге он доходит до Красноярской

лесостепи, на западе граница проходит по объ-енисейскому водоразделу, на севере – соседствует с памятниками раннего железного века северной тайги и лесотундры. На востоке границы ареала размытые и могут включать Южное Приангарье, доходя до ангаро-ленского водораздела. Присутствие здесь шилкинской керамики может быть объяснено поступлением ее в среду местных племен, носителей других керамических традиций.

Керамический комплекс шилкинской культуры появляется в районе исследования в готовом, сформированном виде. В нем отмечаются компоненты разных кочевых культур хуннского времени, в том числе тесинской. Неясно происхождение доминирующей керамики XVII типа. Схожие орнаменты встречаются на посуде из Южной Сибири и Южного Забайкалья. Там уже в плиточных могилах чулутского этапа (XIII – VIII вв. до н. э.) появляются гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или гладкими валиками, а на ацайском этапе (VIII – VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в керамическом комплексе [Цыбиктаров, 1998, с. 121–122]. На западном побережье Байкала в середине I тыс. до н. э. также отмечается смена керамической традиции и распространяется керамика с треугольными налепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Посуда имела гладкую поверхность стенок либо покрывалась с внешней стороны ромбовидными («вафельными») оттисками. Такая керамика сопровождает захоронения елгинского погребального ритуала [Горюнова, 1993], существовавшего в Приольхоне с III в. до н. э. по IV в. н. э. Сосуды с налепными валиками и с «вафельными» оттисками А. В. Харинский [2005, с. 207–208] предлагает называть керамикой борисовского типа, а аналогичные плоскодонные гладкостенные горшки объединить в рамки единого керамического типа – елгинского. Появившись на Енисее, а может быть, и во время своего продвижения, шилкинцы испытали влияние и со стороны тесинской группы кочевников Саяно-Алтая, также несшие элементы хуннской культуры. Это проявляется в распространении миниатюрных кубков, железных ножей с

петлеобразным окончанием рукояти, шильев с валютообразным и петельчатым навершием, дисковидных бляшек-пуговиц из рога, бронзовых предметов, украшенных мотивами скифо-сибирского звериного стиля.

На сегодняшний день остается нерешенным до конца вопрос и о судьбе шилкинского населения. В районе исследования они сменяются поздними нижнепорожинскими комплексами (носителями керамики таштыкского облика). Последние, очевидно, ассимилируют шилкинское население, а частично, по-видимому, оттесняют ряд его групп на север, в низовья Енисея, которые приняли участие в сложении малокореннинской и усть-чернинской культур конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.

3.4. Памятники с тонковаликовой керамикой

Характеристика раннего железного века района исследования будет неполной, если не остановиться подробно на керамике, которая не сопоставляется с нижнепорожинской, каменско-маковской и шилкинской посудой, а выделяется в самостоятельный тип. Это керамика, которая украшалась тонкими волнистыми или прямыми налепными валиками, и ее присутствие на рассмотренных комплексах мы объясняем инокультурным влиянием.

В настоящее время в южной тайге Среднего Енисея и низовьях Ангары нет закрытых комплексов, которые содержали бы исключительно керамику с тонкими налепными валиками. Как правило, на памятниках раннего железного века она присутствует вместе с другой посудой, встречается единичными сосудами или, чаще, фрагментами от одной формы.

Один сосуд с орнаментом из тонких налепных валиков зафиксирован на упоминавшемся поселении Язаевка (см. рис. 103, 1; 132, 1), где вместе с ним присутствует керамика каменско-маковского и шилкинского типов [Мандрыка, 2011]. Аналогичная керамика найдена на стоянках Стрелковский порог в низовьях Ангары, Костылевка и Лесосибирская III на р. Енисей ниже устья Ангары (рис. 131, 1, 2, 6, 7; 132, 2), а также Усть-Каменный Ручей ниже

п. г. т. Предивинск. Здесь черепки также представляют только по одному сосуду, остальная керамика памятников отличается типологически. Отмеченные фрагменты сосудов настолько близки между собой, что их объединение в особый XIX тип керамики абсолютно правомерно.

Сосуды лепились ручным способом из глины с примесью дресвы и жидкой органической добавки. Часто формовочная масса подготавливалась плохо (можно считать, небрежно), дресва не калиброванная. Обжиг керамики костровой, высокотемпературный, с внешней, внутренней стороны и в изломе черепки красно-коричневого цвета. Наружная поверхность гладкая, иногда заглаживалась (возможно, пучком травы или костью?) или выравнивалась выбиванием. С внутренней стороны стенки гладкие, часто неровные, имеют вмятины от пальцев или выпуклой поверхности округлой гальки, которую подставляли в точку удара при формообразовании. Часто на внутренней поверхности отмечаются следы черного нагара. Все сосуды закрытой формы со слегка отогнутым краем, имеющим прямой или округлый обрез. Тулово слегка раздутое и вытянутое. По частично реставрированной форме из поселения Язаевка и отдельным крупным фрагментам из других памятников можно считать, что дно у горшков было округлым. Толщина стенок по краю сосуда не более 1,0 см, тулова и придонной части – 0,5–0,6 см. Следует отметить, что сосуд из поселения Язаевка не имеет правильных геометрических очертаний, его край поведен (не ложится на плоскость). Орнамент на всех сосудах наносился в верхней половине формы. Венчик обязательно оформлялся пальцевыми защипами, от этого он становился волнистым. С внешней стороны на стенки лепились тонкие гладкие или волнистые валики, которые наносились накладыванием тонкого жгута и его прищипыванием пальцами. Относительно устойчив мотив их размещения. Под венчиком валики проходят горизонтально, а на плечиках их горизонтальное распространение нарушается клиновидными зигзагами. На реставрированных формах их четыре, они опускаются вниз. В гладком поле каждого верхнего зигзага нанесено округлое углубление – отпечаток

подушечки пальца. Под венчиком орнамент дополнялся поясом вдавлений, оставленных таким же наколом, иногда с отпечатком ногтя.

Из представленного описания видно, что керамика с тонкими гладкими и волнистыми налепными валиками отличается от другой посуды раннего железного века района исследования. Отличается эта посуда и от валиковой керамики раннего Средневековья. Выделяется она грубой структурой формовочной массы, небрежностью формовки, красно-коричневым цветом черепков, вытянутой горшковидной формой сосудов со слегка отогнутым краем, а главное – способом нанесения налепных валиков, их оформлением и мотивом размещения.

Важно заметить, что валиковая керамика более позднего времени внешне схожа, но не идентична. Она лепилась из хорошо промешанной глины. Такие черепки значительно тоньше (иногда до 3 мм) и плотнее. К тому же они, часто были серого цвета, в отличие от черепков раннего железного века, имеющих красно-коричневый цвет. Сосуды таштыкского времени и Средневековья – правильной горшковидной формы с ярко выраженной шейкой и округлым дном. Обрез края, как правило, рассекался насечками или оформлялся карнизиком. На стенках наносились гладкие обмазочные налепные валики, которые сочетались с пальцевыми защипами или рядами каких-нибудь оттисков, гладких или зубчатых.

Мы уже отмечали, что прием украшения керамики налепными валиками широко использовался разными народами Сибири. В районе настоящего исследования «валиковая» керамика впервые появляется в раннем бронзовом веке в комплексах с керамикой усть-шилкинского типа. Встречаются редкие налепные валики и на посуде шепилевской культуры развитого бронзового века. Но наибольшее распространение этот прием орнаментации получил в раннем железном веке, где фиксируется на нижнепорожинской и шилкинской посуде. Важно отметить, что во всех перечисленных случаях для орнаментации посуды использовался налепной валик, представляющий собой жгутик толщиной не менее 0,4 см (до 0,7 см). Он накладывался на

стенку сосуда и примазывался продольными движениями. Для лучшего прикрепления часто эти валики дополнительно рассекались пальцевыми щипцами или наколами, насечками какого-нибудь орнамента. На представляемом же типе керамике налипной валик иной. Его толщина не превышает 0,3 см, и он прикреплялся к стенке втиранием или прищипыванием, что приводило к его волнистости. Такой способ нанесения валика отличает эту керамику и от посуды более позднего времени, где налипные валики были не «жгутиковыми», а «обмазочными».

Здесь следует сделать разъяснение. Термины «жгутиковый» и «обмазочный» указывают на разные способы нанесения налипного валика на керамический сосуд. Жгутиковые валики строятся прикреплением специально раскатанной «колбаски» или жгутика из такой же формовочной массы, как и сосуд. «Обмазочные» же валики строились не прилепом жгутика, а нанесением тонкого дополнительного слоя глины на поверхность – примазкой, обмазкой. На стенку сосуда наносился тонкий слой инородной, тщательно подготовленной глиняной массы и валики создавались полосками глины, которые оставались между пальцами (если размазывалась кистью руки) или по краям прочерченных бороздок (если размазывалась щепкой или каким-то гладким орнаментом). В таком способе нанесения их особенность. Поэтому они тонкие (невысокие и неширокие), треугольные в сечении, имеют расплывчатые очертания, если их несколько, то они всегда параллельны и часто находятся на одном расстоянии друг от друга. Это специальный прием нанесения, подтвержденный нами экспериментально. Предлагая такой термин, мы исходили из понятия «обмазка», объясненного Э. В. Сайко: «Обмазка – это нанесение дополнительного слоя по поверхности сосуда... Как правило, этот слой покрытия четко выражен... Поверхность обмазывалась тончайшим слоем инородной, тщательно обработанной глиняной массы, часто отличающейся по цвету, структуре, составу от основной массы черепка» [Сайко, 1982, с. 117–118]. Встречающиеся же в литературе обозначения керамики «с

тонким налепным валиком», «с мелким налепным валиком», «с узким валиком», «с тонким треугольным волнистым валиком», «с тонкими, узкими параллельными друг другу налепными валиками», «с валиками, которым придана фигурная форма пальцевыми защипами», «с тонкими волнистыми налепными валиками» и т. д. (А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, В. В. Бурилов, Н. И. Дроздов, В. И. Привалихин, В. П. Леонтьев и др.), указывают на морфологические признаки валиков и не демонстрируют их специфики. Мы же в свое время [Мандрыка, 1995] предложили в основу разделения внешне похожих валиков, которыми украшалась керамика, положить технологический признак, как более точно отражающий их специфику, тем более что это является оправданным в культурном и хронологическом разделении «валиковой» керамики, широко распространенной в Сибири.

Время бытования керамики с тонкими налепными жгутиковыми валиками на территории южной тайги Среднего Енисея устанавливается ее присутствием на памятниках в стратифицированных условиях вместе с другой посудой. В третьем слое поселения Язаевка эта керамика залегала вместе с сосудами XI, XIV и XV типов. Появление последних в южной тайге Среднего Енисея произошло не ранее тесинского времени, поэтому слой следует датировать II в. до н. э. Имеющая для слоя радиоуглеродная дата, полученная по углю – 2630 ± 45 л. н. (СОАН–2936) – несколько удревнена. Концом I тысячелетия до н. э. датируется второй слой поселения Стрелковское I, где также тонковаликовая керамика присутствует в комплексе с посудой каменско-маковского типа. На стоянках Костылевка и Лесосибирская III керамика с тонкими гладкими жгутиковыми валиками залегала в стратиграфических условиях, аналогичных Стрелковскому I поселению, в бурой темно-серой супеси на глубине 20–30 см. На надпойменных террасах Енисея и Ангары формирование такой почвы проходило в период раннего железного века. Приведенные наблюдения позволяют синхронизировать керамику с тонкими налепными жгутиковыми

валиками с керамикой каменско-маковского типа и относить ее появление на берегах Енисея к началу гунно-сарматского времени.

С конца I тысячелетия до н. э. в районе исследования отмечается еще один вариант представленного типа керамика. Он отличается сочетанием тонких налепных гладких жгутиковых валиков с оттисками других орнаментиров. Такая посуда была зафиксирована на городище шилкинской культуры Усть-Шилка II (см. рис. 123, 11, 12) и в первом слое поселения Зимовейное (см. рис. 105, 4). При сравнении ее с язаевским вариантом отмечается тот же прием налепа тонкого валика, но несколько иные мотивы композиционного построения орнамента. На сосудах из усть-шилкинского городища теперь присутствуют концентрические дуги. Они построены из тонких жгутиковых гладких валиков, что вместе с сочетанием пояса ямок, оттисков гребенки и рассеченного горизонтального валика делает эти сосуды оригинальными и вместе с тем отличными от массовых горшков шилкинской культуры. Сочетание тонкого гладкого налепного валика с поясом «жемчужин» на сосуде из поселения Зимовейное также может выступать вариантом, демонстрирующим слияние различных керамических традиций, пришедших из таежных и лесостепных районов.

Несмотря на отдельные разновидности представленных сосудов, они демонстрируют устойчивый прием налепа тонкого жгутикового валика, который можно считать характерным для гуннского времени. Аналогичный прием нанесения валиков отмечается и для других районов Восточной Сибири – на западном побережье Байкала, в долинах Ангары, Подкаменной Тунгуски, Лены и др.

В Прибайкалье тонкие налепные валики встречаются на сосудах, внешняя поверхность которых покрыта негативами толстого витого шнура [Древние..., 2004, с. 18, рис. 18, 8]. Такая посуда относится там к переходному периоду от бронзового к железному веку и датируется VII–VI вв. до н. э. [Горюнова, 1983; Черемисин, Горюнова, 1991]. Значительное количество керамики с тонкими волнистыми налепными

жгутиковыми валиками известно на берегах средней Ангары, например, стоянках на о. Жилой [Васильевский, Бурилов, Седякин, 1980, с. 65, табл. IV, 10], Бадарма I [Бурилов, 1980а, с. 79, табл. I, 2], Тушама [Бурилов, 1980б, с. 33, рис. 3, 1; Исследования стоянки..., 2012, с. 475, рис. 1, 1, 3], Толстый Мыс, Толокнянка, Кода, Чадобец и др. [Богучанская..., 2015]. К сожалению, эта керамика на ангарских памятниках найдена в слоях с компрессионным залеганием разновременных материалов и ее принадлежность к железному веку устанавливается лишь типологическим сходством.

Гладко-валиковый орнамент известен на керамике гуннов, в раннеташтыкских комплексах Южной Сибири. Там он присутствует главным образом на глиняных котлах и, возможно, имитирует рельефные тяги бронзовых котлов, которые послужили его прототипом. С гуннским влиянием следует связывать и использование при орнаментации валиковой керамики мотива «арка», который был распространен не только в среде хунну [Давыдова, 1985, с. 40], но и на посуде тесинского и раннеташтыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине, включая ее горно-таежные районы [Леонтьев, 2008, с. 134]. В Северном Приангарье на тонковаликовой керамике арочный мотив стал использоваться в хунно-сяньбийское время [Бирюлева, 2015, с. 61] и сохранился до развитого Средневековья [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 73; Сенотрусова, 2016].

Рассматриваемые нами сосуды из южной тайги Среднего Енисея и низовий Ангары с тонкими налепными жгутиковыми валиками по профилированной форме горловины, мотиву орнамента и оформлению края пальцевыми защипами сопоставимы с сосудом, найденным на стоянке Верхняя на р. Лене и отнесенным к I типу (композиция 2) усть-мильской керамики [Эртюков, 1990, с. 67, табл. 22]. Но отличаются они способом оформления валиков. Горшок из Якутии украшен гладкими и рассеченными косыми насечками валиками, а валики на енисейских сосудах гладкие и волнистые, оформлены пальцевыми защипами.

Аналогичное оформление тонких налепных жгутиковых валиков отмечается и на сосуде, найденном автором в 2006 г. на правом берегу р. Бирюсы близ п. Хандальск Абанского района Красноярского края. На частично реставрированной форме четыре параллельных валика зигзагом спускаются на тулово. Сосуд залегал в бурой темно-коричневой почве, ниже подернового, средневекового слоя.

Неизвестны закрытые или стратифицированные комплексы с такой керамикой и в лесостепных районах Средней Сибири. На памятниках долины р. Кан и под г. Красноярском черепки с тонкими волнистыми или гладкими налепными валиками приурочены, как правило, к первым двум верхним слоям поселений, где вместе с ними залегает керамика Средневековья или бронзового века. Работами автора 2015 г. на стоянке Зеленый луг–1 под г. Канском открыт слой, в котором тонковаликовая керамика сопровождалась наконечником стрелы и бронзовым серпом тесинского времени [Мандрыка, Виноградов, 2017]. Открытие подобных однослойных комплексов будет важной вехой в изучении носителей тонковаликовой керамики.

Таким образом, керамика, украшенная тонкими гладкими и волнистыми налепными жгутиковыми валиками, найденная на енисейских памятниках раннего железного века, демонстрирует присутствие особой керамической традиции. Происхождение ее можно связывать как с развитием таежных культур Сибири предшествующего времени, так и проникновением «хуннского» компонента в таежную среду. При этом следует заметить, что грубость формовочной массы, небрежность формовки, относительная простота способа орнаментации, очевидно, были вызваны условиями, в которых работали гончары этой керамической традиции.

Для южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары эта традиция привнесенная, она не связана с местным населением тагарского периода и не имеет здесь автохтонных корней. Появление посуды, украшенной тонкими налепными валиками, следует связывать с межплеменными контактами или проникновением отдельных групп населения из южных и юго-восточных

районов. Возможно, это были какие-то группы, попавшие под хуннское влияние. Инфильтрация их элементов на территорию тайги происходила в ходе крупнейших этнополитических событий Центральной Азии [Савинов, 2013]. Неизвестно, было ли распространение «хуннских» компонентов культуры в таежной среде одномоментным или этот процесс был растянут по времени и происходил различными путями, но появление тонковаликовой керамики в южной тайге Среднего Енисея наглядно демонстрирует начало этого процесса.

Необходимо заметить, что представленный прием орнаментации керамики тонкими валиками сохранится на территории южнотаежной зоны Средней Сибири на протяжении последующего времени. Он найдет продолжение в приеме орнаментации посуды обмазочными налепными валиками, которые станут повсеместно распространенными с тюркского времени.

3.5. Памятники с керамикой, украшенной полулунно-зубчатыми штампами

Изученных памятников начала I тысячелетия н. э. на территории южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары немного. Это связано с крайне малым числом открытых археологических комплексов этого времени и замедленным введением в научный оборот материалов ранее изученных памятников. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют выделить для этого времени на территории южной тайги Среднего Енисея два культурно-исторических комплекса, отличающиеся между собой разными типами керамики.

В начале I тысячелетия н. э. в районе продолжала существовать нижнепорожинская культура, нам известны комплексы заключительного этапа ее развития. Облик культуры этого времени существенно изменился, особенно под влиянием таштыкских племен, что отразилось на появлении

плоскодонных сосудов баночной формы, мисок, кубков и сосудов с сегментовидными ручками.

С III в. н. э. на смену нижнепорожинским комплексам, скорее всего, в их среду начинают проникать другие позднеаташтыкские элементы. Это отразилось в появлении объектов, в материалах которых отмечается керамика, украшенная полулунно-зубчатыми штампами. Она поступала с группами населения из южных, лесостепных территорий. В районе настоящего исследования раскопки проводились только на двух памятниках, где была отмечена такая керамика. Они расположены в южной части таежной зоны, в пограничье с лесостепью.

На поселении Зимовейное, керамика с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом (см. рис. 105, 10–15) была отмечена Н. П. Макаровым в первом культурном слое вместе с керамикой каменско-маковского типа. В данном случае можно считать, что культурный слой памятника смешанный, и материалы разных этапов раннего железного века не разделяются здесь стратиграфически. Обнаруженные в слое бронзовая подвеска (см. рис. 105, 5) и железная пластина (см. рис. 105, 6) могут входить в любой из отмеченных комплексов. Исключительную ценность представляет найденная каменная зернотерка (см. рис. 105, 9), которая была отмечена среди фрагментов керамики с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом. Напомним, что в слое были найдены фрагменты от 12 сосудов, из них только половина украшены оттисками полулунно-зубчатого штампа.

Фрагменты демонстрируют закрытую форму сосудов, очевидно, банок, вылепленных из формовочной массы с примесью дресвы и жидкой органики. Обрез края прямой или заovalенный, имеет каплевидную форму сечения, утолщаясь с внутренней стороны. Орнамент нанесен только под венчиком. Он состоит из зубчатых, гребенчатых оттисков, строящихся непрерывным поясом из полулунных по форме элементов. Отпечатки штампов создают мотив «смежных арок». Чаще фиксируется один ряд арок, в двух случаях – их два. В четырех случаях над углами основания зубчатых арок нанесены

ямки. В одном случае орнамент строится из пояса гладких полулунных арок, он дополнен поясом «жемчужин». К этому же хронологическому комплексу относятся фрагменты венчиков с поясом «жемчужин» и рядами округлых ногтевых наколов, а также рассеченным валиком и рядами отступающих оттисков (см. рис. 105, 16, 17).

Аналогичная керамика с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом была встречена на поселении Бобровка, которое находится в 10 км севернее поселения Зимовейного. Здесь эта керамика залегала в уровне А четвертого культурного слоя, который был приурочен к кровле почвы бурой, темно-коричневой супеси [Археология..., 2003, с. 119].

В слое зафиксированы черепки от четырех сосудов, три на площади раскопа 1 и один на раскопе 2. Часть фрагментов склеивается между собой. Восстанавливаются емкости закрытой баночной формы. Три сосуда украшены полулунно-зубчатым штампованным орнаментом. Один из них с диаметром горла 32–34 см. Венчик его каплевидный в сечении с толщиной 1 см. Орнамент состоит из двух рядов полулунных зубчатых штампованных оттисков дополненных ямками. Сосуд формовался ручным способом из глины с примесью дресвы и шамота. Черепки красного цвета с темными пятнистыми разводами (рис. 133, 3). Два других сосуда схожи с вышеописанным, орнамент на них также состоит из полулунно-зубчатых штампованных оттисков, строящихся «арками» только в один ряд. Места стыка «арок» снизу и сверху дополнены тоненькими ямками (см. рис. 133, 1, 2).

В этом же слое на площади раскопа 1 найдены восемнадцать черепков от сосуда баночной формы, имеющего совершенно иную орнаментацию. Эта банка изготовлена из такой же формовочной массы, с примесью дресвы и шамота, как сосуды с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом. Фрагменты склеиваются между собой и демонстрируют часть толстостенной банки (см. рис. 133, 4). Диаметр устья – 38 см, реставрированная высота блока – 28 см. Толщина стенок у края 1,5 см, тулова – 0,8 см. Венчик

прямоугольный в сечении, под ним в 1,5–2 см проходит невысокий гладкий валик. Валик сформован способом вытягивания из стенки. Остальная поверхность сосуда гладкая. С внутренней стороны местами сохранился нагара. Сосуд красно-коричневого цвета. В придонной части на стенке отмечаются цветные разводы, указывающие на периодический нагрев емкости на горящих углях.

Сосуды баночной формы с гладким, вытянутым из стенки, валиком под прямым обрезом края характерны для памятников красноярского варианта тагарской культуры. В лесостепном Красноярском районе она отмечена на поселении Ладейское–2 [Мандрыка, 1998в], в кургане у Военного городка [ККМ, кол. 180 – 1], на стоянке Караульного Лога [Карцов, 1929, с. 45]. М. А. Дэвлет, рассматривая керамику из позднеатагарских курганов под г. Красноярском, датирует ее концом I тыс. до н. э. [1964, с. 210]. Заглаженные налепные жгутиковые валики отмечаются и на глиняных котлах с переходного предташтыцкого этапа тагарской культуры Минусинской котловины [Кызласов, 1960, с. 57]. Встречаются они и на посуде из таштыцких грунтовых могильников и склепов [Вадецкая, 1999, рис. 23, 55], отнесенных к первым векам нашей эры.

Близкую датировку имеют сосуды с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом, которые находят ближайšie аналогии в материалах ряда поселенческих и погребальных комплексов раннеташтыцкого времени приенисейских степей [Сунчугашев, 1979, с. 60, табл. IV, 1, 2; V, 4, 5; Вадецкая, 1999, табл. 24, 3; 40, 1, 2 и др.; Леонтьев С. Н., 2008, с. 134; Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2009, с. 62]. Встречается такой орнамент и на позднеаташтыцкой посуде [Кызласов, 1960, рис. 14, 3, 5; 19, 1, 6; Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 29, 2; 30, 7; 36, 43–46]. Надо заметить, что впервые культурную идентификацию памятников Тувы, содержащих в качестве погребального инвентаря керамику, украшенную полулунно-зубчатым штампованным орнаментом, вместе с пряжками из бронзы и наконечниками стрел из железа предложил С. А. Теплоухов.

Он датировал ее III–IV вв. н. э. [Археологическая Тувинская ..., 1930, с. 16], что подтверждается сегодня новыми данными. Есть основания считать, что появление керамики с таштыкской (арочной) орнаментацией в Чулымо-Енисейской котловине – результат процесса инфильтрации населения через Верхнее Приобье и Притомье из более западных регионов [Ширин, 1999, с. 28; Ширин, 2003, с. 141–142; Ширин, 2005].

Приведенные аналогии позволяют определить для южнотаежной зоны долины Среднего Енисея датировку памятников с керамикой, украшенной полулунно-зубчатым штампованным орнаментом, не ранее III в. н. э. Такая датировка основана на стратиграфических наблюдениях на многослойном поселении Бобровка. Представленный культурный слой 4А залегал выше слоя 4Б, который относится к нижнепорожинской культуре и ниже третьего слоя, где залегала керамика айканского типа. Третий слой и слой 4А отделяются друг от друга стерильной прослойкой.

Имеющаяся радиоуглеродная дата, полученная по углю из слоя 4А поселения Бобровка – 1870 ± 20 л. н. (СОАН–4096) не корректна. Она указывает, что истинный календарный возраст образца лежит в интервале между 84 и 212 гг. н. э. по 1-й сигме или между 81 и 218 гг. н. э. по 2-й сигме. Приведенные даты расходятся с хронологией развития таштыкских комплексов в Южной Сибири.

Таким образом, керамика с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом появилась в районе исследования из южных и юго-западных районов долины Енисея и Чулыма. Ее распространение на север свидетельствует о том, что в среду таежного населения периодически проникали группы населения таштыкского круга, которые приносили сюда элементы своей культуры, и очевидно, сохраняли ее в окружении местного лесного населения. Имеющиеся малочисленные источники не позволяют сегодня говорить, кем были эти пришельцы, но они, несомненно, оставили свой след в культурогенезе современных этносов Приенисейского Севера.

3.6. Комплексы с керамикой айканского типа

К середине I тысячелетия н.э. в южнотаежном районе Среднего Енисея и низовьев Ангары относятся памятники с керамикой айканского типа, впервые выделенные на Айканском селище близ д. Шивера Емельяновского района Красноярского края [Мандрыка, 1997].

Селище расположено на 8–16 метровом правобережном приустьевом мысу р. Айканка (Иканушка), впадающей в Енисей с левого берега в 75 км ниже г. Красноярска (рис. 134). Памятник открыт Н. В. Нащокиным в 1964 г., тогда же на нем были проведены первые рекогносцировочные исследования, заложены три археологических шурфа [Нащокин, 1964, с. 5–6]. В 1989 г. автором раскопом 2 площадью 22 кв. м было изучено единственное, визуально читаемое углубленное жилище, устроенное на крутом склоне террасы со стороны русла р. Айканки.

Жилище № 1 имело углубленный котлован подпрямоугольной формы размерами 3,76×2,20 м (площадью 8 кв. м), врезанный в северный склон террасы. Глубина врезанной стенки котлована составляла 70–76 см. Северо-восточной частью дно котлована плавно переходило в уровень дневной поверхности склона. Углы котлована были прямыми, ориентированными по сторонам света (см. рис. 134).

При зачистке пола жилища были отмечены три столбовые ямы. Две располагались в южном и восточном углах котлована. Они были оставлены деревянными жердями диаметром до 8 см, концы которых заострены. Столбы не вкапывались, а вбивались в землю вертикально. Ими, по-видимому, укреплялась деревянная конструкция, предотвращающая осыпание высокой земляной юго-западной стенки котлована. Третья яма зафиксирована в центре жилища, возле очага. В нее на глубину 12 см вкапывалось бревно диаметром до 8 см с ровным концом.

Вдоль северной и западной стенок котлована прослежены обгоревшие фрагменты дерева и коры. Возможно, они относятся к остаткам основания конической крыши, которая опиралась на края котлована. Для перекрытия

использовались плахи шириной 9–12 см и толщиной 4–6 см, жерди диаметром до 6 см, горбыль сечением 10×2 см, ветки диаметром 1,5–2 см, сосновая кора.

В центре жилища на полу размещался очаг размерами 88×100 см. Он открытого типа, устраивался в неглубокой яме глубиной до 13 см без какой-либо обкладки. С конструкцией очага, видимо, связана и ране представленная столбовая яма.

Вход в жилище находился с восточной стороны котлована, со склона террасы. Он имел вид узкого короткого коридора с сильно покатым к выходу полом. Пол в жилище прослеживался в виде плотной темной прослойки земли мощностью 3–6 см.

Исследованное жилище имело каркасно-столбовую конструкцию и относится к углубленному типу. Оно было однокамерным и имело земляной ровный пол, на котором зафиксированы фрагменты керамики, галечное грузило для сети, изделие из кости и два куса железного шлака. Находки концентрировались в основном в очаге и вокруг него.

Грузило изготовлено на уплощенной гальке. Две короткие противоположные грани оформлены сколами (рис. 135, 8). Внешним видом не отличается от аналогичных образцов, распространенных в районе исследования с бронзового века.

Костяное изделие неизвестного назначения представлено трехгранным стерженьком. На конце стержня прослеживаются следы шлифовки. Размеры предмета 5,1×1,0 см.

Куски железных шлаков средних размеров: до 3,6×3,8 см. На них отмечаются впаявшиеся в металл частички глины. Присутствие шлака должно предполагать наличие железоплавильного горна, который удобнее всего было устроить на гребне мысовидной террасы.

Керамическая коллекция состоит из 270 фрагментов от 14 сосудов. Из них 10 – блоки верхних частей форм. Целых нет. С учетом технологии

изготовления, сечения венчика и орнамента в коллекции преобладает один тип керамики, получивший название «айканский».

Он объединяет сосуды (см. рис. 135, 1–4, 6, 9–11), которые лепились из запесоченной глины. Конструирование формы производилось лоскутным налепом. По характеру оттисков на внутренней поверхности стенок можно предположить, что форма сосуда выравнивалась либо руками, либо с использованием инструмента с гладкой поверхностью. В пользу последнего говорят тонкость и плотность стенок. Следы заглаживания отмечаются только с внутренней стороны горловины и связаны, видимо, с оформлением края. Стенки всех сосудов этого типа с наружной стороны покрыты тонким слоем жидкой глины – обмазки, которая размазывалась по стенке пальцами или гладкой палочкой, от чего образовывались тонкие треугольные в сечении валики. Такой характер нанесения обмазки, с одной стороны, позволял прочнее прикреплять ее к стенке сосуда, с другой – выступать как орнамент. Посуда обжигалась на костре в высокотемпературном режиме.

Экспериментальные работы автора в лабораторных условиях позволили восстановить два возможных способа нанесения обмазки на стенки сосудов. Первый способ – когда сосуд целиком погружается в жидкий раствор глины (консистенция жидкой сметаны), и затем после легкого высыхания он пальцами рук или торцом палочки размазывался по стенкам. Этот способ наиболее эффективен при нанесении обмазки на высушенное изделие. Второй способ отличается от первого тем, что на стенку сосуда слой обмазки наносился руками, смоченными в глиняном растворе. В этом случае стенки сосуда должны быть влажными, иначе слой обмазки прикреплялся к поверхности сосуда слабо и при обжиге отслаивался. Следует учесть, что такой способ требовал от гончара высокого мастерства, так как рука часто смачивается раствором и наложенный слой может быть неравномерным. При изготовлении серии экспериментальных образцов выяснилось, что более качественно слой обмазки накладывается при первом способе. Он же наиболее производителен.

По форме и назначению сосудов выделяются: горшки с прямой шейкой (см. рис. 135, 3, 4, 6, 10); дымокур с вогнутой шейкой и «языковидным» налепным ушком под венчиком (см. рис. 135, 2); чаша открытой формы (см. рис. 135, 11). Горло всех сосудов оформлено карнизиком с наружной стороны.

В орнаментации посуды прослеживается устойчивость композиции. Ребро карнизика либо оформлено пальцевыми защипами, либо оставлено гладким. Шейка украшена горизонтальными или вертикальными линиями пальцевых защипов. Линия перехода шейки в тулово подчеркивается горизонтальным рядом аналогичных защипов. Тонкие треугольные в сечении наклонные валики по обмазке тулова строятся в мотив горизонтальной или вертикальной «елочки». На отдельных сосудах встречаются дополнительные элементы: ямочки или рассеченные жгутиковые валики. На прямом срезе края одного сосуда сохранились три ямки диаметром до 0,2 см, расположенных треугольником (фестоном) (см. рис. 135, 6). Возможно, на него штырьками крепилась какая-то металлическая фигурка.

Среди керамики айканского типа отмечен сосуд (см. рис. 135, 5), который формовался способом лоскутного налета из формовочной массы, состоящей из глины с примесью дресвы. С внутренней и внешней стороны стенки заглаживались щепкой или пучком жесткой травы. Обжиг сосуда костровой, высокотемпературный. Он горшковидный по форме с прямой шейкой и раздутым туловом. Обрез края прямой, венчик в сечении утолщенный. Орнамент нанесен по шейке и состоит из трех горизонтальных рядов накольчатых отпечатков одного пальца. Учитывая большой объем сосуда (диаметр по венчику 32 см) и отсутствие следов нагара на внутренней поверхности стенок, данный горшок использовался, видимо, как тарный, для хранения продуктов.

Кроме жилищного комплекса керамика айканского типа найдена в стратиграфических условиях на многослойном поселении Бобровка. Здесь она залегала в третьем культурном слое, который представлен темно-

бурой супесчаной почвой. Вместе с керамикой найдены железный нож, грузило для рыболовной сети и железные шлаки.

Железный нож черешкового типа с петельчатым навершием в виде кольца (рис. 136, 8). Прямое лезвие имеет двустороннюю заточку и отделяется от рукояти выступом. Окончание рукояти оформлено замкнутой петлей, а черешок имеет прямоугольное сечение. Данный нож отличается от подобных изделий тесинского времени прямой спинкой, ярко выраженным лезвийным уступом и узким насадом, который оканчивается петлей в виде широкого кольца.

Грузило из овального галечника с выемками-перехватами на узких краях камня (см. рис. 136, 10) аналогично такому же изделию из Айканского жилища.

Предметный комплекс сопровождается двумя кусками железного шлака. На них отмечается прикипевшая глина, скорее всего, от стенки камеры горна.

Керамика слоя представлена 164 фрагментами от семи сосудов (см. рис. 136, 1–7, 9). Посуда формовалась из глины с примесью мелких частиц дресвы. Обжиг высокотемпературный, равномерный. Цвет черепков коричневый и темно-серый без цветных разводов.

Из всей коллекции гипотетически восстанавливается один сосуд. Остальные представлены фрагментами. Все сосуды закрытой формы. Горло оформлено карнизиком или высоким налепным валиком, нависающим над стенкой. По профилю и обрезу края отмечаются: четыре сосуда с профилированной шейкой и прямым обрезом края; сосуд с прямой шейкой и прямым обрезом края; сосуд с прямой шейкой и скошенным вовнутрь обрезом края и сосуд с профилированной шейкой и утолщенным широкой налепной лентой краем.

Сосуды украшались от венчика до придонной части. При этом венчик и шейка подчеркивались орнаментом, который наносился пальцами. По шейке накладывались налепные гладкие и рассеченные пальцевыми защипами валики, здесь же наносились пальцевых защипы и ногтевые наколы.

Они строятся в горизонтальный или вертикальный мотивы. По тулову сосуды украшались обмазочными гладкими валиками, строящимися в наклонный мотив.

Из представленного типа керамики на памятнике выделяется сосуд, горловина которого утолщена широкой налепной лентой, а по ее плоскости гребенкой из крупных зубцов нанесены наклонные линии (см. рис. 136, 4). Нижнее ребро ленты и шейка сосуда украшены пальцевыми защипами. Тулово покрыто обмазочными «чешуйчатыми» валиками, наклепанными параллельными рядами.

Кроме представленных комплексов керамика айканского типа отдельными фрагментами найдена в первом слое стоянки Усть-Шилка I (раскопки Н. П. Макарова) и в первом компрессионном слое поселения Нижнепорожинское I.

Для определения относительной датировки комплексов с керамикой айканского типа немаловажное значение имеют некоторые стратиграфические наблюдения. Так, заполнение котлована жилища на поселении Айканка перекрывалось слоем темно-серой супеси, к которой были приурочены фрагменты плоского дна гончарной керамики и профилированного горла. Если фрагмент плоского дна относится к русскому времени (в 50 метрах юго-восточнее жилища автором в 1991–1992 гг. была изучена землянка XVII в.), то фрагмент венчика датируется ранним Средневековьем. Этот фрагмент имел отогнутый наружу, рассеченный пальцевыми защипами, край. С внешнего борта он украшался вертикальными рядами неглубоких вдавлений пальца, которые дополнены поясом округлых ямок. Такая керамика характерна для ладейской культуры красноярской лесостепи, хронологические рамки которой определяются VII–XII вв. [Карцов, 1929, с. 46–52; 1933, с. 5]. Исходя из этого можно говорить о том, что жилище на Айканском селище сооружалось не позднее указанного времени. В достаточно четких стратиграфических условиях керамика айканского типа залегала на многослойном поселении Бобровка. Как мы уже

отмечали, она была приурочена к третьему культурному слою, который размещался выше слоя 4А с керамикой таштыкского облика (с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом) и ниже второго слоя, с керамикой, датированной ранним Средневековьем. Важно отметить, что третий слой отделяется от выше- и нижележащих стерильными прослойками. Приведенные наблюдения указывают на то, что айканские комплексы моложе таштыкских и древнее ладейских, т. е. могут датироваться в пределах IV–VI вв. н. э.

Для установления абсолютного возраста айканских материалов немаловажное значение имеют радиоуглеродные даты, полученные из закрытого комплекса и многослойного памятника. По древесному углю из очага жилища Айканского селища получена радиоуглеродная дата 1880 ± 25 л. н. (СОАН–2933). Она указывает, что истинный календарный возраст дерева, сожженного в очаге жилища, лежит в интервале между 79 и 208 гг. н.э. по 1-й сигме или между 73 и 220 гг. н.э. по 2-й сигме. Отсюда, возраст жилища должен быть несколько моложе указанного календарного интервала. Радиоуглеродная дата 1955 ± 30 л. н. (СОАН–3663), полученная по образцу угля из третьего культурного слоя поселения Бобровка, является существенно заниженной, так как дата нижележащего слоя 4А того же поселения определена III в. н. э. Учитывая эти данные, наиболее приемлемой следует считать датировку айканских комплексов на поселении Бобровка не древнее IV в. н. э.

Не противоречит предложенной дате и находение на поселении Бобровка железного ножа черешкового типа с петельчатым навершием (см. рис. 136, 8). Петельчатое окончание на рукоятках ножей в районе исследования появляется с тесинского времени, но оформление ручки в виде тонкого черешка связано с более поздним периодом. Петлеобразное навершие рукояти на железных ножах в среде таежного населения Среднего Енисея и Северного Приангарья получило широкое распространение на всем протяжении средних веков и сохранилось до этнографической

современности [Асеев, 1980, с. 99; Гладилин, 1985, с. 178, рис. 4, 1, 2; Леонтьев, 1999; Привалихин, Фокин, 2009; Сенотрусова, Мандрыка, 2012]. Примером последнему может выступить нож из старой шаманской эвенкийской могилы, обнаруженный на р.Чуня [ККМ, кол. 1535 – 16]. Но в любом случае по сравнению со степными и лесостепными районами ножи с навершием в форме петли значительно дольше по времени используются в таежных районах Восточной Сибири, что указывает не только на консерватизм использования этого орудия в тайге, но и на его универсальность в применении.

Предложенная в рамках IV–VI вв. н. э. датировка айканских комплексов сопоставляется с датами, указывающими на распространение керамики с обмазочно-валиковым декором из Забайкалья в северо-западном направлении – от Иволгинского городища [Давыдова. 1995] до Сургутского Приобья [Чемякин, 2008, с. 223]. В начале н. э. такая посуда отмечена в Приказырье – таежном районе на восточной окраине Минусинской котловины [Леонтьев Н. В., 2005; Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н., 2009.]. Несколько позднее, во второй половине I тыс. н. э., керамика с остросереберными обмазочными валиками появляется и распространяется в бассейне р. Томи и в Горной Шории [Ширин, 2004, с. 182]. В это же время она широко отмечается и в Северном Приангарье [Леонтьев В. П., Дроздов, 1996б; Мандрыка, Сенотрусова, 2008]. На рубеже I и II тысячелетий н. э. керамика с тонкими остросереберными валиками появляется и на территории Таймырского Заполярья [Хлобыстин, 1998, с. 127–128, рис. 136, 137]. Самые поздние даты присутствия подобной керамики отмечены на территории Ханты-Мансийского автономного округа, в долине р. Вах на Большеларьякском городище, которое автор раскопок датирует XVI в. [Посредников, 1981, с. 302]. Таким образом, мы видим разновременное появление этой керамической традиции в разных районах Сибири, но с постепенным, а может, и периодичным перемещением ее носителей с южных

районов Восточного Саяна в северные и северо-западные районы Средней Сибири и Севера.

Но можно ли считать комплексы, включающие обмазочные наlepные валики, индикатором продвижения или перемещения населения одной этнической группы или этот прием орнаментации был «модным» в среде полиэтничного населения? Ответ мы находим при рассмотрении всего комплекса материалов каждого памятника, где присутствует такая керамика. На большинстве памятников Сибири керамика, украшенная обмазочными остроредерными валиками в зоне тулова, четко выделяется от остальной посуды, при этом валики практически не сочетаются с другими элементами орнамента. Стоит отметить, что в комплексах нет и промежуточных типов керамики, где на одной форме сосуда валики сочетались бы с другой (инокультурной) орнаментацией. Присутствие такой керамики на памятниках, авторы раскопок часто объясняют «смешением» разнокультурных материалов или нарушением стратиграфии культурных отложений, т. е. считают ее инокультурной по отношению к другим материалам комплекса. Мнение исследователей о выделении керамики, украшенной тонкими обмазочными остроредерными наlepными валиками в особый тип, единодушно и правомерно. Скорее всего, эта керамическая традиция характеризует один этнический пласт населения, которое появлялось в разное время в разных районах Сибири. Не было исключением в этом процессе и южнотаежный район Среднего Енисея, на что указывают комплексы с керамикой айканского типа.

Керамика айканского типа входит в ту категорию материала, которую исследователи Сибири называют валиковой (желобчато-валиковой) керамикой. Но, как мы уже отмечали выше, валиковая керамика разнообразна, отличается способом создания валиков, мотивом их размещения, способом формовки сосудов и даже составом формовочных масс. Поэтому совершенно правомерно керамику айканского типа рассматривать в контексте распространения всей валиковой керамики

Сибири, тем более что ее датировка, как мы уже отметили, различна, с чем соглашаются другие исследователи [Фокин, 2008, с. 213].

Для определения культурной принадлежности айканских комплексов обратимся опять к керамике, так как она достаточно четко распознается из всего массива материалов сопредельных территорий. Для сопоставления важными признаками должны быть форма сосуда, сечение горловины и ее орнаментации (элемент, способ нанесения и мотив), а не наличие обмазочных валиков на тулове.

С учетом устойчиво повторяющихся признаков керамическая посуда айканских комплексов разделяется на два варианта. Для сосудов первого варианта характерно оформление горловины карнизиком или высоким налепным валиком и орнаментация шейки и плечика налепными валиками, пальцевыми защипами или ногтевыми наколами. Тулово сосудов этого варианта украшалось гладкими обмазочными валиками. Второй вариант этого типа керамики характеризуется утолщенной широкой налепной лентой, горловиной. По плоскости ленты нанесены оттиски крупнозубчатой гребенки, а нижнее ее ребро рассечено пальцевыми защипами. Плечики горшка украшены горизонтальными рядами пальцевых защипов, а тулово – «чешуйчатыми» обмазочными валиками.

Керамика первого варианта известна очень широко по всей территории Сибири. В Приангарье некоторые авторы раскопок относили ее к железному веку [Василевский, Бурилов, 1971, с. 232–234 и др.]. Другие на основании типологического анализа посуды из смешанных культурных слоев поселений связывали ее с комплексами V–X вв. н. э. [Леонтьев В. П., 1999]. Работа по культурной идентификации этих материалов только начата. Сейчас в Северном Приангарье для конца I тыс. н. э. выделен усть-ковинский тип керамики [Поселение..., 2012], являющийся производным от айканского типа.

В красноярском лесостепном районе керамика, аналогичная первому варианту айканской, с выраженной шейкой, украшенной ногтевыми наколами, карнизиком по венчику и валиками, строящимися в мотив

«елочка», была найдена при сборах на стоянках Ладейская, Базаиха, Перевозинская, Усть-Собакинская, Атамановская и других. Отмечена она и в спелеоархеологических памятниках: гротах на перевале Тёщиного Языка, Дружба, у ключа Роева и других [Мандрыка, 1997, с. 214]. К сожалению, материалы из этих местонахождений поступили от случайных собирателей и не документированы. Фрагменты керамики, близкие айканскому типу, были найдены во втором культурном слое пещеры Еленева, для которого имеется радиоуглеродная дата 1400 ± 50 (СОАН–2939) [Пещера..., 1992, с. 120; Макаров, 2012, с. 27]. Опубликованная часть этих материалов также не получила культурной интерпретации [Фокин, 2008, с. 212, рис. 1, 1].

В Канском лесостепном районе подобная керамика фиксируется, например, на памятниках Попиха (в 1 к. с.) [Дзюбас, 1988], Усть-Немкино–1 (во 2 к. с.), Осинный (в 1 к. с.), Немкино–1 (во 2 к. с.) [Абдулов, 1987] и других. Авторы раскопок датируют ее железным веком, но культурную принадлежность не обозначают.

Без культурной идентификации остаются комплексы с керамикой, идентичной первому варианту айканского типа, изученные экспедицией Минусинского музея в пределах таежной части бассейна р. Казыра в 2002 г. Из изученных памятников интересна Жаровская министоянка (название автора раскопок Н. В. Леонтьева), где валиковая керамика залегала в слоях с посудой тесинско-раннеташтыкского и позднеташтыкского времени. Обмазочные валики, строящиеся в вертикальную или горизонтальную «елочку», формовались здесь «инструментом типа зубчатой лопатки». Н. В. Леонтьев называет этот орнамент обмазочно-валиковым декором. Вместе с ним на стоянке присутствует посуда, которая украшалась чешуйчато-ленточным декором, т. е. украшалась валиками, имеющими чешуйчато-ленточный вид. По форме сосуда и орнаментации шейки оттисками зубчатой гребенки она схожа с керамикой второго варианта айканского типа. Н. В. Леонтьев объединяет эти типы керамики в один «лесной» комплекс конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. и

считает, что они принадлежат одной керамической традиции. Свой вывод автор подтверждает сосудом, найденным им в 1999 г. при шурфовке стоянки Верхняя Мульга. Шейка сосуда здесь украшалась наклонными оттисками зубчатого штампа, а тулово покрыто гладкими обмазочными валиками, строящимися в мотив «елочка».

Сосуды горшковидной формы с прямой шейкой, декорированные по раздутому тулову обмазочными налипными валиками (иногда они заменяются желобками), также широко известны на памятниках бассейна Оби. Здесь такая керамика найдена на многих памятниках, и время ее бытования определяется, как правило, с IV–V вв. н. э. до IX–X вв. н. э. [Плетнева, 1978; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 90, 1, 4–8; 93, 3; 102, 1, 2; 103, 5; Чиндина, 1991, рис. 18; Чиндина, 1977, рис. 38; Окунева, 1997, с. 36–64, рис. 4, 5 и др.].

Подобная керамика известна среди древностей карымского типа в Сургутском Приобье, например, на городище Сартым-Урий 18, которое датируется II–IV вв. н. э. [Чемякин, 2008, с. 223]. Но здесь орнамент состоит из горизонтальных и вертикальных валиков, что отличает ее от айканской керамики.

В Притомье и на Средней Оби внешне схожую с первым вариантом айканской посуды керамику также называют валиковой. По материалам могильника Рёлка она выделена Л. А. Чиндиной в особый III тип орнаментации и датируется VIII в. [Чиндина, 1977, рис. 38; Могильников, 1987, с. 228]. По мнению О. Б. Беликовой и Л. М. Плетневой, такая посуда появляется в Томском Приобье с IV–V вв. н. э. и существует до IX–X вв., причем основная ее часть приходится на середину этого периода – Кисловка–II, Тимирязевский курганный могильник–1, Басандайка–IV [Беликова, Плетнева, 1983, с. 100]. Сопоставление же материалов показывает, что валиковая керамика из обского бассейна не идентична енисейской, отличается она не только композиционным построением орнамента, но и составом формовочной массы.

С айканской керамикой первого варианта имеет отдаленное сходство посуда третьего типа лачиновской культуры, выделенной по материалам поселений Лачиново–1, Сосновка–3, 4, Курья–2, 7 [Окунева, 1987; 1997, с. 46, рис. 4, 5] и датируемой второй половиной I тыс. н. э. – началом II тыс. н. э. [Бобров, Новгородченкова, 1987, с. 158]. В ареал культуры были включены Притомье и часть средней Оби [Окунева, 1997, с. 64, рис. 8]. Керамика сопоставляется круглодонной формой сосудов, у которых шейка выражена фигурным профилем и орнаментом. В украшении лачиновской посуды так же, как и айканской, использовались наклепные валики и ряды насечек. Но эти элементы орнамента на сравниваемых типах керамики имеют лишь внешнее сходство, способ нанесения и композиционное его построение различны. На айканской посуде все элементы орнамента (валики, начески, защипы) наносились только руками мастера, орнамент же на лачиновской посуде наносился орнаментирами. Валики здесь наклепные, острорезные (шириной 0,2–0,3 см), гладкие или рассеченные гребенкой. Имеющиеся по краю сосуда насечки также наносились гладкой кромкой какого-то инструмента. На лачиновской посуде орнамент обязательно дополнялся поясом ямок, который на айканской керамике отмечен только однажды (см. рис. 135, 4).

Приведенное сопоставление показывает, что посуда первого варианта айканского типа сопоставляется с лачиновской и другой западносибирской валиковой посудой лишь по композиции орнамента, что можно объяснить различной их датировкой в рамках изменения одной культурной традиции. Наибольшее же сходство айканская керамика находит в «лесном» варианте валиковой посуды бассейна Казыра на юго-востоке Минусинской котловины.

Культурная принадлежность керамики второго варианта айканского типа также осложнена тем, что на сопредельных территориях она встречается в комплексах разного времени. Как мы уже отмечали, в долине Казыра она присутствовала вместе с керамикой первого варианта и относится к «лесной»

валиковой посуде, бытовавшей с конца I тыс. до н.э. до VII–VIII вв. н. э. (мнение Н. В. Леонтьева).

Более поздним временем датируются памятники Приобья, где найдены круглодонные горшки, шейка которых украшена наклонными оттисками крупнозубой гребенки, а тулово своеобразными «чешуйчатыми» валиками. Появление такой керамики в Притомье и в Кузнецкой котловине [Ширин, 1997б; Васютин, Ширин, 2002] исследователи связывают со сменой культурной ситуации, с появлением в кимако-кыпчатской среде племен, имеющих иное происхождение, возможно из района Красноярска [Ширин, 2004, с. 184].

Культурная привязка аналогичной керамики на Среднем Чулыме (вариант 2 тип 2 по О. Б. Беликовой), где она была найдена на древней поверхности под насыпями курганов 55 и 56 Змеинкинского могильника, время сооружения которых определены серединой XI – XII вв. н. э., также осталась под вопросом [Беликова, 1996, с. 30, рис. 34, б; 40, б]. Стоит отметить, что и для Среднего Чулыма рассматриваемый тип керамики необычен, но он входит в комплекс локального среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов [Беликова, 1996, с. 132, 135]. Ее появление на Чулыме исследовательница объясняет общей культурной основой Среднего Причулымья и Енисея.

В красноярском районе наибольшую близость по орнаменту второй вариант айканской керамики находит с единичными находками на стоянках близ устья р. Маны и Монастырской [ККМ, кол. 45; 110]. Надо заметить, что В. Г. Карцов включал эти сосуды в материалы ладейской культуры VI–XIII вв. н. э., определяя ее как культуру северных притаежных коневодов [1929, табл. VI, 14, 20, с. 47, 52; 1932, с. 48].

Таким образом, вопрос о культурной принадлежности и второго варианта айканской керамики остается нерешенным. Однако отмечаемые аналогии показывают не просто типологическую близость сосудов, а до мелочей повторяющиеся элементы, мотивы, композиции и техники

нанесения орнамента. Это позволяет говорить о культурном единстве той части населения, присутствие которого отражено на разных памятниках Сибири в пределах Красноярского района, Причулымья, Притомья и Кузнецкой котловины, т. е. в лесостепных и подтаежных районах Южной и Средней Сибири.

Неоднозначно решается вопрос и об этнической принадлежности носителей валиковой керамики. Здесь мнения исследователей различны, при этом они мало обоснованы, так как авторы оперируют находками из поселений, которые не сопровождаются антропологическими материалами.

С самодийской группой связывается валиковая керамика с территории Ханты-Мансийского автономного округа (Большеларьякское городище на р. Вах), где она датируется XVI в. [Посредников, 1981, с. 306]. Такую же этническую интерпретацию предлагают для раннесредневековых памятников с валиковой керамикой Кузнецкой котловины А. М. Илюшин и А. А. Казаков [Илюшин, 1997; 1999б; Казаков, 1998].

Распространение валиковой керамики в рёлкинской культуре Л. А. Чиндина связывает с проникновением с VII в. на территорию Западной Сибири этнических групп тунгусо-манчжурской языковой принадлежности [Чиндина, 1991, с. 130]. С расселением древних тунгусоязычных коллективов и с распространением их культурного влияния Л. П. Хлобыстин связывает появление керамики с тонкими налепными валиками на севере Восточной Сибири [Хлобыстин, 1998, с. 135].

По мнению В. П. Леонтьева, изучавшего материалы Северного Приангарья, носители валиковой керамики относились к кетоязычной группе населения [1999, с. 21]. С расселением кетоязычных этнических групп связывают распространение валиковых поселенческих комплексов в Кузнецкой котловине Ю. В. Ширин [2004, с. 187], а на юго-востоке Минусинской котловины в долине р. Казыра – Н. В. Леонтьев.

На наш взгляд, только открытие и изучение погребальных антропологически определимых комплексов с валиковой керамикой позволит

решить обозначенную проблему. Происхождение керамики айканского типа также требует детального рассмотрения.

Появление валиковой орнаментации, близкой айканской, в обском бассейне западносибирские исследователи единодушно связывают с мигрантами из таежных районов Восточной Сибири [Чиндина, 1977, с. 130; Беликова, Плетнева, 1983, с. 123; Окунева, 1997, с. 48] или красноярской лесостепи [Беликова, 1996, с. 132; Ширин, 2003, с. 244]. При этом было замечено, что западнее Кузнецкой котловины памятники с «обмазочными» валиками неизвестны [Ширин, 2003, с. 245]. Открытия последних лет показали, что керамика с тонкими обмазочными валиками имеет широкое распространение и везде отмечается ее внезапное появление.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что керамика айканского типа (с обмазочными валиками) имеет таежное происхождение. Ее генезис начинается с распространения оригинального способа орнаментации – построения тонких жгутиковых валиков пальцевыми защипами. Самые ранние случаи такого приема нанесения орнамента мы отмечали для усть-мильской культуры бронзового века Якутии. На территории южнотаежной зоны Среднего Енисея он появляется с тесинского времени, что нашло отражение в некоторых упоминавшихся ранее памятниках с керамикой, украшенной тонкими налепными валиками. Из этой традиции мог возникнуть не только прием нанесения обмазочных налепных валиков, но и композиционное построение орнамента, которые мы отмечали для первого варианта керамики айканского типа. Из вогнутой шейки сосудов тесинского времени с отогнутым наружу краем мог возникнуть и такой элемент, как «карнизик» по краю сосуда. Он формировался высоким узким налепом по краю (или под краем) и служил не только деталью орнамента, но и имел функциональное назначение. Как и широкая налепная лента по горлу сосуда, карнизик мог служить упором, предотвращающим соскальзывание веревочной обмотки для переноски сосуда. Как известно, такие приспособления в районе исследования

появились для посуды бронзового века и сохранялись на всем протяжении раннего железного века. Хорошее качество формовочной массы, включающего дресву, ленточный способ лепки сосудов, приемы обработки поверхности стенок также указывают на возможность происхождения айканской керамики первого варианта из местных традиций предшествующего времени.

Таким образом, керамика первого варианта айканского типа демонстрирует продолжение развития традиций племен бронзового и раннего железного века подтаежной зоны Среднего Енисея. На это же указывает и наличие в айканском комплексе сосуда-дымокура с «языковидным» ушком под краем.

Керамика второго варианта айканского типа также сложилась при участии местных таежных традиций. На это указывают наличие широкой налепной ленты под краем сосуда, которая использовалась на посуде каменско-маковского и карабульского типов в тагарское время. От карабульской керамики был заимствован и прием оформления нижнего ребра широкой ленты глубокими пальцевыми наколами. Возможно, оформление плоскости налепной ленты оттисками крупной гребенки также было перенято от посуды предшествующего времени. Такой же элемент мы видели на посуде XIX типа в шилкинской культуре, где горловина оформлена наклонными рядами гребенки, а тулово покрыто тонкими налепными валиками (см. рис. 123, 11). Однако нельзя исключать, что оттиски крупной гребенки появились на айканской посуде в результате влияния лесостепного населения красноярско-канского района, где, судя по материалам отдельных сборов, он встречается чаще, чем на керамике из таежных районов. С лесостепными районами следует связывать и распространение «чешуйчатых» валиков, так как прием их нанесения отличается своеобразием.

Формирование второго варианта керамики айканского типа необходимо связывать с развитием первого варианта и с наложением на эти традиции

местных таежных и лесостепных элементов. В районе исследования наибольшее распространение такая посуда получила на юге, в пограничье с Красноярской лесостепью, севернее Казачинского порога она не известна. Не отмечается она и в долине р. Ангары.

Таким образом, два варианта керамики айканского типа сформировались от разных керамических традиций, но они близки между собой и могут представлять генезис одной культуры. В районе исследования она существовала в IV–VI вв. н. э. и сложилась на основе слияния местных традиций и культуры сопредельных таежных и лесостепных районов. Исходную территорию формирования керамики, украшенную обмазочными валиками, необходимо искать в таежных районах Южной Сибири. Ее появление там необходимо связывать с миграционными процессами, которые начались в период Великого переселения народов. Очевидно, в начале нашей эры южнотаежная часть долины Среднего Енисея вместе с красноярской лесостепью, вошли в территорию расселения носителей керамики айканского типа. В IV в. н. э. эти племена по подтаежной зоне начинают мигрировать в разных направлениях, а в конце I тысячелетия – в западном, в сторону Обского бассейна, что подтверждается материалами Томского Приобья.

Необходимо заметить, что этот процесс протекал в рамках нескольких веков I тысячелетия н. э. и, возможно, в результате не одной миграционной волны. Без изучения и публикаций закрытых комплексов из приангарской тайги, невозможно судить о начале этого культурно-исторического процесса и об этнической принадлежности носителей керамики айканского типа.

Продолжение развития айканской орнаментальной традиции мы находим в средневековых материалах Западной и Восточной Сибири.

Для Северного Приангарья традиция (мотив и способ орнаментации тулова) айканской керамики переходит на посуду раннего Средневековья, что фиксируется по сосудам усть-ковинского типа, выделенного по материалам могильника Усть-Кова и поселения Проспихинская Шивера–I.

Айканские элементы отмечаются и на многочисленных черепках, собранных на памятниках таежных районов Енисея, например, на стоянке Подкаменная Тунгуска [Николаев, 1963, табл. 4, 10] или Чермянском городище (раскопки Н. П. Макарова). Отмечается эта традиция и на средневековых материалах в верховьях р. Кан (поселение Московская горка [Фокин, 2008, с. 212, рис. 1, 6]). Не исчезает бесследно прием орнаментации посуды налепными валиками и в районе южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары, что фиксируется на материалах раннего Средневековья.

3.7. Петроглифы

Завершая представление культур раннего железного века, следует остановиться на самом северном в долине Енисея уникальном памятнике наскального искусства, который отражает духовную жизнь людей.

Петроглифы Островки III расположены в створе Казачинского порога р. Енисея на острове Островки (см. рис. 46). Кроме петроглифов на острове известны еще два археологических памятника, о которых мы говорили ранее, это стоянка-могильник Островки I и поселение Островки II, культурные слои которых содержат материалы неолита, раннего бронзового века, позднего бронзового и раннего железного веков (нижнепорожинской и шилкинской культур). Наскальные рисунки были открыты автором совместно с А. С. Вдовиным в 1995 г. В 1996 г. они были скопированы иркутскими археологами В. С. Николаевым и Л. В. Мельниковой при моем участии [Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000; Мандрыка, Мельникова, Николаев, 2002].

Петроглифы расположены в центральной части западного пойменного берега острова возле современного уреза воды. Рисунками заполнены плоскости на трех останцах скальных пород, расположенных компактной группой по одной горизонтальной линии относительно реки. Прямыми глубокими горизонтальными и вертикальными трещинами все выходы разделены на блоки небольших размеров. Плоскости, избранные древним

художником, закрыты плотной блестящей корочкой (толщиной 0,2–0,5 см) темно-бурого цвета со светлыми желтыми пятнами. Блоки по породе неоднородны, пронизаны жилами. В паводок рисунки постоянно затопляются, а ледоходы разрушают некогда гладкие поверхности с изображениями.

На десяти плоскостях памятника выявлено 38 изображений. Они выполнены выбивкой. Следы от ударов орудия округлые и подтреугольные, в диаметре 1–3 мм. Выявлены 24 териоморфных изображения, 7 знаковых (ямки), 5 антропоморфных и 2 личины. Рисунки расположены компактной группой. Заполняемость плоскостей фигурами различная. Плоскости в большинстве своем имеют западную экспозицию. Изображения выполнены в основном в линейном стиле.

Наибольшую по количеству группу изображений составляют териоморфные. Большая их часть выполнена исключительно в линейном стиле (17 изображений). У трех изображений дополнительной линией, выполненной редкими ударами, показано отвисшее брюхо (плоскости 1, 5, 9) (рис. 137, 1, 5, 9). У одной фигуры эта линия заменена петлей (плоскость 5) (см. рис. 137, 5). Три фигуры объемные, пропорциональные. Их туловища полностью заполнены округлыми ямками выбивки (плоскости 3, 5) (см. рис. 137, 3, 5). Одна фигура выполнена контурной линией (плоскость 5) (см. рис. 137, 5). Видовая принадлежность отдельных териоморфных фигур определена нами по форме и величине рогов. Из 24 фигур на памятнике представлено шесть оленей (плоскости 1, 2, 3, 5, 7, 9) и пять козлов (плоскости 2, 3, 5, 8). Также отмечаются два лося (плоскость 5) и, возможно, лошадь (плоскость 4). Десять фигур неопределимы. У большинства териоморфных обозначены прямые ноги (17 изображений). Обычно их две (передняя и задняя). Значительно реже ноги показаны парами. У двух фигур передние ноги слегка подогнуты под живот. У четырех териоморфных передняя нога (в одном случае пара передних ног) сильно согнута в коленях. Характерной особенностью в выполнении большинства териоморфных

фигур является хорошо проработанная узкая линия непропорционально длинного туловища и ног. Слабыми редкими ударами обозначены морда и рога (за редким исключением).

Вторую группу изображений (по общему количеству) составляют знаковые – ямки. Они отмечены на трех плоскостях в составе многофигурных композиций (плоскости 2, 3, 5) (см. рис. 137, 2, 3, 5). На двух плоскостях ямки приурочены к восточным краям (2, 5), на одной плоскости (3) к западному краю. Средний диаметр их равен 3 см, глубина колеблется от 0,4 до 0,8 см. Большинство ямок закрылось корочкой скального загара.

Третью группу изображений по количеству составляют антропоморфные фигуры (плоскости 3, 5, 8) (см. рис. 137, 3, 5, 8). Они являются частью многофигурных композиций и, вероятно, играют в них главенствующую роль. Антропоморфные фигуры выполнены схематично, но с достаточной проработкой лица и головных уборов. На памятнике нет ни одной одинаковой антропоморфной фигуры. К наиболее просто выполненному рисунку относится небольшая фигура, находящаяся на плоскости 4. Наиболее сложной, с большим количеством деталей, является фигура на плоскости 5. Она отличается тщательностью выполнения и ориентацией на плоскости (С–Ю), головой на север. Четыре антропоморфные фигуры ориентированы по линии В–З, головой на восток.

Четвертую, самую малочисленную группу изображений составляют личины, их две. Одна находится в составе многофигурной композиции на плоскости 5, другая – на плоскости 6 в составе малофигурной композиции. Между данными изображениями практически нет ничего общего, за исключением коротких отростков, нанесенных по краю фигур. У одной личины выявлено 6 отростков (см. рис. 137, 5), а у второй – 2 отростка (см. рис. 137, 6).

Датирующими изображениями на Островках III являются фигуры оленей и козлов с подогнутыми передними ногами (см. рис. 137, 5, 6, 8), изображения оленей с закинутыми за спину пышными витиеватыми

(см. рис. 137, 7) и длинными рогами (см. рис. 137, 1), фигура козла, стоящего как бы на «цыпочках» (см. рис. 137, 4). Прослеживается прямая аналогия выявленным териоморфным изображениям на памятниках бассейна верхнего и среднего Енисея, Горного Алтая, Монголии, которые датируются скифским временем – VIII–II вв. до н. э. [Дэвлет, 1980; 1982; 1993; Шер, 1980; Новгородова, 1984; Молодин и др., 1995]. В пользу этой датировки говорит и наличие на отдельных плоскостях рядом с изображением ямок-лунок, аналоги которым имеются на писаницах Бажигтиг-Хая в Саянском каньоне Енисея [Дэвлет, 1993, с. 86–88, 178–181] и Мойнак I на плоскогорье Укок [Молодин и др., 1995, с. 125–126], относящихся к концу бронзового – раннему железному веку. Не противоречит предложенному возрасту наличие на Островках III фигур животных с сегментовидным контуром туловища, которые находят аналогии в наскальном искусстве Ангары и Среднего Енисея [Ломанов, Заика, 2005, с. 124].

Особенностью петроглифов Островки III являются наличие антропоморфных фигур, выполненных с достаточной проработкой лица и своеобразными головными уборами. Изображение тела в виде линии, опущенные вниз руки, «короны с рогами» позволяют сопоставить эти фигуры с бронзовым изображением из погребения № 10 усть-шилкинского могильника и фигурой из с. Атамановского [Окладников, 1948, рис. 9]. Обращает внимание присутствие на одном памятнике антропоморфных фигур и личин, выполненных в различной стилистической манере. Так, параболоидное лицо фигуры на плоскости 5 дополнено черточками (линиями татуировки), а голову венчает убор с торчащими вверх рожками (см. рис. 137, 5). Совершенно в другом стиле выполнены три антропоморфные фигуры на плоскости 8 (см. рис. 137, 8). На их круглых лицах отмечены глаза, рот и нос, а на головах одной или парой V-образно изогнутых линий в виде пучка показаны головной убор или прическа. Антропоморфная фигура на плоскости 4 вообще очень проста, к круглой личине пририсованы линии прямого тела и опущенной вниз руки. Различие в

стиле изображений может указывать на то, что петроглифы рисовались в разное время в рамках одной эпохи раннего железного века. Нельзя исключить и того, что художники принадлежали к разным культурным или этническим группам.

Особенно отчетливо изменение художественного стиля изображений прослеживается на переоформленных и дополненных фигурах. Некоторые фигуры козлов с загнутыми назад рогами (плоскости 4, 7, 9) были переоформлены в оленей. Для этого линии рогов удлинялись и дополнялись новыми ответвлениями, причем они загибались в неестественную для природы форму (как бы вывернуты). Важно отметить, что эти дополняющие и изменяющие образ линии наносились иной точечной выбивкой, отличной от приема нанесения первоначальной фигуры. Иной техникой редкой выбивки наносились и отвисшие брюшные полости на некоторых фигурах (плоскости 1, 9) или пышные рога (плоскость 1). Более замытыми по сравнению со всеми остальными изображениями выглядят линии антропоморфной фигуры на плоскости 5, где даже рядом расположенные фигуры копытных выбиты четче. Возможно, эта антропоморфная фигура самая древняя на памятнике.

Таким образом, приведенные наблюдения позволяют отметить относительно длительное время функционирования этого памятника, неодновременное нанесение изображений, постепенное заполнение отдельными фигурами пригодных плоскостей и изменение некоторых образов. Если петроглифы наносились и изменялись в течение раннего железного века, то мы должны отметить, что в этом приняли участие разные группы населения, имеющие отличное друг от друга мировоззрение. Присутствие на одном памятнике образов таежной (например, лося на плоскости 5) и степной фауны (козлов), иногда переоформленных в оленей, как нельзя лучше демонстрируют последствие сосуществования различных культурно-этнических групп населения на одной территории в пределах южной тайги Среднего Енисея, которые использовали одно место для своих

культовых действий. Наскальные рисунки на Островках III отражают такую же многосоставную культурно-этническую обстановку в раннем железном веке района исследования, которую мы наблюдали по материалам могильников и поселений.

ГЛАВА 4. ОЧЕРК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОТАЕЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И НИЗОВЬЕВ АНГАРЫ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

4.1. Вопросы культурогенеза

Хронология и стратиграфическое положение культурных комплексов бронзового и раннего железного веков района южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары, а также сравнительный анализ имеющихся данных с культурно-хронологическими колонками сопредельных регионов (табл. 15) позволяют провести реконструкцию исторических процессов, протекавших в южнотаежной зоне Средней Сибири. Формирование культурных образований в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары проходило на стыке трех культурно-исторических провинций – западносибирской, восточносибирской и южносибирской, что нашло отражение в материалах археологических памятников.

Влияние и проникновение в район исследования нескольких культурных общностей прослеживается по керамическим орнаментальным традициям, которые возникли и существовали на сибирских просторах в разное время. Ряд традиций в районе исследования сохранялся и развивался с неолита, другие появлялись и существовали непродолжительное время (рис. 138).

Одна общность читается по комплексам с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией (рис. 139), которые в районе исследования появились в неолите и просуществовали на протяжении всего бронзового и раннего железного веков, дожив до средневековья. Появление в южной тайге Среднего Енисея керамики с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией связано с продвижением населения из Западной Сибири. Именно здесь, на сопредельных к Енисею территориях, в районах Томского и Верхнего Приобья, Присалаирья, отступающе-накольчатая традиция с неолита доживает до раннего металла [Зах, 2003]. На конец неолита – начало раннего металла приходится расцвет и гребенчатой орнаментации на посуде

в этих районах [Ландшафты..., 2008, с. 63]. Поэтому неслучайно, что в период от позднего неолита к раннему бронзовому веку, который приходится на середину III тыс. до н. э., в южной тайге Среднего Енисея в одних комплексах керамика с отступающе-накольчатой орнаментацией сопровождается посудой, украшенной шагающе-гребенчатыми и гребенчатыми отпечатками (см. рис. 139, 1–14). Присутствие посуды с гребенчатой и отступающе-накольчатой орнаментацией отмечается на памятниках сопредельных территорий – в Красноярском [Окладников, 1957; Макаров, 1985; 2005] и Канском [Генералов, Дзюбас, 1991] лесостепных районах, на Таймыре и в Северном Приангарье [Хлобыстин, 1998, с. 81; Бурилов, 1980], что может указывать на заселение их родственными группами населения, входящими в единую культурную общность. Это население приняло участие в этногенезе последующих культурных образований Средней Сибири.

В районе исследования в раннем бронзовом веке дальнейшее развитие гребенчатая отступающе-накольчатая традиция находит в комплексах с керамикой бобровского типа (см. рис. 139, 15–29). Формирование комплекса связано с изменением местных неолитических традиций под влиянием новых контактов с населением из правобережных енисейских районов Восточной Сибири, т. е. из районов Красноярской лесостепи, Канско-Рыбинской котловины, Северного Приангарья [Окладников, 1957; Савельев, 1982 и др.]. Сформировавшийся культурно-хронологический комплекс представляет оригинальный южнотаежный вариант развития культуры раннего бронзового века в рамках единого пунктирно-гребенчатого пласта Средней Сибири. Имеющиеся материалы говорят о продолжительном самостоятельном развитии культуры на ранней стадии бронзового века в районе исследования, о ее существовании параллельно афанасьевской и окуневской культурам Минусинской котловины и глазковской Прибайкалья.

В период позднего бронзового века отступающе-накольчатая и гребенчатая традиция получила дальнейшее развитие в комплексах с

керамикой самоделкинского типа (см. рис. 139, 51–57). Ее формирование связано с трансформацией посуды бобровского типа, которая в конце бронзового века изменилась под влиянием со стороны носителей ымыяхтахской керамики (с «вафельным» и рубчатый техническим декором), что и привело к формированию нового типа. Ее носителями были освоены территории южной тайги Среднего Енисея и Обь-Енисейского водораздела, северные лесные участки Красноярской и Канской лесостепи. На западе ее ареал доходил до лесостепных районов Новосибирского Приобья [Молодин, Мыльникова, 2005; Мыльникова, 2015, с. 266]. В районе исследования и на сопредельных территориях носители керамики самоделкинского типа контактировали с населением иных керамических традиций [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. На Енисее это были представители шепилевской культуры, на посуде которой в редких случаях встречаются гребенчатые оттиски.

В раннем железном веке традиция бобровско-самоделкинской линии развития нашла выражение в посуде каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов цэпаньской культуры Северного Приангарья [Привалихин, 1993; Леонтьев, 1999; Макаров, Быкова, 2011; Леонтьев, Герман, 2015], где основным элементом орнаментации становятся гребенчатые штампы и отступающе-накольчатые оттиски. Можно считать, что в сложении цэпаньской культуры, кроме племен с местными традициями, приняли участие народы, расселявшиеся на западе от ее ареала, в таежных и лесостепных районах Обь-Енисейского водораздела, где их след фиксируется по памятникам с «воротничковой» керамикой, а также комплексам с керамикой шепилевского и самоделкинского типов. Каменско-маковские поселения демонстрируют позднюю стадию цэпаньской культуры и имеют определенное отличие и своеобразие (рис. 140). Обозначить их можно самостоятельным западным, енисейским (поздним) вариантом цэпаньской культуры. Носители керамики каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов соседствовали друг с другом, имели одно

мировоззрение, близкий хозяйственный уклад, передавали друг другу способы орнаментации, но условно разделял их ареалы хребет Енисейского кряжа. Сходство материальной культуры указывает на их принадлежность к одной археологической общности. Отмеченные же различия в культуре населения Енисея и Ангары можно объяснить разницей признаков культуры ядра и периферии, степенью влияния соседей на окраине общности.

Обозначенная цэпаньская археологическая общность практически не контактировала с кулайской из западносибирской тайги и лесостепи. Их культуры не пересекались. На известных археологических материалах не отмечается взаимного влияния (кроме проникновения отдельных бронзовых вещей кулайского облика в ангарскую и енисейскую тайгу), нет заимствованных элементов и на керамической посуде. Отсюда возникает правомерное предположение об отсутствии прямого контакта, о наличии какой-то промежуточной культурной зоны между этими общностями. Барьером выступала долина Енисея, где в степных и лесостепных районах развивалась тагарская общность, а на севере в южной тайге под влиянием тех же тагарских племен сложилась нижнепорожинская культура. На раннем этапе развития ее можно назвать «лесным северным вариантом тагарской культуры». Именно она выступала барьером между кулайцами и цэпаньцами.

Во II в. до н. э. комплексы с керамикой каменско-маковского типа исчезают в районе южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары. Очевидно, это население уходит на север, где приняло участие в сложении малокоренинской культуры Таймыра [Хлобыстин, 1998, с. 120, рис. 115]. На протяжении всего времени развития гребенчатой отступающе-накольчатой орнаментальной традиции в районе исследования ее носители испытывали влияние со стороны соседствовавшего населения, что выражалось в присутствии в комплексах инородной керамики – сосудов с оттисками рубчатых колотушек на стенках, горшков, украшенных гладкими или волнистыми налепными валиками.

Генезис второй культурной общности в районе исследования отмечается по комплексам, содержащим керамику, в формовке которой использовались приемы выбивания стенок. Для этого применяли рубчатые колотушки – обмотанные шнуром или оставляющие «вафельные» оттиски (см. рис. 138).

Керамика, изготовленная при помощи колотушки, оставляющей «шнуровые» отпечатки, появляется в Восточной Сибири с III тыс. до н. э. Она распространилась от Енисея до Охотского моря и к северу от Восточных Саян и Яблоневого хребта. Широкий ее ареал вслед за Л. П. Хлобыстиным [1998, с. 75] можно связывать с усвоением различными народами определенной «керамической моды», которыми она воспринималась по-своему. Для каждого района распространения «шнуровой» керамики характерны свои способы нанесения орнамента и его композиционного размещения. Не стал исключением и район южной тайги Средней Сибири, где, появившись в финале неолита, «шнуровая» керамика продолжала существовать вплоть до раннего железного века. При этом орнаменты на такой керамике отражали орнаментальные приемы той культурной общности, в которой она изготавливалась.

Для финального периода неолита традиция обработки поверхности сосудов выбиванием отмечается в использовании колотушек, обмотанных толстым шнуром. На этой керамике прослеживается слияние с традицией отступающе-накольчатой орнаментации, что говорит о синкретичном характере этой культурной общности.

В раннем бронзовом веке на берега Енисея в южнотаежную подзону поступает новый приток населения, что выразилось в появлении нового вида «шнуровой» керамики – усть-шилкинского типа (см. рис. 139, 30–50). Стенки этих горшков покрыты «тонкошнуровыми» оттисками, а при нанесении орнамента используются ногтевые и пальцевые оттиски, наlepные валики.

Развитие усть-шилкинских орнаментальных приемов отражается на посуде шепилевской культуры (см. рис. 139, 58–87) бронзового века, которая демонстрирует слияние двух восточносибирских традиций – «шнуровой» и

«вафельной» керамики. «Вафельная» керамика распространяется с проникновением ымяхтахских культурных традиций с севера и северо-востока, со стороны Якутии и Таймыра. Вообще такая керамика известна по всей северной части Евразии, включая Заполярье, таежную зону и северные окраины лесостепи, где она существовала с конца II тыс. до н. э. [Гришин, 1975; Константинов И. В., 1978; Генералов, Дзюбас, 1991; Алексеев, 1996а; Хлобыстин, 1998; Асеев, 2003 и др.]. Однако, так же как и «шнуровая» керамика, в каждом районе она украшалась орнаментами местных культур. В комплексах шепилевской культуры это были пальцевые защипы и вдавления, налепные жгутиковые валики, скобовидные, округло-приостренные и ногтевые наколы, прочерченная линия. Шепилевская культура занимала южнотаежную зону и лесостепи на берегах Енисея и Кана вплоть до начала железного века. В ее генезисе также приняли участие культурные образования из ангарской долины. Формирование культуры посредством слияния нескольких орнаментальных традиций подтверждается и результатами изучения технологии керамического производства [Абдулина, 2007; 2009; Титова, 2010а; 2010б; Технологические..., 2017].

В переходный период от бронзового к железному веку наложение приема выбивания поверхности керамических сосудов рубчатыми колотушками на традицию отступающе-накольчатой орнаментации выразилось на посуде самоделкинского типа (см. рис. 139, 51–57).

В районе исследования способ оформления поверхности сосудов выбиванием рубчатыми колотушками сохраняется и в раннем железном веке, где керамика с рубчатыми и «вафельными» оттисками присутствует в ранних памятниках нижнепорожинской культуры (рис. 141, 21–51). Внутренняя хронология комплексов позволила отметить более длительное сохранение способа формовки посуды выбиванием «вафельной» колотушкой, чем формовка «шнуровой» или «гладкорубчатой». Однако и он к тесинскому времени в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары исчезает.

Еще один прием орнаментации керамики широко применялся в районе исследования – это нанесение узоров пальцами рук. Они состояли из вдавлений, ногтевых оттисков, отпечатков подушечек пальцев, налипных валиков. Появление такого способа украшения посуды в южной тайге Среднего Енисея тесно связано с традициями изготовления сосудов при помощи колотушек, отмотанных тонким шнуром. Впервые сочетание указанного технического декора с «пальцевым» орнаментом отмечается на керамике усть-шилкинского типа. Расцвет же этого приема орнаментации приходится на период развитой бронзы, что фиксируется по материалам шепилевской культуры. Элементы орнамента из вдавлений кончиками пальцев сохраняются и позднее. В тагарское время присутствует на горшках цэпаньской культуры, на банках раннего этапа нижнепорожинской культуры, а в гуннское время отмечается в материалах позднего этапа нижнепорожинской культуры и айканских комплексах.

Мода украшения глиняных сосудов налипными валиками зародилась в Балкано-Карпатье еще с культур медного века. Развивалась она там вплоть до железного века. Во втором тысячелетии до н. э. этот орнаментальный узор стал характерен для сосудов многих культур Днепровского бассейна и Северного Причерноморья. Оттуда носители валиковой керамики стремительно распространяются на восток и сменяют на всем пространстве степей Евразии срубно-андроновскую общность [Черных, 2013, с. 235–237]. В сибирских материалах валиковая керамика встречается повсеместно. Сначала валики сочетались на сосудах со «шнуровым» и «вафельным» техническим декором, затем – на формах с ровной поверхностью стенок. Появившись на посуде в бронзовом веке, они сохраняются на протяжении всего периода раннего железного века и Средневековья. В хронологическом и культурном контексте, в разных регионах континента керамика отличается способами налета валиков, их размерами и оформлением. Не исключением стал и район южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары.

Один вариант валиковой керамики объединяет посуду бронзового века, отмеченную в усть-шилкинских и шепилевских комплексах (см. рис. 139, 30–50). На сосудах налеплялись от одного до трех валиков из тонкого жгута (толщиной около 0,4 см), которые примазывались к стенке продольными движениями. Для лучшего прикрепления валики рассекались поперечными пальцевыми защипами или насечками какого-нибудь гладкого орнамента.

Другой вариант валиковой керамики представлен в комплексах финала бронзового века и тагарского времени (см. рис. 139, 75–86; 141, 50, 51). В них сохраняется прием налепа жгутикового валика наложением на стенку и примазкой продольными движениями. Однако валики становятся толще: от 0,4 до 0,7 см. На сосудах они выступали как орнаментом, так и «ребрами жёсткости» для усиления прочности стенок и надежности прикрепления к ним скульптурных пристроек. Гладкие «ребра жесткости» наносились в зоне тулова и на стыке наlepных ушек со стенкой. Гладкими наlepными валиками иногда украшалась и горловина сосуда, в этом случае они как бы формовались из стенки, между ними продавливался желобок (напоминает «желобчатую» раннетагарскую керамику). При орнаментации сосудов использовались и рассеченные валики. Они были наlepными, жгутиковыми, рассекались пальцевыми защипами с поворотом или наклонными насечками. Общий вид валика напоминает витой жгут. При формовке, стенки «валиковых» сосудов этого варианта уплотнялись выбиванием рубчатыми и «вафельными» колотушками. Сочетание указанных признаков указывает, с одной стороны, на продолжение местных традиций усть-шилкинской – шепилевской линии развития, с другой – на появление новых «эталонов» для орнаментации. Характер поселений, форма посуды, орудия из бронзы и украшения, детали погребального обряда указывают о формировании нижнепорожинской культуры на раннем этапе на берегах Енисея под влиянием степного «скифо-сибирского» мира, культур из лесостепных районов Алтая и Томского Приобья при участии каких-то групп тагарского населения. К III–II вв. до н. э. развитие культуры в районе Казачинского

порога на Енисее прерывается появлением поселений с каменско-маковской керамикой и городищ шилкинской культуры. Можно предположить, что носители нижнепорожнинской культуры ненадолго уходят на север, в северную тайгу и тундру. Там какая-то их часть, слившись с носителями каменско-маковской керамической традиции, оставили малокореннинские комплексы Таймыра [Хлобыстин, 1998]. Другая же часть в первых века н. э. возвратилась обратно и их культура с новой силой расцветает от воздействия пришедших в район групп с культурой таштыкского облика.

Третий вариант валиковой керамики прослеживается по посуде шилкинской культуры (рис. 142), для которой характерно оформление приустьевой зоны двумя налипными жгутиковыми валиками, обязательно рассеченными пальцевыми защипами или насечками. Этот керамический комплекс сопровождается гладкостенными миниатюрными кубками и банками с плоским дном, сосудами-дымокурами с трубчатым ушком, сосудами с «роговыми» ручками, а также сосудами кубковидной формы с резным орнаментом. Комплекс появился на Енисее в готовом, сформированном виде. Он пришлый, вторгся в среду аборигенов.

Появление культуры на берегах Енисея необходимо связывать с проникновением в район исследования пришлого населения с элементами хуннской культуры, очевидно, из горно-таежных районов Центральной части Восточного Саяна. Оно несло элементы культур хуннского круга из южных районов – Саяно-Алтая и Забайкалья, постепенно продвигаясь оттуда по долинам рек Ангара, Чуна и Бирюса или водоразделам между Енисеем и Ангарой [Mandryka, 2008].

Четвертый вариант валиковой керамики характеризуется сосудами, украшенными тонкими налипными жгутиковыми валиками (толщиной до 0,3 см), которые прикреплялся к стенке втиранием или периодическими пальцевыми прищипами, отчего образовывалась его волнистость (рис. 143, 15–17, 22).

Орнаментальный прием нанесения таких «волнистых» валиков получил широкое распространение в разных таежных и лесостепных районах Сибири: Восточном Саяне, Ангаро-тунгусском междуречье, западном побережье Байкала, бассейне Лены, севере Западной Сибири. Появление подобной посуды в южной тайге Среднего Енисея и Северного Приангарья необходимо связывать с теми же историческими процессам конца I тыс. до н. э., которые привели сюда носителей шилкинской культуры. В начале нашей эры в районе исследования эта традиция сохраняется, но изменяется в ходе контактов с населением синхронно существовавших культур [Многослойный..., 2018]. На памятниках начинает встречаться керамика, на которой тонкие налепные прямые или волнистые валики сочетаются с оттисками других орнаментов [Бурилов, 1980, с. 35, рис. 4, 8; Леонтьев В. П., 1999].

Дальнейшее развитие этой керамической традиции можно видеть в появлении пятого варианта валиковой керамики – на посуде айканского типа, украшенной «обмазочными» валиками (см. рис. 143, 1–12). Они создавались при обмазке сосуда дополнительным слоем глины. Этот прием мог возникнуть из тонковаликовой традиции гуннского времени. Оформление сосудов усложняется, в орнаменте сочетаются узоры из обмазочных валиков и широкой налепной ленты с гребенчатыми оттисками.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов показал, что орнаментальная традиция обмазочных валиков характеризует один этнический пласт населения, следы которого начиная с конца I тыс. до н. э. в разное время отмечаются локальными группами в разных районах Сибири. Известна такая керамика на памятниках в Северном Приангарье, в Красноярском районе, Причулымье, Притомье и Кузнецкой котловине, т. е. на участках в таежных, подтаежных и лесостепных районах Средней и Южной Сибири. Не был исключением в этом процессе и район южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары.

После раннего железного века этот вариант валиковой традиции не только сохраняется, но и получает дальнейшее развитие, включает в себе орнаментальные элементы других культурных образований. В средние века керамика с обмазочными валиками становится распространенной в Западной [Чиндина, 1977, с. 130; Беликова, Плетнева, 1983, с. 123; Беликова, 1996, с. 132; Окунева, 1997, с. 48; Ширин, 2003, с. 244 и др.] и Восточной Сибири [Леонтьев В. П., 1999; Мандрыка, Бирюлева, 2012], на Таймыре [Хлобыстин, 1998, с. 127, рис. 136], что позволяет говорить о переселении ее носителей в рамках нескольких веков I тысячелетия н. э. и, возможно, в результате не одной миграционной волны.

Последний, шестой, вариант валиковой керамики связан с поздними комплексами нижнепорожинской культуры (см. рис. 141, 1–15). Он локализуется только в долине Енисея и формируется синкретично из пережиточных элементов ранних нижнепорожинцев, шилкинцев и носителей тонковаликовой керамики, но под воздействием новой волны переселенцев раннеташтыкского времени из Южной Сибири. Теперь вместе с рассеченными и гладкими жгутиковыми налепными валиками на одной форме часто встречаются ряды наколов, полосы из отступающе-накольчатых или зубчатых отпечатков.

Изучение керамических комплексов бронзового и раннего железного веков южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары показывает, что в их формировании неоднократно принимали участие компоненты, которые формировались в среде степных культур Саяно-Алтая [Бобров, 2017]. Особенно отчетливо он прослеживается в культурах раннего железного века [Мандрыка, 2017а], так как именно в это время в степном коридоре Евразии сложился мир ранних кочевников.

С влиянием кочевого мира следует связывать появление на северной его периферии в южной тайге гладкостенных банок с плоским дном, миниатюрных и полноразмерных кубков, сосудов с сегментовидными ручками, кружек. Было отмечено, что южнотаежное население копировало

только форму этой посуды, а лепило ее из местного сырья и украшало своим орнаментом. После прихода носителей кочевнических традиций в районе появляются укрепленные городища. Прослеживается связь с кочевым миром и по вещам, сделанным преимущественно из металла. Практически все бронзовые орудия раннего этапа нижнепорожинской культуры (двушковые кельты с широкой муфтой по краю втулки, прямолезвийные однодырчатые и петельчатые ножи с гравированными спиралевидными линиями и копытовидным знаком, шилья с грибовидной шляпкой и выделенной шейкой и др.) по форме находят аналоги в тагарских минусинских бронзах. Вместе с этим имеющиеся бронзовые украшения (четырёхлепестковые бляшки из пяти полусфер, бабочковидные бляшки с продольной втулкой, колоколовидные подвески и др.) схожи с аналогичными изделиями из Томского Приобья и равнинного Алтая, в частности, с материалами шеломокской и староалейской культур. В погребальном обряде ранних нижнепорожинцев также просматривается синтез алтайских (староалейских) и минусинских (тагарских) традиций. С алтайским происхождением можно связать устройство грунтовой могилы, юго-западную ориентацию вытянутого на спине костяка, наличие в женских могилах узкого «раннескифского» пояса, набора из подвесок (бронзовых колоколовидной и дырчатой, в форме стилизованного грифона, зубов оленя). От тагарского влияния было перенято размещение ножа, шила и иглы в специальном мешочке возле черепа, а также использование ожерелий из пастовых, серпентинитовых и агамольтолитовых бус–пронизок. Эти заимствованные от «степного мира» элементы передавались дальше в среду таежных культур.

Народы южной тайги долины Среднего Енисея в раннетагарское время выступали посредниками между культурами ранних кочевников и народами сибирской тайги. Обратное влияние лесных народов на степняков выражается в распространении некоторых элементов орнаментации керамики и бронзовых изделий, что уже отмечалось в литературе (например, [Членова, 1966; 2002; Мартынов, 1979; Mandryka, 2008]).

В период осложнения геополитической обстановки в мире кочевников южная тайга давала приют тем группам населения, которые «выталкивались» из пояса степей. В южной тайге Среднего Енисея и низовьях Ангары в гуннское время осели племена с элементами тесинской и таштыкской культур. Это находит отражение в материалах шилкинской культуры, в конструкции жилищ, устройстве погребений, в керамических комплексах и распространении новых вещей.

О культурных контактах этого времени свидетельствует сопроводительный инвентарь двух элитных погребений усть-шилкинского могильника. Большая часть вещей из них находит аналогии в памятниках равнинного Саяно-Алтая и степного Забайкалья: железные проушной чекан со втоком, большие и маленькие полусферические бляшки для перекрестья ремней, цепочные подвески, поясная гарнитура с бабочковидными бляшками, бляшками из трех полусфер и с изображением кабана в статичной позе. Более далекие истоки из Казахстана и Волго-Донского междуречья имеют золотая серьга с полый шаровидной привеской, покрытой зернью, и голубая стеклянная бусина. Возможно, с Ордоса был доставлен литой, но тонкостенный бронзовый сосуд. От носителей цэпаньской культуры из таежной ангарской долины поступили составные наконечники стрел – с роговой обоймой и каменным вкладышем.

В конце раннего железного века в южной тайге Среднего Енисея появляется еще одна керамическая традиция из степного мира кочевников – это керамика таштыкского облика, украшенная полулунно-зубчатым орнаментом (рис. 141, 1). Вероятно, ее носители расселились из лесостепных районов Чулымо-Енисейского междуречья, где они контактировали с группами кулайской или фоминской культуры [Ширин, 2015].

Представленный выше клубок керамических традиций и вариантов (рис. 144–148) в контактном районе, очерченном южной тайгой Среднего Енисея и низовьев Ангары, лишь намечает возможную реконструкцию истории региона, так как остается еще недостаточно изученным. Для раннего

железного века в Средней Сибири определяющим компонентом культуругенеза выступали тагарская археологическая общность в степных и лесостепных районах [Савинов, 2012], кулайская археологическая общность на территории западносибирской тайги и лесостепи [Чемякин, 2008; Ширин, 2015] и общность, занимавшая территорию бассейна Ангары. Д. Г. Савинов [2012] называет ее условно «ангаро-енисейской» археологической общностью.

Тагарская археологическая общность включала Минусинскую (степную) тагарскую культуру, Кемеровскую (лесостепную) тагарскую культуру и Красноярский вариант тагарской культуры [Савинов, 2012, с. 41–43, рис. 5]. Общность развивалась из степных и предгорных районов Минусинской котловины, с Аскизской группы памятников [Герман, 2008]. В середине-конце VI в. до н. э. отмечается мощный импульс перемещения степных тагарских племен в северо-западные области общности, в сторону Енисейско-Чулымского междуречья. Связано это было, скорее всего, с усилением влияния со стороны пазырыкского Алтая и привело к появлению лесостепной тагарской культуры сначала в Енисейско-Чулымском междуречье и несколько позже в районе современного Красноярска. С этой волной в южную тайгу Среднего Енисея проникают элементы тагарской и староалейской культур, что нашло отражение в ранних комплексах нижнепорожинской культуры.

На севере от лесостепной тагарской культуры, на всем протяжении ее существования соседствовала кулайская археологическая общность. В разные периоды истории они «наступали» друг на друга. Распространение тагарских бронзовых изделий на север, в Томское Приобье, отмечается с VI в. до н. э. «Встречное» движение кулайских древностей на юг, начинается, вероятно, с III в. до н. э., но в основном падает на II–I вв. до н. э. и связывается с миграцией населения кулайской культуры на саровском этапе [Чиндина, 1984, рис. 20, 48]. При этих переселениях долина р. Енисей не была освоена кулайскими племенами. В III–II вв. до н. э. она была занята

сначала цэпаньской культурой (ее каменско-маковским вариантом), а затем пришлыми группами шилкинской культуры.

Отмечая наличие «ангаро-енисейской» отдельной культурной области раннескифского времени, Д. Г. Савинов [2002] предполагает ее положение в бассейне р. Ангары – от ее верховьев в Прибайкалье до места впадения в Енисей. Эту идею озвучивал еще Г. А. Максименков [1980, с. 17, 29], публикуя вещи Верхне-Метляевского клада. Он отмечал, что эта находка позволяет рассматривать лесостепную и лесную часть Восточной Сибири как особую культурную область, отличную от минусинской и не связанную происхождением с минусинскими культурами. В «ангаро-енисейскую» культурную область исследователи включают памятники типа Торгашинского клада, кельтов красноярско-ангарского типа и т. п. и подчеркивают, что они не связаны с более поздним красноярским вариантом тагарской археологической общности, отраженным от минусинского.

По нашему мнению, «ангаро-енисейскую» культурную общность следует заполнить памятниками цэпаньской культуры [Привалихин, 2011], в круг которой входят бронзы и Верхне-Метляевского клада. Г. А. Максименков датирует его второй стадией развития тагарской культуры, т. е. V–III вв. до н. э. по С. В. Киселеву, а Д. Г. Савинов [2002] – более ранним временем VII–V вв. до н. э.

Массовые подвижки племен из пределов одной культурно-исторической общности в другую, скорее всего, могли быть опосредованно связаны с политическими событиями, происходившими далеко на юге, в северных районах Передней и Центральной Азии. Наиболее значимым событием на рубеже VI–V вв. до н. э. в период первых проникновений изделий тагарского происхождения на север выступает создание державы Ахеменидов (550 г. до н. э.) и распространение ахеменидского влияния на территорию Средней Азии.

На рубеже II–I вв. до н. э. в период появления шилкинской культуры в таежном районе долины Енисея в западной части его бассейна происходит

распространение кулайского влияния или кулайской миграции на юг. Эти перемещения связаны с началом военных походов Маодуня на север (201 г. до н. э.) и последующим вхождением Южной Сибири в состав империи Хунну.

Таким образом, в культурогенезе южнотаежного района исследования в разное время исторического прошлого участвовали культурные общности, имевшие свое происхождение из западносибирских, восточносибирских и южносибирских районов. Эти общности вычлняются по носителям разных керамических орнаментальных традиций:

- «гребенчатой» и «отступающе-накольчатой»;
- «шнуровой» и «вафельной»;
- «валиковой»;
- «полулунно-зубчатой».

В разные периоды бронзового и раннего железного века они взаимодействовали между собой, что приводило к сложению, расцвету и исчезновению культурных образований в южнотаежной зоне Средней Сибири.

4.2. Хозяйство

Формы хозяйствования определяются теми климатическими условиями, которые существовали в период жизни людей. Известно, что в начале III тысячелетия до н. э. господствовал относительно теплый и влажный климат атлантического оптимума. Как показывают наши исследования [Археология..., 2003, с. 104, 184], экологическая обстановка южной тайги Среднего Енисея перед началом бронзового века способствовала сохранению традиционных неолитических форм комплексного промыслового хозяйства. В долине р. Енисей в это время случались кратковременные, аномально интенсивные, но невысокие половодья, не затапливающие поверхности современных 8-метровых террас. На них устраивали свои сезонные поселения группы охотников, рыболовов и собирателей.

Следует сразу отметить, что остеологических материалов на памятниках южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары всей эпохи палеометалла не очень много. Причина такого состояния кроется не только в плохой сохранности костей в песчаных почвах культурных слоев, но и в изначальном их незначительном присутствии на стоянках, оставленных человеком при сезонном обитании. Имеющиеся в нашем распоряжении остеологические материалы представлены во фрагментарном состоянии. Кости, как правило, разломаны или расколоты и поэтому не всегда могут быть определяемыми. Иногда на них отмечаются следы погрызов (определение Н. Д. Оводова). Малочисленность костей можно объяснить и тем, что являясь остатками мясной пищи, кости могли выбрасываться на окраину поселений (часто под склон террасы, как это отмечено на ряде памятников) и растаскиваться, разгрызаться собаками, которые служили сибирским охотникам еще с каменного века.

На памятниках южной тайги Среднего Енисея в культурных слоях переходного времени от позднего неолита к раннему бронзовому веку остеологический материал представлен неравномерно. На поселениях Язаевка и Шилка II кости животных и рыб не встречались. На поселении Бобровка с двух раскопов и с трех слоев происходит 73 фрагмента кости, из них только 14 – определяемые. Остеологическая коллекция включает кости бобра, марала, лося, косули, рыб и раковины перловицы [Археология ..., 2003, с. 110, табл. 18]. Даже эта непредставительная выборка свидетельствует о присваивающем характере хозяйства в переходный период, где охота дополнялась рыболовством и собирательством.

Значительную роль играла охота на диких животных, преимущественно на лося, марала и косулю. Охота на них велась для получения мяса и шкур. Она могла проводиться круглогодично, но судя по этнографическим свидетельствам, наиболее интенсивный период промысла приходился на конец зимы – начало весны и осень. Лося и марала могли добывать скрадом или гоном. Для последнего необходимы были легкие средства передвижения

в виде лыж, и собака, которая, догнав зверя, задерживала его до прихода охотника. Попутно, очевидно, добывался и бобр. Объектами промысла также могла выступать боровая и водоплавающая дичь. Промысел зверя обеспечивал людей пищей, давал шкуры и сухожилия для шитья одежды и других необходимых предметов быта, как это наблюдалось этнографами у многих народов таежной зоны Сибири [Туров, 1990; Народы..., 2005; Макаров, Баташев, 2007 и др.].

О значительной роли промысла свидетельствует состав орудий, предназначенных в основном для охоты и обработки добычи. Обычными находками на стоянках являются каменные наконечники стрел и скребки для обработки шкур. Главным оружием охоты был лук. Наконечники стрел имели небольшую, но различную форму. Более крупные наконечники использовались, возможно, для дротиков. Для разделки туш применяли каменные ножи на отщепах и сколах разнообразной формы. Для этого достаточно было подправить острую кромку изделия. Не менее разнообразными по форме и размеру были концевые скребки для выделки шкур.

Останавливаясь в лесных массивах и на заболоченных берегах водоемов в летнее время, человек спасался от кровососущих насекомых – комаров, мошки, мокреца, оводов и слепней. Для этого широко использовались дымокуры, в том числе и переносные, которые являлись изобретением еще неолитического охотника восточносибирской тайги. В периоды наибольшей активности гнуса спасение от него человек мог находить, выходя на открытые участки берега – на бечевник или приустьевые пойменные пляжи.

Существенную роль в хозяйстве играло рыболовство. На это указывают кости рыб, найденные в кострищах на поселении Бобровка. Лов рыбы проводился небольшими сетями с грузилами из галек, которые отмечены на стоянках. Сети плели из нитей растительных волокон или сухожилий. Рыбу могли ловить круглый год, но основной ее промысел, как правило, приходился на весенние и летние месяцы. Именно для этого стоянки

располагались у низкого края берега. Кроме сетей для ловли рыбы могли применяться удильные снасти, заграждения, плотины, запоры, верши. На отмелях производился сбор раковин беззубок, язычок которых мог употребляться в пищу, а створки панциря – для изготовления украшений.

Палеоэкологические условия района позволяли людям в конце позднего неолита – начале бронзового века заниматься и собирательством. В районе известно большое количество дикорастущих пищевых растений, среди которых наибольший интерес представляли плодово-ягодные виды. Для выкапывания корней могло использоваться рубящее орудие клиновидной формы, образец которого найден на стоянке Шилка II.

В качестве домашних промыслов известны прядение, обработка дерева, гончарное дело. Об умении изготавливать крученые нити указывают их отпечатки на поверхности керамики. Для прядения, возможно, брались волокна конопли и крапивы. В условиях лесной зоны широко в хозяйстве применялась древесина различных пород. Для ее обработки использовали каменные топоры, тесла и ножи. Среди домашних промыслов немаловажное место занимало изготовление керамической посуды.

Время достоверного появления металла у населения южной тайги Средней Сибири приходится на период суббореального похолодания (конец III – начало II тыс. до н. э.). Относительно схожие экологические условия севера и юга в рамках единой природно-географической подзоны южнотаежных лесов предопределили близкий хозяйственно-бытовой уклад различных групп населения, осваивавших этот регион в начале бронзового века. Разреженность лесов на южных границах тайги способствовала расселению здесь той части населения (носителей керамики бобровского типа), исторической родиной которой можно считать островные лесостепи красноярско-канского района. Вместе с тем преобладание лесной растительности в районе позволяло пришельцам с севера и северо-востока (носителям керамики усть-шилкинского типа) сохранить свои традиционные формы жизнеобеспечения – занятия охотой, рыболовством и

собирательством. Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет сегодня говорить о существенных различиях в хозяйственном укладе носителей представленных культурных комплексов. В целом у них сохраняются неолитические формы комплексного присваивающего хозяйствования.

По нашим наблюдениям, в это время гидрорежим рек был относительно стабильным, поэтому береговые террасы низкого уровня не затапливались и были пригодны для заселения. Именно в таких геоморфологических условиях размещались стоянки в устье р. Бобровка и на Шилке IX. Близость воды, открытость и продуваемость местности позволяли устраивать здесь непродолжительные стойбища в теплые периоды года. На кратковременность заселения этих площадок указывают малая мощность культурных слоев, их слабая насыщенность археологическим и остеологическим материалом. Более продолжительным было обитание человека на поверхности высокой террасы на комплексе Усть-Шилка II, где мог устраиваться круглогодичный поселок.

Остеологический материал с поселений раннего бронзового века указывает на комплексный характер охотничье-рыболовческого хозяйства населения. На поселениях Усть-Шилка II и Шилка IX отмечены фрагменты костей марала и крупного копытного животного. Охота на марала сохраняется с предшествующего времени. Его могли добывать «поколом» на местах переправы и загонем на сухопутье при помощи временных заградительных устройств. Разные способы применялись в соответствии с конкретными обстоятельствами. Например, «покол» практиковался весной и осенью, а загонная охота по сухопутью – в летнюю и зимнюю пору. Убивать зверя могли короткими копьями и стрелами, снабженными каменными наконечниками. Древки стрел выпрямляли с помощью специальных брусков, имеющих желобок по одной грани.

Сохранилась охота и на косулю, кости которой отмечены на поселении Бобровка. Окружающая природная обстановка позволяла этим животным

обитать в окрестностях поселения или мигрировать через этот район. Известно, что косуля обитает в лесостепях, в предгорьях и в разреженной горной тайге с полянами и лугами и избегает сплошной тайги. По сведениям зоологов, наиболее результативным способом добычи этого копытного является облавная охота, в которой участвует не менее десятка охотников и загонщиков [Тимофеева, 1985, с. 204]. Подтверждается это и этнографическими материалами, где указываются облавные охоты качинцев, сагайцев и бельтир, в результате которых добывалось до 100 особей, причем такие охоты могли продолжаться в течение 3-4 недель [Потапов, 1957, с. 186]. Мог применяться также «покол» животных при переправе через Енисей. Во время полевых работ на памятнике мы неоднократно наблюдали, как небольшие стада этих животных переправляются через Енисей в 1–5 км ниже устья р. Бобровка. На месте переправы ширина реки, ограниченной скальными берегами, составляет не более 700 м.

По сравнению с предшествующим временем охотничий промысел в системе жизнеобеспечения древнего населения раннего бронзового века, возможно, начинает расширяться за счет новых видов животных. Значительно больше добывается бобра, зайца беляка, барсука(?), костные остатки которых отмечены на поселении Бобровка. Вполне возможно, что они указывают на возрастание роли пушной охоты вследствие усиления спроса на пушнину как для местного использования, так и для обмена с южными группами населения. Определенным подспорьем в хозяйстве начинает выступать охота на водоплавающую дичь, в частности на утку, кости которой были зафиксированы в одном кострище на поселении Бобровка.

Следует отметить фиксацию кости барана (*Ovis* sp.) на поселении Бобровка. Присутствие этого животного вполне объяснимо, если учесть, что в ареал бобровского культурно-хронологического комплекса входили лесостепные южные районы, где содержание мелкого рогатого скота могло иметь место. К тому же носители керамики бобровского типа жили в период

появления и распространения скотоводства в южных степных районах Сибири, и отмеченная кость на памятнике представляется неслучайной. Однако утверждение о появлении скотоводства в южной тайге с раннего бронзового века требует более весомых доказательств.

О значительной роли рыболовства в жизни бобровцев и усть-шилкинцев говорит наличие костей рыб в культурных слоях их поселений. Вместе с этим нередкой находкой являются и галечные грузила для рыболовных сетей. Возможно, практиковался и «запорный» промысел с использованием ловушек, а также лучение рыбы на отмелях.

Обращает на себя внимание присутствие в культурном слое этого времени на поселении Бобровка двустворчатых пресноводных моллюсков беззубок, обитателей речного водоема с чистой водой. Скорее всего, моллюски употреблялись в пищу, а расколотые раковины использовались для изготовления украшений. Сбор моллюсков мог проводиться в теплое время года.

В районе южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары люди раннего бронзового века были не только знакомы с орудиями из металла, но и умели их изготавливать. Об этом свидетельствуют куски бронзового лома, в частности, сломанный фрагмент лезвия кельта с комплекса Усть-Шилка II, а также застывшие капли и всплески бронзы, найденные на поселениях. Обработку и заточку лезвий бронзовых орудий проводили точильными камнями, иногда специально оформленными в виде тонкого квадратного бруска, как, например, на Усть-Шилке II. Мы не можем пока говорить о том, было ли бронзолитейное дело заимствовано у соседей или оно возникло здесь с появлением мастеров плавильщиков, освоивших местные выходы руд. Решение этого вопроса – дело будущих исследований. Сейчас мы можем лишь утверждать, что с начала II тыс. до н. э. население южной тайги Среднего Енисея использовало бронзовые вещи и умело их изготавливать.

Из домашних промыслов бобровцев и усть-шилкинцев отмечаются кожевенное дело, обработка древесины и кости, прядение, гончарное дело и

др. Несмотря на наличие орудий из металла, значительная часть домашних дел выполнялась с использованием каменных орудий. Они изготавливались из подручного сырья – галек, подбираемых на отмелях рек. Обработка камня проводилась с использованием старых неолитических приемов: оббивкой, ретушированием и шлифовкой. Подправка режущих кромок каменных инструментов проводилась отбойниками или шлифовкой. Заточкой подправлялись и острия металлических инструментов.

От предшествующего времени сохранились навыки обработки шкур с применением каменных скребков и скребел. Для раскроя использовали разнообразные резцы. Несколько усовершенствованы были навыки обработки дерева. Именно в это время отмечается разнообразие по размеру, весу и форме каменных деревообрабатывающих орудий. Были распространены топоры, тесла, отмечен клин для расщепления ствола древесины вдоль волокон. Очевидно, что древесина широко применялась в строительстве и для изготовления различных предметов домашнего быта.

Не менее широко использовались поделки и изделия из ткани. На усовершенствование прядения указывает умение усть-шилкинцев получать более тонкую витую нить, чем раньше. Возможно, теперь нити делались не только из волокон крапивы и конопли, но и из шерсти. Изменились и технологические навыки изготовления керамики, при лоскутном способе постройки формы стенки уплотнялись лопаткой, обмотанной тонкими кручеными нитями.

Сохраняются способы защиты от кровососущих насекомых. Широко применяются не только костры-дымокуры, но и переносные сосуды-дымокуры. Изменяется теперь их форма и скульптурные детали для подвешивания.

Период развитой бронзы (середина – конец II тыс. до н. э.) совпадает по времени с отмеченной большинством специалистов фазой сухого и теплого климата. Сложившиеся экологические условия способствовали беспрепятственному перемещению народов по лесостепным и таежным

просторам Сибири. Природные условия южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары позволяли сохранить здесь традиционные формы комплексного присваивающего хозяйствования, основанного на охоте, рыболовстве и собирательстве, а также создавали возможность для содержания крупного рогатого скота.

Так же, как и в предшествующее время, человеком заселяются низкие и высокие береговые террасы. На низких террасах, в непосредственной близости от воды, традиционно устраиваются летние кратковременные стоянки. Здесь, на обдуваемых берегах, выполнялись хозяйственные и домашние работы, разбирались и ремонтировались сети, готовилась пища и др. В теплое время года у реки могли устраиваться и жилища переносного типа, как это было зафиксировано на поселении Шепилево.

Изменения происходят в освоении площадок, расположенных на высоких террасах. С изменением климата зимы становятся мягче, очевидно, маловетренными, что создает более благоприятные условия для устройства постоянных жилых сооружений на высоких террасах в небольшом отдалении от реки. Именно такие поселки отмечены на Шилке VIII и Заостровке II. Культурный слой на этих сезонных памятниках незначителен по мощности, не сопровождается массовыми находками, в том числе и остеологическими. Сохранившиеся мелкие костные остатки фиксируются здесь преимущественно в очагах, т. е. могли являться остатками пищи. Крупные кости отсутствуют. Возможно, разделка туш животных и рыбы проводилась вне поселка, на месте добычи.

В период развитой бронзы впервые наблюдается устройство таких поселков, где жилища размещаются одним рядом, на ровной, удобной для освоения площадке. Появляются жилища с углубленным в землю полом, т. е. их устройство направлено на сбережение внутреннего тепла. Изученные шепилевские жилища близки между собой по размерам, форме, устройству очагов и другим конструктивным деталям. Отсутствие следов столбовых каркасов позволяет предположить конструкцию жилищ в виде сруба либо,

что более вероятно, в виде чума с установкой перекрытия, опиравшегося на края котлована с укреплением рамой его песчаных стен. Подобное сооружение можно отметить в наземных, реже углубленных в землю, жилищах типа голомо, которые до прихода русских были широко распространены у населения таежной зоны Сибири [Очерки..., т. 1, кн. 1, 1994]. Обваловки котлованов жилищ нет, что указывает на простую конструкцию перекрытия, состоящего только из деревянных жердей, покрытых берестой или шкурами без присыпки землей или дерном. Отсутствие предметов близ западной и северной (левой и дальней от входа) стенок может указывать на устройство вдоль них спальных мест. Концентрация бытовых предметов и их обломков с восточной (правой от входа) стороны позволяет определить это пространство жилища как зону хозяйственной деятельности. Причем даже по сравнению с внежилищным пространством эта зона использовалась более активно. Эти наблюдения косвенно могут указывать на использование жилищ поселений Шилка VIII и Заостровка II в холодный период года. На зимний характер жилищ указывает и их размещение в естественно защищенных от холодного ветра местах, в лесу, вдали от реки.

Промысловое хозяйство носителей шепилевской культуры традиционно базировалось на практически круглогодичной добыче лося, который являлся самым крупным и распространенным объектом охоты для населения южнотаежных районов. Его кости были отмечены на поселении Бобровка (табл. 16). По современным подсчетам, среднесибирская популяция лося насчитывает около 30–40 тыс. особей при средней плотности около 0,7 особи на 1000 га собственных животному угодий. Высокая экологическая пластичность лося и возможности приспособления к различным кормовым и климатическим условиям обитания обеспечивают его определенную оседлость в пределах небольших участков угодий и постоянство численности, что достигалось способностью лося быстро восстанавливать свою численность в благоприятных условиях [Калецкий, 1978, с. 87 – 128].

Возможно, такие условия сложились в бронзовом веке. Многочисленные гари из-за сухого климата приводили к возникновению мелкой поросли – излюбленной пищи этого «тальникоеда», именно так называли его эвенки. В этих условиях, на наш взгляд, лось мог давать шепилевцам устойчивую обеспеченность продуктами питания, тем более что его ареал даже сейчас охватывает 75–80 % территории таежных массивов района исследования.

Охота на лося могла проводиться круглогодично активным способом с использованием собаки, лука и стрел с каменными или бронзовыми наконечниками. Во время сезонных миграций животного мог применяться загонный способ охоты при помощи, так называемой засеки, для сооружения которой использовались каменные топоры. Известно, что пути миграций лося, как правило, постоянны и они используются на протяжении многих лет. Если на пути движения возникает искусственный барьер, например изгородь, то животные, продолжая движение, огибают ее. В такой городьбе оставлялся проход, в котором устанавливались либо сторожевые луки, либо петли.

Появление зимних стойбищ указывает на оседлый образ жизни людей в этот период года. С этим, очевидно, связано распространение пассивных способов добычи птицы и мелкого зверя с использованием стационарных и подвижных ловушек (слопцов, силков, петель и других). Добыча мелкого зверя и птицы могла проводиться и активным способом, как бы попутно с другими видами хозяйственной деятельности. Судя по костным останкам, найденным на поселениях, объектами охоты были бобр, косуля и другие млекопитающие, а также птицы.

Исходя из планиграфического анализа селища Шилка VIII, следует отметить, что раскопом изучена часть поселка развитого бронзового века, состоящего из шести жилищ, построенных в один ряд. Близкая планиграфическая картина отмечается и для селища Заостровка II, где одновременный поселок состоял из 3-4 жилищ. Исходя из того, что площадь жилищ шепилевцев составляла в среднем 20 кв. м и в них могло проживать до 5 человек, средняя численность людей в поселках была небольшой, до 20–

30 человек. Указанные цифры вполне приемлемы для древнего охотничье-рыболовецкого коллектива, который схож с современными коренными народами тайги [Хлобыстин, 1974].

Возникновение таких поселений, в каждом из которых проживала группа в 20–30 человек, свидетельствует о более интенсивном освоении площадей таежных угодий. По мнению специалистов [Туров, 1990], территория в 150–200 тыс. га, т. е. 40×50 км, должна была быть достаточной для проживания такой группы, ведущей комбинированное охотничье-рыболовецкое хозяйство и интенсивно осваивающей весь комплекс угодий. Зверовая охота, несмотря на свое доминирующее положение, в зависимости от конкретного сезона могла отступать на задний план, замещаясь охотой на боровую и водоплавающую птицу, рыболовством и собирательством.

Характеристика водоемов района исследования и особенности биологии промысловых рыб предопределили несколько основных видов промысла: промысел ходовой нерестовой рыбы; промысел рыбы во время ее жировки на «ямах» и промысел во время осеннего хода рыбы в крупные реки с притоков. В конце весны – начале лета поднимавшуюся по притокам для нереста рыбу могли отлавливать поколкой с лодки в дневное или ночное время (лучением). В летний период рыба могла ловиться с помощью сетей и плетеных ловушек на «ямах». С конца лета до поздней осени, в период обратного хода рыбы из притоков в большую реку, на отмелях и перекатах в устьях рек для промысла рыбы могли устраиваться загородки из связанных вместе прутьев тальника и колов. Возможен был и зимний подледный лов рыбы с использованием крючков, спиц или поколкой через лунку. В периоды спокойной воды могли использоваться и сети, плетенные из сухожилий или волокон крапивы.

Суммируя изложенное, можно полагать, что в районах долговременных стойбищ носители шепилевской культуры применяли активные и пассивные способы интенсивного освоения угодий. Из этих стойбищ охотники выходили в кратковременные охотничьи экспедиции, протяженность маршрутов которых, как показывают наблюдения этнографов, редко

превышала 60–80 км, а общее время, затраченное на промысел копытных – 30–40 дней [Туров, 1990, с. 53].

На юге ареала культуры к присваивающим формам хозяйствования могло добавиться скотоводство. Его наличие подтверждается находкой кости коровы в пятом культурном слое поселения Бобровка. Вполне возможно, что представители шепилевской культуры в лесостепной зоне были знакомы с разведением крупного рогатого скота или получали его от своих соседей.

Надо полагать, что по сравнению с предшествующим временем в шепилевской культуре большее распространение получили бронзовые орудия. У нас нет прямых свидетельств об их местном изготовлении, возможно, они поступали от соседей. Но имея бронзовые орудия их умели затачивать. Для этого использовали каменные наковальни и молоточки, точила из песчаника и оселки. Вместе с этим сохранялись традиционные приемы обработки камня и способы изготовления из него орудий труда. В усовершенствованных неолитических традициях делались каменные топоры, тесла и скребки.

Из домашних промыслов в шепилевской культуре следует отметить кожевенное дело, обработку дерева, плетение тканей и лепку керамики. Обработка шкур проводилась, как и раньше, с помощью каменных концевых скребков. Сохраняются основные приемы обработки дерева каменными орудиями и способы изготовления плетеных нитей, отпечатки которых отмечены на внешней поверхности керамических сосудов. При лепке горшков выбивание их стенок теперь проводится не только с помощью лопатки, обмотанной витыми нитями, но и «вафельной» колотушкой. Посуду, очевидно, лепили летом, как на поселении Шепилево, где были отмечены куски формовочной массы. Сохраняется и традиционный способ защиты от кровососущих насекомых с использованием дыма от костров и переносных сосудов-дымокуров.

Начало раннего железного века в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары приходится на период, когда вся территория была покрыта

древесной растительностью. Экологические условия становятся более стабильными, а разнообразная ландшафтная структура района создает возможность для освоения территории различными группами населения, занимающимися как присваивающими, так и производящими видами хозяйствования.

На раннем этапе периода железа носители нижнепорожинской культуры сохранили традиционные для района исследования способы ведения хозяйства. Как и прежде, проводится охота на лося – единственного крупного копытного животного этого района. Продолжается добыча бобра, лисицы, на что указывает остеологический материал поселения Шилка XII/2 (табл. 17). Попутно добывалась боровая дичь. Важным источником пищи остается и рыба, которую ловили круглый год. Для лова традиционно использовали сети с грузилами из галек, на которых с двух противоположных сторон делались выемки-перехваты для привязи.

Судя по топографии памятников, общее направление хозяйственной деятельности ранних нижнепороженцев сохраняло формы своих предшественников – шепилевцев. Известные памятники расположены в долине Енисея по краю разновысотных надпойменных террас, т. е. в местах, удобных для занятия охотой и рыболовством. Наличие жилищ углубленного типа говорит о сезонной оседлости населения. По сравнению с предшествующим временем появляется новая округлая форма жилищ. Как и раньше, поселки были небольшими и состояли из пяти жилищ. Преобладают строения площадью от 10 до 13 кв. м, в которых могли проживать по 4–5 человек, и, следовательно, в поселке проживало около 20–25 человек.

На территории поселков занимались домашним хозяйством, выделкой шкур, обработкой дерева, металла и др. Небольшие совершенствования произошли в кожевенном деле, что отмечается в появлении новых орудий. Для выделки шкур вместо использовавшихся ранее каменных скребков на отщепках стали применять скребки совершенно иной формы – дисковидные, изготовленные из плоских каменных плиток. Они указывают на

заимствование новых приемов обработки шкур у соседей из лесостепных районов. Скребки из плиток, очевидно, позволяли обрабатывать шкуры не только больших размеров, но и другой технологией – на весу при сухом состоянии материала. Вполне возможно, что это было вызвано необходимостью обработки более значительного, чем раньше, количества шкур, особенно пушных зверей.

Материалы из жилищ указывают на широкое использование глиняной посуды в домашнем быту. Отмечаются горшки, банки, плошки, сосуды-дымокуры. Изготавливали посуду разными способами. Крупные емкости формовались преимущественно давними традициями – лоскутным способом с последующим выбиванием стенок, для чего применяли «шнуровую» и «вафельную» рубчатые колотушки. Небольшие плошки лепились из кома глины выдавливанием формы изнутри. Отмечаемое разнообразие сосудов в их орнаментации указывает на индивидуальное домашнее производство керамики. При несложности орнамента каждый сосуд отличается от других иными размерами и пропорциями, расположением и комбинацией элементов орнамента, числом налепных валиков и приемами их рассечения. Проникнув в таежные районы, нижнепорожинцы раннего периода сохранили использование местных сосудов-дымокуров для отпугивания кровососущих насекомых.

Возможно, таким же домашним производством было и изготовление пряжи и тканей. Несмотря на то, что орудий ткачества не найдено, его свидетельство фиксируются отпечатками витых нитей на керамике. Отмечаются оттиски тонких и толстых шнуров, сплетенных из двух нитей. Они могли получаться из волокон шерсти, крапивы или конопли.

Все большее распространение у ранних нижнепорожинцев получили бронзовые орудия. Они схожи с тагарскими формами и изготавливались местными литейщиками по моделям лесостепных культур [Членова, 2002]. Результаты спектрального анализа бронз из района исследования [Хаврин, 2006] (см. табл. 14) показали, что, за исключением единичных предметов

импортного происхождения, большинство южнотаежных бронз оловянистые, т. е. несаянского происхождения. Наличие следов бронзолитейного производства (бронзовых всплесков и глиняных льячек) указывает на местную выплавку или переплавку бронзы.

Местную выплавку допускают хорошие источники меди и олова известные на Енисейском кряже. Оловорудные проявления здесь разнотипны и связаны с пегматитами и кварцевыми жилами. Все они принадлежат к золотоносному поясу, вытянутому в меридиональном и северо-западном направлениях от правобережья р. Ангары на юге до бассейна р. Чапы (приток Подкаменной Тунгуски) на северо-западе. Россыпи касситерита отмечены на водоразделе рек Большой Мурожной и Подголечной, а также в южной части кряжа, на площадках верховий р. Хандалы и правых притоков р. Мурмы [Ли, Шохина, 1974]. В пределах Енисейского кряжа размещаются и медьсодержащие руды, которые известны на Шумахинском массиве, ряде тел по р. Енашимо, на Борисихинском массиве, а также в Приенисейской части кряжа, в низовьях рек Ангары и Большого Пита [Корнев, 1974]. Все это свидетельствует о наличии необходимой рудной базы для местной плавки бронзы. Однако самих плавильных объектов, достоверно указывающих на получение металла из руд, не найдены.

Отсюда допустима версия о переплавке металла местными мастерами. Изделия из оловянных бронз могли поступать из Рудного Алтая и, возможно, из районов Центрального Казахстана, где они доминировали в это время вместе с оловянно-мышьяковистыми бронзами на всей Западно-Сибирской равнине в таежных и лесостепных культурах [Кузьминых, 2015]. На импорт бронзовых изделий может указывать распространенная по Приангарью поясная гарнитура, серийная выборка которой получена с Усть-Тасеевского культового комплекса [Гревцов, 2013].

Широкое использование изделий из металла постепенно приводит к уменьшению разнообразия орудий из камня. Практически полностью исчезают вещи, сделанные техникой расщепления, остаются только

наконечники стрел. На поселениях чаще встречаются манупорты, абразивы и молоточки-отбойники из гальки, которыми проводили заточку и подправку лезвий металлических орудий.

Существенный перелом в формах хозяйствования древних людей, заселявших южную тайгу Среднего Енисея и низовьев Ангары, происходит в III–II вв. до н. э. Это связано с проникновением сюда сначала носителей каменско-маковской керамики цэпаньской культуры, а затем шилкинской.

Поселки становятся больше по площади, увеличивается и численность их жителей. У каменско-маковцев они состояли из 4–6 жилищ, у шилкинцев – до 8. Жилища отличались подквадратной или прямоугольной формой основания, каркасной или каркасно-срубной формой перекрытия, легким (берестяным, шкурами) или громоздким (земляным) покрытием кровли. Жилищные постройки были разные по площади. На каменско-маковских селищах площадь строений составляла от 24 до 50 кв. м. В них одновременно могло проживать от 4 до 10 человек, и, следовательно, численность жителей в поселке могла составлять до 30 человек. В жилищах шилкинцев площадью до 40 кв. м могли относительно комфортно себя чувствовать 6–8 человек, при этом численность населения в поселке (городище) могла составлять от 15 до 60 человек.

Мы уже отмечали, что численность поселка до 30 человек была необходимой и достаточной для существования охотничье-рыболовческого коллектива, комплексно осваивающего территорию таежных угодий. Поэтому обитатели поселков каменско-маковской культуры могли прокормить себя, занимаясь исключительно присваивающими формами хозяйства: охотой, рыбной ловлей и собирательством. Увеличение в таежной зоне численности поселка до 60 человек, как мы наблюдаем у шилкинцев, требовал существенных дополнительных источников пропитания. И этим дополнительным источником стало скотоводство, навыки которого они принесли с собой, переселившись в южнотаежную зону.

Доказательством этому служит остеологический материал, полученный с поселений раннего железного века, который невелик по объему, но является одним из важных свидетельств хозяйственной деятельности населения (см. табл. 17). Для определения преобладающих отраслей хозяйства по каждой культуре материалы чистых поселенческих комплексов были отделены от «смешанных». Результаты подсчетов показали разное соотношение костных остатков на поселениях раннего железного века.

Так, на поселениях всех культур отмечаются свидетельства присваивающих отраслей хозяйства – охоты и рыболовства. Как и в прежние времена, у населения раннего железного века сохраняется охота на крупных копытных: лося, марала. Очевидно, они были основными объектами мясной охоты. Одновременно проводится охота на мелких копытных – косулю и кабаргу. Для всех групп населения продолжается традиционный мясо-пушной промысел бобра и зайца. Попутно для меха добывались лисица и, возможно, волк. Весной, во время перелетов, могли промыслять гусей и уток, а осенью – боровую дичь: глухарей, рябчиков, тетеревов.

Следует отметить присутствие костей северного оленя в слое шилкинской культуры. Его проникновение в район расположения городища Шилка II связано, видимо, с кратковременным похолоданием климата в этот период. В шилкинском комплексе отмечена глиняная скульптурка соболя, что свидетельствует о пушном промысле на этого зверька. Однако нельзя исключать, что пушной промысел вообще был характерен для всех групп населения раннего железного века южнотаежной зоны Среднего Енисея и низовьев Ангары, так как соболь здесь был широко распространен. Попутно, очевидно, добывалась и белка. Археологически же зафиксировать охоту на мелкого пушного зверя очень трудно, так как разделка тушек, проходила, как правило, на месте добычи, а на поселения приносились только шкурки.

Главным оружием промысла, кроме разнообразных ловушек, был лук. У ранних нижнепорожинцев и каменско-маковцев он, очевидно, был

деревянным, с усилением концов парой костяных накладок. Это увеличивало силу натяжения тетивы и, следовательно, дальность полета стрелы.

Стрелы по виду своих наконечников подразделялись на несколько типов, очевидно, в зависимости от назначения. У всех групп населения были стрелы из бронзы, кости и рога. Шилкинцы заимствовали от соседей – цэпаньцев каменные наконечники стрел, прикрепленные к древку через роговой посредник. Они же предохраняли большой палец руки во время стрельбы, на него надевали костяной наперсток. На промысле охотник всегда носил на поясе нож, который являлся одновременно оружием. При собирательстве и других хозяйственно-бытовых операциях люди могли иметь при себе заплечную деревянную рамку (как эвенкийская или селькупская поняга), к которой крепился мешок с припасами и сосуды дымокур с ушками. Дымокуры широко использовались всеми группами населения традиционно для отпугивания кровососущих насекомых.

В тесинское время традиционно сохраняется рыбная ловля. На поселениях обнаружены кости речной рыбы – осетровых, щуки, окуня, налима, сороги. Добыча рыбы могла проводиться круглый год. Ее ловили при помощи запоров, котцев, сетей. Последние могли плести из волокон крапивы или волоса, а грузилами традиционно служили камни с выемками-перехватами, которые привязывали к кольцам из гибких ветвей. С наступлением темных осенних ночей крупную рыбу могли добывать древним способом – лучением.

Распространение скотоводства в южнотаежном районе Среднего Енисея начинается с момента прихода шилкинцев. От шилкинцев оно перенимается другими группами населения раннего железного века. В материалах поселенческих комплексов шилкинской культуры отмечаются кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи. Аналогичный состав домашних животных отмечен для позднего нижнепорожинского комплекса Шилка XIII. В материалах же ранних нижнепорожинских комплексов и каменско-маковских памятниках костей домашних животных не отмечается.

Из-за малого количества костных остатков на поселениях сегодня мы не можем говорить о численности стада у шилкинцев. Можно лишь предположить, учитывая данные по лесостепным районам, что в стаде преобладал крупный рогатый скот, на втором месте стояла лошадь, затем – мелкий рогатый скот. Судя по останкам молодых лошадей, ее выращивали для мяса, хотя могли использовать и как транспортное животное. Учитывая экологические условия района (высокий снежный покров и сильные морозы), можно говорить о том, что скотоводство здесь могло носить только придомный характер. Отсутствие орудий для заготовки кормов позволяет предположить, что содержание скота могло проводиться вольным выпасом или так же, как это делается сейчас в енисейской и ангарской долине. Летом скот выгоняют на выпас на лесные поляны и пойменные луга, а также на острова. В тех же местах устраиваются сенокосы. Сено скирдуется и зимой перевозится к стойлу, где содержится скот.

Кроме мяса в пищевой рацион населения раннего железного века входили продукты собирательства. Из ягод могли собирать бруснику, клюкву, смородину, малину, черемуху. Также мог проводиться сбор сараны и кедрового ореха, как это делало селькупское и кетское население еще в недавнем прошлом.

Важным направлением в домашнем производстве явились занятия бронзолитейным и железоплавильным делом. Особое место в деятельности начинает занимать сыродутная плавка железа, и изготовление орудий из этого металла. Наличие остатков горна, кованых железных ножей, шильев и игл указывают на высокое мастерство пришедших металлургов. Ими были носители шилкинской культуры, которые распространили железо среди других групп населения района. Знакомство населения южной тайги Среднего Енисея с железом, возможно, относится к тагарскому времени, что связано с тесными контактами ранних нижнепорожинцев с племенами Саяно-Алтайского нагорья, где железные изделия уже не редкость в памятниках раннескифского времени [Чугунов и др., 2002; Шульга, 2003:

108; Чугунов, 2005]. Широкое же освоение железа в районе исследования и в Северном Приангарье началось с тесинского времени [Привалихин, Фокин, 2003 и др.]. Этому способствовали не только принесенные или заимствованные технологии, но и доступная сырьевая база – железорудные выходы Енисейского кряжа и Приангарского плато. В степных районах Среднего Енисея, в Минусинской котловине, также до III в. до н. э. отмечают привнесенные извне железные артефакты. Самостоятельное же местное железопроизводство возникает здесь во II в. до н. э. – I в. н. э. под влиянием пришлых мастеров [Сунчугашев, 1979, с. 20; Зиняков, 1980, с. 73; Членова, 1992, с. 222; Завьялов, Терехова, 2015]. С тесинского времени в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары начинают распространяться разнообразные орудия, с помощью которых проводилась заточка и подправка острий инструментов из металла. Практически на каждом поселении отмечаются каменные молоточки, наковальни, точила, гладилки [Korobkova, Mandryka, Volkov, 2008]. Эта особенность сохранится в тайге Восточной Сибири до позднего Средневековья [Мандрыка, Князева, 2011].

Из других домашних промыслов в тесинское время следует отметить свидетельства косторезного дела (находки костяной стружки, заготовок наконечников стрел в куче мусора на городище Шилка II, многочисленных поделок из кости и рога). Сохраняется, очевидно, прядение и ткачество. Особое место занимала выделка шкур. Для этого использовали каменные и керамические скребки – одну из наиболее многочисленных категорий находок, особенно на поселениях шилкинской культуры. Широкое распространение орудий этого типа, по-видимому, было связано не только с нехваткой металла, но и с традиционностью производства, перенятого у местных племен. Трасологические исследования скребков показали, что толстые шкуры с относительно крупных животных преимущественно выдывались первично, т. е. для получения полуфабриката и, возможно, для заготовки впрок. Экспериментальными работами специалистов было установлено, что керамические скребки близки по производительности

современным металлическим концевым скребкам на рукоятке [Семенов, Коробкова, 1983, с. 88].

Производство посуды и керамических изделий занимало не менее важное место в жизни и деятельности людей тесинского времени. Оно находилось на уровне домашнего производства, а глиняная посуда использовалась преимущественно в пределах одного небольшого коллектива. Нельзя исключать, что у шилкинцев производство керамической посуды находилось в руках специалистов-гончаров, снабжавших своей продукцией основную часть соплеменников. Глиняная посуда использовалась широко. Из нее ели, в ней хранили и варили пищу. Варку пищи проводили нагретыми в очаге камнями, а также закапывая в угли очага.

Большое значение в жизни шилкинского населения занимало военное дело. Впервые в истории района появляются укрепленные поселения – городища. На знание военного дела указывает и оригинальный оружейный набор: бронзовые и костяные наконечники стрел, костяной «кинжал» с кровостоком, роговой наперсток лучника, а также железный меч с прорезной рукоятью и кольцевым навершием [Привалихин, Фокин, 2003, с. 19, рис. 2, 1]. Возможно, возле своих укрепленных поселков шилкинцы держали собак, строя им специальные постройки, как это делали тунгусы на Нижней Тунгуске. В дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта от 16 июля 1723 г. отмечено, что «кроме жилой юрты строят они сарай для собак, которых они держат много и разводят для них открытый огонь, тем не менее, они часто замерзают» [Мессершмидт, 2003].

Шилкинцы защищали городищами свою территорию от посягательств соседей, ранних нижнепорожинцев и носителей каменско-маковской керамики или каких-то других групп народов лесостепной зоны, например, носителей красноярского варианта тагарской культуры. Последнее предположение основано на дислокации городищ только на южной периферии ареала шилкинской культуры.

Поздние нижнепорожинцы вопитали достижения своих предшественников, но при этом в культуре их хозяйствования отмечаются новые привнесенные со стороны элементы. Судя по изученному строению на селище Шилка XIII, жилища теперь небольших размеров, всего 9,6 кв. м. Они устраиваются над квадратными неглубокими котлованами с коридорообразным входом и деревянным каркасным четырехскатным перекрытием, опирающимся на два вертикальных столба. Новым элементом убранства жилища становится очаг квадратной формы, он, очевидно, обносится рамой.

В рационе питания существенно увеличивается доля продуктов, полученных от содержания крупного и мелкого рогатого скота. Сохраняется источник мяса от добычи крупных и средних диких животных – лося, марала, косули. Попутно промышляется бобр, лисица.

Устройство поселков носителей керамики с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом остается на сегодняшний день неизученными. На раскопанных же площадках без жилых строений фактов, указывающих на формы хозяйствования этого населения, немного. Кости животных здесь единичны, но даже по ним можно предположить, что основу хозяйства составляли скотоводство (содержание мелкого рогатого скота), охота на лося, мелких копытных (кабаргу), птиц и рыболовство. При этом трудно определить, какой источник мясной пищи был основным. Очевидно, здесь сочетались присваивающие и производящие формы.

Будучи выходцами из степных и лесостепных районов, носители валиковой поздней нижнепорожинской керамики и керамики с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом (т. е. керамики таштыкского облика) принесли с собой традиционные для них навыки содержания и выпаса скота. Важным источником существования этих таштыкских по облику племен на их исторической родине выступало земледелие. Именно этим можно объяснить появление в южнотаежном районе орудия, косвенно указывающего на занятие земледелием. Имеется в виду находка на

поселении Зимовейное обломка верхней плиты (куранта) зернотерки. В силу экологических условий района земледелие здесь могло носить лишь локальный, ограниченный характер с использованием преимущественно ручных пахотных орудий, например, мотыги. Но это гипотеза требует дальнейшего изучения. В любом случае производящие формы хозяйствования не могли в полном объеме обеспечить население южной тайги продуктами питания, поэтому присваивающие формы имели не меньшее значение.

Охотничий промысел проводился средствами и способами, которые традиционно были распространены в среде таежного населения: при помощи лука и копья, ловушками и кляпцами. Сохранились и традиционные способы ловли рыбы – с помощью сетей. Из домашних производств можно отметить бронзолитейное и железоплавильное дело, изготовление посуды, резьба по кости, обработка шкур, шитье одежды и др.

Такой же характер домашних производств и промыслов наблюдается и на археологических комплексах с керамикой айканского типа. Стоит отметить особенности устройства жилища на поселении Айканка, что, очевидно, связано с характером освоения территории. Полуземлянка была врезана в крутой склон борта русла речки с подветренной стороны. Перед входом в него совершенно не было ровной площадки и, следовательно, к двери подходили по узкой тропинке. Так обычно устраивают охотничье зимовье, место которого защищено от ветра и удобно для скрытного наблюдения над звериной тропой (звери, как правило, их прокладывают по дну логов). На сезонный характер постройки может указывать и его площадь, всего 8 кв. м, т. е. приспособленное для проживания в нем одного-двух человек. Постройка сооружалась для проживания в период охоты. Из остеологического материала в ней найдены кости лося.

Рыболовство также могло занимать важное место в хозяйстве айканцев. Добывали рыбу сетями с грузилами из галек. Судя по материалам из пещер Красноярского района, рыбу также ловили железными крючками и

специальными костяными спицами, заостренными с обоих концов и привязанными к жилке через выемки-перехваты посередине [Комплексное..., 1996, с. 113, рис. 9, 13-16].

Таким образом, хозяйство населения южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары на всем протяжении эпохи палеометалла носило комплексный присваивающий характер, в котором преобладали охота, рыболовство и собирательство. В период раннего бронзового века с юга начинают проникать первые признаки производящей экономики в виде скотоводства, основанного на выращивании мелкого рогатого скота. Хозяйство шепилевцев тоже было многоотраслевым, сочетавшее на севере ареала преимущественно охотничье-рыболовческий характер, а на границе с лесостепью еще и с элементами скотоводства. Ранние нижнепорожинцы и каменско-маковцы традиционно занимались охотой и рыболовством, собирательством и домашними ремеслами. Шилкинское же население, появившись в районе в тесинское время, выступило распространителем навыков скотоводства, получения железа из местных руд, при этом оно переняло у автохтонных племен формы хозяйствования и способы добычи пропитания присваивающей экономики. В таштыкское время как у носителей керамики с полулунно-зубчатым штампованным орнаментом, так и у носителей керамики айканского типа хозяйство носило комплексный характер, в котором сочетались охота, рыболовство и собирательство со скотоводством и, возможно, земледелием.

На всем протяжении эпохи палеометалла, несмотря на традиционность и известную консервативность присваивающих промыслов, в нем отмечается интенсификация старых и изобретение новых. Вместе с этим в пределах ареала присваивающей экономики отмечается и тенденция к расчленению подвижных и оседлых элементов хозяйства, связанных с сезонностью этих промыслов. Оставаясь таежными охотниками, рыболовами и собирателями племена южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары для собственных потребностей изготавливали посуду, ткани и другие предметы быта. Нельзя

исключить, что какая-то часть некоторых продуктов хозяйства и домашнего производства готовилась для обмена с соседними племенами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования археологических памятников южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары позволили получить и ввести в научный оборот совершенно новый обширный материал бронзового и раннего железного веков. На основе полученных данных разработана культурно-историческая периодизация этого района (рис. 121–123), предложены ареалы культурных образований (рис. 124–128). Систематизация археологического материала, установление относительной и абсолютной хронологии однослойных и многослойных стратифицированных комплексов, привлечение данных с других памятников района позволили определить их культурную принадлежность и выделить этапы развития древних культур, выявить генезис и характер связей с культурами сопредельных территорий, провести реконструкцию экономики древнего населения района.

Археологические исследования южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары показали, что на всем протяжении бронзового и раннего железного веков эта территория была пограничной зоной, где происходили сложные процессы контактов трех различных этнокультурных регионов – западносибирского, восточносибирского и южносибирского (Саяно-Алтайского). В отдельные периоды это приводило к ассимиляции местного населения и сложению синкретичных культур на местной основе. Но были и периоды, когда вторжение пришлых групп населения приводило к изменению этнокультурной обстановки.

Период от позднего неолита к раннему бронзовому веку приходится на середину III тыс. до н. э. В это время в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары на местной неолитической основе под влиянием пришлого западносибирского населения формируется культура, несущая в себе соединенные черты носителей керамики с отступающе-накольчатой и

шагающе-гребенчатой орнаментацией. Это население послужило субстратом и приняло участие в этногенезе последующих культурных образований. Предполагается, что район исследования вместе с Красноярской и Канской лесостепью, Северным Приангарьем и Прибайкальем был заселен родственными группами населения, составляющими единый культурный пласт.

С конца III тыс. до н. э. в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары наступает бронзовый век, главным критерием начала которого мы считаем появление орудий из металла. В это время сюда неоднократно поступал приток нового населения из прилегающих западных и восточных районов. Это привело к сложению двух культурных образований: носителей керамики с гребенчатой орнаментацией (бобровского типа) и носителей «шнуровой» керамики с орнаментом, нанесенным пальцами (усть-шилкинского типа). Формирование бобровского керамического типа связано с изменением местных неолитических традиций в результате связей с западносибирскими племенами и населением из правобережных енисейских районов Восточной Сибири. Сформировавшийся культурно-хронологический комплекс составляет оригинальный местный южнотаежный вариант развития культуры раннего бронзового века в рамках единого пунктирно-гребенчатого пласта Средней Сибири. Бобровские комплексы органично включают зубчатые, пунктирно-гребенчатые и «толстошнуровые» традиции. За распространением западносибирских культурных традиций, возможно, стоит продвижение этнических групп урало-сибирской общности, возможно, прауральцев. Появление носителей керамики усть-шилкинского типа на берегах Енисея в районе исследования связано, очевидно, с какой-то миграционной волной носителей «валиковой» керамики из западных районов Евразии и северных территорий Восточной Сибири, с распространением среди населения «керамической моды» по оформлению поверхности сосудов отпечатками шнура. Можно допустить, что за носителями «шнуровой» керамики стоят какие-то этнические группы древних палеоазиатов или

праюкагиров. В обеих выделенных группах населения сохраняется использование каменных орудий, изготовленных в неолитических традициях, и распространяются знания о свойствах бронзы как материала для изготовления новых орудий труда.

С середины II до начала I тыс. до н. э. в южной тайге Среднего Енисея и низовьях Ангары на усть-шилкинской керамической традиции, но под влиянием ымыяхтахской развилась своеобразная культура развитого и позднего бронзового века – шепилевская. Проведенная сравнительно-типологическая характеристика имеющихся комплексов позволила воссоздать генезис развития этой культуры, существовавшей на берегах Енисея и сопредельных восточных таежных и лесостепных районах. Хозяйство шепилевцев традиционно базировалось на охоте и рыбной ловле. Ассимилятивные связи носителей ымыяхтахской культуры с носителями других традиций приводили, вероятнее всего, к образованию этнических групп, входящих в праюкагирскую этнокультурную общность, что позволяет считать шепилевцев одной из таких групп.

Параллельно шепилевцам в конце бронзового века в районе исследования отмечаются памятники с керамикой самоделкинского типа, которые продолжают бобровскую линию развития. Носители этой традиции также были подвержены влиянию со стороны ымыяхтахского населения из глубинных районов тайги, что выразилось в присутствии керамики с «вафельным» и рубчатым техническим декором.

Анализ материалов памятников раннего железного века позволил выделить на территории южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары несколько археологических культур, отражающих сложную картину этнических процессов, протекавших на этой территории.

В тагарское время (VII–III вв. до н.э.) южнотаежная зона енисейской долины была занята населением раннего этапа нижнепорожинской культуры. По материалам культуры отмечается проникновение в южную тайгу элементов лесостепной тагарской и староалейской культур, что находит

подтверждение в отдельных деталях погребального обряда, украшениях и копировании форм бронзовых орудий. Более отчетливо это прослеживается на примере керамики, в распространении сосудов баночной формы с каплевидным сечением венчика. Отсутствие следов лощения на стенках и присутствие разнообразного орнамента с отпечатками «вафельного» технического декора указывает на местное производство керамики, которое проводилось с сохранением автохтонных традиций, но с подражанием или, скорее всего, под влиянием юго-западных соседей. Очевидно, осуществлялся и непосредственный взаимный обмен предметами материальной культуры. Нижнепорожинская культура сформировалась на местной основе, продолжавшей шепилевские традиции, но под значительным влиянием соседей из Южной Сибири и равнинного Алтая. Скорее всего, она выступала посредником между культурами степей и лесостепи и народами сибирской тайги. Обратное влияние лесных народов на степняков выражается в распространении некоторых элементов орнаментации керамики и бронзовых изделий.

В III–II вв. до н. э. таежная зона долины Енисея заселяется таежным по происхождению населением цэпаньской археологической общности. Сохраняя преемственность бобровско-самоделкинской линии развития, енисейские материалы демонстрируют своеобразный поздний вариант цэпаньской культуры, для которого характерна керамика каменско-маковского типа. Носители керамики каменско-маковского, взвозовского и карабульского типов цэпаньской культуры использовали близкие способы орнаментации – приостренными или зубчатыми отступающе-накольчатыми оттисками. Различия же в культуре населения Енисея и Ангары можно объяснить разницей признаков культуры ядра и периферии, степенью влияния соседей на окраине общности.

Во II в. до н. э. на территорию южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары вторгается новое население. Доминирующим компонентом в шилкинской культуре выступали племена, подверженные влиянию хунну.

Взаимоотношения шилкинцев с местными племенами южной тайги в долине Среднего Енисея носили военный характер, на что могут указывать впервые появляющиеся здесь городища. Шилкинская культура существовала параллельно тесинской Минусинской котловины и позднеатагарской из Красноярского района. Картографирование имеющихся на сегодняшний день памятников, показало, что позднеатагарская керамика распространяется на север по долине р. Енисей только до Казачинского порога [Мандрыка, 2001б], т. е. только до самого южного городища шилкинцев.

Памятники тесинского времени южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары демонстрируют проникновение в район еще одной инородной группы населения – носителей керамики, украшенной тонкими налепными валиками. Эта традиция также принесена из южных и юго-восточных районов носителями элементов хуннской культуры.

В начале I тысячелетия н. э. в районе исследования складываются комплексы позднего этапа нижнепорожинской культуры. Они локализируются только в долине Енисея и формируются из пережиточных элементов ранних нижнепорожинцев, шилкинцев и носителей тонковаликовой керамики, но под воздействием новой волны переселенцев. Последние были носителями керамики таштыкского облика и, возможно, выходцами из Южной Сибири. Долина нижней Ангары в ареал этой культуры не входила, по крайней мере, ее памятники там пока не известны.

Присутствие таштыкских компонентов в южной тайге Среднего Енисея продолжается и в III в. н. э. с появлением поселений с керамикой, украшенной полулунно-зубчатой орнаментацией. Они свидетельствуют о проникновении отдельных групп населения из юго-западных лесостепных районов Чулымо-Енисейского междуречья, которые принесли свою культуру таштыкского облика и, очевидно, сохранили ее в окружении другого населения. Последние оставили в районе исследования памятники с керамикой айканского типа, украшенной тонкими обмазочными валиками. В лесных и лесостепных районах Средней Сибири эта керамика

демонстрирует варианты и генезис одной культуры, которая существовала в первой половине I тысячелетия н. э. и выступила основой для формирования средневековых комплексов с тонковаликовой керамикой.

Представленный культурогенез в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары, основанный на различных типах керамики позволяет говорить о существовании в районе исследования различных этнических групп населения, имевших разное происхождение.

На протяжении всего бронзового века у населения района основными источниками существования оставались охота, рыбная ловля и собирательство. Только с тесинского времени к присваивающим формам хозяйствования стабильно добавились скотоводство. Этому способствовало не только появление нового населения из южных районов Сибири, но и изменение экологических условий, а также применение пришельцами рационального опыта освоения новых, порой не совсем благоприятных для производящих форм хозяйствования территорий.

Проведенное археологическое изучение южной тайги Среднего Енисея и низовьев Ангары позволило предложить культурно-историческую периодизацию одного из районов Средней Сибири и раскрыть еще одну из малоизвестных ранее страниц истории Евразии. Исследования показали, что народы южной тайги, будучи на северной периферии кочевого мира, вдали от мировых цивилизаций, были не только вовлечены в общие культурно-исторические процессы, протекавшие на Евразийском континенте, но и внесли определенный вклад в развитие общечеловеческой культуры.

Список источников

1. Абдулина Ю. А. Отчет об итогах паспортизации археологических памятников Большемуртинского и Казачинского районов Красноярского края в 2004 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 44. – 126 л.
2. Абдулина Ю. А. Отчет о результатах археологических раскопок на поселении Заостровка–2 в Казачинском районе Красноярского края в 2006 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 51. – 65 л.
3. Абдулов Т. А. Отчет о полевых исследованиях Канского разведочного отряда в Красноярском крае в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №12126. – 109 л.
4. Акимова Е. В. Отчет о полевых исследованиях в Красноярском крае. 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11190. – 76 л.
5. Буровский А. М. Отчет о полевых исследованиях в Сухобузимском и Большемуртинском районах Красноярского края, проведенных в июле 1987 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 12424. – 79 л.
6. Дзюбас С. А. Отчет о полевых археологических исследованиях 1988 г. в Канском районе Красноярского края // Архив ИА РАН. – Р-1. № 15225. – 179 л.
7. Дроздов Н. И. Дневник Северо-Ангарской археологической экспедиции 1974–1975 г. // Научный архив ККМ. – № 710, оп. 5, д. 105. – 95 л.
8. Дроздов Н. И. Отчет о полевых исследованиях Северо-Ангарской археологической экспедиции в Северном Приангарье 1975 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 6171. – 82 л.
9. Коваленко Л. В. Отчет о проведении разведочных работ в Казачинском районе Красноярского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 20057. – 20 л.
10. Коваленко Л. В. Отчет о проведении раскопочных работ на стоянке Островки–2 в Казачинском районе Красноярского края в 1996 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. №21532. – 24 л.

11. Леонтьев В. П. Отчет о полевых исследованиях в Казачинском и Енисейском районах. Красноярский край. 1980 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 8125. – 18 л.
12. Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Большемуртинском и Богучанском районах в 1982 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 9104. – 139 л.
13. Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции Красноярского краеведческого музея в 1983 г. в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11025. – 118 л.
14. Макаров Н. П. Отчет по археологическим разведкам и раскопкам в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края в 1984 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 10455. – 137 л.
15. Макаров Н. П. Отчет по археологическим разведкам и раскопкам в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 10746. – 132 л.
16. Макаров Н. П. Отчет по археологическим разведкам и раскопкам в Емельяновском и Большемуртинском районах Красноярского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11843. – 91 л. (Дополнение: Р-1. № 11843а. – 9 л.).
17. Макаров Н. П. Отчет об археологических разведках и раскопках 1987 г. в Емельяновском, Сухобузимском, Большемуртинском и Казачинском районах Красноярского края // Архив ИА РАН. – Р-1. № 12361. – 175 л.
18. Макаров Н. П. Отчет об археологических раскопках в Емельяновском, Сухобузимском, Большемуртинском и Казачинском районах (стоянки Караульный Бык, пещеры Еленева, стоянок Усть-Шилка, Боровое, Пискуновский камень) в 1988 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 13323. – 104 л.
19. Макаров Н. П. Отчет об археологических раскопках и разведках 1989 г. Красноярского краеведческого музея в Емельяновском, Сухобузимском,

- Березовском и Казачинском районах Красноярского края // Архив ИА РАН. – Р-1. № 14095. – 116 л.
20. Максименков Г. А. Отчет об археологических работах в окрестностях г. Канска Красноярского края в 1959 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 1962. – 20 л.
21. Максименков Г. А. Отчет об археологическом обследовании отряда Красноярской экспедиции р. Хантайка, р. Курейка и Нижнего течения Енисея в 1961 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 2354. – 12 л.
22. Макулов В. И. Отчет о полевых исследованиях в Богучанском районе Красноярского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 12066. – 87 л.
23. Макулов В. И. Отчет о полевых исследованиях в Тунгусо-Чунском районе Эвенкийского Автономного округа, Богучанском и Большемууртинском районах Красноярского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 16098. – 166 л.
24. Мандрыка П. В. Отчёт об археологической экспедиции краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 11970. – 77 л.
25. Мандрыка П. В. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда археологической экспедиции Красноярского Краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1988 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 2. – 233 л.
26. Мандрыка П. В. Отчет о полевых археологических исследованиях в Емельяновском, Большемууртинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 13869. – 155 л.
27. Мандрыка П. В. Отчет об археологических исследованиях в Емельяновском, Сухобузимском, Большемууртинском и Казачинском районах Красноярского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 15680. – 139 л.

28. Мандрыка П. В. Отчет об археологических исследованиях 1991 г. в Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском районах Красноярского края // Архив ИА РАН. – Р-1. № 16729. – 323 л.
29. Мандрыка П. В. Отчет о рекогносцировочных археологических исследованиях в Большемуртинском и Казачинском районах Красноярского края в 1992 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 17529. – 145 л.
30. Мандрыка П. В. Отчет о работе по инвентаризации археологических памятников Большемуртинского и Казачинского районов Красноярского края в 1992 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 07. – 102 л.
31. Мандрыка П. В. Отчет о проведении стационарных археологических раскопок на стоянке-могильнике Усть-Шилка–2 в Казачинском районе и поселении Бобровка в Большемуртинском районе Красноярского края в 1993 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 17780. – 158 л.
32. Мандрыка П. В. Отчет о проведении археологических раскопок на стоянке-могильнике Усть-Шилка 2 в Казачинском районе и поселении Бобровка в Большемуртинском районе Красноярского края в 1994 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 18656. – 113 л.
33. Мандрыка П. В. Отчет о проведении археологических охранных раскопок поселения Бобровка в Большемуртинском районе Красноярского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 19338. – 102 л.
34. Мандрыка П. В. Отчет о проведении археологических раскопок на стоянке-могильнике Усть-Шилка 2 в Казачинском районе Красноярского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 19721. – 112 л.
35. Мандрыка П. В. Отчет о проведении археологических разведок в Мотыгинском, Енисейском и Казачинском районах Красноярского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 19722. – 133 л.
36. Мандрыка П. В. Отчет о результатах охранных археологических раскопок поселения Бобровка в Большемуртинском районе Красноярского края в 1996 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 14. – 74 л.

37. Мандрыка П. В. Отчет о результатах обследования местонахождения петроглифов Островки-3 в Казачинском районе Красноярского края в 1996 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 16. – 114 л.
38. Мандрыка П. В. Отчет о проведении археологических разведок в Енисейском районе Красноярского края в 1996 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 20485. – 87 л.
39. Мандрыка П. В. Отчет о результатах охранных археологических раскопок поселения Бобровка в Большемурутинском районе Красноярского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 21244. – 99 л.
40. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических исследований в окрестностях города Лесосибирска Красноярского края в 1998 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 22113. – 106 л.
41. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических исследований в окрестностях города Лесосибирска, в Енисейском и Казачинском районах Красноярского края и в Октябрьском районе города Красноярска в 1999 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 24144. – 158 л.
42. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологического исследования поселения Стрелковское-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2002 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 34.
43. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических исследований на комплексе Усть-Шилка-2 и поселении Шилка-8 в Казачинском районе Красноярского края в 2002 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 35. – 106 л.
44. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических исследований в Казачинском и Енисейском районах Красноярского края, а также в черте города Красноярска в 2003 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 40. –
45. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок на комплексе Усть-Шилка-2, поселении Заостровка-2 и селище Шилка-12 в Казачинском районе Красноярского края в 2004 г. // Архив ИА РАН. – Р-1. № 24453. –

46. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок на комплексе Усть-Шилка–2 и селище Шилка–12 в Казачинском районе Красноярского края в 2005 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 45. – 145 л.
47. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических разведок в Большемуртинском, Казачинском и Кежемском районах Красноярского края в 2006 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 49. – 275 л.
48. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок на комплексе Усть-Шилка–2 и селище Шилка–12 в Казачинском районе Красноярского края в 2006 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 50. – 131 л.
49. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок на комплексе Усть-Шилка–2 в Казачинском районе Красноярского края в 2007 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 53. –
50. Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях Красноярского краевого музея летом 1964 г. // Научный архив ККМ. – № 701, оп. 5, д. 96. – 44 л.
51. Нащокин Н. В. Дневник археологической экспедиции Красноярского краевого музея. 1965 г. // Научный архив ККМ. – № 704, оп. 05, д. 99. – 72 л.
52. Николаев Р. В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1959 г. в г. Енисейске, на р. Кеть и р. Подкаменная Тунгуска // Архив ИА РАН. – Р-1. № 1943. – 45 л.
53. Окладников А. П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК, ф.2, оп. 1937, д. 222. – 32 л.
54. Окладников А. П. Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления, подтопления и строительства Ангарской ГЭС. 1952 г. // Архив ИИМК.
55. Окладников А. П. Отчет о раскопках на Сосновом острове Ангары. Об исследованиях на Северном и Лесном островах на Ангаре летом 1952 г. // Архив ИИМК.

56. Окладников А. П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией на Лесном острове в 1953 г. // Архив ИИМК.
57. Окладников А. П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией на Сосновом острове в 1954 г. // Архив ИИМК.
58. Окладников А. П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией в бассейне Верхней Ангары в 1955 г. // Архив ИИМК.
59. Терехов А. С. Отчет об археологических исследованиях в Пировском и Енисейском районах Красноярского края, а также окрестностях городов Красноярска и Лесосибирска в 2002 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 38. – 117 л.
60. Терехов А. С. Отчет об археологических исследованиях в Большемуртинском и Енисейском районах Красноярского края в 2003 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 39. – 64 л.
61. Тугаринов А. Я. Отчет по музею Приенисейского края за 1920 г. (32 год существования) // Научный архив ККМ. – № 1600, оп. 01, д. 357. – 54 л.
62. Фокин С. М. Отчет об археологической разведке в Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1999 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 23. – 32 л.
63. Фокин С. М. Отчет об археологической разведке в Казачинском районе Красноярского края в 2000 г. // Архив ЛА СФУ. – Р-1. № 30. – 29 л.
64. Яворский А. Л. (1925) Воспоминания о красноярском периоде жизни А.Я. Тугаринова. кр. д. 1905–1925 г. // Архив ККМ. – В/ф. № 6575/40.

Список литературы

1. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 148 с.
2. Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л., Фролов Я. В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 52–55.
3. Абдулина Ю. А. Материалы жилища переходного периода от бронзового к железному веку поселения Заостровка–2 на среднем Енисее // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVII региональной (III-й Всеросс. с международным участием) археол.-этнограф. конф. студ. и мол. ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 44–45.
4. Абдулина Ю. А. Керамика поселения Заостровка–2 по материалам раскопок 2007 года // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX регион. археол.-этнограф. студ. конф. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – С. 91–92.
5. Абдулина Ю. А., Мандрыка П. В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – Вып. 5. – С. 168–174.
6. Абдулов Т. А., Абдулов А. Т. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Ручей Дубинский I // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – Вып. 4. – С. 5–18.
7. Абрамова М. П. Подкумский могильник. – М: Наука, 1987. – 182 с.
8. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1972. – 344 с.
9. Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Погребения со стоянки Окуневка в Северном Приангарье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия,

- палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4. – С. 19–29.
10. Акимова Е. В., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып. 1. – С. 62–82.
  11. Акишев К. А. Культура саков долины Или (VII–VI вв. до н.э.) // Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.
  12. Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Наука, 1978. – 132 с.
  13. Аксянова Г. А. Антропология тюркских народов Сибири // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 11–25.
  14. Александровский А. Л. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. – М.: Наука, 1983. – 150 с.
  15. Алексеев А. И. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996а. – 144 с.
  16. Алексеев А. И. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – 96 с.
  17. Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: СО АН СССР, 1961. – С. 377–385.
  18. Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. – М.: Логос, 2000. – 368 с.
  19. Андреев Г. И. Памятники I тыс. до н.э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 44–47.
  20. Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1964. – Вып. 101. – С. 94–98.
  21. Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1966. – Вып. 106. – С. 106–110.

22. Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. – 1965. – № 3. – С. 100–113.
23. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков – СПб.: Б. и., 1914. – 89 с. – (МАЭ; Т. 2, вып. 2).
24. Археологическая Тувинская экспедиция (1929 г. Рук. С. А. Теплоухов) // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Отд. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. – Л., 1930. – С. 14–16.
25. Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, Т. А. Ключников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 287–291.
26. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) / В. С. Славинский, А. А. Анойкина, А. Г. Рыбалко, Е. А. Казакова, К. И. Милютин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 194–213.
27. Археологические памятники рек Чуны и Тасеева в Северном Приангарье / Ю. А. Гревцов, А. Ю. Тарасов, В. Г. Буторин, А. А. Бокарев // Проблемы археологии Северной Азии. (Тезисы докладов XXVIII РАСК). – Чита: Читинский пединститут, 1988. – С. 77–79.
28. Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Шалунин Бык / Н. П. Макаров, П. В. Мандрыка, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Зубарева // Палеогеография Средней Сибири. – Красноярск, 1995. – Вып. 2. – С. 113–135.
29. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 222 с.

30. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века: (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 150 с.
31. Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.
32. Бадер О. Н. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ Тагила // Первое Уральское археологическое совещание. – Молотов, 1948. – С. 37–40.
33. Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.
34. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
35. Баташев М. С., Макаров Н. П. К вопросу о культурогенезе народов Приенисейского края // Сиб. локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: Материалы II Параславянских чтений. Красноярск, 15 декабря 1998 г. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998а. – С. 29–33.
36. Баташев М. С., Макаров Н. П. Новые данные по древней истории Нижнего Енисея по результатам археолого-этнографической разведки 1998 г. // Сиб. локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: материалы II Параславянских чтений. Красноярск, 15 декабря 1998 г. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998б. – С. 78–79.
37. Баташев М. С., Макаров Н. П. Культурогенез таежных народов нижнего Енисея. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2000. – 35 с.
38. Безруких В. А., Кириллов М. В. Физическая география Красноярского края и республики Хакасии: учеб. пособие. – Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1993. – 192 с.
39. Безъязыков Л. В. Красноярск изначальный. – Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1978. – 192 с.

40. Беликова О. Б. Среднее Пичулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.
41. Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 244 с.
42. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
43. Берг Л. С. Некоторые соображения о послеледниковых изменениях климата и о лесостепье // Вопросы географии. – 1950. – Вып. 23. – С. 97–118.
44. Бердников И. М. Усть-Бельская керамика в контексте неолитических традиций Прибайкалья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008. – С. 88–89.
45. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.
46. Березин Д. Ю. Визуальная характеристика керамики поселения Усть-Илим // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 18–38.
47. Березин Д. Ю. Бронзовые изделия со стоянки Окуневка // История и культура Востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2002. – Т. 2. – С. 33–35.
48. Бирюлева К. В. Тонковаликовая керамика Нижнего Приангарья: Проблемы и перспективы изучения // Междунар. полевая школа в Болгаре: сб. материалов итоговой конф. – Казань, Болгар, 2015. – С. 58–64.
49. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамПГУ, 1999. – С. 5–109.

50. Бобров В. В. Алтайские мотивы в тагарском зверином стиле // Изв. Лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1970. – Вып. 2. – С. 109–113.
51. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.
52. Бобров В. В., Новгородченкова И. В. К проблеме валиковой керамики Притомья // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: тез. докл. обл. науч. конф. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1987. – С. 156–159.
53. Бобров В. В. Эхо Аржана, или археологические культуры на хронологической полке // Вестник ТГУ. История. – 2017. № 49. – С. 42-45.
54. Боброва А. И. Катайгинское городище III – новый памятник раннего железного века с Верхней Кети (предварительное сообщение) // Археологи Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвященный 70-летию профессора Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 301–305.
55. Богучанская археологическая экспедиция / А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, С. В. Колонцов, Г. И. Марковский, С. А. Ломанович, А. А. Присекайло, А. А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 105 с.
56. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007 – 2012 годы) // Труды Богучанской археолог. экспедиции. – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.
57. Боковенко Н. А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 1998. – С. 50–55.
58. Бородаев В. Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха–I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 25–49.

59. Бородовский А. П. Керамические скребки для обработки кожи из ирменского поселения Милованово-3 // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – № 8. – С. 28–36.
60. Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики // ЗОРСА РАО. – 1915. – Т. XI. – С. 91–101.
61. Брицына М. П. Рельеф и почвообразующие породы центральной части Красноярского края // Природное районирование центральной части Красноярского края и некоторые вопросы природного хозяйства. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 27–46.
62. Бурилов В. В. Материалы раскопок многослойных памятников Бадарма I, III на Средней Ангаре // Источники по археологии Средней Азии (1935–1976 гг.). – Новосибирск: Наука, 1980а. – С. 76–96.
63. Бурилов В. В. Поселение Тушама на Средней Ангаре // Археологический поиск: Северная Азия. – Новосибирск: Наука, 1980б. – С. 32–42.
64. Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭЖе // Древние культуры евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 85–90.
65. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
66. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1999. – 440 с.
67. Вадецкая Э. Б., Поселянин А. И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. – Абакан: Хакас. книжное изд-во, 2015. – 210 с.
68. Вайнштейн С. И. К вопросу об этногенезе кетов // КСИЭ. – 1951. – Вып. XIII. – С. 3–7.
69. Вайцехович А. Г., Мандрыка П. В. Результаты археологической разведки нижнего течения реки Ангары // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – С. 129–131.

70. Васильев Е. А. Особенности формирования и генезиса первобытных культур таежной полосы Западной Сибири // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Том. ун-т, 1993. – С. 12–13.
71. Васильевский Р. С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск, 1978. – Вып. 2. – С. 131–150.
72. Васильевский Р. С., Бурилов В. В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 202–284.
73. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.
74. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Седякина Е. Ф. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 53–75.
75. Васютин А. С., Ширин Ю. В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово, 2002. – С. 78–92.
76. Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: Наука, 1971. – Вып. 27. – С. 275–299.
77. Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: к 50-летию канд. ист. наук Буланкова В. В.: сб. науч. тр. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2011. – Вып. 1. – С. 108–113.
78. Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 88–114.

79. Виноградов А. В. Эюд о таштыкской керамике // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, ЛНИАО, 1991. – С. 248–256.
80. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1889а. – Т. XX. – Вып. 1. – С. 1–42.
81. Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1889б. – Т. XX. – Вып. 2. – С. 1–35.
82. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
83. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
84. Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.
85. Воробьева Г. А., Горюнова О. И. Особенности осадконакопления и периодизация позднеголоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. – Улан-Удэ: Изд-во ТОО «Олзон» при БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. 2. – С. 11–13.
86. Воскресенский С. С. Геоморфологическое районирование юга Сибири // Вопросы географии. – 1959. – Сб. 46 М. – С. 3–13.
87. Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 310 с.
88. Галахов Н. Н. Климат зоны травяных лесов и островов лесостепи Красноярского края // Природное районирование центральной части Красноярского края и некоторые вопросы пригородного хозяйства. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 5–26.
89. Гаркуша Ю. Н., Марченко Ж. В., Гришин А. Е. Погребения на стоянке Пашина (Северное Приангарье): проблемы определения хронологической и культурной принадлежности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. – С. 186–197.

90. Генералов А. Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. – 1979а. – Вып. 157: Памятники первобытной культуры. – С. 43–47.
91. Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1979б. – 21 с.
92. Генералов А.Г., Дзюбас С.А. К вопросу об изучении бронзового века Канской лесостепи // Палеоэкологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 121–126.
93. Генералов А. Г., Дзюбас С. А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. – С. 133–143.
94. Генинг В. Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники Урало-Казахстанских степей: сб. науч. тр. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 72–101.
95. Геоморфологическое районирование СССР // Труды: Комиссия по естественно историческому районированию СССР. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – Т.2. – Вып.1. – 169 с.
96. Геохронология аллювиальных почвенных последовательностей и многослойных археологических стоянок в долине Среднего Енисея в голоцене / А. А. Ямских, П. В. Мандрыка, Л. А. Орлова, Н. П. Макаров // География и природные ресурсы. – 2002. – № 4. – С. 85–92.
97. Герасимов М. И. Генетические, географические и исторические проблемы современного почвоведения. – М.: Наука, 1976. – 395 с.
98. Герман П. В. Локальные различия и проблемы генезиса тагарской культуры // Тр. II (XVIII) Всеросс. археолог. съезда в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. II. – С.17–19.
99. Герман П. В., Казакова Е. А. Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) //

- Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 3(26). – С. 80–89.
100. Герман П. В., Леонтьев С. Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин–I, пункт «А» // Изв. Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1(2). – С. 133–155.
101. Герман П. В., Савин А. Н., Рыбин Е. П. Бронзовый нож с острова Сергушкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 440–444.
102. Гидрология суши / Н. А. Соломенцев, А. М. Львова, С. Л. Самиренко, В. А. Чекмарев. – Л.: Гидрометеиздат, 1976. – 432 с.
103. Гильманшина Д.В., Буровский А.М. Предварительные итоги изучения каменного века в Сухобузимском и Большемуртинском районах // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 81–83.
104. Гладилин А. В. Памятники железного века Северного Приангарья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985а. – 24 с.
105. Гладилин А. В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985б. – С. 167–180.
106. Глиняные скульптурки городища Чича–1 / В. И. Молодин, М. А. Чемякина, Г. Парцингер, О. И. Новикова, Н. С. Ефремова, А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Кн. 1. – С. 333–340.
107. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

108. Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). – Тобольск: ТГПИ, 1992. – 130 с.
109. Горбачев В. Н., Попова Э. П. Почвенный покров южной тайги Средней Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 223 с.
110. Горшков С. П. Геологический возраст и палеогеографические особенности формирования террас среднего течения Енисея // Доклады АН СССР. – 1961. – Т. 137. – № 5. – С. 1181–1184.
111. Горюнова О. И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III: (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 70–75.
112. Горюнова О. И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: тез. и материалы науч. конф. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76–80.
113. Горюнова О. И., Лыхин Ю. П. Археологические памятники п-ова Святой Нос: (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–147.
114. Горюнова О. И., Номоконова Т. Ю., Новиков А. Г. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2008. – С. 35–45.
115. Горюнова О. И., Смотрова В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (Анализ материалов и датировка погребений) // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. – С. 17–28.
116. Горюнова О. И., Ткачева О. Е. Памятники бронзового века Ольхонского района Иркутской области: (к археологической карте региона) //

- Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 12–26.
117. Горюнова О. И., Черемисин С. А. Пещера Тонта – разновременный памятник Приольхонья (оз. Байкал) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2000. – Вып. 2. Ч. 2. – С. 146–165.
118. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
119. Гревцов Ю. А. От очевидного к невероятному // Тайны Среднего Енисея. – Железногорск: МВЦ, 1996а. – С. 41–50.
120. Гревцов Ю. А. История открытия // Тайны Среднего Енисея. Железногорск: Изд-во МВЦ, 1996б. – С. 62–74.
121. Гревцов Ю. А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 1. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996в. – С. 116–120.
122. Гревцов Ю. А. Роговые навершия из материалов Усть-Тасеевского культового комплекса // 275 лет сибирской археологии: материалы XXXVII РАЭСК. – Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 1997. – С. 59–60.
123. Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2013. – С. 92–106.
124. Гревцов Ю. А., Сергейкин А. А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири: XXXIX. Региональная археол.-этнолог. студ. конф.: доклады. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. – Ч. I. – С. 121–122.
125. Гридина И. Н. Орнаменты керамического комплекса поселения Нижнепорожинское // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока, посвящ. 100-летию Н. К. Ауэрбаха: кр. содержание докл. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1991. – Т. 2. – С. 89–90.

126. Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира: альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 39–79.
127. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: ТЕИС, 2000. – 267 с.
128. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 203 с.
129. Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н., Марченко Ж. В. Результаты полевых работ в 2009 году на памятниках в устье реки Верхняя Кежма (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 262–266.
130. Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Старый сад, 2000. – 128 с.
131. Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей // Тр. Отдела ист. перв. культ. (Гос. Эрмитаж). – Л., 1941. – Т. 1. – С. 237–271.
132. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА. – 1956. – № 48. – 228 с.
133. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 13–32.
134. Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции (1961–1962 гг.) // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 88–97.
135. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 109 с.
136. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – Т. 2. – 176 с.
137. Детлова Е. В. Геро фон Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России: материалы

- Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 414–416.
138. Детлова Е. В., Макаров Н. П., Эренфрид А. Г. Мергарт и Красноярский музей // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – С. 268–270.
139. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1979. – 353 с.
140. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 164 с.
141. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Л. П. Зяблин, В. И. Смотрова – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.
142. Дроздов Н. И. Кординское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 229–236.
143. Дроздов Н. И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 237.
144. Дроздов Н. И. Новые находки каменных рыб в Красноярском крае // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1978. – С. 36–37.
145. Дроздов Н. И. Наскальные рисунки и каменные изваяния Северного Приангарья // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 164–171.
146. Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова: тр. Сиб. Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77–85.
147. Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И. Древнее искусство Нижнего Приангарья (итоги пятилетних исследований) // Новейшие

- археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 91–95.
148. Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Привалихин В. И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – Вып. 4. – С. 50–57.
149. Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 190–212.
150. Дроздов Н. И., Погудин В. А., Дроздов Б. И. Разведка на среднем Енисее // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 223.
151. Дэвлет М. А. Керамика позднеангарских курганов Красноярского района // СА. – 1964. – № 2. – С. 205–210.
152. Дэвлет М. А. Памятники "скифского" времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 119–127.
153. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. – М.: Наука, 1980. – 270 с.
154. Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 127 с.
155. Дэвлет М. А. Изображения на скалах Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. – М.: Наука, 1993. – С. 79–193.
156. Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: Координ.-метод. центр приклад. этнографии Ин-та этнолог. и антрополог. РАН, 1996. – 249 с.
157. Елизарьева М. Ф. Общие закономерности распределения растительного покрова на восточной окраине Западно-Сибирской низменности (в пределах лесной зоны) // Красноярский край (материалы по географии и истории): изв. Краснояр. отд. геогр. об-ва СССР. – Красноярск, 1962. – Вып. 2. – С. 194–212.

158. Ермолаева А. С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 64–94.
159. Ерохина А. А. Почвы и площади пахотнопригодных земель в Красноярском крае // Природные условия Красноярского края. – М.: Наука, 1961. – С. 143–159.
160. Естественноисторическое районирование СССР // Труды: Комиссия по естественноисторическому районированию СССР. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – Т. 1. – 374 с.
161. Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. – Л.: Изд-во ГЭ, 1966. – Вып. 8. – С. 32–75.
162. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.
163. Завьялов В. И., Терехова Н. Н. К проблеме становления железной индустрии на Среднем Енисее (технологический аспект) // КСИА. – 2015. – Вып. 238. – С. 212–228, 334.
164. Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока. – 1971. – Вып. 10. – С. 27–36.
165. Заика А. Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК: доклады. – Чита, 1999. – Ч. II. – С. 11–16.
166. Заика А. Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – Вып. 4. – С. 127–147.
167. Заика А. Л. Николай Спафарий и петроглифы Енисея // Енисейский Север: история и современность: к 50-летию канд. ист. наук Буланкова В. В.: сб. науч. тр. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2011. – Вып. 1. – С. 16–25.

168. Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2013. – 178 с.
169. Заика А. Л., Гушин Е. В. «Лешкин камень» – новая писаница на Енисее // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева; Минус. Регион. музей им. Н. М. Мартьянова, 2008. – С. 52–54.
170. Заика А. Л., Каява А. В., Емельянов И. Н. Новые петроглифы Нижней Ангары // Дуловские чтения 1997 г.: Секция археологии и этнографии: материалы докл. и сообщ. – Иркутск: Листок, 1997. – С. 122–126.
171. Зайков Б. Д. Средний сток и его распределение в году по территории СССР. – М.: Гидрометеиздат, 1946. – 245 с.
172. Зайцева О. В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 96–98.
173. Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 28 с.
174. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.
175. Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
176. Земля Казачинская. Родина земледелия Приенисейского края. – Красноярск: Изд. дом "Сибирские промыслы", 2005. – 176 с.
177. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 245 с.

178. Зиняков Н. М. К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз. археолог. конф. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 66–73.
179. Зубаков В. А. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и позднем голоцене. – Л.: Наука, 1972. – 325 с.
180. Зыкин В. С., Зыкина В. С., Орлова Л. А. Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 208–228.
181. Зяблин Л. Н. Карасукский могильник Малые Копены–3. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
182. Иванов Г. Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 28 с.
183. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока / ТИЭ. Н. с. – М.-Л.: АН СССР, 1963. – Т. 81. – 500 с.
184. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – 154 с.
185. Илюшин А. М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 119 с.
186. Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.
187. Исследования на р. Бирюсе / В. Г. Буторин, Ю. А. Гревцов, А. Ю. Тарасов, М. В. Ригин // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – С.102–103.

188. Исследования стоянки Усть-Тушама в 2012 году / Е. П. Рыбин, В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 473–477.
189. Ишутина П. В. Образ грифона и хищной птицы в металлопластике народов Приенисейской Сибири // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI регион. (II всеросс.) археолого-этнограф. конф. студ. и мол. ученых. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2006. – Т. I. – С. 114–116.
190. Казаков А. А. О культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 172–191.
191. Калецкий А. А. Лось // Крупные хищники и копытные звери. Лес и его обитатели. – М.: Лесная промышленность, 1978. – С. 87–128.
192. Калинина И. В., Устинова Е. А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник государственного Эрмитажа. – Л., 1990. – № 30. – С. 7–19.
193. Керамические комплексы многослойного археологического памятника Казачка / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, А. В. Волокитин, О. А. Смирнова // Науч.- теорет. конф. Секция археологии: тез. докл. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1976. – С. 26–30.
194. Килуновская М. Е. Золотые изделия скифского времени из Тувы // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 106–110.
195. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск: Краснояр. гостипо-лит, 1929. – 67 с.

196. Кац Н. Я. Болота и болотные провинции умеренной зоны северного полушария // Рефераты науч.-исс. работ учреждений АН за 1945 г. Отд. биол. – М.-Л., 1947. – С. 37–38.
197. Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. // Труды ГИН АН СССР. – М.: Наука, 1974. – Вып. 257. – 254 с.
198. Киреев С. М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: материалы конф. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 55–56.
199. Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1969. – 24 с.
200. Кириллов И. И., Кириллов О. И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 22–33.
201. Кириллов М. В. Природа Красноярска и его окрестностей. – Красноярск: Кн. изд-во, 1988. – 149 с.
202. Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
203. Кирьяк (Дикова) М. А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 278 с.
204. Кирюшин Ю. Ф. Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Том. ун-т, 1978. – С. 26–32.
205. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 293 с.
206. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 295 с.

207. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая Барнаул: – Изд-во АГУ, 1996. – С. 115–134.
208. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология нижнетыткескенской пещеры–I (Алтай). – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – 150 с.
209. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 181 с.
210. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.
211. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.
212. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М: Наука, 1951. – 643 с.
213. Китова Л. Ю. К вопросу о вкладе Г. Мергарта в изучение сибирской археологии эпохи палеометалла // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: тез. докл. всеросс. науч. конф. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995. – Ч. 1. – С. 44–48.
214. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 272 с.
215. Клейн Л. С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, ЛНИАО, 1991. – 448 с.
216. Клейн Л. С. Время в археологии. – СПб: Евразия, 2014. – 384 с.
217. Кобелева Л. А., Мыльникова Л. Н. Орнамент древней керамики: методы и подходы к изучению: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Алт. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2008. – 48 с.
218. Ковалевская В. Б. Взаимосвязь понятий «археологическая культура» и «культурная трансформация» // Археологические культуры и культурная

- трансформация: материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. – Л., 1990. – Вып. 1. Археологические изыскания. – С. 48–52.
219. Ковешникова Е. А. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. – 128 с.
220. Кожин П. М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – С. 129–151.
221. Комплексное исследование пещеры Тугаринова / П. В. Мандрыка, Н. П. Макаров, Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов, О. В. Андренко, В. П. Чеха // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 1996. – Вып.1. – С.83-115.
222. Конигов Б. А. Об эволюции оборонительных сооружений Омского Прииртышья эпохи железа // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 74–79.
223. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.
224. Константинов И. В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.
225. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ–Чита: Совм. изд. Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН и ЧитГПИ, 1994. – 180 с.
226. Коржуев С. С. Геоморфологический аспект зазорного явления на реках, текущих с юга на север // Геоморфология. – 1997. – № 4. – С. 54–63.
227. Корнев Т. Я. Рудные формации Енисейского кряжа, связанные с магматизмом // Рудоносность и металлогения структур Енисейского кряжа: тр. сиб. НИИ геол., геофиз. и минер. сырья. – Красноярск: Кн. изд-во, 1974. – Вып. 145. – С. 3–9.
228. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 220 с.

229. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
230. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
231. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 252–267.
232. Кошкаров А. Д., Кошкарова В. Л. Развитие природной среды бассейна р. Кас в послеледниковый период // Палеогеография Средней Сибири: сб. ст. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С. 37–43.
233. Кошкарова В. Л. История развития таежных лесов Приенисейской Сибири (по материалам палинологии) // Палеоботанические исследования в лесах Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 5–29.
234. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
235. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М.: Наука, 1966. – 150 с. (САИ. Вып. В4–9).
236. Кузьминых С. В. Металлообработка Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа (лесостепь и тайга): основные этапы развития // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. – С. 127–128.
237. Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел // Изв. Лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1976. – Вып. 7. – С. 30–41.
238. Курочкин Г. Н. Скифское золото Южной Сибири // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краевой краеведческий музей, 1992. – Т. 2. – С. 26–29.
239. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 197 с.
240. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.

241. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболь-Ишимском междуречье / В. А. Зах, О. Ю. Зими́на, Н. Е. Рябогина, С. Н. Скочина, И. В. Усачева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.
242. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1. – 338 с.
243. Лаухин С. А. Местонахождение фауны млекопитающих и палеогеография бассейна р. Чадобец (Северное Приангарье) в конце плейстоцена // Бюл. ком. по изуч. четвертич. периода. – М., 1967. – № 33. – С. 129–233.
244. Левашева В. П. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // СА. – 1958. – № 1. – С. 171–181.
245. Левин М. Г., Токарев С. А. Культурно-историческая школа на новом этапе // СЭ. – 1953. – № 4. – С. 148–156.
246. Левина Т. П., Орлова Л. А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1993. – Т. 34. – № 3. – С. 38–55.
247. Леонова Н. Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // Полевая археология древнекаменного века – КСИА. – 1990. – Вып. 202. – С. 13–17.
248. Леонтьев В. П. Погребения железного века на стоянке Усть-Кова // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы: тезисы докл. к регион. конф. 13–15 окт. 1986 года. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1986. – С. 128–129.
249. Леонтьев В. П. Разведка в низовьях Ангары и в среднем течении Енисея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1987. – С. 116–117.
250. Леонтьев В. П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.
251. Леонтьев В. П. Нагрудные ажурные бронзовые бляхи из погребения могильника Усть-Кова в Северном Приангарье (зона водохранилища

- Богучанской ГЭС) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сент. 2014 г. – Кызыл: Тувинский гос. ун-т. – Ч. 1. – С. 105–108.
252. Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996а. – С. 157–161.
253. Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки Сибири. Сер. Археология и этнография. – Новосибирск, 1996б. – № 3. – С. 39–46.
254. Леонтьев В. П., Макулов В. И. Археологические памятники среднего течения Енисея // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – С. 261–272.
255. Леонтьев Н. В. Хуннские истоки обмазочно-валиковой керамической традиции «лесных» народов Среднего Енисея // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – С. 89–91.
256. Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 178 с.
257. Леонтьев С. Н. Раннеташтыкские материалы бассейна р. Казыр // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территории: проблемы, интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс; 2008. – С. 133–138.
258. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика раннего железного века стоянки Сергушкин-1 // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 58–67.
259. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз. Пункт 2 (Северное Приангарье) //

- Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 87 – 106.
260. Ли Л. В., Шохина О. И. К вопросу о соотношении оловянного и золотого оруденения Енисейского кряжа // Рудоносность и металлогения структур Енисейского кряжа: тр. сиб. НИИ геол., геофиз. и минер. сырья. – Красноярск: Кн. изд-во, 1974. – Вып. 145. – С. 93–100.
261. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. – М.: Наука, 1965. – 112 с. (САИ. Вып. ДІ–31)
262. Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапферных топорах Северной Азии // Изв. Иркутс. Гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1(2). – С. 71–101.
263. Лисютина Е. О. Природные условия времени формирования археологического памятника Шилка–12 // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий. – Вып. 12. – Абакан: Изд-во Хакасс. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. – Т. I. – С. 182–183.
264. Лисютина Е. О. Изучение археологического памятника Шилка–12 с помощью фитолитного анализа // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. – С. 26.
265. Лиханов Б. Н. Природное районирование // Средняя Сибирь. – М.: Наука, 1964. – С. 327–383.
266. Лодина Р. В. Региональные закономерности устойчивости русел рек России // Геоморфология. – 1997. – № 3. – С. 3–7.
267. Ломанов П. В., Заика А. Л. Коллекция бронзовых предметов древнего культового литья из фондов Енисейского краеведческого музея // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII регион. археол.-этнограф. студ. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 570–572.

268. Ломанов П. В., Заика А. Л. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – Вып. 4. – С. 121–126.
269. Львович М. И. Реки СССР. – М.: Мысль, 1971. – 351 с.
270. Любимова Е. Л. Растительность лесостепи и зоны травяных лесов Красноярского края // Природное районирование центральной части Красноярского края и некоторые вопросы пригородного хозяйства. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 47–62.
271. Макаров Н. П. Работы на Среднем и Нижнем Енисее // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 85–87.
272. Макаров Н. П. Работы Красноярского краевого музея // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 211–212.
273. Макаров Н. П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 215–216.
274. Макаров Н. П. К вопросу о культурных связях древних племен Среднего Енисея и Нижней Ангары // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФиФ, 1985. – С. 96–98.
275. Макаров Н. П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 121–124.
276. Макаров Н. П. Исследования Красноярского краевого музея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиФ, 1987а. – С. 121–123.
277. Макаров Н. П. К вопросу о бронзовом и раннем железном веке Красноярской лесостепи // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. – Кемерово: КемГУ, 1987б. – Ч. 1. – С. 119–121.

278. Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – С. 131–188.
279. Макаров Н. П. Неолит и ранний бронзовый век Красноярской лесостепи: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 26 с.
280. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
281. Макаров Н. П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 67–72.
282. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории: сб. науч. статей. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 130–175.
283. Макаров Н. П. Железный век и эпоха Средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 19–30.
284. Макаров Н. П., Баташев М. С. История и культура народов Севера Приенисейского края: учеб. пособие. – Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. – 240 с.
285. Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф. – Иркутск, Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.
286. Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. – 1960. – № 1. – С. 148–162.
287. Максименков Г. А. Верхне-Метляевский клад. – Иркутск, 1960. – 43 с.

288. Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярск // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 43–46.
289. Максименков Г. А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярск // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2. Древняя Сибирь. – С. 77–83.
290. Максименков Г. А. Окуневская культура: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 40 с.
291. Макулов В. И. Археологические исследования в Эвенкии, Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края: сб. науч. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краев. краеведческий музей, 1992. – Т. 1. – С. 129–131.
292. Мандрыка П. В. К вопросу о железном веке красноярской лесостепи // Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию академика А. П. Окладникова): тез. докл. XXVIII регион. археолог. студ. конф. (28–30 марта 1988 г.). – Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1988. – С. 85–86.
293. Мандрыка П. В. Типология сосудов-дымокуров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 124–126.
294. Мандрыка П. В. Приемы описания керамики валикового типа // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 114–116.
295. Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209–217.

296. Мандрыка П. В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1998. – 24 с.
297. Мандрыка П. В. Комплексное исследование грота Дачный в Караулинском карстовом районе // География на службе науки, практики и образования: материалы VII науч.-практ. и метод. конф., посвященной 100-летию Красн-го отдела РГО. – Красноярск, РИО КГПУ, 2001а. – С 62–65.
298. Мандрыка П. В. Производственная площадка по выплавке железа в подтайге Среднего Енисея // На стыке поколений. – Иркутск: ЦДЮТиК, 2001б. – С. 16–25.
299. Мандрыка П. В. Северная тагарская периферия: границы и взаимоотношения // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы науч.-практ. конф. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001в. – С. 113–117.
300. Мандрыка П. В. Новые памятники Монастырского комплекса под Красноярском // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII регион. археол.-этнограф. студ. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С.163–166.
301. Мандрыка П. В. Археологические памятники города Лесосибирска и его окрестностей // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003а. – Вып. 2. – С. 63–67.
302. Мандрыка П. В. Городище Шилка–2 – памятник железного века южной тайги среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003б. – С. 32–52.
303. Мандрыка П. В. Реконструкция жилищ железного века южной тайги среднего Енисея // Забайкалье в геополитике России: материалы Междунар. симп. «Древние культуры Азии и Америки». – Улан-Удэ, 2003в. – С. 79–81.

304. Мандрыка П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2003. – Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. – С. 89–91.
305. Мандрыка П. В. Жилище конца бронзового века селища Шилка–12 // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2004. – Ч. 1. – С. 115–121.
306. Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка–9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.
307. Мандрыка П. В. Итоги работ Красноярской среднеенисейской археологической экспедиции в 1987–2003 гг. // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Красноярский пед. университет, 2006а. – Вып. 2. – С. 159–170.
308. Мандрыка П. В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006б. – Т. 1. – С. 414–417.
309. Мандрыка П. В. Шилкинская культура в южной тайге средней Сибири // II Северный археологический конгресс. 25–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск: тез. докл. – Екатеринбург: Чароид, 2006в. – С. 117–118.
310. Мандрыка П. В. Каменный тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: сб. науч. тр. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 80–85.
311. Мандрыка П. В. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и

- реконструкции: материалы Западно-Сибирской археол.-географ. конф. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2008а. – С. 140–145.
312. Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всеросс. археолог. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008б. – Т. II. – С. 162–164.
313. Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2008в. – Т. 7. Вып. 3. Археология и этнография. – С. 117–131.
314. Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южнотаежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008г. – № 3 (35). – С. 68–76.
315. Мандрыка П. В. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008д. – № 1 (33). – С. 79–84.
316. Мандрыка П. В. Селище Шилка VIII – памятник развитого бронзового века в Енисейском Приангарье // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008е. – С. 198–205.
317. Мандрыка П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. – С. 118–126.
318. Мандрыка П. В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всеросс. археолог. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 207–210.
319. Мандрыка П. В. Николай Спафарий на Енисее // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 26–30.
320. Мандрыка П. В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии. Байкальской Сибири и Северного Китая:

- материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 232–241.
321. Мандрыка П. В. Культуры южной тайги Средней Сибири в тагаро-таштыкское время // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе [Текст] : сборник научных статей : в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017а. – Т. II. – С. 44-47.
322. Мандрыка П. В. Культура гуннского времени в южной тайге долины Енисея // VIII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»: Сборник тезисов и авторефератов. – Чаньчун, Китай, 2017б. - С. 217-227.
323. Мандрыка П. В. К истории археологического изучения низовьев Ангары // Северные Архивы и Экспедиции. – 2017в. – № 2. – С. 43-51.
324. Мандрыка П. В. Методика изучения объектов, углубленных в песчаные грунты // Енисейская провинция. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. – Вып. IX. – в печати.
325. Мандрыка П. В., Адамович В. А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 68–73.
326. Мандрыка П. В., Баташев М. С., Сенотрусова П. О. Материалы по археологии низовьев Ангары (результаты двух археологических разведок) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 128-140.
327. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера–I // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50–61.
328. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера–IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. – 2013. – №2. – С. 67–71.

329. Мандрыка П. В., Виноградов Д. А. Поселение Зеленый Луг I и его значение для изучения позднетагарского времени Канской лесостепи // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 60-74.
330. Мандрыка П. В., Гридина И. Н. Стоянка Язаевка – многослойный памятник Среднего Енисея (предварительное сообщение) // Палеоэтнология Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – С. 98–99.
331. Мандрыка П. В., Жарников З. Ю. Новое селище в енисейской тайге // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 92–100.
332. Мандрыка П. В., Князева Е. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трасологический анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. – С. 155–162.
333. Мандрыка П. В., Коваленко Л. В. Поселение Шепилево – памятник позднего бронзового века в подтаежной зоне Среднего Енисея // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. – Вып.1. – С. 121–138.
334. Мандрыка П. В., Макаров Н. П., Орлова Л. А. Бронзовый век многослойного поселения Бобровка // Молодая археология и этнология Сибири: XXXIX Регион. археол.-этнолог. студ. конф.: доклады. Ч. I. – Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ин-та, 1999.– С. 137–138.
335. Мандрыка П. В., Мельникова Л. В., Николаев В. С. Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 143–157.
336. Мандрыка П. В., Свалова Е. А. Грунтовые погребения тесинского этапа тагарской культуры в подтаежной зоне Среднего Енисея // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во Кузбасс. гос. техн. ун-та, 1998. – С. 254–259.

337. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южнотаежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и средневековье // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2007. – Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. – С. 205–211.
338. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Материалы средневекового селища у Проспихинской шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) // Окно в неведомый мир: сб. статей к 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТСО РАН, 2008. – С. 279–284.
339. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.
340. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Красноярская археологическая культура: историография и современное состояние // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 74-81.
341. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Новые материалы позднего бронзового века из Канско-Рыбинской лесостепной котловины // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. № 1. – С. 65–78.
342. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В. Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири в Сибирском федеральном университете // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 5-17.
343. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез

- Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: материалы регион. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 92–98.
344. Мандрыка П. В., Фокин С. М. Комплекс раннего железного века на поселении Стрелковское–2 на Ангаре и его место в древней истории Приенисейской тайги // Социогенез Северной Азии: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 134–139.
345. Мандрыка П. В., Фокин С. М., Терехов А. С. Исследования в долине Среднего течения реки Енисей // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 389 – 391.
346. Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время: Уюкская культура. – М.: Наука, 1970. – 117 с.
347. Марсадолов Л. С. Основные тенденции в изменении форм удилов, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 5–24.
348. Марсадолов Л. С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 1 (11). – С. 7–31.
349. Мартынов А. И. Тисульские курганы тагарской культуры. – Кемерово, 1972. – 151 с. (КемГПИ, Изв. лабор. археол. исслед; Вып. 4).
350. Мартынов А. И. Новые материалы о тагаро-таштыкских поселениях и жилищах // СА. – 1973. – № 3. – С. 163–173.
351. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
352. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. – Кемерово: Кемеров. госпединститут, 1971. – 250 с.
353. Мартынова Г. С. Тагарские земляные курганы у пос. Тесуль: [Кемер. обл.] // АО 1977 года. – М.: Наука, 1977. – С. 220–221.
354. Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Казакова Е. А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда–2 в 2012 году // Проблемы

- археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 559–564.
355. Матвеева Н. П. Глиняная пластика саргатской культуры // Семантика древних образов. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 114–117.
356. Матвеева Н. П. Абатский-1 – курганный могильник саргатской культуры. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 77 с.
357. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (Неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Вып. 10. – 210 с.
358. Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. (Предварительное сообщение) // Из истории Сибири. – Томск: Томский университет, 1969. – Вып. 2. – С. 18–34.
359. Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
360. Матющенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у д. Ростовка близ Омска. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 134 с.
361. Мачинский Д. А., Чугунов К. В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 183–188.
362. Медведев А. П. Погребение позднесарматского времени на верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М: Наука, 1984. – 263 с.

363. Медведев Г. И., Дроздов Н. И., Пашинов А. М. Исследования петроглифов на нижней Ангаре // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 259.
364. Мельникова Л. В., Николаев В. С., Мандрыка П. В. Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 69–70.
365. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. КОРГО. – Красноярск, 1923. – Т. III. – Вып.1. – С. 29–36.
366. Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве [Электронный ресурс] // Сайт Восточная литература URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Messerschmidt/text.phtml?id=1761>. (дата обращения – 28.01.2017). Текст воспроизведен по изданию: Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. – 2003. – № 2.
367. Методика полевых археологических исследований. – М.: Наука, 1983. – 80 с.
368. Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск: Фаворит, 2005. – 320 с.
369. Милеску Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. – 516 с.
370. Миллер Г.Ф. История Сибири. – Изд. 2-е, дополненное. Т. I. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.
371. Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. – М.: Мысль, 1964. – 325 с.
372. Михайлов Н. И. Физическая география Сибири и Дальнего Востока. – М.: МГУ им. М. Л. Ломаносова, 1960. – Ч. 1. – 172 с.

373. Многолетние данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши. Т.1. Вып. 12. Бассейны Енисея (без бассейна Ангары) и Пясины. – Л.: Гидрометеиздат, 1985. – 465 с.
374. Многослойный археологический объект Нефтепровод-2 в контексте культурно-хронологической периодизации древней истории Канско-Рыбинской лесостепной котловины / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева, Л. А. Максимович, Д. А. Виноградов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. № 1. – С. 49–64.
375. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) / Н. А. Савельев, А. В. Тетенькин, Е. С. Игумнова, Т. А. Абдулов, Е. М. Инешин, С. С. Осадчий, В. М. Ветров, А. М. Клементьев, А. М. Мамонтов, М. П. Орлова, И. В. Шибанова // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: материалы докл. Междунар. симпозиума, посвященного 130-летию открытия палеолита в России (1 – 9 авг. 2001 г. Иркутск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338–352.
376. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. – М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – 195 с.
377. Могильников В. А. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 114–120.
378. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.
379. Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.
380. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика поселения Линево–1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археол.

- и этнограф. СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11., Ч. 1. – С. 400–405.
381. Молодин В. И., Новиков А. В., Черемисин Д. В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 121–160.
382. Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 254 с.
383. Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Периодизация и абсолютная хронология археологических памятников Якутии // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 51–59.
384. Мыльников В. П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.
385. Мыльников В. П. Древняя деревообработка (методика изучения погребальных конструкций): учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2008. – 106 с.
386. Мыльникова Л. Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 159 с.
387. Мыльникова Л. Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур // Дисс. ... док-ра. ист. наук. – Новосибирск, 2015.
388. Мыльникова Л. Н. Привозная керамика на памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (поселение Линево-1) // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015а. – С. 345–346.
389. Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

390. Наскальное искусство Северного Приангарья / Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, В. П. Леонтьев, А. Л. Заика // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – Вып. 1. – С. 46–47.
391. Наурзбаев М. М., Сидорова О. В., Ваганов Е. А. История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлинной древесно-кольцевой хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 17–25.
392. Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 402 с.
393. Ненахов Д. А. К вопросу о тамгообразных знаках на тагарских кельтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Ин-та археолог. и этнограф. СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 254–257.
394. Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // СА. – 1960а. – № 1. – С. 254–256.
395. Николаев Р. В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского севера // КСИЭ. – 1960б. – Вып. XXXIV. – С. 61–68.
396. Николаев Р. В. Есаульский клад // СА. – 1961. – № 3. – С. 281–284.
397. Николаев Р. В. Древние жилища у с. Маковского // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 49–56.
398. Николаев Р. В. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1957 г. // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2. Древняя Сибирь. – С. 196–207.
399. Николаев Р. В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз. археолог. конф. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 239–247.
400. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.

401. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
402. Новых Л. В. К вопросу о бронзовом веке Красноярской лесостепи // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тез. всесоюз. археол. конф. – Кемерово, 1989. – Ч. 2. – С. 20–21.
403. Новых Л. В., Дроздов Н. И. Хронология керамических комплексов Красноярского края эпохи неолита и бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С.47–50.
404. Новых Л. В., Макаров Н. П., Петренко А. Л. Новые материалы позднебронзового века из окрестностей Красноярска // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. регион. археол. студ. конф. – Абакан: Абакан. гос. пед. ин-т, 1993. – С. 19–20.
405. Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2004. – Вып. 2. – С. 117–123.
406. Ожередов Ю. И. Ритуальные стрелы // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докладов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 144–145.
407. Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г. // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.
408. Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 106–112.
409. Окладников А. П. Ленские древности. Вып.1. Отчет об археологических исследованиях в низовьях реки Лены (Якутск-Жиганск) в 1942 и 1943 гг.– Якутск: Изд-во НИИЯЛиИ ЯАССР, 1945. – 100 с.
410. Окладников А. П. Ленские древности. Вып. 2. Отчет об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Камах-Сурта в 1942–1943 гг. – Якутск: Изд-во НИИЯЛиИ ЯАССР, 1946а. – Вып. 2. – 187 с.

411. Окладников А. П. Новая скифская находка на Верхней Лене // СА. – 1946б. – № 8. – С. 285–288.
412. Окладников А. П. Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. – 1947. – Вып. XVIII. – С. 38–45.
413. Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. – 1948. – № 10. – С. 203–225.
414. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование.– М.-Л., 1950. – Ч. I и II. – 412 с. (МИА. – № 18).
415. Окладников А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом // КСИИМК. – 1953. – Вып. 51. – С. 16–22.
416. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955а. – 432 с.
417. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. (Глазковское время). – М.-Л.: Наука, 1955б. – Ч. III. – 371 с. (МИА. – № 43).
418. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // СА. – 1957. – № 1. – С. 26–55.
419. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М.-Л.: Наука, 1966. – 322 с.
420. Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 172–193. (МИА. – Вып. 166).
421. Окладников А. П. Скифы и тайга (К изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Проблемы археологии: сб. ст. – Л.: Наука, 1978. – Вып. 2. – С. 101–109.
422. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 177 с.
423. Окраины России. СПб.: Изд-во Русского географ. об-ва, 1900. – 287 с. + 1 карт.

424. Окунева И. В. Средневековые поселения Среднего Притомья // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. – Кемерово, 1987. – Ч. 2. – С. 174–176.
425. Окунева И. В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины: сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 36–64.
426. Отчеты за 1907–1910 гг. Красноярский подотдел Императорского Русского географического общества. – Красноярск: Енисейская Губернская Типография № 1151, 1912. – 98 с.
427. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 485 с.
428. Ольшанецкая В.Е. Керамика раннего железного века стоянки Парта (Северное Приангарье) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы ЛII регион. (VIII Всеросс. с междунар. участием) археолого-этнограф-ой конф. студ. и мол. ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 148–150.
429. Папин Д. В. Предварительные итоги изучения поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 380–384.
430. Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.
431. Пармузин Ю. П. О системе таксомических единиц физико-географического районирования // Научные доклады высшей школы. Геол.-геогр. науки. – 1958. – № 1. – С. 77–91.
432. Пармузин Ю. П. Средняя Сибирь // Физико-географическое районирование СССР: Характеристика региональных единиц. – М.: МГУ, 1968. – С. 341–381.

433. Пармузин Ю. П., Кириллов М. В., Щербаков Ю. А. Некоторые итоги физико-географического районирования Средней Сибири и Красноярского края // Природное и сельскохозяйственное районирование СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – С. 91–106. (Вопросы географии; сб. 55).
434. Пашинов А. М. Новые петроглифы нижнего течения Ангары // Материалы 13-ой Всесоюз. науч. студ. конф. – Новосибирск, 1975. – С. 64-65.
435. Пашинов А. М., Дроздов Н. И. Новые петроглифы нижнего течения Ангары // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 271.
436. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с.
437. Периодизация всемирной истории: учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. – 224 с.
438. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье: к вопросу о доисторическом прошлом якутов // Изв. Ин-та народн. образования. – Чита, 1923. – № 1. – С. 21–39.
439. Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья: науч.-попул. очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск, 1928. – 73 с.
440. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 года) / А. Л. Заика, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, Т. А. Ключников, А. Ю. Тарасов, Ю. А. Гревцов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 122–123.
441. Пещера Еленева – многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее / Н. П. Макаров, Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, Л. А. Орлова, В. И. Назаров, Е. А. Цепкин, В. М. Чхиквадзе // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края: сб. науч. ст. /. – Красноярск:

- Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краев. краеведческий музей, 1992. – Т. 1. – С. 111–120.
442. Плетнева Л. М. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – Вып. 7. – С. 129–151.
443. Плетнева Л. М. Городище и поселения у дер. Могильники // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. – Вып. 21. – С. 214–219.
444. Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III в. до н. э. – Томск: Том. ун-т, 1977. – 143 с.
445. Плетнева Л. М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – С. 51–58.
446. Плетнева Л. М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск. История и современность: сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 22–34.
447. Плетнева Л. М. Предметы конского снаряжения по материалам шеломокской культуры (томское Приобье) // Вестник ТГПУ. – 2013. № 7(135). – С. 101–107.
448. Плетнева Л. М. Оружие шеломокской культуры // Известия АГУ. – 2014. № 4-2 (84). – С. 181–189.
449. Плетнева Л. М. Оселки эпохи раннего железа из двух музеев // Вестник ТГПУ. – 2017. № 9(186). – С. 66–77.
450. Плетнева Л. М., Гахман А. Д. Новые материалы по миграции в Томском Приобье в эпоху раннего железа // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 123–124.
451. Подгорбунский В. И. Вопросы археологического изыскания в пределах Прибайкалья // I Сиб. краев. научно-исслед. съезд: материалы к докл. секций. – Новосибирск, 1926. – С. 71.
452. Подгорбунский В. И. Вопросы археологического изыскания в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов // Труды I Сиб. краев. научно-исслед. съезда. – Новосибирск, 1928. – Т. 5. – С. 226–236.

453. Подлесный А. В. Рыбные богатства Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1955. – 68 с.
454. Подольский М. Л., Тетерин Ю. В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 года. – М: Наука, 1979. – С. 266–267.
455. Полевая археология древнекаменного века. – КСИА. – 1990а. – Вып. 202.
456. Полевая археология мезолита – неолита: сб. науч. тр. / Ленинград. отделение Ин-та археологии АН СССР. – Л., 1990б. – 130 с.
457. Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
458. Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
459. Попов Л. В. Южнотаежные леса Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – 330 с.
460. Поселение Проспихинская Шивера–I на Ангаре / П. В. Мандрыка, Ю. А. Титова, Е. В. Князева, П. О. Сенотрусова // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 31–42.
461. Посредников В. А. Большеларьякское городище // СА. – 1981. – № 2. – С. 299–306.
462. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1957. – 307 с.
463. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболя. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
464. Предтеченский П. П. Позднеледниковая и послеледниковая история климата СССР // Труды Лаборатории озераведения АН СССР. – 1957. – Т.5. – С. 86–115.
465. Привалихин В. И. Новые материалы по бронзовому веку нижней Ангары (к постановке вопроса о выделении археологической культуры) //

- Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – С. 99–104.
466. Привалихин В. И. Раскопки на острове Сергушкине // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 198–199.
467. Привалихин В. И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин–3 // Проблемы археологических культур степей Евразии: межвуз. сб. науч. трудов / – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1987. – С. 90–95.
468. Привалихин В. И. В поисках научной истины // Век подвижничества. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989а. – С.189–198.
469. Привалихин В. И. Некоторые итоги исследования памятников раннего железного века Северного Приангарья // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тезисы докл. науч.-практ. конф. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989б. – С.114–117.
470. Привалихин В. И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краев. краеведческий музей, 1992. – Т. 2. – С. 72–66.
471. Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.
472. Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин–3 на нижней Ангаре // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.
473. Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2011. – С. 161–185.

474. Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – Вып. 4. – С. 66–86.
475. Привалихин В. И., Оводов Н. Д., Мартынович Н. В. Нижнереченский клад орудий и изделий из рога и кости раннего бронзового века Северного Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 75–77.
476. Привалихин В. И., Фокин С. М. Новые материалы по раннему железному веку Северного Приангарья и Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 14–20.
477. Привалихин В. И., Фокин С. М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2009. – Вып. 4. – С. 311–328.
478. Природные ресурсы Красноярского края (Аналитический обзор). – Красноярск: КНИИГиМС, 2001. – 218 с.
479. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 5–100. (Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XXVII).
480. Пупаева Л. А. «Рубчатая» керамика поселения Скородумный Бык на р. Ангаре // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых.– Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. – С. 101–102.
481. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения–могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 59–67.

482. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай, господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году, марта 14 дня // Древняя Российская Вивлиофика: Изд. 2-е. – 1789. – Т. VIII. – С. 360–475 и Т. IX. – С. 381–461.
483. Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II – I вв. до н. э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1975. – 27 с.
484. Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 150–162.
485. Работы комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (1970–1974 гг.) / М. П. Аксенов, О. И. Горюнова, Н. И. Дроздов, И. Л. Лежненко, Г. И. Медведев, Н. А. Савельев // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 2. – С. 165–172.
486. Равский Э. И. Осадконакопление и климат внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.
487. Радлов В. В. Сибирские Древности. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1888. – Т. 1. Вып. 1.
488. Радлов В. В. Сибирские Древности. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1894. – Т. 1. Вып. 3.
489. Раскопки древнего могильника на Средней Ангаре / Н. А. Петрова, В. И. Смотрова, Г. И. Смотрова, Н. И. Дроздов, С. И. Ларченко // АО 1975 г. – М.: Наука, 1976. – С. 272–273.
490. Результаты археологических исследований на территории Богучанского района Красноярского края / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, А. П. Березовский, И. Н. Емельянов, Т. А. Ключников, В. П. Леонтьев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 555–559.

491. Рихтер Г. Д. Природные районы восточной части Сибири. – М.: Изд-во М-ва сельского хозяйства СССР, 1958. – 15 с.; 1 л. карт.
492. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
493. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с. + СХХVI табл.
494. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. – Л., 1962. – 206 с.
495. Рыбаков Д. Ю. Культурные особенности Томского Приобья в конце IV–II веке до н. э. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. – С. 131–136.
496. Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИА. – 1955. – Вып. 60. – С. 129–134.
497. Савельев Н. А. Проблемы исследования неолитических поселений на юге Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 62–64.
498. Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.
499. Савельев Н. А., Генералов А. Г., Абдулов Т. А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка I как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): тез. докл. краев. конф. – Красноярск, 1984. – С. 136–142.
500. Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.
501. Савельев Н. А., Медведев Г. И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и

- Сибири: сб. ст., посвященный памяти В. Н. Чернецова. – М.: Наука, 1973. – С. 56–64.
502. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки рус. лит., 1997. – 800 с.
503. Савинов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48–55.
504. Савинов Д. Г. К вопросу о датировке и историко-культурной интерпретации Верхне-Метляевского клада // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематич. науч. конф. – СПб., 2002. – С. 222–229.
505. Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: Ин-т истории матер. культуры; СПб гос. ун-т, 2009. – 226 с.
506. Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.
507. Савинов Д. Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 2 (7). – С. 59–71.
508. Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. – М.: Наука, 1982. – 214 с.
509. Семенов В. А. Обработка дерева на древнем Алтае (по материалам Пазырыкских курганов) // СА. – 1956. – Т. 26. – С. 204–230.
510. Семенов В. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. – СПб.: СПб гос ун-т, 2001. – С. 167–172.
511. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 363 с.
512. Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – 255 с.
513. Семина Л. В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.

514. Сенотрусова П. О. Стоянка Абакан–18 – новый памятник бронзового века в Нижнем Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 52–58.
515. Сенотрусова П. О. «Хуннский» компонент в культуре средневекового населения Нижнего Приангарья // Древние культуры Монголии. Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 78–86.
516. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Железные изделия поселения Проспихинская Шивера–I // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 43–49.
517. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Пошехонова О. Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 103–114.
518. Сенотрусова П. О., Самородский П. Н., Мандрыка П. В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5: Археология и этнография. – С. 136–147.
519. Сергеев Г. М. Островные лесостепи и подтайга Приенисейской Сибири. – Иркутск: Вос.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 263 с.
520. Сергейкин А. А. Предметы вооружения скифо-сибирских племен таежной зоны Красноярского края (по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докладов XXXVIII РАЭСК, посвященной 90-летию академика А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: БГУ, 1998. – С.66–67.
521. Сергейкин А. А. Наконечники стрел из коллекции Усть-Тасеевского культового комплекса // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: материалы 40-й регион. археол.-этногр. студ. конф. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. – Т.2. – С.61–63.

522. Сериков Ю. Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков // СА. – 1977. – № 2. – С. 210–215.
523. Сериков Ю. Б. Использование фрагментов керамики в хозяйственной практике древнего человека (по данным трасологического анализа) // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – С. 279–286.
524. Сидоров Е. А. Обработка и использование кожи (по материалам лесостепного Приобья IX–I вв. до н. э.) // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. – С.41–45.
525. Сеницына Г. В. Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной) // КСИА. – 1979. – Вып. 157. – С. 88–92.
526. Сеницына Г. В. Неолитическая керамика поселения Нижнесередкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 35–47.
527. Скакун Н. Н. Экспериментально-трасологическое исследование керамических орудий труда эпохи палеометалла // СА. – 1977. – № 1. – С. 264–267.
528. Соколов В. Н. Долгая – поселение эпохи бронзы и раннего железного века на Средней Ангаре // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. науч. тр. – Иркутск, 1996. – Вып.1. – С. 57–66.
529. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. – 1971. – № 178. – 287 с.
530. Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края. (Из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии) // Сибирская живая старина. – 1923. – Вып. 1. – С. 121–139.
531. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечанием А. В. Арсеньева // Записки

- императорского географического общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография Киришбаума, 1882. – Т. X. Вып. 1.
532. Средняя Сибирь. – М.: Наука, 1964. – 480 с.
533. Стандартная спорово-пыльцевая диаграмма голоценового торфяника южной части Енисейского кряжа/ Л. Н. Савина, А. П. Зубарев, В. Л. Кошкарлова, Л. В. Карпенко, Э. В. Стариков, В. А. Жидовленко // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – М.: Наука, 1988. – № 57. – С. 120–131.
534. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.) / А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, Ю. Н. Гаркуша, Д. А. Гурулёв, С. В. Шнайдер, Н. А. Кулик, С. К. Васильев, Е. А. Кербс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 2).
535. Степанов А. Д. Дюпсинское погребение раннего железного века Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1 (41). – С. 32–36.
536. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.
537. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979. – 192 с.
538. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. – 216 с.
539. Суслов С. П. Физическая география СССР. Азиатская часть. 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1954. – 712 с.
540. Схема природного районирования центральной части Красноярского края // Природное районирование центральной части Красноярского края и некоторые вопросы природного хозяйства. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 136–142.

541. Таиров А. Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология. – 2004. – № 1. – С. 140–145.
542. Тарасов А. Ю. Археологическое местонахождение "Пещера Графская" на р.Тасеевой // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящается 100-летию Н. К. Ауэрбаха: краткое содержание докл. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1991. – Т.2. – С.19–20.
543. Тарасов А. Ю. Культурный комплекс археологического местонахождения "Мыс Арбан" на р. Тасеевой // Дуловские чтения 1997 года: (Секция археологии и этнографии): материалы докл. и сообщ., окт. 1997 г. – Иркутск: Иркут. пед. институт, 1997. – С.78–83.
544. Тарасов А. Ю. Культурный комплекс "Мыс Арбан" на р. Тасеева // Молодая археология и этнология Сибири: XXXIX регион. археол.-этнолог. студ. конф.: докл. Ч. I. – Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1999.– С.148–150.
545. Тарасов А. Ю., Буторин В. Г., Гревцов Ю. А. Археологическое местонахождение пещеры Графская // Проблемы археологии и этнографии, истории и краеведения Приенисейского края: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краев. краеведческий музей, 1992. – Т.1. – С.135–136.
546. Таргульян В. О., Козловский Ф. И., Караваева Н. А., Козловский А. Л. Проблема эволюции почв в Докучаевском почвоведении // История развития почв в голоцене: тез. докл. – Пущино, 1984. – С. 5–6.
547. Телегин А. Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи–III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 138–141.
548. Терехов А. С., Мандрыка П. В. Жилища раннего железного века подтайги среднего Енисея (по материалам поселения Шилка 10) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII регион. археолого-этнограф. студ. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 365–366.

549. Технологические особенности изготовления керамики неолита и бронзового века стоянки Удачный-14 в г. Красноярске / Ю. А. Титова, К. В. Бирюлева, П. В. Мандрыка, Е. В. Титов // Известия лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. № 3 (24). – С. 9–18.
550. Тимофеева Е. К. Косуля. – Серия: Жизнь наших птиц и зверей. – Вып. 8. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. – 224 с.
551. Титова Ю. А. Некоторые аспекты технологии производства керамики шепилевской культуры (по материалам поселения Заостровка-2) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докл. V (L) Росс. (с Междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студ. и мол. ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010а. – С. 174–176.
552. Титова Ю. А. Представления носителей шепилевской культуры о принципах отбора исходного сырья для изготовления керамических сосудов (по материалам поселения Заостровка-2) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010б. – С. 291–293.
553. Титова Ю. А. Специфика составления формовочных масс сосудов шепилевской культуры позднего бронзового века по материалам поселения Заостровка-2 // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 12. – С. 252–256.
554. Титова Ю. А. Органика в составе формовочных масс керамических сосудов шепилевской культуры // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 82–84.
555. Титова Ю. А. Технологические особенности изготовления керамических сосудов раннего железного века с поселения Каменка на Среднем Енисее // Материалы LV Росс. археолого-этнограф. конф. студ. и мол. ученых. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. – С. 123–124.

556. Титова Ю. А., Бирюлева К. В., Мандрыка П. В. Стоянка Удачный-14 в окрестностях Красноярска (некоторые итоги полевых работ) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 147-153.
557. Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.
558. Тишкин А. А. М. П. Грязнов о методике исследования древних жилищ // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. науч. тр. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – С. 8–14.
559. Тишкин А. А., Фролов Я. В. Металлические орудия труда эпохи бронзы из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В. М. Комарова»(с. Волчиха, Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 171–180.
560. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 126 с.
561. Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка–1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. пед. институт, 1983. – С. 31–50.
562. Троицкая Т. Н. М. П. Грязнов и его метод «перевернутого кургана» // III исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995 – С. 83–84.
563. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
564. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. (принципы освоения угодий). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 176 с.

565. Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с.
566. Федоренко С. Н. Опыт выделения керамики бронзового века в Северном Приангарье // Тез. докл. регион. археолог. конф. студ. Сибири и Дальнего Востока. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С.22–23.
567. Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.
568. Федосеева С. А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
569. Феномен алтайских мумий / В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак. Т. А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 320 с.
570. Фокин С. М. Результаты разведки 2001 г. в приустьевом участке р. Ангара // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII регион. археолого-этнограф. студ. конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 207 – 208.
571. Фокин С. М. Исследования на Нижней Ангаре // АО 2003 г. – М., 2004. – С. 486–488.
572. Фокин С. М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 210–214.
573. Фокин С. М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф., посвященной 75-летию Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. – Т. 1. – С. 164–167.

574. Фокин С. М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории: сб. науч. статей. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2013а. – С. 176–196.
575. Фокин С. М. Поселение Каменка на Енисее // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013б. – Вып. VI. – С. 50–57.
576. Фролов Я. В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М. Д. Копытова и С. М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 135–143.
577. Фролов Я. В. Ритуальные "клады-приношения" у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 163–166.
578. Фролов Я. В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н. э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 211–219.
579. Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.
580. Фролов Я. В. К вопросу о связях населения староалейской культуры с южно-таежными районами Приобья в VI–V вв. до н. э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 42–50.
581. Хаврин С. В. Металл памятников I тысячелетия до н. э. таежной зоны Среднего Енисея // II Северный археологический конгресс: тез. докл. – Ханты-Мансийск. Екатеринбург: "Чароид", 2006. – С. 101–102.

582. Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.
583. Харинский А. В., Карнышев И. С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 137–141.
584. Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 25–32.
585. Хлобыстин Л. П. Жилище и его экологическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. – Л.: Наука, 1974. – С. 22–25.
586. Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–344.
587. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.
588. Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. – Л.: Наука, 1962. – 32 с.
589. Хороших П. П. Исследование каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). – Иркутск, 1924. – 51 с. (Изв. БГНИИ при ИГУ. – Т. 1. Вып. 1).
590. Хотинский Н. А. Распределение растительности в островной Канской лесостепи // Географические сообщения. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Вып. 2. –
591. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 198 с.
592. Хотинский Н. А. Взаимоотношение леса и степи по данным изучения палеогеографии голоцена // Эволюция и возраст почв СССР. – Пушкино: НЦБИ, 1986. – С. 46–57.

593. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 184 с.
594. Худяков Ю. С. Распространение костяных стрел с раздвоенным насадом и со встроенной свистункой в культурах Саяно-Алтая и Байкальского региона в хунно-Сяньбийскую эпоху // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Междунар. науч. конф. – Кызыл: Тувин. гос. ун-т, 2014. – Ч. 1. – С. 133–136.
595. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-т, 1998. – 288 с.
596. Чемякин Ю. П. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 219–223.
597. Чемякина М. А. Керамические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа лесостепного Обь-Иртышья как источник палеоэкономических реконструкций (по материалам многослойного памятника Омь-1): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 22 с.
598. Черемисин С. А., Горюнова О. И. К вопросу о переходном периоде к раннему железному веку на побережье оз. Байкал: (по материалам многослойного поселения Катунь I) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока, посвящ. 100-летию Н. К. Ауэрбаха: краткое содержание докл. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1991. – Т.2. – С. 46–47.

599. Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.
600. Черных Е. Н. Культура номадов в мегаструктуре Евразийского мира. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – Т. 1. – 368 с.
601. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М., 1989. – 320 с.
602. Чеха В. П., Баранов А. Н. Эволюция долины Енисея в зоне сочленения Алтае-Саянской горной области, Средне-Сибирского плоскогорья и Западно-Сибирской равнины // Геоморфология гор и предгорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 316–319.
603. Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 192 с.
604. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Том. ун-т, 1984. – 256 с.
605. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Том. ун-т, 1991. – 184 с.
606. Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – Т. 1. – 340 с.
607. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А. Е. Гришин, О. И. Новикова, Н. С. Ефремова, М. А. Чемякина, Л. Н. Мыльникова, С. К. Васильев, Г. Беккер, Й. Фассбиндер, А. К. Манштейн, П. Г. Дядьков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с.
608. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. – Т. 2. – (Материалы по археологии Сибири). – 336 с.

609. Членова Н. Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Сиб. археолог. сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2. Древняя Сибирь. – С. 212–228.
610. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 299 с.
611. Членова Н. Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – С. 143–146.
612. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
613. Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.
614. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Наука, 1994. – 170 с.
615. Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М.: ИА РАН, 1997. – 98 с.
616. Членова Н. Л. След копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 1999. – С. 231–234.
617. Членова Н. Л. Добывали ли золото в восточно-сибирской тайге в скифскую эпоху? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. - № 1 (9). – С. 131-141.
618. Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Кн. 1. – С. 386–395.
619. Чугунов К. В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – С. 10–39.

620. Чугунов К. В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопросы синхронизации алды-бельской и тагарской культур // Археологический сборник. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – Вып. 37. – С. 68–92.
621. Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Ювелирные изделия из кургана Аржан–2. Вопросы происхождения комплекса // Ювелирное искусство и материальная культура: тез. докл. 12-го коллоквиума (3–10 апреля 2003 г.). – СПб., 2003. – С. 125–128.
622. Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 500 с.
623. Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 69–88.
624. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
625. Шергин Д. Л. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Заимка (Нижняя Ангара) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 293–298.
626. Ширин Ю. В. Поселения конца I тыс. н. э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины: сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 65–76.
627. Ширин Ю. В. Многослойное поселение Казанково–V // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 4. – С. 25–44.
628. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры) – Новокузнецк: Изд-во "Кузнецкая крепость", 2003. – 288 с.
629. Ширин Ю. В. Средневековые комплексы с желобчато-валиковой керамикой на юге Сибири // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее.

- Будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск: Краснояр. краев. краеведческий музей, 2004. – Ч. 1. – С. 182–189.
630. Ширин Ю. В. Таштыкское «влияние» в культурогенезе мерганальных районов Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – С. 104–107.
631. Ширин Ю. В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. – С. 145–148.
632. Шишелов Н. С. Луки, стрелы и колчаны северных атапасков. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://beaverlodge.wmsite.ru/etnografija/luki-strely-kolchany-severnyh-ataraskov/strely/> (дата обращения – 28.01.2017 г.)
633. Шнирельман В. А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов): препринт. – Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1993. – 40 с.
634. Шрамко Б. А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // Российская археология. – 1999. – № 3. – С. 134–137.
635. Щапова Ю. Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. – 192 с.
636. Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть–4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.
637. Шумилова Л. В. Схема ботанико-географического районирования Красноярского края // Вопросы географии Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – Сб. 4. – С. 159–170.
638. Щербаков Ю. А. Физико-географическое районирование // Красноярский край. – Красноярск: Кн. изд-во, 1962. – С. 62–76.
639. Эрдниев У. Э. Городище Маяк: науч.-попул. очерк. – Кемерово: Кн. изд-во, 1960. – 68 с.
640. Эрдэнэбаатар Д. К вопросу о погребальных обрядах населения плиточных могил // Культуры и памятники бронзового и раннего

- железного веков Забайкалья и Монголии: сб. ст. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 84–91.
641. Эртюков В. И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 153 с.
642. Яблонский Л. Г. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к 5 Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". – Краснодар, 2004. – С. 45–68.
643. Яковлев Я. А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Том. ун-т, 1991. – С. 115–142.
644. Ямских А. А. Особенности геологии и палеоэкологии Бобровской группы археологических памятников // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. РАЭСК XXXIV. – Барнаул: Алт. ун-т, 1994. – С. 5–7.
645. Ямских А. А. Полевой почвенный генетический анализ (на примере почв юга Средней Сибири): учеб. пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. – 110 с.
646. Ямских А. Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. – Красноярск: КГПИ, 1993. – 226 с.
647. Ямских А. Ф. Время формирования и возраст речных террас Приенисейской Сибири // Время и возраст рельефа. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 93–104.
648. Ямских А. Ф., Ямских А. А. Внутриконтинентальный долинный геоморфогенез и палеогидрологический режим рек (на примере перигляциального пояса Средней Сибири) // Современные проблемы географии и природопользования. – 2000. – № 2. – С. 5–19.
649. Gmelin I. G. Die Grosse nordische Expedition von 1733 bis 1743. – Leipzig: Kiepenheuen, 1990. – 1. Aufl.

650. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von den Jahr 1733 bis 1743. Tubengen, 1751–1752. – B. II.
651. Korobkova G. F., Mandryka P. V., Volkov P. V. Stone and ceramic tools from Ust-Shilka–2 hill-fort of early Iron period // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. – 2008 (1). – p. 70–76.
652. Makarov N. P. & Batashev M. S. Cultural origins of the taiga-dwelling peoples of the middle Yenisei // Languages and Prehistory of Central Siberia / Edited by Edward J. Vajda. Western Washington University: John Benjamins publishing company. – Amsterdam/Philadelphia, 2004. – p. 235–248.
653. Mandryka P. V. Early Iron Age Archaeology in Middle Siberia: The Relations Between Inhabitants of the Taiga and the Steppe // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2008 (2). – p. 261–269.
654. Mandryka P. V. Regional Archeological and Ethnographic Conference of Undergraduate and Postgraduate Students and Young Researchers in Krasnoyarsk // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. B. 8. №4. P. 554–560.
655. Mandryka P. V., Grenaderova A. V., Titova J. A., Lisyutina E. O. Phytolith Research of Shilka–12 and Zaostrovka–2 Archaeological Settlements on Middle Yenisey // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – № 8. – 2011 (4). – p. 1088–1099.
656. Mandryka P. V. and Senotrusova P. O. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. B. 2. № 3. P. 349–360.
657. Merhart G. Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926. – 189 ss.
658. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. V. 1. 379 s.
659. Senotrusova P. O. and Mandryka P. V. The Bronze Bipartite Buckles in the Materials of the Burial Site Prospikhino Shivera–IV in the Lower Angara River

- // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015.
B. 8. №4. P. 629–638.
660. Smolin A. A. and Mandryka. P. V. The Technique of Virtual Archaeological Reconstructions on the Example of a Medieval Fort in the Yenisei Taiga // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011.
B. 4. № 3. P. 393–399.

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭ КГУ (СФУ) – Археологическая экспедиция Красноярского государственного университета (с 2007 года Сибирского федерального университета)

БГНИИ при ИГУ – Биолого-географический научно-исследовательский институт при Иркутском государственном университете

БГУ – Бурятский государственный университет (г.Улан-Удэ)

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН

ВАК – Высшая аттестационная комиссия

ВДИ – Вестник древней истории

ВСОРГО – Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ)

ГАГУ - Горно-Алтайский государственный университет

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИН АН СССР – Геологический институт АН СССР

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ЕКМ – Енисейский краеведческий музей

ЗОРСА РАО – «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества»

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН (г.Новосибирск)

ИИМК – Институт истории материальной культуры (г.Санкт-Петербург)

ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КА ТГУ – Кабинет антропологии Томского государственного университета
КАЭ КГПИ – Комплексная археологическая экспедиция Красноярского государственного педагогического института
КГУ – Красноярский государственный университет
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева
КемГУ – Кемеровский государственный университет
ККМ – Красноярский краеведческий музей
КНИИГиМС – Красноярский научно-исследовательский институт геологии и минерального сырья.
КОРГО – Красноярское отделение Русского географического общества
КрасГАУ – Красноярский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнёва
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.: Наука
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.: Наука
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАП ИГУ – Лаборатория археологии и палеоэкологии Иркутского государственного университета
ЛАЭС ГИ СФУ – Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение
ЛФ ЦЭНДИСИ – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив
МАЭ – Материалы по антропологии и этнографии

МАЭЮС – Музей археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ
МВЦ – Музейно-выставочный центр
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ММ – Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАЭСК или РАСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РИО КГПУ – Редакционно-издательский отдел КГПУ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СВКНИИ ДВО РАН -
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии Наук
СФУ – Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
СЭ – Советская этнография
ТГПУ – Томский государственный педагогический университет
ТИЭ – Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТУСУР – Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
ЦДЮТиК – Центр детско-юношеского туризма и краеведения
ЧитГПИ – Читинский государственный педагогический институт